РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

IV Международный симпозиум

Сборник научных статей

ТОМ 1

Симферополь
Издательский дом КФУ
2020

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р 89

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (протокол № 2 от 12 февраля 2020 г.)

Рецензенты:
Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск);
Луиза Александровна Петрова, доктор филологических наук, профессор (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь).

Ответственные редакторы:
Г. Ю. Богданович, доктор филологических наук;
Е. Я. Титаренко, доктор филологических наук.

Редакционная коллегия:
Ачилова Е. Л., Гусейнова Р. Н., Валеева Л. В., Колесникова О. В., Регушевская И. А., Рудницкая Л. И., Сегал Н. А., Чепурина И. В., Шахова Е. М.

Р 89 **Русский язык в поликультурном мире** : сборник научных статей IV Международного симпозиума (9-11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – 506 с.

ISBN 978-5-9908084-0-9 (т.1)
ISBN 978-5-9908084-6-1

В сборнике представлены научные статьи участников IV Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (9-11 июня 2020, Республика Крым, г. Симферополь). В статьях поднимаются актуальные проблемы государственной языковой политики, роли русского языка в полилингвокультурной ситуации, вопросы этнопсихолингвистики и исследования регионального языкового сознания; анализируются лингвокреативные тенденции в сфере номинации, концепция междисциплинарности и функционирования русского языка в разных типах дискурсов. Авторы статей обсуждают вопросы политической, юридической, социо- и медиалингвистики, теории и практики лингводидактики, преподавания русской словесности в средней и высшей школе, лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-9908084-0-9 (т.1)
ISBN 978-5-9908084-6-1

© Авторы публикаций, 2020
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

Богданович Г.Ю. Факультет славянской филологии и журналистики в современном образовательном пространстве 9

Ященко Т.А. Крым в зеркале метафоры 21

Уфимцева Н.В. Русский языковой мир по материалам крымского регионального ассоциативного словаря 26

Титаренко Е.Я. Семантические гештальты *бюрократия* и *беспредел* в языковом сознании молодых крымчан 32

Гусейнова Р.Н. «Родина» и «Россия» в языковом сознании крымчан (по результатам экспериментального исследования) 39

Коновалова Е.А. Описание актуальной семантики слова на основе ассоциативного эксперимента (на примере слова *хозяин*) 45

Полянская А.Г. Человек и общество в языковом сознании жителей Крыма 51

Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. Представление о государстве и власти в Крыму и Европейской части России по «Русскому региональному ассоциативному словарю» 55

Дроздова С.А., Иванова Н.П. Крымский виноград как мифоконцепт ... 62

Стебунова А.Н. Концепт «свобода» в языковом сознании донецкой молодежи (на материале психолингвистического эксперимента) 69

Харламова М.А. Региональный корпус полиэтнической территории как источник лингвокультурологического изучения народной речи 72

РУССКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МИР И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Воробьев В.В. Русский язык и коммуникативная реальность современной России 78

Худоренко Е.А., Хромов С.С. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции 87

Агранат Т.Б., Додыхудоева Л.Р. Диглоссное распределение русского и других языков РФ как необходимый фактор сохранности последних 95

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

Богданович Г.Ю. Факультет славянской филологии и журналистики в современном образовательном пространстве 9

Ященко Т.А. Крым в зеркале метафоры 21

Уфимцева Н.В. Русский языковой мир по материалам крымского регионального ассоциативного словаря 26

Титаренко Е.Я. Семантические гештальты *бюрократия* и *беспредел* в языковом сознании молодых крымчан 32

Гусейнова Р.Н. «Родина» и «Россия» в языковом сознании крымчан (по результатам экспериментального исследования) 39

Коновалова Е.А. Описание актуальной семантики слова на основе ассоциативного эксперимента (на примере слова *хозяин*) 45

Полянская А.Г. Человек и общество в языковом сознании жителей Крыма 51

Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А. Представление о государстве и власти в Крыму и Европейской части России по «Русскому региональному ассоциативному словарю» 55

Дроздова С.А., Иванова Н.П. Крымский виноград как мифоконцепт ... 62

Стебунова А.Н. Концепт «свобода» в языковом сознании донецкой молодежи (на материале психолингвистического эксперимента) 69

Харламова М.А. Региональный корпус полиэтнической территории как источник лингвокультурологического изучения народной речи 72

РУССКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МИР И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Воробьев В.В. Русский язык и коммуникативная реальность современной России 78

Худоренко Е.А., Хромов С.С. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции 87

Агранат Т.Б., Додыхудоева Л.Р. Диглоссное распределение русского и других языков РФ как необходимый фактор сохранности последних 95

Турбина О.А., Вейнгарт О.С. Продвижение русского языка и Российского филологического образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: восточный вектор внешней языковой политики РФ 100

Иванчук И.А. Роль лексики «сниженного регистра» в официальной речи представителей полнофункционального типа речевой культуры России в контексте современной языковой политики (федеральный и региональный аспекты) 105

Маркова Е. М., Томаш Гмира Русский язык в Чехии и Словакии: статус, современная ситуация, проблемы и перспективы 111

Бекасова Е.Ю. Семантические трансформации русскоязычного образа мира в пространствах других языков 119

Сироткина Т.А. Русский язык в локальном измерении 124

Слизкова М.В. Филологическое общество «Русское слово» в аспекте популяризации русского языка..... 132

Морозова Л.Ю. Русский и английский языки на постсоветском пространстве 137

Савостьянова Л.В. Российская риторическая культура через призму музея..... 143

Чекалина Е.М. Интернациональная лексика русского и шведского языков в поликультурном пространстве 147

Нелюбова Н.Ю. Место семьи в иерархии ценностей и особенности ее восприятия носителями русского и французского языков (на паремиографическом материале и по данным анкетирования)..... 152

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Бурляй А.С. Языковая личность донецкого журналиста..... 159

Бушев А.Б. Риторика и герменевтика речи в континууме речевоздействующих практик 162

Воркачев С.Г. Сладкий яд: метафорика тщеславия в религиозном дискурсе 170

Гладко М.А. Лексическая репрезентация культурно-тематической доминанты «Наши» в медиадискурсе XXI века 175

Демешкина Т.А. Лексика как основа дискурсивного взаимодействия в русском языковом пространстве 181

Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н., Ястреб Н.А. Storytelling как практика производства и трансляции знания о локальной речевой культуре..... 187

Ермоленко О.В. «Индивидуально-авторское мифотворчество»: к определению понятия..... 192

Иваненко Г.С. Функциональная грамотность: дискурсивная типология 196

Иванюк Н.И. Функционирование украинских пословиц в русском дискурсе СМИ..... 204

Исаева Л.А., Остапенко Е.Н. История изменения объёма понятия «реклама» в русской языковой картине мира (на материале словарей и публицистических текстов 1990–2000-х гг.) 209

Кабак М.А. Юридический текст как языковое явление 215

Каличкина Т.И. Ирония как способ манипуляции в политическом дискурсе..... 221

Кушнир О.Н. Образ политики в языковом сознании российской молодежи 225

Ломакина О.В., Макарова А.С. Библейские выражения в роли заголовков православных медиатекстов: источники, структура, тематическая доминанта 231

Мозговой В.И. Культура современных номинаций и проблемы права .237

Никитина Е.А. Медиастратегии регионального промышленного дискурса..... 244

*Пантелеева А.П. К*оммуникативно-прагматические функции парцелированных конструкций в политическом дискурсе..... 249

Попов С.А. Нормативные правовые акты федеральных и региональных органов государственной власти как источник топонимических исследований 253

Распопов А.А., Хромов С.С. Языковые и стилистические особенности современного спортивного дискурса (на материале публикаций «Новой газеты»)..... 258

Романова Т.В. Институциональный политический дискурс: лингвистический анализ 263

Сачкова Е.В. Метафора и символ в политическом дискурсе 270

Сегал Н.А., Мищенко А.Н. Семантико-прагматические особенности прецедентных антропонимов в русскоязычном медиадискурсе (на примере антропонима *Янус Двуликий*) 275

Сипливая Е.А. Языковые средства и приёмы речевой манипуляции информацией в вологодских Интернет-СМИ 282

Скнарев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламе лекарственных средств 287

Скорикова, Е.А. Орлов, Н.Н. Романова Социолингвистические параметры русской устной научной речи 292

Смеюха В.В. Проблемы современного языка в медиапространстве 299

Соболева И.А. О содержании понятия «родной язык» в современной социолингвистике 303

Чеботникова Т.А. Изменение значения слова в корпоративной культуре и повседневной речевой практике 308

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА
АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Бугаева И.В. Активные процессы в коммерческой номинации..... 312

Пономаренко И.Н., Багдасарян Т.О. Новое в языке города: реклама или эргоним 317

Ремчукова Е.Н. Рекламный слоган как разновидность рекламного текста: стандарт и лингвокреатив 321

Авдонина Л.П. Книжные инскрипты в едином пространстве информации и культуры..... 328

Белова В.М. Функционирование речевого акта оскорбления в рэп-батле: речевые стратегии и тактики..... 334

Боронкин П.А., Вакулова Е.Н. «Новая разговорность» как функционально-стилевая новинка последних лет 339

Буданова С.Г., Рябинина А.Г. Рекламные тексты-имитации как разновидность вторичных текстов 344

Герасименко И.А. Эргоурбанимикон современной Горловки сквозь призму экологии языка..... 350

Задонская Г.А. Город в дихотомическом единстве языка и архитектуры..... 355

Магерамова Ю.Ю. Неофициальные городские топонимы как часть регионолекта..... 360

АСПЕКТЫ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Глазунова О.И. Составные союзы в русском языке: принципы образования и употребления 366

Герасименко Н.А. Языковые средства выражения социального состояния лица 374

Теркулов В.И. Новые принципы описания аббревиатур в словарях сокращений 379

Чумак-Жунь И.И. Прецедентный феномен как метатеткстовый знак ... 387

Андрейченко О.И. Фразеоконцептосфера «труд» в аспекте когнитивного подхода 392

Арискина О.Л. Концепт «смирение» в письмах игумена Никона Воробьева 397

Балацкая Ю.Ю. Фазовая парадигматика фразеологизма *'Играть на струнах (на клавишах) души'* 403

Бровец А.И. Синхронная дешифровка сложносокращённых слов ... 408

Валеева Л.В. Собирательная семантика субстантивированных прилагательных в лексикографическом описании 412

Гранева И.Ю., Жуковская Л.И. Особенности нереферентного употребления русских местоимений 1 лица в контексте языкового выражения национального менталитета 419

Емельянова К.Ю. Семантика абброконструктов одной абброгруппы в сопоставительном рассмотрении 425

Ковалева В. А., Щербачук Л. Ф. Фразеологизмы библейского происхождения в интернет-дискурсе: функциональный аспект 430

Пляскина Е.И. Заимствования тематической группы «Лексика питания» в забайкальских говорах 436

Позднякова А.А. Морфологическая интерференция при русско-румынском / молдавском билингвизме 443

Рязанова В.А. Принципы типологии аббревиатурных групп 450

Стрельникова Н.Д. О некоторых динамических процессах в современном русском языке 455

Супрун В.И. Загадка восьмёрки: протеза в русском языке 461

Соснина Л.В. Ономасиологический подход к изучению бахуврихи ... 468

Тимченко А.Г. Вербализация противопоставления «коренные жители – некоренные / приезжие» как воплощение оппозиции «свой-чужой» в русских говорах Красноярского края 473

Тимофеев С.Е., Стародубец С.Н. Идеологизированные составные наименования с атрибутом *русский* в современном русском языке..... 479

Токарев Г.В., Чернева Н. Культурная маркированность семантики квазисимволов 484

Трубина О.Б. Антипословицы и псевдопословицы в жаргонном дискурсе 488

Уткина И.В. Одобрение в русской языковой картине мира 492

Щербачук Л.Ф. Слуховое восприятие в русской фразеологии: лингвопсихологический аспект 497

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г.Ю.Богданович
bgdnvch@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Факультет славянской филологии и журналистики – правопреемник филологического/историко-филологического − ведет свое начало от Таврического университета, основанного в 1918 г. Преобразование филологического факультета в факультет славянской филологии и журналистики (19 января 2005 г.) было ответом на вызов времени. В условиях современного информационного мира в Крыму нужно было создавать школу журналистики, причем именно на базе филологического факультета.

Прошедшие с тех пор 15 лет показали, что факультет успешно справился с этой задачей, став кузницей филологических и журналистских кадров для региона. Сегодня основу коллективов практически всех крымских средств массовой информации составляют именно выпускники факультета славянской филологии и журналистики. Одновременно факультет стал главным научным и экспертным центром, где изучаются как история крымской журналистики, так и современные процессы в информационном пространстве.

Стратегически верным было решение о создании журналистской школы в регионе не «с нуля», а именно на базе филологического факультета. В Крыму исторически сложилось так, что многие выпускники старого классического филологического факультета шли работать в средства массовой информации. При этом хорошее знание языка давало им несомненные конкурентные преимущества. А углубленное изучение русской литературы позволяло готовить не просто грамотных специалистов, но и патрио-

тов Крыма, история и культура которого неразрывно связаны с историей и культурой России.

В украинские годы факультет сыграл важнейшую роль сохранения в регионе русскоязычного образовательного, научного и медийного пространства, в подготовке специалистов в области русского языка и литературы, сохранении в регионе русской культуры. Добавлю лишь, что на нашем факультете – единственном среди вузов Украины – обучение велось на русском языке.

Многие преподаватели и выпускники факультета сыграли заметную роль в событиях Крымской весны 2014 года, завершившихся воссоединением полуострова с Россией.

Сегодня на факультете ведется подготовка бакалавров по направлениям: русский язык и литература, украинский язык и литература, перевод и переводоведение (славянские языки), журналистика. Профили подготовки магистров также актуальны для крымского региона: русский язык в современном мире; русская литература; методика преподавания русского языка и литературы; русский язык как иностранный; перевод и переводоведение (славянские языки); украинская филология в кросскультурном взаимодействии; медиапроизводство и коммуникативные технологии; печатная и интернет-журналистика; стратегические коммуникации и связи с общественностью; спортивная журналистика. Ведется подготовка аспирантов по следующим направлениям: русский язык, русская литература; славянские языки (украинский); литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература); литература народов стран зарубежья (украинская).

Образовательный процесс по утвержденным ОПОП осуществляют в основном преподаватели следующих кафедр: русского, славянского и общего языкознания; русской и зарубежной литературы; украинской филологии; межъязыковых коммуникаций и журналистики; методики преподавания филологических дисциплин.

Была обозначена миссия факультета славянской филологии и журналистики в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского – подготовка высококвалифицированных кадров по обозначенным специальностям путем консолидации интеллектуальных ресурсов с учетом коммуникативных потребно-

стей современного поликультурного общества для решения задач устойчивого развития Республики Крым.

Стратегическая цель – комплексное научное исследование проблемы компетенций в языке и коммуникации путем совершенствования научно-методической работы, модернизации журналистского образования на полуострове, развития у студентов специальности «журналистика» медианавыков, изучения лингвокультурной ситуации Крыма, воспитания креативной личности, способной к саморазвитию, творческому, исследовательскому подходу ко всем процессам и явлениям современности, обладающей активной жизненной позицией и соответствующей ментальностью в новых измерениях.

Из 63 преподавателей 51 чел. (81,1%) составляют преподаватели, имеющие степень доктора наук и кандидата наук.

Для подготовки высококвалифицированных кадров высшего звена на факультете работал Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций; с 2015 г. Совет работает по стандартам РФ. За 15 лет только сотрудниками факультета защищено 13 докторских и 47 кандидатских диссертаций, в т.ч. с 2014 года докторские диссертации защитили: Курьянов С.О.; Темненко Г.М. Кандидатские диссертации защитили: Регушевская И.А., Малярчук-Прошина У.О., Каширина М.М. (научный руководитель – Г.Ю.Богданович); Чабаненко Т.С. (научный руководитель – Е.И.Семиколенова); Аблаева А.Т. (научный руководитель – С.О.Курьянов); Багрий М.Г., Ташкинова Т.Н. и Кривенко О.В. (научный руководитель – Гуменюк В.И.). Русский мир пополнился кандидатами наук, выпускниками факультета У Хао (Китай), Сунь Юйминь (Китай), Ли Гуаньхуа (Китай), Ли Же (Китай), Яннис Георгиадис (Греция). С 2015 года получили звание «профессор» 3 чел., стали доцентами 15 чел.

В новом российском Крыму миссия факультета славянской филологии и журналистики заключается также в том, чтобы готовить филологов и журналистов, способных работать в сложных условиях обостряющегося противостояния между крупнейшими мировыми державами. При этом важнейшее значение, наряду с обучением профессиональному мастерству, имеет формирование будущих специалистов как патриотов Крыма и России. В современном информационном мире журналисты являются такими же

строителями нового российского Крыма, как строители Крымского моста или федеральной трассы «Таврида». В конечном итоге от качества их подготовки зависит наше будущее – будущее Крыма, а вместе с ним и России.

Одновременно факультет славянской филологии является крупной площадкой для обсуждения (и прокладывания) путей развития Крыма и России. От успешности развития Крыма в сложнейших условиях международных санкций в известной степени зависит успешность всей России. Это серьезнейший вызов, и молодежь обязательно должна участвовать в поисках ответов на него.

Бесценный крымский опыт многовекового мирного сосуществования представителей разных национальностей также нуждается в изучении, популяризации и тиражировании как важнейшая «технология мира» в современном нестабильном мире, главной угрозой для которого становится именно угроза национальной и религиозной нетерпимости, приводящая к росту числа террористических актов и локальных конфликтов. Распространение этого уникального крымского опыта также является частью миссии факультета славянской филологии и журналистики. Поэтому важным считаем активное участие в разнообразных общественных и научных мероприятиях, проводимых в Крыму на различных площадках, организованных Советом Федераций и Госсоветом Республики Крым, МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, ОРС и МГУ им.М.В.Ломоносова: Ливадийский форум (2017-2019 гг.), Олимпиада по русскому языку для школьников Крыма, Конкурс для школьников Крыма «Живое слово родного края» (Совет Федераций, МГУ). К этому следует добавить Симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» в рамках Фестиваля «Великое русское слово» (ежегодно, 2014-2019 гг.), проведение которого является честью для преподавателей факультета. Несомненно значимой является работа по составлению ассоциативного словаря Крыма (совместный проект отдела психолингвистики Института языкознания РАН и факультета славянской филологии и журналистики (Москва, 2018-2021).

Члены созданной доктором филологических наук, профессором Г.Ю.Богданович научной школы «Современные кросскультурные коммуникации и медиаконтент» проводят комплексное

научное исследование проблем текста и дискурса, компетенций в языке и коммуникации путем совершенствования научно-методической работы, модернизации журналистского образования на полуострове, развития у студентов медианавыков, изучения лингвокультурной ситуации Крыма и современных языковых процессов.

Имеется серьезный опыт международного сотрудничества: Международная образовательная обменная программа по русскому языку с Вилламетским университетом (США, штат Орегон). Основное содержание программы – включенное обучение русскому языку американских студентов в течение семестра. Разработан новый учебный курс «Русская цивилизация и культура» (программа завершена в 2014 году); Международный семинар русистов (ФРГ, г.Тиммендорфер Штранд). Международный проект ТАСИС-ВВС WorldServiceTrust «Развитие медианавыков» (Великобритания, 2005-2007 гг.); Международная программа «Russian HQ» – программа дистанционного обучения чтению на русском языке (Бохумский университет, Германия, 2005-2006 гг.); Международная образовательная обменная программа по русскому языку с Афинским университетом им. Каподистрии (Афины, Греция). Содержание программы: курсовое обучение русскому языку студентов Афинского университета, страноведческая практика и др.

Научно-методический центр полилингвального образования является преемником Научно-методического центра управления образованием НАН Украины и Таврического национального университета им.В.И.Вернадского. Для Крыма парадигма языкового образования, в которой русский язык служит консолидирующим фактором, приобретает особую значимость. Разрабатывались два направления: русский язык как иностранный, с одной стороны, и русский язык как язык межкультурной коммуникации в поликультурном пространстве полуострова.

Результатом работы первого направления стал региональный краеведческий комплекс, знакомящий иностранных учащихся с Крымом. Он включает такие взаимосвязанные части: учебное пособие «Знакомимся с Крымом: от древности до наших дней»; краткий лингвокраеведческий словарь «Полуостров Крым от А

до Я»; учебный видеокурс по лексике для начального этапа обучения «Крымский контекст: учим слова вместе».

Другим важным направлением в работе Центра стала лексикография. Это направление потребовало серьёзных теоретических исследований с последующим выходом в практическое описание. Важным для поликультурного Крыма лексикографическим проектом стал цикл русско-национальных учебных тематических словарей под общим названием «Шире круг». Открывает серию русско-украинско-крымскотатарский вариант словаря, языки которого выполняют важную функцию государственных языков Республики Крым. Базовая модель такого русско-национального учебного тематического словаря с учётом лингвокультурологического компонента обладает открытой структурой. Сам по себе жанр словаря подразумевает диалогичность, поскольку в каждом из вариантов возникает диалог двух культур: русской и крымскотатарской, русской и польской, русской и греческой, русской и немецкой и т.д. Эта база даёт крымским этносам реальную возможность познавать свой родной язык через посредство русского языка и сохранять свою культуру в поликультурном крымском социуме.

Такая широкая региональная лексикографическая практика позволяет внести свой существенный вклад в развитие сопоставительного лингвокультурологического направления.

Значимым в работе Центра стал также выход учебного пособия по речевому этикету – «Речевой этикет: русско-украинско-крымскотатарские соответствия». Продолжением работы в этом направлении является учебное пособие по речевому этикету, включающее русско-греческие соответствия.

Особо следует отметить ежегодные научные мероприятия, в т.ч. для учителей: Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире» (2007 - 2016 гг. – научно-практическая конференция; с 2017 - 2019 г. – симпозиум); Форум русистов Украины (ежегодно, 2000-2013 гг.); Международный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (ежегодно, 2001-2019 гг.); «Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций» (ежегодно, 2008-2019 гг.); Международная научная конференция «Межкультурные коммуникации» (ежегодно, 2002 – 2014 гг., с 2015 г. по н. вр.

– «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении»); «Семантика и прагматика языковых единиц» (2010-2019 гг.); Научно-практическая конференция «Творчество Леси Украинки и других писателей и деятелей искусства новейшей эпохи в контексте тенденций драматизации и театрализации художественного процесса» (ежегодно, 2002-2019 гг.); Научно-практическая конференция «Драма как феномен литературы и театра»; Международный форум по прикладной когнитивистике *КроссЛингва*; Международный научный симпозиум RETRO; «Русская словесность: теория и школьная практика» (2005-2019 гг.); «Инновационные технологии в преподавании русского языка и литературы» (2013-2019гг.); «Теория и технология иноязычного образования» (2005-2014 гг.); «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков» (2007-2018 гг.); Всероссийская научная конференция «Традиционный и современный фольклор: взгляд из XXI века» (2016-2019 гг.); Международные Крымские Михайловские ономастические чтения (ежегодно, 2017-2019гг.); Региональная научно-практическая конференция «В.И. Даль в современном мире» (ежегодно, 2017-2019гг.); Всероссийская научная конференция «Феномен сверхтекста: вопросы теории и методологии» (ежегодно, 2017-2019гг.); Научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Кирилло-Мефодиевские чтения» (2014-2019 гг.); Научный региональный межвузовский семинар «Фразеологическая картина мира»; Крымские Петуховские научные чтения (с 2018 г.) и др. Межфакультетский студенческий научный кружок *КрымЛингва* «Лингвистические технологии цифровой эпохи: социально-гуманитарные эффекты» ориентирован на современные преобразования научного пространства.

В новом научно-образовательном пространстве продолжает издаваться научный журнал из списка ВАК «Ученые записки Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского. Филологические науки», а также следующие издания: Международные Крымские Михайловские ономастические чтения: материалы конференции, «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур»: VI Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2018 г.); «Истоки крымской лингвистической школы (К 100-летию образования кафедры русского

языка и Таврического университета)» : в 2-х ч. (2018); Материалы VII Международного кроссдисциплинарного форума [Электронный ресурс]- 2018; «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников международной научной конференции»; «Русский язык в поликультурном мире»: II Международный симпозиум (2018, 2019гг.), кн.1, 2; «Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность»: Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей (2018); «Межкультурные коммуникации»: сборник студенческих научных работ факультета славянской филологии и журналистики ТА КФУ (2015-2019).

Ученые-лингвисты с 2014 г. опубликовали 30 монографий, среди которых особо хочется отметить такие: «Современная картина мира: крымский контекст (коллективная монография). Кн.1 (2017); «Современная картина мира: крымский контекст» (коллективная монография). Кн.2 (2018); «Драма як феномен літератури і театру» (коллективная монография). Книга 1 (2018); Е.В. Петухов (1863–1948): материалы к биографии / Составитель, автор предисловия, публикатор Л.М. Борисова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 308 с. – 17, 91 п. л. (Борисова, Зябрева, Орехова и др.); среди авторов монографии: Скороходько Ю.С., Сегал Н.А., Богданович Г.Ю., Остапенко И.В., Кобзев Н.А., Курьянова В.В., Курьянов С.О., Егорова Л.Г., А.В.Петров, М.А.Новикова, В.И.Гуменюк, В.В.Орехов, О.Н.Гуменюк, Титаренко Е.Я., Ященко Т.А., Александрова И.В.

Интересными представляются разнообразные учебные пособия, среди которых необходимо выделить такие: Всеволодова М.В., Ященко Т**.А.** Причинно-следственные отношения в современном русском языке. 2-е издание. Москва : "ЛКИ", 2008. – 210с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Орфография по правилам: Учебное пособие для студентов, абитуриентов и учащихся средних школ. – Симферополь, 2005. – 80с.; Богданович Г.Ю., Сапожникова Э.М. Популярно о пунктуации: пособие для студентов-филологов и всех желающих повысить свою грамотность. – Симферополь, 2005. – 52с.; Дикарева С.С., Дроздова С.А. Лингвистика и информатика. Электронная лаборатория филолога. – Симферополь: ТНУ им. В.И.Вернадского, 2005. – 66с.; Сапожни-

кова Э.М. Богданович Г.Ю. Готовимся к тестированию по русскому языку. Учебное пособие. – Симферополь, 2006. – 143с. ; Сапожникова Э.М. Богданович Г.Ю.Русский язык. 5, 6, 7, 8, 9, 10-11 класс. Учебное пособие. – Симферополь, 2006-2011; Дикарева С.С., Дроздова С.А. Лингвистика и информатика. Избранные темы прикладной лингвистики. Вып. 1. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2007. – 41 с. ; Сапожникова Э.М. (в соавторстве с Г.Ю.Богданович). Методика работы над языковым материалом по русскому языку в 5 – 9 классах основной школы с русским языком обучения: Симферополь, 2009. – 129 с.; Колтухова И.М. Классика и современная литература: почитаем и подумаем вместе : Учебно-методическое пособие /И.М.Колтухова. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – 152 с. ; Богданович Г.Ю., Балашова И.Г., Новикова Т.Ю. Знакомимся с Крымом: от древности до наших дней: учебное пособие.– Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019.– 236 с.; Г.Ю.Богданович, И.Г.Балашова, И.А.Георгиадис, Н.Х.Керасиди, Т.Ю.Новикова. Речевой этикет: русско-греческие соответствия: учебное пособие / Г.Ю.Богданович, И.Г.Балашова, И.А.Георгиадис, Н.Х.Керасиди, Т.Ю.Новикова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2019. – 136 с.; Дроздова С.А., Иванова Н.П. Художественный текст в практике преподавания РКИ (на материале рассказов А.П. Чехова) : учебно-методическое пособие для иностранных студентов продвинутого этапа обучения / С.А. Дроздова, Н.П. Иванова. – Симферополь, 2013. – 60 с.; Богданович Г.Ю., Новикова Т.Ю., Балашова И.Г., Буц Н.В., Селендили Л.С., Девлетов Р.Р. Речевой этикет: русско-украинско-крымскотатарские соответствия : учебное пособие. – Київ: Педагогічна думка, 2012 – 200 с.; Богданович Г.Ю., Рудницкая Л.И. Русский язык и культура речи: учебное пособие/ Г.Ю.Богданович, Л.И.Рудницкая. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – 284 с.; Русский язык. Практикум по орфографии и пунктуации: учебное пособие / Г.Ю.Богданович, Н.Н.Ничик, А.В.Петров, С.Г.Чернобривец. – Симферополь: АРИАЛ, 2017. – 256 с.; Новикова М.А Украинская поэзия барокко XVII-XVIII веков: переводы, комментарии, исторический контекст: учебное пособие / науч. ред. и предисл. С.О. Курьянова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 204 с.; Остапенко И.В. Введение в литературоведение: учебное пособие по направлению подготовки 45.03.01

«Филология». Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 132 с.; Остапенко И.В. Картина мира автора в лирике: учебное пособие по направлению подготовки 45.04.01 «Филология» (русский язык и литература). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 236 с.; Остапенко И.В. Художественный мир поэта в литературоведческой рецепции: учебное пособие по направлению подготовки 45.03.01 «Филология» (русский язык и литература). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 208 с.; Левицкая Н.Е. История зарубежной литературы 17-19 в. (практический курс): учебно-методическое пособие. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2019.- 75 с.; Левицкая Н.Е. История зарубежной литературы 17-19 в. (лекционный курс): учебно-методическое пособие. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – 85 с.; Курьянова В.В. История русской литературы (древнерусская литература) / В. В. Курьянова. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». – Симферополь, 2018. – 80 с. ; Курьянов С.О. Крымский текст в русской литературе / С.О. Курьянов, В.В. Курьянова; ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». – Симферополь, 2018. – 112 с. и др.

В научном мире сегодня значимость приобретают научные статьи, опубликованные в статусных журналах под грифом WOS и Scopus, в которых появились материалы преподавателей факультета (Егорова Л.Г., Сегал Н.А., Курьянова В.В., Колесникова О.В., Минчик С.С., Коновалова Е.А., Неелова О.И., Мартынюк А.Я., Богданович Г.Ю. и др.).

Вместе с тем, на факультете ведется стабильная подготовка студентов, которые показывают определенные результаты на различных российских конкурсах, олимпиадах, конференциях. Среди достижений – призовые места на открытом Всероссийском конкурсе студенческих работ в области связей с общественностью, рекламы и медийных технологий «Хрустальный Апельсин» (2016-2019 гг., научный руководитель – Кондратская В.Л.); Всероссийский конкурс журналистских работ «Вызовы XXI века» в номинации «Политика и экономика» (К.Сапрыкина); Всероссийский Студенческий конкурс ТЭФИ (2017-2019 гг.); Всероссийская олимпиада по русскому языку как иностранному (РУДН, Москва); Журналист года (2017- 2019 гг.) Крыма; особой

популярностью пользуется проект академической и научной мобильности студентов факультета (2017-2020 гг.).

Важным для научно-исследовательской деятельности можно считать выполнение работ по выигранным грантам: РГНФ (Проект № 15-34-10-100) «Крымский миф в русской культуре первой половины 19 века» (2015-2017) – Орехова Л.А., Первых Д.К., Орехов В.В.; РФФИ (18-012-20047) «Проект организации "VI Международная научно-практическая конференция «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур»"» (Титаренко Е.Я., Орехов В.В.), 2018; РФФИ (18-012-90036) «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы» на проведение научных исследований. Совместно с Ярославским ГУ, Капустина С.; РФФИ (19-012-00295/19) "Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)" Научный руководитель – д.ф.н., профессор Н.В.Уфимцева (зав. сектором психолингвистики ИЯ РАН, г.Москва); научно-исследовательский проект «Русский лингвокультурологический словарь» (поддержан РФФИ). Руководитель проекта – Забашта Р. В.; МОН РФ «Разработка и апробация программы возрождения отечественной традиции детского чтения в единой парадигме обучения, воспитания и развития» (2017) – Богданович Г.Ю., Сегал Н.А.; а также Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации. Культура письменной речи и правила оформления служебных документов / Сост. А. Г. Шилина, О. А. Субботина. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 50 с.

Преподаватели факультета выиграли проекты Программы развития КФУ им.В.И.Вернадского, которые позволили значительно расширить и улучшить материально-техническую базу структурного подразделения Таврической академии: Проект «СОП_РУС» (Богданович Г.Ю., Сегал Н.А.); Проект «Сетевая магистратура по русской литературе» (Курьянов С.О.); Лаборатория по изучению сверхтекста в рамках работы НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций» (научное направление)- Курьянов С.О.; Лаборатория когнитивных и стратегических коммуникаций в рамках НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций» (Егорова Л.Г.); Проект «Создание лаборатории медиакоммуникаций»

(Богданович Г.Ю., Сегал Н.А.); проект ВГ20/2018 «Особенности формирования образов России и Крыма в русскоязычных СМИ (на материале текстов 2008-2018 гг.)» (Сегал Н.А.).

Поддерживая работу по формированию духовности и ментальности русского народа, преподаватели факультета ежегодно проводят различные конкурсы, олимпиады: «Стратегии-2020 глазами молодого журналиста»; Крымский региональный этап Всероссийской олимпиады школьников по литературе; Крымский региональный этап Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку; вузовская Олимпиада для абитуриентов по русскому язык и литературе, украинскому языку и литературе, журналистике; Олимпиада для школьников по русскому языку и литературе с Омским ГУ; Олимпиады по русскому языку для иностранных студентов, обучающихся в ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И.Вернадского»; Конкурс на лучший перевод поэзии среди обучающейся молодежи «Varietasdelectat» («Разнообразие доставляет удовольствие»).

Успешность образовательной деятельности во многом определяется успешностью выпускников факультета славянской филологии и журналистики, среди которых Иоффе Г.А., Бахарев К.В., Лаврик В.В., Шитова М., Жукова А., Петрова Е., Сапрыкина К., Ишанкулов В.; профессора факультета Борисова Л.М., Новикова М.А., Иванова Н.П., Александрова ИА, Ященко Т.А., Богданович Г.Ю., Яблоновская Н.В., Шилина А.Г., Титаренко Е.Я., Орехова Л.А., Орехов В.В., Петров А.В., Курьянов С.О. и др. Выпускники работают во всех известных медиа Крыма (ТВ, радио, информагентства, газеты и др.), в образовательных и государственных учреждениях Республики Крым.

Преподаватели факультета активно выступают на различных медиаплощадках полуострова и России.

Таким образом, факультет славянской филологии и журналистики – успешный, стабильный, развивающийся, перспективный факультет с большим потенциалом, хорошей материально-технической базой и квалифицированным преподавательским составом. Имеет политическое и стратегическое значение для Крыма. Выпускники востребованы и активно работают в различных структурах Крыма и России.

Сегодня «Российская газета» приоритетными направлениями подготовки у Минобрнауки РФ на 2020 год объявила здравоохранение, IT сферу, культуру и искусство, педагогику, ракетно-космическую сферу и филологию. А значит, педагогический коллектив опять на передовой, отражает современные вызовы нового времени.

КРЫМ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРЫ

Т.А. Ященко
t-yashchenko@yandex.ru
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(*Симферополь)*

В нашей работе метафора анализируется не только как ресурс художественного дискурса, но и как способ мышления и познания действительности, то есть с позиций когнитивной лингвистики (Н.Д.Арутюнова, Н.Н. Болдырев, И.М.Кобозева, Е.С. Кубрякова, А.П.Чудинов и др.). Термины «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» употребляются как синонимы на том основании, что концептуальная метафора понимается как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания [5, с.3 – 10; 3, с.358 – 386]. Представляется, что в этом направлении весьма перспективными могут оказаться лингвистические исследования диахронного плана, опирающиеся на сравнительный анализ крымских текстов разных эпох [6].

Материалом настоящей статьи послужили «Очерки Крыма» Е.Л. Маркова [4], что объясняется следующими причинами: 1) незаурядностью личности автора и, соответственно, оригинальностью его индивидуальной концептосферы; 2) органичным сочетанием публицистического и художественного дискурса в его произведении; 3) глубиной осмысления феноменальности Крыма и представлением перспектив его развития, не утратившими актуальность в реалиях современной жизни.

Евгений Львович Марков (1835 – 1903 гг.), потомственный дворянин, кандидат естественных наук, художник, путешественник, талантливый педагог, директор Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму с 1866г. по1870г. В 1870 г. оставляет службу и покидает Крым. В 70-ые годы активно занимается

литературным творчеством и земской деятельностью. В 1879 г. приезжает в Крым на короткое время. Первое издание «Очерков Крыма» (1873 г.) вышло в Санкт-Петербурге в самом известном тогда издательстве В.О.Вольфа и включало уникальный экземпляр, в который были вклеены 32 подлинных рисунка автора [2].

По словам Е.Л.Маркова, художник в Крыму находит богатейший материал и такие эффекты освещения и перспективы, каких нигде не найти. Картины крымской природы автор неоднократно сравнивает со страницами альбома: *Развертываются, чаруя воспоминаниями, волнуя надеждами, как листки чудного, вечно нового альбома, красоты крымских долин и предгорий, потом красоты крымских лесов и гор* …[4, с.464].

Особое видение мира Е.Л.Марковым – художником проявляется в характерных для его стиля метафорических описаниях освещения и колорита различных уголков Крыма. В Алупке, на скале-балконе, под навесом рдеющего винограда, он видит проникающий туда «волшебный зелено-золотой свет», на основе которого выстраивается поэтическая атрибутивная метафора *зеленое золото*, а затем – генетивная метафора *сеть зеленого золота*: *Этим* ***зеленым золотом*** *все теперь, кажется, наполнено в нашем безмолвном висячем приюте (….) густые клумбы прекрасных розовых гортензий роскошно разрастаются у ног фонтанов, освежаемые их брызгами, заслоненные от солнечного зноя этою дрожащею* ***сетью зеленого золота*** [4, с. 367 - 368].

Один и тот же объект в авторском «метафорическом зеркале» может иметь разные отражения. Для стиля Е.Л.Маркова характерно значительное преобладание индивидуально-авторских метафор над общепоэтическими. В этом плане весьма выразительными и разнообразными представляются метафорические образы кипариса, дерева, связанного прежде всего с Южным берегом Крыма. При его описании, наряду с характерными для поэтической речи бинарными метафорами, объединяющими в генетивное сочетание имена сопоставляемых по форме объектов (*стройные конусы кипариса*, *черная пирамида кипариса*), широко используются индивидуально – авторские концептуальные метафоры. Они отчасти основываются на архетипическом восприятии кипариса как дерева кладбищ*: Южные народы, особенно мохамедане, давно* ***сделали кипарис деревом кладбищ****, и, действительно, клад-*

бище не могло себе избрать лучшего сторожа [4, с.144]. Это исходное восприятие «дерева кладбищ», с «могильной наружностью», дополняется авторским видением его как дерева чужой, другой культуры, с присущими ей аксиологическими особенностями: *Кипарис – это какое-то* ***мохамеданское дерево****. Его траурные, почти черные ветви* ***с терпением и покорностью фатализма*** *ощетиниваются в тесно скрученные, геометрически правильные метелочки*…. [4., с.143]. Как видим, при описании кипариса доминирует соответствующая цветовая гамма (*траурные, почти черные ветви*). Визуальное восприятие дополняется одоральным: его орешки «пахнут не то гробом, не то ладаном» [4, с.143]. Мрачное впечатление подкрепляется авторским «утроенным» оксюмороном: *Более* ***безжизненной жизни****, более* ***неподвижного движения*** *и* ***менее зеленой зелени*** *нельзя найти* [4, с.144]. Неоднократно повторяется метафорическое сравнение кипарисов с монахами: *траурная толпа иноков, одетых с головы до пят в свои темные ризы* [4, с. 361].

В то же время мы находим в ближайшем текстовом окружении и чисто ботаническое объяснение доминирования черного цвета: *Любопытно из близи рассмотреть черную пирамиду кипариса. Она внутри почти совсем пуста; но зато по окружности почти непроницаема: так плотно сближаются между собой ветки, веточки и хвоя*… [4, с. 144].

Е.Л. Марков как художник обычно видит изображаемый объект включенным в определенное окружение, и, по его словам, кипарис может быть «удивительно как хорош» в определенном пейзаже, когда на его фоне резко выделяется «веселая зелень» виноградников. Антитеза кипариса и виноградника становится основой развития метафорического сценария молодости, идущей на смену старости: … *эти юношески-свежие, кудрявые и хмельные виноградники, которые буйными толпами растут и теснятся кругом – беззаботное* ***подрастающее поколение вокруг мертвецов*** [4, с. 144].

В восприятии Е.Л. Маркова Крымский полуостров, в частности местность у подножия горы Кастель, где он жил в имении М. Славич (Сосногоровой), – сакральное место, напоминающее о Библейских временах, о Синайской пустыне. Кстати, метафорические номинации *пустынька*, *скит* обычны при описании его

жилища. Всегда внимательный и как ботаник, и как художник к окружающей растительности, писатель передает свои впечатления, прибегая к когнитивным ассоциативным метафорам, основанным на ощущениях запаха (одоральная метафора): ***Вся растительность*** *– растительность пустыни –* ***пахнет Палестиною*** и **Синаем** [4., с.158]. Здесь же используется и вегетативная метафора терна, связанная с символикой Священной истории (терновый венец как символ страданий Христа): *Смолистые теребинты, сухие венки тамариска, неизбежное: «держи-дерево, на котором больше иголок, чем листьев, и которые многие считают за те самые* ***тернии, из которых был сплетен венец Христа*** … [4, с. 158].

Как показал анализ текста, сакральные метафоры неоднократно используются автором для выражения общей идеи сакральной сущности крымской земли. Так, свое впечатление от вида с перевала на море и Алуштинскую долину Е.Л.Марков передает посредством сакральной ассоциативной метафоры, основанной на восприятии внезапности и особой торжественности события: *все выше и выше, до того подоблачного перевала, где вдруг разом* ***словно распахивается завеса алтаря****, опущенная на* ***таинственное святилище****, и у ваших ног открывается, в неизмеримом охвате, вся торжествующая красота южного моря, с обставившими его великанами гор* [4, с. 464].

Особенность своего восприятия Южного берега Крыма, которым он считает местность от Байдар до Алупки, от мыса Ласпи до мыса Ай-Тодор, Е.Л. Марков выражает посредством трансформации известной метафоры: *Екатерина II назвала Крым* ***жемчужиной своей короны****, но она видела только издали, с высоты утеса, тот волшебный уголок, который можно назвать* ***жемчужиной самого Крыма*** [4, с.313]. Думается, что в данном случае правомерно отметить авторскую трансформацию прецедентного феномена, в понимании которого мы опираемся на исследования Б.Д.Гудкова [1].

Необычность впечатлений от Южного берега транслируется метафорами с общей семой *'нереальность' (*или *'иная реальность'): плен нового мира, обольстительный и невероятный сон, мнимое сновидение, волшебные декорации* [4, с.313-314]. Для описания чувств человека, покинувшего Крым, используется ме-

тафорическое прецедентное высказывание «потерянный рай»: *…когда волшебные декорации остаются вдали от тебя,* ***душа твоя томится по них, как по потерянному раю***…[4, с.314]. Тоска людей, покинувших Крым, вызывает ассоциации с событиями «Ветхого Завета»: *они, как евреи на реках вавилонских, «сидяху и плакаху., егда помянути им Сиона»* [4, с.314]. Очевидно, что когнитивные сакральные метафоры, восходящие к прецедентным феноменам, обусловлены авторской индивидуальной концептосферой.

Одна из метафорических моделей произведения Е.Л. Маркова, манифестирующая принципиально важную для автора идею целительного воздействия Крыма, и прежде всего Южного берега, на физическое и душевное здоровье человека – это «Крым – природный источник жизненных сил». Море представляется как удивительная природная сфера, источник жизненных сил: *его* ***жизненная сила*** *так велика, что овладевает нами вопреки нашему недугу и становится перед нами всем своим чарующим* ***живьем*** [4., с.150]; по отношению к морю используется архетипический образ «живой воды». Предвидя то время, когда Южный берег обратится «в одну сплошную дачу русских столиц», Е.Л.Крымов пишет о великосветской женщине, которая «захочет разогнать угар бессонных ночей и фальшивого одушевления ***целебным соком крымского винограда и живою водою крымского моря*** [4, с.315].

Автор «Очерков», видя перспективу края в развитии виноделия, что позволит отказаться от заграничных вин, использует метонимический образ: *Россия напоит себя одним своим Крымом* [4, с.470].

Источником здоровой, счастливой жизни является сам воздух Крыма, что находит отражение в конструкции с корреляционной связью, в которой глагол *дышать* выступает и в прямом, и в метафорическом значении: *Кто* ***дышит Крымом****, тот дышит радостью жизни*, *поэзии*, *долголетием* [4, с.486].

Литература

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., Гнозис., 2003. – 288 с.

2. Коньков П.В. «Очерки Крыма» в век информационных технологий // Предисловие к книге Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издательский дом «Стилос», 2009. – С. 3-6.

3. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 323

4. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – К.: Издательский дом «Стилос», 2009. – 512 с.

5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке / Б.А.Серебреников. – М.: Наука, 1988. – С. 173 – 202.

6. Ященко Т.А. Хроноцентризм как ядерный признак крымского краеведческого дискурса // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн.2. / Андреева Л.Ю., Ачилова Е.Л., Ачилова В.П., Богданович Г.Ю. и др. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 98-122.

РУССКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МИР ПО МАТЕРИАЛАМ КРЫМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ[1]

Н. В. Уфимцева
nufimtseva@yandex.ru
ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

Картина мира как объект научного исследования имеет давнюю историю и рассматривается в разных научных дисциплинах. В лингвистике исследователь имеет дело с языковой картиной мира. В этом случае, как правило, анализируются либо ключевые концепты культуры [9], либо делаются попытки реконструкции целостной языковой картины мира, когда лексика рассматривается как система (см., например, [8]).

В Московской психолингвистической школе языковая картина мира понимается как инвариантный образ мира, свойственный той или иной культуре и зафиксированный вербально. Признается, что инвариантный образ мира соотносится со значениями как социальными образованиями. В противовес лингвистическому пониманию проблемы, единицей сознания признается предмет-

[1] Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

ное, а не вербальное значение. Для ее (картины мира) реконструкции используется свободный ассоциативный эксперимент с большим числом испытуемых – носителей того или иного языка/культуры [1; 3]. При этом ассоциативное поле каждого слова-стимула можно рассматривать как семантический гештальт (Ю.Н. Караулов), в котором выделяются отдельные семантические зоны, по-разному наполняющиеся в зависимости от языка/культуры. Психолингвист-исследователь исходит из того, что образ мира носителя любого языка/культуры системен, и эта системность в разных культурах не совпадает, соответственно, не совпадает и системность стоящих за словами-эквивалентами знаний.

Изучение значения как знания, связанного со словом, предполагает, что значения образуют определенную систему (структуру), и свойства конкретного значения можно понять только исходя из его связей с остальными членами системы. И здесь очень уместным оказывается использование понятия, введенного еще Ф. де Соссюром, а именно понятия значимости, которое, по его мнению, создается только социальной жизнью, т. е. коллективным опытом носителей языка/культуры [2]. Следовательно, каждое слово, рассматриваемое как член определенной структуры (системы), имеет не только значение, т. е. знания, которые стоят за этим словом в опыте носителя языка/культуры, но и значимость, т. е. свой «вес» в системе в целом.

Именно изучение взаимосвязи значения и значимости слова в обыденном сознании носителя языка/культуры находится в центре внимания нашего исследования.

Цель исследования – показать, как влияет регион проживания на содержание сознания носителя русского языка/культуры и на системность сознания. В качестве региона для исследования была выбрана Республика Крым, а полученные данные сравнивались с результатами аналогичных экспериментов с жителями Европейской части РФ и жителями Сибири и Дальнего Востока.

В исследовании использовался метод массового свободного ассоциативного эксперимента. В качестве респондентов были привлечены студенты различных вузов Крыма в возрасте от 17 до 25 лет, мужчины и женщины в равной пропорции, постоянные жители Крыма, прожившие в нем не менее 10 лет к моменту опроса. В качестве слов-стимулов был взят список из 1000 слов,

использованных при сборе материала для создания Русского регионального ассоциативного словаря [4; 6]. Эксперимент проводился в письменной форме, каждый респондент получал анкету, содержавшую 100 слов-стимулов из исходного списка. По материалам эксперимента создана электронная база данных, которая легла в основу проделанного анализа.

В нашем эксперименте в Крыму мы, как уже указывалось выше, преследовали цель выявить особенности языковой картины мира молодого поколения крымчан, поскольку Крым вошел в состав РФ только в 2014 году. Сравнение полученных экспериментальных данных проводилось с данными двух выпусков Русского регионального ассоциативного словаря: СИБАС [6] и ЕВРАС [5].

Таблица 1. Ядро языкового сознания

КрымАС (2017–2019)			**ЕВРАС (2008–2011)**			**СИБАС (2008–2011)**		
Ранг	**Ассоциат**	**Количество вызвавших стимулов**	**Ранг**	**Ассоциат**	**Количество вызвавших стимулов**	**Ранг**	**Ассоциат**	**Количество вызвавших стимулов**
1	человек	429	1	человек	436	1	человек	450
2	жизнь	352	2	жизнь	354	2	жизнь	345
3	дом	341	3	дом	349	3	дом	335
4	мир	251	4	плохо	269	4	деньги	263
5	деньги	227	5	хорошо	264	5	хорошо	261
6,5	друг	224	6	нет	257	6	плохо	260
6,5	нет	224	7	деньги	249	7	друг	253
8	я	220	8	мир	240	8	нет	235
9	любовь	205	9	друг	236	9	мир	232
10	время	184	10	я	215	10	я	230
11	сила	183	11	радость	200	11	время	199
12	работа	179	12	работа	192	12	работа	194
13	плохо	178	13	сила	186	13	любовь	193
14	счастье	169	14	любовь	184	14	сила	189
15	боль	165	15	время	181	15	радость	179
16,5	день	162	16	мужчина	175	16	мужчина	174
16,5	люди	162	17	счастье	172	17	смерть	169
18	человека	160	18	ребенок	169	18	есть	168
19	ребенок	155	19	большой	168	19,5	зло	161

20,5	парень	153	20	день	164	19,5	ребенок	161
20,5	радость	153	21	смерть	163	21	день	159
22	хорошо	147	22,5	много	161	22	много	155
23	мужчина	144	22,5	зло	161	23	человека	154
24,5	страх	142	25	человека	158	24	город	150
24,5	город	142	25	город	158	25	счастье	149
26	смерть	140	25	хороший	158	26	большой	147
27	путь	137	27	есть	157	28	хороший	146
28,5	ум	133	28	свет	156	28	люди	146
28,5	всегда	133	29,5	парень	154	28	дело	146
30	жизни	125	29,5	всегда	154	30,5	всегда	144
31	есть	124	31	предмет	153	30,5	ум	144
32	зло	123	32	дело	152	32	предмет	143
33	семья	121	33,5	отдых	147	33	страх	141
34	свет	119	33,5	умный	147	34	жизни	139
35	труд	118	35	ум	144	35	путь	137
36	большой	115	36	жизни	143	36	боль	136
37,5	умный	112	37	страх	142	37	машина	134
37,5	свобода	112	38	люди	141	39	ум	130
39,5	предмет	111	39	взгляд	139	39	взгляд	130
39,5	кот	111	40	боль	135	39	парень	130
41,5	жить	110	41	характер	133	41,5	разговор	129
41,5	выбор	110	42,5	поступок	127	41,5	характер	129
43,5	дома	109	42,5	дурак	127	42,5	учеба	126
43,5	характер	109	44	ужас	125	42,5	отдых	126
45	отдых	108	46	быстро	124	44	свет	125
46	еда	107	46	ответ	124	45	быстро	124
47	власть	106	46	да	124	46	ответ	122
48	сон	105	48	машина	123	47	враг	120
49,5	машина	104	49	путь	122	48	успех	118
49,5	мой	104	50,5	разговор	121	49,5	все	117
51,5	дело	103	50,5	учеба	121	49,5	жить	117
51,5	людей	103	52	труд	119	51	лес	115

53,5	быстро	101	53	стол	116	52,5	дорога	114
53,5	хороший	101	54,5	мой	115	52,5	труд	114
56	вода	98	54,5	лес	115	54,5	дурак	112
56	мама	98	57,5	враг	114	54,5	дома	112
56	душа	98	57,5	дорога	114	57	мой	111
59	море	97	57,5	народ	114	57	стол	111
59	помощь	97	57,5	народ	114	57	вода	111
59	красота	97	60	студент	113	59,5	мужик	109
61,6	добрый	96	61	всё	112	59,5	фильм	109
61,5	успех	96	63	краси-вый	111	61	урок	108
64,5	фильм	95	63	маль-чик	111	61	плохой	108
64,5	дорога	95	63	добрый	111	61	девуш-ка	108
64,5	добро	95	65	власть	109	65	помощь	107
64,5	учеба	95	66,5	вопрос	108	65	вещь	107
67	много	94	66,5	долг	108	65	ужас	107
68,5	мальчик	92	68	урок	107	67,5	сон	106
68,5	взгляд	92	69	боль-шая	99	67,5	вопрос	106
70	ложь	91	70	свобода	111	70	свобода	105
71,5	телефон	90	71	долго	100	70	краси-вый	105
71,5	краси-вый	90	72	девуш-ка	114	70	долго	105
73,5	лес	89	73	помощь	102	73	красота	104
73,5	посту-пок	89	74	силь-ный	99	73	власть	104
75,5	страна	88	75	движе-ние	102	73	долг	104
75,5	сильный	88				75	боль-шая	102

Как мы видим из Таблицы 1, отличается системность ассоциативных полей респондентов, живущих в Крыму и в других регионах РФ, т. е. значимость понятий, входящих в ядро языкового сознания. Стабильной остается значимость первых трех единиц – это **человек, жизнь** и **дом.** Можно также отметить рост значимости **я** в языковом сознании молодых крымчан, оно переместилось на 8 место в ядре языкового сознания (в ЕВРАС и СИБАС – оно на 10 месте). Повысилась у крымчан значимость **мира** (ранг 4) (в

ЕВРАСЕ – ранг 8, в СИБАСЕ – 9). Несколько повысилась у крымчан значимость **друга,** а вот **работа** у всех трех групп испытуемых занимает 12 позицию в ядре**.** Очень интересно изменилась значимость оценок **хорошо** и **плохо**. У респондентов ЕВРАСа ранг 4 у **плохо** и 5 у **хорошо, в** СИБАСе – ранг 5 у **хорошо** и 6 у **плохо,** а у крымчан **плохо** имеет ранг 13, а **хорошо** 22.

Разработанные исследователями Московской психолингвистической школы представления об ассоциативно-вербальной сети как модели языковой картины профанного носителя языка/культуры позволяют исследовать влияние различных факторов на содержание и структуру (системность) различных ее составляющих. В числе этих факторов для носителей русского языка/культуры оказывается регион проживания (территориальный фактор).

Литература

1. Рудакова А. В., Стернин И. А. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. – С. 194–208.

2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка по ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

3. Уфимцева Н. В., Балясникова О. В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. том 18, № 1. – С. 6-22. Режим доступа: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1

4. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь ЕВРАС. Т. I. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. – 650 с.

5. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь ЕВРАС. Т. 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 688 с.

6. Шапошникова И.В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС. Т. I. От стимула к реакции. − М.: Московская международная академия, 2014. - 537 с.

7. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС. Т. 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2014. – 763 с.

8. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

9. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words : English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York ; Oxford : Oxford univ. press. 1997.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГЕШТАЛЬТЫ *БЮРОКРАТИЯ* И *БЕСПРЕДЕЛ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ КРЫМЧАН[2]

Е. Я. Титаренко
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)

Изучением языковой картины мира жителей Республики Крым ученые факультета славянской филологии и журналистики КФУ имени В. И. Вернадского под руководством профессора Г. Ю. Богданович занимаются давно и плодотворно (см. [4]). С 2017 года факультет проводит массовый ассоциативный эксперимент по изучению языкового сознания молодых крымчан – студентов. Эксперимент проводится по методике, разработанной Московской школой психолингвистики в Институте языкознания РАН [1; 2; 6]. Сотрудничество с сектором этнопсихолингвистики ИЯ РАН, возглавляемым профессором Н. В. Уфимцевой, вывело наши исследования на новый этап.

В рамках симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» регулярно проводятся заседания Круглого стола на тему «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания» (см. [3]). Материалы эксперимента представлены в электронной базе данных (на момент написания статьи обработано более 3000 анкет). С целью анализа образов сознания носителей русского языка создается семантический гештальт слова-стимула по методу Ю. Н. Караулова, включающий семантические зоны (субъект, объект, характеристика, локус, время и др.) и субзоны (см. описание в [1]).

В статье рассмотрены реакции на два слова-стимула: **бюрократия** и **беспредел**. Особенности регионального языкового сознания крымчан выявляются в результате сопоставления с семантическими гештальтами этих же стимулов, созданных по материалам «Русского регионального ассоциативного словаря» [5; 7]. В одном из словарей содержатся данные ассоциативного экспери-

[2]Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

мента, проведенного в Европейской части России [5] (далее ЕВРАС), в другом – Сибири и Дальнего Востока [7] (далее СИБАС).

В семантическом гештальте учитываем все неединичные реакции (т.е. два и более ответа на слово-стимул), количество опрашиваемых в каждом регионе различно (в СИБАС и ЕВРАС – более 5000, в Крыму – свыше 3000), поэтому сравниваем не абсолютные величины, а процентное соотношение ассоциатов.

Рассмотрим ассоциативный гештальт стимула **бюрократия** по данным эксперимента в Крыму (см. Таблицу 1):

Таблица 1

Семантическая зона	**Семантическая субзона**	**Реакции**	**% в семантическом гештальте**
СУБЪЕКТ	человек коллектив	чиновник / чиновники, правительство, аристократия	13,2%
ОБЪЕКТ	причина сфера атрибуты антиценность	деньги, власть, режим, управление политика, жизнь, история бумага/ бумаги, документы, взятки /взятка коррупция, ложь, обман	52,3%
ХАРАКТЕРИСТИКА	положительная отрицательная нейтральная	- плохо, зло сложно	10,2%
ДЕЙСТВИЕ	действие состояние	процветает, надоела нет	7,2%
ЛОКУС		Россия, государство, страна / в стране /страны, везде	9,6%

В данном гештальте СУБЪЕКТ представлен ассоциатами *чиновник / чиновники, правительство, аристократия.* В этой зоне у крымчан нет даже единичных слов-реакций ***буржуй (буржуи, буржуазия), аппарат, коммуняки, уроды*** (как в ЕВРАС, где зона СУБЪЕКТ составляет 24,3%), из личностей упоминается ***Брежнев*** и ***Жириновский.*** Сибиряки, кроме ***Ельцина,*** упомянули ***Горбачева***, жители Европейской части – ***Маяковского, Кафку*** и ***Николая I.***

Зона ОБЪЕКТ представлена такими общими для всех регионов ассоциатами, как ***политика, власть, деньги, бумага (бумаги, бумажки), взятка (взятки), коррупция, обман, ложь***. Общими для ЕВРАС и СИБАС являются реакции ***волокита, справки*** – этих слов у крымчан нет даже в числе единичных реакций. В

восприятии жителей других регионов **бюрократия** вызывает ассоциат ***демократия*** (3,3% СИБАС, 1,9% ЕВРАС), однако в Крыму такая реакция всего одна. Зона ХАРАКТЕРИСТИКА содержит ассоциаты ***зло*** и ***плохо*** во всех трех регионах, положительную характеристику ***хорошо*** (0,7%) **бюрократия** получила только в СИБАС.

В зоне ЛОКУС в данном гештальте у жителей всех регионов прогнозируемо содержатся реакции ***Россия (в России), страна (страны, в стране), государство, везде***. Неожиданной (для молодых людей) является реакция ***СССР*** (в СИБАС – 6, в ЕВРАС – 1, в Крыму – 0). В зоне ДЕЙСТВИЕ у крымчан ассоциация ***процветает*** составила 3,9%, в СИБАС всего 1%, в ЕВРАС 0%.

Региональные особенности языкового сознания проявляются в сравнении наиболее частотных реакций (см. Таблицу 2).

Таблица 2

СИБАС	**ЕВРАС**	**КРЫМ**
политика 13,3%	политика 8,4%	деньги 13,4%
власть 6%	чиновники 7,1%	власть, политика 8,4%
бумага 5,6%	бумаги 5,6%	чиновник 7,8 %
чиновник 5%	власть 5%	зло, плохо 4,5%
бумаги 4,7%	бумага 4,7%	Россия, бумага, процветает 3,9%
деньги 4%	деньги, плохо 4%	бумаги, государство, страна, чиновники 3,6%
чиновники 3,7%	взятки, Россия, чиновник 3,7%	

Как видим, у крымчан наиболее частотной на стимул **бюрократия** является реакция ***деньги*** (13,4%), на втором месте – ***власть*** и ***политика*** (8,4%). В ЕВРАС и СИБАС на первом месте – ассоциат ***политика*** (8,4% и 13,3%), ***деньги*** в этих регионах получили по 4 % и занимают 6-е место в списке частотных ассоциатов. Однако если объединить разные формы одного слова-реакции, например: *чиновник / чиновники / чиновников, бумага / бумаги* и др., картина, как нам представляется, будет более объективной (см. Таблицу 3).

Таблица 3

СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
политика 13,3%	чиновники/ чиновник/ чиновников **11,4 %**	деньги 13,4%
бумага/бумаги **10,3 %**	бумага / бумаги **10,3**	чиновник/чиновники 11**,4%**
чиновник /чиновники 8,7%	политика 8,4%	власть, политика 8,4%
власть 6%	власть 5%	бумага / бумаги 7**,5%**
взятки/взятка 4,4%	взятки /взятка 4,9%	страна/в стране/страны 6,4%
деньги 4%	страна/в стране/страны 4,6%	зло, плохо 4,5%
страна / в стране / страны, демократия, Россия 3,3%	деньги, плохо 4%	Россия, процветает 3,9%
	Россия 3,7%	государство 3,6%
	коррупция 3,4%	взятка/взятки 3,3%

Здесь слово-реакция ***чиновник*** занимает 1 место в ЕВРАС (11,4%), 2-е место в Крыму (тоже 11,4%), 3-е место в СИБАС (8,7%). В число частотных реакций входят формы слов-реакций ***страна*** и ***взятка.*** Таким образом, в региональном языковом сознании жителей Сибири и Дальнего Востока **бюрократия** ассоциируется в первую очередь с ***политикой***, в Европейской части – с ***чиновниками***, в Крыму – с ***деньгами***. Кроме того, **бюрократия** ассоциируется с большим количеством ***бумаг, с властью, взятками, Россией***, а в Сибири также с ***демократией***. Характеристика ***плохо*** по отношению к **бюрократии** занимает значительное место в языковом сознании крымчан (4,5%), жителей Европейской части (4%), Сибири (2,3%), но только там появляется также положительная оценка ***хорошо*** (0,7%). В число частотных реакций у крымчан вошли ***зло***, ***процветает***, ***государство***.

Ассоциативный гештальт слова-стимула **беспредел,** по данным эксперимента в Крыму, состоит из следующих зон и субзон (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Семантическая зона	**Семантическая субзона**	**Реакции**	**% в семантическом гешальте**
СУБЪЕКТ	человек коллектив	бандит, хулиган полиция, власти, люди	7,6%
ОБЪЕКТ	причина, следствие оценка сфера синонимы антонимы	нарушение, наказание, шум, закон, несправедливость, преступление, ругань хаос, анархия, бардак, разбой, беззаконие, бунт, драка, раздор ужас, безобразие политика, жизнь беспорядок, непорядок, непослушание, порядок	52,7 %
ХАРАКТЕРИСТИКА	положит. отрицат. нейтральн.	- ментовский полный, полицейский	7, 2%
ДЕЙСТВИЕ	действие	творить, наказать	2,5%
ЛОКУС		в голове, в стране, на улице / на улицах / улица, вокруг, мир / мире, повсюду, Украина, в городе, в государстве / государство, в доме, в комнате, в работе, везде, на дороге, тюрьма	27%
ВРЕМЯ		90-е, всегда	2,5%

В семантической зоне СУБЪЕКТ общими для всех трех регионов реакциями оказались ***бандит*** и ***власти***. Для крымчан стимул **беспредел** в этой зоне ассоциируется также с ***полицией, хулиганом*** и ***людьми***. В зоне ОБЪЕКТ общими реакциями для всех регионов являются: ***хаос, анархия, драка, закон, беззаконие, бардак, разбой, беспорядок, непорядок, нарушение, ужас***. Для крымчан антонимом **беспредела** является ***порядок***, для Сибири и Европейской части – ***предел***.

Общая ХАРАКТЕРИСТИКА стимула **беспредел** у жителей всех регионов – ***полный*** (в СИБАС также ***полнейший***). Положительной характеристики нет, только отрицательная и нейтральная: у крымчан – ***ментовский*** и ***полицейский***; в ЕВРАС – ***воровской, жесткий***, ***большой, плохо***, ***кошмар, зло*** и др.; в СИБАС – ***кошмар*** и ***жесть***. Зона ДЕЙСТВИЕ представлена глаголом

творить, вероятно, эту реакцию можно считать устойчивым словосочетанием (*творить беспредел*) и отнести в зону ФЕ, то же, по-видимому, можно сказать о реакции ***полный*** (*полный беспредел*).

Большую долю в семантическом гештальте **беспредел** занимает зона ЛОКУС, особенно в Крыму (27%. Ср.: СИБАС – 21,4%, ЕВРАС – 19,5%). Общими реакциями для всех регионов являются ***везде, в стране, вокруг, в городе, на дороге, тюрьма***. Реакция ***Россия*** встречается в ЕВРАС (1,4%) и СИБАС (1,2%), в Крыму такой реакции нет, ее место занимает ассоциат ***Украина*** (1,5%). Ассоциаты, которые вошли в зону ЛОКУС в Крыму: ***государство /в государстве, в голове, мир, в комнате, в доме, в работе***. Только у студентов Сибири встречаются ассоциаты ***зона, в общежитии***.

Зона ВРЕМЯ не представлена в семантическом гештальте **беспредел** в ЕВРАС. У крымчан и жителей Сибири и Дальнего Востока эту зону занимают ассоциаты ***90-е, всегда*** (Крым) и ***90-е, 90-е годы, 91 год, девяностые, ночь*** (СИБАС).

Наиболее частотными реакциями во всех трех регионах являются ***хаос*** и ***полный***. С учетом разных словоформ одного слова-реакции к ним добавляются ***на улице/ на улицах/ улица/ улицы,*** а также ***беспорядок, ужас, анархия*** (см. Таблицу 5).

Таблица 5

СИБАС	ЕВРАС	КРЫМ
хаос 15,2%	хаос 16,3%	хаос 14,9%
на улице /на улицах / улицы / улица 7,9%	полный 9,4%	на улице/на улицах /улица 5,2%
полный 7,6%	на улице/на улицах / улица 7,2%	анархия, беспорядок, полный 4,1%
драка 4,3%	беспорядок 4,7%	нарушение, полиция 3,1%
беспорядок 3,6%	ужас 3,9%	наказание, ужас 2,6%
анархия, ужас 3%	анархия, везде 3.3%	
	драка 2,8%	

Таким образом, стимул **беспредел** в языковом сознании русских молодых людей чаще всего вызывает реакции ***хаос*** и ***полный ужас***, который ***творится*** в основном ***на улицах, на дорогах, в стране (государстве), в тюрьме***. ***Творит*** этот **беспредел** ***бандит*** (***бандиты, банда***), ***власть***, в том числе ***полиция (милиция***), а также ***гопник(-ки)***, ***мафия, хулиганы*** и ***подростки***. **Беспредел** проявляется в ***драках, беспорядке, анархии, нарушении***

закона, т. е. ***беззаконии***, противоположным понятием (антонимом) **беспредела** в сознании крымчан является ***порядок***, в других регионах – ***предел***. Во всех регионах отмечена ассоциация ***шум***.

По мнению крымчан, **беспредел** был в ***90-е*** и ***всегда***. Для жителей Сибири **беспредел** связан больше с 90-ми годами. В семантическом гештальте данного стимула нет положительных характеристик. Первой характеристикой является реакция ***полный***, потому что это клише (*полный беспредел*), оценкой – ***ужас*** (*ужасный беспредел*, т. е. ***большой, жесткий /жесть, кошмар***). Жители Крыма характеризуют **беспредел** как ***ментовский*** и ***полицейский.***

В заключение следует отметить, что изучение и сравнение семантических гештальтов слов-стимулов позволяет выявить как сходство, так и региональные различия образов сознания молодых людей, что отражает общую языковую картину мира русского народа.

Литература

1. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Чулкина Л. Н. Язык, культура и региональное языковое сознание // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. – С. 232–250.

2. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.

3. Русский язык в поликультурном мире: сб. научн. статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019) / отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. Симферополь, 2019. – 452 с.

4. Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. / под ред. Г. Ю. Богданович. Кн.1. Симферополь, 2017. – 384 с.; Кн. 2. Симферополь, 2018. – 336 с.

5. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т.1. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. – 544 с.

6. Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Разумкова А. В, Степанова А. А. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния. Коллективная монография / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.– Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.

7. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

«РОДИНА» И «РОССИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРЫМЧАН (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[3]

Р.Н. Гусейнова
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Неразрывность сознания и языка, выступающего средством общения и орудием мышления, позволяет проанализировать состояние языкового сознания, выраженного в языковом значении. За системой этих значений стоит субъективный образ объективного мира, содержащий общечеловеческие и культурно-языковые знания индивида, описать которые можно через их словесные репрезентации [1, с. 232–251]. Такое описание отражает результаты исследований ассоциативно-вербальных сетей, направленных на выявление прямых и обратных связей словоупотреблений. Полученный таким образом языковой тезаурус носителя языка и является его языковым сознанием.

Подобное языковое исследование проводится в Крыму (социальная группа – студент, возраст – от 17 до 26, время проживания в Крыму – не менее 10 лет, национальность и родной язык – русский). По уже имеющимся материалам выстраиваются семантические гештальты для каждого слова-стимула, которые включают в себя следующие зоны и субзоны: *Субъект* (номинации, названия общностей, мифических персонажей и животных *человек, люди, кикимора, голубь*); *Объект* (неодушевленное, конкретное и абстрактное – *флаг, оружие*); *Характеристика* (положительное, отрицательное и нейтральное описание слова-стимула – *великая, плохая, большая*); *Действие* и *состояние* (название действий как слова-стимула, так и состояний, связанных с ним – *воевать, спокойствие*); *Локус* (название территориального объекта, социального образования, физического тела и т.п., имеющего конкретные либо абстрактные границы – *Крым, семья, планета*); *Эго* (местоимения – *я, мой*); Время (любая форма протекания физических процессов – *год, навсегда, скоро);* ФЕ (устойчивые словосочетания – *Российская* (империя), *обетованная* (земля).

[3]Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Предметом исследования данной статьи является рассмотрение гештальтов двух слов-стимулов – *родина* и *Россия*. Проанализированные данные позволят провести кросс-культурные и кросс-исторические сравнения языкового сознания крымчан, родившихся не в России, с жителями остальных регионов РФ. Для выявления различий в языковом сознании промежуточные данные крымского эксперимента будут сопоставлены с результатами ЕВРАС [4] и СИБАС [5].

По степени частотности использованных реакций во всех словарных базах совпало распределение пяти зон: Локус, ФЕ, ЭГО, Объект, Субъект. Проанализируем последовательно каждую из них.

ЗОНА	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
ЛОКУС	36,9%	36,3%	29,6%
ФЕ	35,9%	33,5%	29,5%
ЭГО	10,7%	10,6%	11,8%
ОБЪЕКТ	8,8%	8,0%	8,3%
СУБЪЕКТ	2,8%	4,4%	2,2%

Зона «Локус» представлена наибольшим количеством ассоциатов, часть из которых – топонимы: *Москва, Россия, Русь, РФ, СССР* (ЕВРАС); *Казахстан, Россия* (СИБАС); *Крым*, *Россия*, *Украина* (крымская выборка). Количество использованных реакций позволяет предположить, что историческое сознание у жителей европейских регионов РФ шире, чем в азиатских и в Крыму, ставшем субъектом РФ относительно недавно.

Все три словарные базы объединяет один топоним – *Россия,* и если в ЕВРАС и СИБАС процент частотности приблизительно одинаковый (20,5%, 24,0%), то в Крыму он значительно ниже (7,8%). Однако процент двух других топонимов, использованных крымскими реципиентами, еще ниже (*Крым* – 6,5%, *Украина* – 1,3%). Казалось бы, с родиной должно ассоциироваться место рождения либо место постоянного проживания. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова «РОДИНА, -ы, ж. 1. Отечество, родная страна… 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н. …» [2, с. 124]. Однако характеристикам данного определения не соответствуют реакции части молодых крымчан, назвавших своей родиной Россию, а не Украину, в которой они

либо родились, либо прожили бóльшую часть своей жизни (7,8% против 1,3%). Иными словами, в языковом сознании личностное восприятие Украины как «своего пространства» довольно быстро было замещено Россией.

Отметим, что без учета топонимов принципиальных различий в содержании зоны Локус не обнаружено. Опрошенные всех регионов ассоциируют себя как с огромным пространством территории России (*страна, держава, государство*), так и с локальным (*семья, дом, край, место)*.

Во второй по частотности использования зоне ФЕ всего четыре реакции. Крымская словарная база представлена одной из них – *мать,* являющейся частью фразеологизма, сформировавшегося в советскую эпоху. В ЕВРАС и СИБАС, помимо этой реакции, присутствует еще один советизм – *мать зовет.* Как известно, лозунг «Родина-мать зовет!» появился в СССР в конце июня 1941 года.

Кроме того, в ЕВРАС использован ассоциат *малая*. К образу *малой родины* как месту рождения и взросления часто обращались деятели советской культуры (В. Шукшин «Слово о малой родине»). В СИБАС данная зона представлена еще одним ассоциатом – *уродина.* Скорее всего, ассоциация возникла под влиянием песни рок-группы «ДДТ» «Еду я на родину» (1989 год). Как видим, все ассоциаты, вошедшие в зону ФЕ, советского происхождения.

Третья по частотности использования реакций зона включает в себя всего три местоимения: *моя, наша* (ЕВРАС), *моя, наша, свое* (СИБАС), *моя* (Крым).

Зона Объект включает в себя несколько семантических подгрупп, реакции в которых обозначают чувства. Если *любовь и патриотизм* являются общими ассоциатами рассматриваемого гештальта во всех трех словарных базах, то *долг*, *гордость, радость* на данный момент не ассоциируются в Крыму с родиной. В то же время именно в крымской словарной базе процент частотности реакции *одна* выше, чем в ЕВРАС и СИБАС (1,6%, 0,4%, 0,6%), т.е. степень вовлеченности молодежи полуострова в «свое» российское пространство достаточно велика.

Общим для трех словарных баз является незначительное наполнение зоны Субъект (2,2%, 4,4%, 3,0%). Использованные ассоциаты: *мама, патриот* (все выборки)*, матушка, Сталин* (ЕВРАС) – свидетельствуют о персонификации родины в сознании опрошенных.

Отметим, что в данном гештальте совсем не представлены зона Время и субзона Отрицательная характеристика.

Ввиду того, что большая часть реципиентов-крымчан определила своей родиной Россию, представляется оправданным рассмотрение ассоциативного гештальта слова-стимула *Россия*.

Анализ семантических полей показал, что в рассматриваемом гештальте по степени частотности использованных реакций совпало распределение уже шести зон: Локус, Характеристика, ФЕ, Объект, Субъект, ЭГО.

ЗОНА	ЕВРАС	СИБАС	КРЫМ
ЛОКУС	74,5%	63,3%	60,8%
ХАРАКТЕРИСТИКА	11,3%	20,2%	16,9%
ФЕ	6,4%	8,4%	7,8%
ОБЪЕКТ	4,1%	6,6%	4,5%
СУБЪЕКТ	1,4%	2,7%	4,1%
ЭГО	0,4%	2,5%	2,7%

В зоне Локус высокий процент частотности во всех трех базах данных приходится на ассоциацию *страна* (33,3%, 27,8%, 34,2%). За ней следуют синонимы *родина* и *отечество* в ЕВРАС и СИБАС (20,4% и 29,3%) и *родина* в крымской выборке (13,4% – это больше, чем ассоциат *Россия* в гештальте-стимуле *родина*). Заключают первую тройку по частотности реакций два ассоциата-синонима – *держава* и *государство* (4,8%, 4,5%, 5,9% в совокупности).

Как видим, для части опрошенных в различных регионах РФ нет разницы между *государством* (РФ), институтом политической системы общества, и *страной* (Россия), отдельной географической территорией.

Как и в предыдущем гештальте, наибольшее количество топонимов в ЕВРАС (*Москва, РФ, Русь, США*), меньше в СИБАС (*Русь*) и Крыму *(Крым, Москва, Украина).* Часть реакций, на наш взгляд, следует толковать однозначно (*Москва, Крым* – это Россия), а часть – допускает двоякое толкование (*США, Украина* –

это либо единение, партнерство с Россией, либо противопоставление, противостояние России). Остальные реакции этой зоны идентичны гештальту слова-стимула *родина*.

В зоне Характеристика в СИБАС и в Крыму отсутствует отрицательное описание стимула.

Нейтральные же характеристики во всех трех источниках не ограничиваются физическими величинами (*большая, огромная).* На ряд ассоциаций данной зоны, скорее всего, повлияли политические процессы, проходившие в разные исторические периоды. Так, ассоциат *молодая* относится к либеральной идеологии, возникшей в России в 90-е годы: *«У нас богатая и древняя история, и мы по праву ею гордимся. И в то же время Россия – **молодая** страна. Напомню, что в наступающем году ей исполнится только двадцать лет. Для государства это не возраст …»* (из новогоднего поздравления президента Д.А. Медведева, 2011 год). Пример другой исторической реакции – *единая/едина*: *«Россия **единая**, великая и неделимая»* (Свод законов Российской империи; лозунг Белого движения во времена гражданской войны в России).

Положительные характеристики во всех словарных базах представлены реакциями *великая, священная*, в которых тоже содержится память об историческом событии (***Великая** Отечественная война; «**Священная** война»* – название песни периода ВОВ, ставшей гимном защитников).

Зона ФЕ представлена ассоциатами *мать* (мать-Россия) и *матушка* (Россия-матушка). Очевидна персонификация страны, получившая отражение в политической культуре еще в царские времена. Символ матери предполагал идею священного брака страны и правителя, основной обязанностью которого являлась ее защита [3, с. 193–198].

Зона Объект отображена атрибутами (*герб, флаг),* физическими величинами (*мощь, сила*), чувствами *(любовь*). В крымской базе нет ряда ассоциатов из ЕВРАС и СИБАС: *величие*, *вперед, гордость, патриотизм, федерация.*

В зоне Субъект единой для всех и единственной для Крыма является ассоциация *Путин*. Отсутствуют в крымских реакциях следующие ассоциаты: *дураки, Медведев, патриот, чемпион*.

Следует отметить, что реакции крымской словарной базы, отсутствующие в ЕВРАС и СИБАС, скорее всего, навеяны исто-

рическими событиями 2014 года: *мир* (Состояние), *навсегда* (Время), *могучая* (Характеристика положительная), *уехать* (Действие).

В зоне ЭГО процент частотности ассоциатов *наша* и *моя* в Крыму выше, чем в ЕВРАС и СИБАС (2,7% против 0,4% и 2,5%). Кроме того, в СИБАС, помимо притяжательных местоимений, присутствуют и личные (*я, мы*).

В заключение следует отметить, что в данных, закрепленных в ЕВРАС, СИБАС и крымской словарной базе, нет принципиальных различий, как количественных, так и содержательных. Проведенный анализ ассоциативных полей позволяет предположить, что в языковом сознании особое место занимает коллективная историческая память, во многом определяющая самоидентичность человека. Возможно, именно опосредованные знания об общем прошлом (что было не раз отражено в реакциях реципиентов, не проживавших в тот период) позволяют гражданам одной страны так быстро и органично ассимилироваться с гражданами другой.

Кроме того, анализ ассоциатов крымских реципиентов показывает, что сформированный у индивида образ мира своей культуры, отражаясь в его языковом сознании и характеризуясь определенной системностью, не всегда остается неизменным на протяжении длительного времени.

Литература

1. Балясникова, О. В., Уфимцева, Н. В., Черкасова, Г. А., Чулкина, Н. Л. Язык, культура и региональное языковое сознание // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика, 2018. Т. 22 №2. Москва. – 492 с.

2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.

3. Рябова, Т. Б. Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. – 245 с.

4. Уфимцева, Н. В., Черкасова, Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т.1. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. – 544 с.

5. Шапошникова, И. В., Романенко, А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

ОПИСАНИЕ АКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА НА ОСНОВЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *ХОЗЯИН*) [4]

Е.А. Коновалова
lkon55@list.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Лингвисты используют ассоциативный эксперимент в качестве метода описания динамики семантического развития слова [2, 3, 4, 5]. Мы продолжаем эту традицию и предлагаем использовать результаты ассоциативного эксперимента для описания актуализации и деактуализации лексического значения. Для решения этих задач использовали материалы ассоциативного опроса, проведённого в трех регионах России: европейской части, Сибири и Дальнего Востока, Республики Крым. Эти данные описаны в Русском региональном словаре-тезаурусе (ЕВРАС-1) [8], Русском региональном ассоциативном словаре (СИБАС) [9], Русском региональном ассоциативном словаре (КрымАС). Проведя анализ данных ассоциативных словарей, мы выявили реакции на слово-стимул *хозяин* и сопоставили их с данными лексикографических словарей. Сравнив, полученные данные, описали актуальную семантику, которая отражает языковое сознание носителя современного русского языка.

Следующие значения, выявленные в ходе ассоциативного эксперимента, совпали со значениями лексемы *хозяин*, зафиксированными толковыми словарями.

1) Первое значение слова «хозяин»: Тот, кому принадлежит что-л., кто владеет чем-л.; владелец, собственник. *Х. машины, дачи, квартиры. Рабочие стали хозяевами своей фабрики. Х. собаки нашёлся.* [1]

Это значение было проявлено во всех трех ассоциативных словарях.

ЕВРАС 1 — 177 (*хозяин дома — 95, хозяин собаки – 18, хозяин жизни —17, хозяин морей — 7, хозяин положения — 7, хозяин леса — 5, хозяин мира — 5, хозяин судьбы — 4, хозяин тайги — 4,*

[4] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

хозяин зверей — 3, хозяин таверны — 3, хозяин слова — 3, хозяин вселенной —2, хозяин квартиры — 2, хозяин машины — 2).

СИБАС – 123 (*хозяин дома — 62, хозяин собаки – 15, хозяин жизни — 14, хозяин тайги — 7, хозяин мира — 6, хозяин морей — 4, хозяин судьбы — 4, хозяин квартиры — 4, хозяин положения — 3, хозяин таверны — 2, хозяин фермы — 2*).

КрымАС – 74 (*хозяин дома — 29, хозяин жизни — 14, хозяин собаки – 12, хозяин слова — 5, хозяин квартиры — 3, хозяин положения — 3, хозяин животного — 2, хозяин магазина — 2, хозяин мира — 2, хозяин морей — 2*).

В трех словарях совпали сочетания *хозяин дома — 186* (ЕВРАС1 — 95, СИБАС – 62, КрымАС – 29), *хозяин собаки* — 45 (ЕВРАС1 - 18, СИБАС – 15, КрымАС – 12), *хозяин жизни* — 45 (ЕВРАС1 — 17, СИБАС – 14, КрымАС – 14), *хозяин морей* — 13 (ЕВРАС1 — 7, СИБАС – 4, КрымАС – 2), *хозяин положения* — 13 (ЕВРАС1 — 7, СИБАС — 3, КрымАС — 3), *хозяин мира* — 13 (ЕВРАС1 — 5, СИБАС – 6, КрымАС – 2), *хозяин квартиры* — 9 (ЕВРАС1 - 2, СИБАС – 4, КрымАС – 3).

Реакции совпали в двух словарях: *хозяин тайги* — 11 (ЕВРАС1 — 4, СИБАС – 7, КрымАС – 0), *хозяин судьбы* — 8 (ЕВРАС1 — 4, СИБАС – 4, КрымАС – 0), *хозяин слова* — 8 (ЕВРАС1 - 3, СИБАС – 0, КрымАС – 5), *хозяин таверны* — 5 (ЕВРАС1 — 3, СИБАС – 2, КрымАС – 0).

Сочетания, актуальные только для одного региона: европейская часть России (*хозяин леса* — 5, *хозяин зверей* — 3, *хозяин вселенной* — 2, *хозяин машины* — 2), Сибирь и Дальний Восток (*хозяин фермы* — 2), Крым (*хозяин животного* – 2, *хозяин магазина* – 2).

Часть сочетаний, которые совпадают с первым значением, отмеченным в толковом словаре, являются устойчивыми. Фразеологический словарь русского языка фиксирует два устойчивых выражения: *хозяин положения* и *хозяин своему слову*. В языковом сознании жителей трех регионов присутствуют оба сочетания: *хозяин положения — 13* (ЕВРАС1 - 7, СИБАС – 3, КрымАС – 3), *хозяин слова* — 8 (ЕВРАС1 - 3, СИБАС – 0, КрымАС – 5).

Нами выявлены устойчивые сочетания, не зафиксированные во фразеологических словарях, но проявившие себя во всех трех регионах: *хозяин жизни, хозяин мира, хозяин морей.*

2) Второе значение лексемы *хозяин*, отмеченное в толковом словаре: Лицо, пользующееся наёмным трудом, частный наниматель. *Между хозяином и домработницей возник конфликт. Х. нанимает и рассчитывает наёмных рабочих. Пойти к хозяину в чернорабочие* [1].

Это значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях. ЕВРАС1 — 37 (*владелец — 19, босс – 6, собственник — 3, директор — 3, мастер — 3, рабовладелец — 3*). СИБАС – 24 (*владелец — 12, босс – 5, собственник — 5, шеф — 2*). КрымАС – 3 (*владелец — 3*).

В трех словарях совпали лексемы *владелец* — 34 (ЕВРАС1 — 19, СИБАС – 12, КрымАС – 3).

Реакции совпали в двух словарях: *босс — 11* (ЕВРАС1 - 6, СИБАС – 5, КрымАС – 0), *собственник* — 8 (ЕВРАС1 - 3, СИБАС – 5, КрымАС – 0).

Слова, актуальные только для одного региона: европейская часть России (*директор* — 3, *мастер* — 3, *рабовладелец* — 2), Сибирь и Дальний Восток (шеф — 2).

3) Третье лексическое значение: *(обычно с опр.).* Тот, кто ведёт хозяйство, занимается хозяйственными делами. *Хороший, плохой х. В совхозе нет настоящего хозяина.* // Лицо, умеющее управлять хозяйством. *Сразу видно - х.! Наконец-то на фабрике появился х.* [1].

Это значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях: ЕВРАС1 — 2 (*хозяйка — 2*), СИБАС – 68 (*хозяин — 65, хозяйка – 3*), КрымАС – 2 (хозяин — *2*).

В трех словарях не совпала ни одна реакция. Лексемы повторяются в двух словарях: *хозяин* — 67 (ЕВРАС1 — 0, СИБАС – 65, КрымАС – 2), *хозяйка — 5* (ЕВРАС1 - 2, СИБАС – 3, КрымАС – 0). Лексем, актуальных только для одного региона, в этом значении нет.

4) Четвертое значение, отмеченное в толковом словаре: *Разг.* Глава семьи, дома (обычно о муже). *Х. семьи, дома. Первым за стол садился х. Где х.? - Картошку копает.* // Глава дома по отношению к гостям, посетителям. *Гостей встретил х. Радушный, хлебосольный х.* [1]

Это значение отмечено только в двух ассоциативных словарях: ЕВРАС1 — 2 (*муж — 2*), СИБАС – 2 (*папа — 2*), КрымАС – 0.

Совпадений реакций на основе этого лексического значения в словарях не зафиксировано. Слова, актуальные только для одного

региона: европейская часть России (*муж* — 2), Сибирь и Дальний Восток (папа — 2), КрымАС — 0.

5) Пятое значение лексемы *хозяин*: Тот, кто имеет власть распоряжаться кем-, чем-л. *Х. района, страны. Ведёт себя как х. Чувствовать себя хозяином своей судьбы. Х. (своему) слову* (о том, кто исполняет всё, что обещает). *Сам себе х.* (ни от кого не зависит) [1].

Это значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях. ЕВРАС1 — 80 (*барин — 66, начальник – 7, господин — 4, глава — 3*). СИБАС – 83 (*барин — 65, глава — 9, господин — 5, начальник – 4*). КрымАС – 58 (*барин — 45, глава — 7, господин —2, царь — 2, командир — 2*).

В трех словарях совпали лексемы: *барин* — 176 (ЕВРАС1 — 66, СИБАС – 65, КрымАС – 45), *глава* — 19 (ЕВРАС1 — 3, СИБАС – 9, КрымАС – 7), *господин* — 11 (ЕВРАС1 — 4, СИБАС – 5, КрымАС – 2).

Реакции совпали в двух словарях: *начальник* — 11 (ЕВРАС1 — 7, СИБАС – 4, КрымАС – 0). Слова, актуальные только для одного региона: Крым (*царь* — 2, *командир* — 2).

Частотность реакции *барин* (176) на слово–стимул *хозяин* мы можем объяснить актуальностью в языковом сознании носителя современного русского языка пословицы «*хозяин — барин*».

6) Шестое лексическое значение: *Разг.-сниж.* Употр. как обращение к взрослому мужчине. *Х., помоги машину вытащить. Далеко ли тут до озера, х.?* [1]

Это значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях: ЕВРАС1 — 2 (*мужик — 2*), СИБАС – 2 (*мужчина — 2*), КрымАС – 2 (*мужчина — 2*).

В трех словарях не совпала ни одна реакция. Лексемы повторяются в двух словарях: *мужчина* — 4 (ЕВРАС1 — 0, СИБАС – 2, КрымАС – 2). Лексемы, актуальные только для одного региона: европейская часть России (*мужик* — 2).

7) Седьмое значение: т*рад.-нар.* У суеверных людей: леший [1].

Только в словаре ЕВРАС есть сочетание *хозяин леса* (ЕВРАС1 — 5). Но данные ассоциативного эксперимента не всегда могут трактоваться однозначно. Что понимают под реакцией *хозяин леса* испытуемые: медведь или леший? *Хозяин тайги*

можно трактовать как *медведь*, название фильма или название повести. Для ответа на эти вопросы необходимо проводить дополнительные исследования.

Следующие лексические значения, зафиксированные в толковых словарях, не нашли своей реализации в ходе ассоциативного эксперимента:

1) *обычно мн.:* хозяева, -зяев. *Разг.* Тот, кто принимает в своём учреждении, на своих спортивных площадках и т.п. участников каких-л. мероприятий (конференций, соревнований и т.п.). *Выиграли матч хозяева поля. Хозяева конференции организовали банкет* [1];

2) *трад.-нар.* У суеверных людей: домовой. [1];

3) *биол.* Организм, в котором или на котором живёт паразит [1].

Таким образом, из девяти значений, описанных в толковом словаре, актуальными в ходе ассоциативного эксперимента оказались только семь значений: 1) тот, кому принадлежит что-л., кто владеет чем-л.; владелец, собственник; 2) лицо, пользующееся наёмным трудом, частный наниматель; 3) тот, кто ведёт хозяйство, занимается хозяйственными делами; 4) глава семьи, дома (обычно о муже); 5) тот, кто имеет власть распоряжаться кем-, чем-л.; 6) употр. как обращение к взрослому мужчине, 7) т*рад.-нар.* У суеверных людей: леший.

Исходя из полученных в ходе исследования данных, можем сделать следующие выводы. Ассоциативный эксперимент позволяет получить значительное количество ассоциаций, отражающих различные семантические признаки слов-стимулов. Ассоциативный эксперимент выявляет значения слова, присутствующие в языковом сознании носителя современного языка, которые могут как совпадать, так и не совпадать с лексикографическими значениями. Некоторые лексикографические значения, зафиксированные в лексикографических источниках, не нашли своего подтверждения в ходе исследования. Так, из девяти значений слова *хозяин* только семь оказались актуальными. Ассоциативный эксперимент позволяет описать устойчивые выражения, которые не зафиксированы в лексикографической практике.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. —СПб.: Норинт, 2014. — Текст: электронный // Грамота.ру : справочно-информационный портал. – Раздел сайта «Словари». – URL: http://gramota.ru/ (дата обращения: 10.03.2020).

2. Виноградова О.Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова / О.Е. Виноградова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Филология, 2013 – С. 66-73.

3. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. / И.А. Стернин, А.В.Рудакова — Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. — 192 с.

4. Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. М.: Изд-во РАН, 2010. — С. 57-63.

5. Стернин И.А., Шаламова Э.В. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в языковом сознании (слово машина в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) / И.А. Стернин, Э.В. Шаламова // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика, 2016. — № 2. — С. 69-74.

6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров — 3-е изд., испр. — Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.

7. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС-1 В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. — М.: Московский институт лингвистики, 2014. — 279 с.

8. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. — М.: Московский институт лингвистики, 2014. — 537 с.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА[5]

А.Г. Полянская
polyanskaya@iling-ran.ru
Институт языкознания РАН
(Москва)

В докладе представлены результаты анализа образа человека в языковом сознании крымских студентов. Делается акцент на выявление роли человека в обществе. В качестве материала используются данные массового ассоциативного эксперимента, проводимого на территории республики Крым, в сопоставлении с данными ЕВРАС. Для анализа отобраны стимулы *я, мы, человек, люди, гражданин, житель, личность, эгоист.* Первые 4 стимула связны с идентификацией и самоидентификацией человека, 5 и 6 – с привязкой к месту проживания, локусу, 6, 7 – личностными качествами.

Начнем с первого блока стимулов (*я, мы, человек, люди*). Субъектные реакции на стимул «я» отражают преимущественно социальную, профессиональную и гендерную самоидентификацию *(человек, личность, ты, девушка, студент, инженер и т. д.)* Реакции, отражающие национально-этническую самоидентификацию в числе частотных не выявлены. В обратном ассоциативном отражен несколько иной портрет самоидентификации крымчан. Так, открытость по отношению к окружающим *(общительный, великодушный, искренний, терпимый, добрый)* сочетается с нерезультативностью этой открытости и с трусливостью, несмелостью в общении *(неудачник, застенчивый, стеснительный, немногословный, одинокий).*

Все проанализированные частотные реакции на стимул «мы» являются нейтральными либо положительными, но они не отражают политическую принадлежность *(едины, сила 10; счастливы, мир, единство 2)* в отличие от данных в ЕВРАС *(Россия, Россияне),* что позволяет судить о менее выраженной политической

[5] Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

самоидентификации. Для жителей Крыма ценность семьи выше (3-я по частотности реакция по сравнению с 6-й в ЕВРАС).

Реакции на стимул «человек» семантически можно разделить на естественнонаучные, социальные, психологические, гендерные и прочие. В социальном аспекте человек представляется как *личность, индивид, индивидуум*, *гражданин* и часть *общества*. Однако реакции на стимул «люди» отражают двоякое отношение к окружающим. С одной стороны, частотны положительные и нейтральные характеристики *(общество, народ, разные, добрые, много, социум, вместе, все, граждане, единство, мир, общение, хорошие, доброта, человек, человечество)*, с другой – негативные и резко негативные *(толпа, злые, твари, изверги, мрази, нелюди, ненависть, эгоизм, зло).* Ср. с негативными реакциями в ЕВРАС: *толпа, злые, нелюди, стадо, жестокие, зло, плохо, свиньи.* Общей для ЕВРАС и для крымского эксперимента являются оппозиции добра и зла, личности и представителя серой массы. Различие проявляется в наличии более ярких негативных реакций в Крыму *(изверги, мрази, ненависть).*

Обратимся к реакциям на стимулы «гражданин» и «житель».

«Гражданин» представляется в первую очередь как житель определенной страны и/или обладатель гражданства определенной страны (*страна 26; страны 20; паспорт 7; государства, государство, своей страны 2),* обладающий юридическими правами *(закон 6; права, право 2).* Частотными являются упоминания России, Украины, США и Советского союза. Также частотной является реакция *мира*. Сравним с данными ЕВРАС (табл. 1.)

Как мы видим из таблицы, реакции в Крымском ассоциативном словаре представлены большей дифференциацией. Также более частотной является реакция *мира*. Этот факт, как и результаты анализа реакций на стимул «мы», позволяет предполагать, что жители Крыма только проходят этап политической самоидентификации.

Таблица 1.

Гражданин (национальный аспект)

Крымский ассоциативный словарь	ЕВРАС
РФ (суммарно 92 реакции), Украины (4), США (суммарно 4), СССР (2). Мира (16).	РФ (суммарно 183 реакции), СССР (суммарно 13 реакций) Мира (11).

«Житель» имеет более узкую локальную привязку: *города (71); город (28); местный (10); Крыма, Москвы (8); дом (7); села (6); деревни, дома (5); деревня (4); абориген, квартира, квартиры, мегаполиса (2).* Однако мы также выявляем значение «житель определенной страны» *(страны 12; гражданин, страна 7; России 5)* и «житель планеты» *(Земли, планеты 3; планета 2).*

Если сопоставить оценочные характеристики, гражданин представляется крымчанам *честным (5)*, а житель – *красивым (2)*. В ЕВРАС встречаются иные частотные характеристики. Так, гражданин – *законопослушный, порядочный, свободный 3; хороший 2,* а для стимула «житель» подобные реакции отсутствуют.

Реакции на стимул «личность» представлены по большей части в зонах Субъект *(человек, я, индивид)* и Характеристика *(интересная, сильная, скрытная и пр.).*

«Эгоист» в языковом сознании жителей Крыма – это субъект мужского пола *(ребенок, собственник, кот, мужчина, одногруппник, папа)*, ограниченный в общении с окружающими *(одинокий, один, одиночество, одиночка)*, проявляющий эгоцентричность *(нарцисс, эго)* и недоброжелательность к окружающим *(жадный, злой, злость)*. Однако именно эти качества участники обоих экспериментов приписывают себе (см. табл. 2.)

Таблица 2.

Я: частотные реакции

Крымский ассоциативный словарь (обратный)	ЕВРАС (обратный)
Вы 39, ленивый 31, эгоизм, эгоист 27, личность 26.	Вы 77, личность, эгоист 40, эгоизм 38, студент 28, ленивый 27.

Сопоставим данные обратных ассоциативных словарей. В табл. 3 указано количество стимулов, вызвавших проанализиро-

ванные выше реакции. Первый показатель – данные крымского эксперимента, второй показатель – данные ЕВРАС:

Таблица 3.

Данные обратных словарей

Стимулы// Реакции	Я	Мы	Человек	Люди	Гражданин	Житель	Личность	Эгоист
Я	5/10	-	0/12	-	3/0	-	26/40	27/40
Мы	2/6	1/0	-	1/4	-	1/0	-	-
Человек	57/98	-	0/2	0/17	27/51	11/21	57/118	35/62
Люди	-	37/67	3/17	0/1	3/0	1/0	-	0/1
Гражданин	2/0	0/2	-	-	-	10/26	0/2	-
Житель	-	-	0/1	-	3/4	-	-	-
Личность	40/48	-	18/25	-	0/5	-	1/0	2/1
Эгоист	-	-	1/0	-	-	-	0/1	-

Как мы видим из таблицы, для жителей Крыма ниже ценность личности (не отражена связь между личностью и гражданином, менее выражена связь между личностью и человеком), однако выше ценность понятий «гражданин» и «житель». Наблюдается противопоставление единства и множества. Если сопоставлять с частотными реакциями, то **единство** «я» / «человек» имеет психолингвистическое значение субъекта, обладающего личностными качествами *(личность, молодец),* гендером (*девушка),* сферой деятельности *(студент, ветеринар),* территориальной привязкой – более актуально для жителей Крыма. **Множество** представлено как абстрактное единство (*вместе, все, едины)* и входящие в него социальные группы *(семья, студенты, группа, компания),* при этом к людям вообще прослеживается негативное отношение *(*люди – *толпа, твари, изверги)*. Понятие эгоизма в большей степени связано с единством, однако также является частотным и при описании множества.

Литература

1. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. ЕВРАС: Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II.

От реакции к стимулу [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/main/publications/evras

2. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с., Т. II. От реакции к стимулу / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М.: Московский институт лингвистики, 2015. – 763 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ И ВЛАСТИ В КРЫМУ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ ПО «РУССКОМУ РЕГИОНАЛЬНОМУ АССОЦИАТИВНОМУ СЛОВАРЮ»[6]

А.Ю. Филиппович, Г.А. Черкасова
annafil@bk.ru, gacherk@mail.ru
ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана»
(Москва)

Научный коллектив лингвистов, работающих по теме «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)», в течение нескольких лет проводит массовый ассоциативный эксперимент по изучению языкового сознания коренных жителей Крыма с целью выявления сходства и/или различия с представлениями жителей других регионов РФ. Анкетирование проводится анонимно в социальной группе «студент» по методике, разработанной и апробированной Московской школой психолингвистики Института языкознания РАН. В настоящее время опубликованы региональные ассоциативные словари двух регионов: Европейской части России [1; 2], Сибири и Дальнего Востока [3], а также эти словари представлены в виде электронных баз данных. Данные опроса по Республике Крым содержатся в электронной базе [4], которая продолжает пополняться.

[6] Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Из баз данных «Русского регионального ассоциативного словаря» для двух регионов: Республика Крым и Европейская часть России (ЕВРАС) нами сформированы словарные статьи прямых и обратных словарей для слов *государство* и *власть*.

Количество обработанных анкет в ЕВРАС и в БД Крым различно: 5500 и 3073 соответственно. В связи с этим далее приведены словарные статьи, в которых повторившиеся реакции выделены жирным шрифтом, а за частотой ответа в скобках указана доля ответивших, так как в БД Крым анкет введено в 1.8 раз меньше.

Рассматривая структуру и состав ассоциативных значений, отметим, что в двух опросах для стимула **власть** повторились 64 реакции, для стимула **государство** – 55. Для двух стимулов повторились все реакции с долей больше единицы. Из существенных отличий отметим, что в статье **власть** для ЕВРАС первой позицией стоит реакция *сила* 8.27, которая в Крыму находится на восьмой, и получена она почти втрое реже – 2.93. Для стимула **государство** первые три реакции совпадают, а стоящий четвертым для Крыма ответ – *великое* 4.23 для ЕВРАС оказался менее значимым – его дали менее 1%.

ВЛАСТЬ ***Крым:*** **деньги 17** (5,54) ; **народа**, **президент 15** (4,89)**; народ 11** (3,58)**; государство**, **коррупция 10** (3,26)**; Путин**, **сила 9** (2,93)**; политика 8** (2,61)**; народу**, **правительство 7** (2,28)**; король 5** (1,63)**; зло 4** (1,3)**; жестокость**, **закон**, **короля**, **корона**, народная, **ответственность**, **сильная**, страна **3** (0,98)**; богатство**, **в руках**, **денег**, **диктатура**, контроль, лживая, **мир**, **над всеми**, **над людьми**, **над миром**, плохая, полномочия, правитель, править, силы, страны, **судебная**, **управление 2** (0,65)**; абсолютная**, **алчность**, бизнес, боль, важно, верх, верховенство, верховная, **владение**, **влияние**, возвышенность, **возможность**, воля, вор, временная, **всегда**, гласность, господство, губит, да, **демократия**, депутаты, держава, доминировать, ежовые рукавицы, есть, **жадность**, жизнь, законодательная, захвачена, и богатство, **и деньги**, император, **имущие**, **имущим**, **история**, казны, кольцо, костюм, **кровь**, кукловод, **кулак**, куплена, купленная, лев, **ложь**, люди, люстрации, манипуляция, масоны, материальная, мать, **мира**, **могущество**, моряк, мошенники, над кем-то, **над собой**, народы, **насилие**, не для народа, ненависть, непонятно, **одного**, охват, **парламент**, печаль, плечо, плохо, **политик**, порядок, постоянная, правит, **превосходство**, **президента**, прибыль, привилегии, проблемы, продажный, Путин В.В., рабы, развращает, разделение, Россия, **рука**, руководитель, самодержавие, сегодня, сил, скупой, сладкое чувство, совесть, совет, справедливая, **Сталин**, существует, так себе, темнота, **толпы**, **тоталитарная**, трибуна, **трон**, **тьмы**, у меня, **ужас**,

ужасная, унижение, утверждает, хорошая, **царь**, **царя**, **человека**, четвертая, чиновники, чувствовать, эгоистическая, я **1** (3,33)**;** ***307+156+1+116***

ВЛАСТЬ ***ЕВРАС:*** **сила 45** (8,27); **деньги 42** (7,72); **президент 29** (5,33); **народа 24** (4,41); **народу 15** (2,76); **политика 13** (2,39); **народ 11** (2,02); **закон**, **правительство 10** (1,84); **государство 9** (1,65); **король 7** (1,29); **демократия**, **зло**, **коррупция**, **Путин**, **царь 6** (1,1); **над миром 5** (0,92); **абсолютная**, **богатство**, **влияние**, **денег**, **короля**, монарха, **президента 4** (0,75); **возможность**, **в руках**, закона, имущих, **ложь**, Медведев, **могущество**, монархия, огня, **ответственность**, получить, **царя 3** (0,55); безвластие, безграничная, беспредел, большая, **владение**, всласть, в стране, Госдума, **диктатура**, Дума, знание, исполнительная, **корона**, КПСС, Кремль, **кулак**, **мир**, могучая, мощь, моя, **над всеми**, **над людьми**, **насилие**, полная, **сильная**, Советов, тирания, **управление**, успех **2** (0,37); авторитаризм, авторитет, **алчность**, анархистам, анархия, беда, безгранична, бескорыстная, бесполезна, беспрекословная, бессилие, брать, буржуазия, буржуазная, бюрократия, в деньгах, великая, взять, видимость, властна, воры, все, **всегда**, Вселенная, горе, госаппарат, Госсовет, государства, государственная, дана, действие, делить, демократов, депутат, диктат, диктатор, доблесть, долг, должность, доход, дурак, дураков, душа, единоличная, **жадность**, желание, желания, жесткая, жестокая, **жестокость**, завравшаяся, земли, злость, злоупотребление, **и деньги**, иметь, имеющая, **имущие**, **имущим**, **история**, кабинет, капюшон, КГБ, класть, князь, коварство, коммунизма, крепка, **кровь**, лидер, лобби, людей, Медведев и Путин, медведь, меняется, мечта, министр, **мира**, миров, мне, много, монарх, Москва, над безумцами, над группой, **над собой**, над чем?, над чем-либо, над эмоциями, наркотик, народа — демократия, народу!, не всегда хорошо, негатив, неколебима, ненавижу, неограниченная, несправедливость, обедняет, ограниченная, огромная, **одного**, олигарх, олигархия, отобрать, отца, **парламент**, парламента, парочка, партия, пасть, Петр I, победа, подчинение, **политик**, политическая, портит, правильная, правление, право, **превосходство**, предержащие, преимущество, приказ, принуждение, приоритет, присвоенная, продажная, рабочим, республика, **рука**, руководство, самодержавная, Саурон, свыше, сильна, сильный, система, сласть, Советам, справедливость, **Сталин**, статус, страдание, странна, страх, страха, стремление, **судебная**, судьба, тиран, **толпы**, торгашей, **тоталитарная**, **трон**, тщеславие, **тьмы**, убивает, у вождя, у единорогов, **ужас**, уполномочия, управлять, хорошо, хотелось бы, **человека**, честная, ярмо, power, TV **1** (0,18); ***544+235+2+170***

ГОСУДАРСТВО ***Крым:*** **Россия 33** (10,75)**; страна 25** (8,14)**; власть 19** (6,19)**; великое 13** (4,23)**; большое 8** (2,61)**; президент**, **сильное 6** (1,95)**; народ**, **наше**, **политика**, **право**, **Путин**, **РФ 5** (1,63)**; граница**, **закон**, **Родина**, **территория 4** (1,3)**; держава**, **дом**, **единство**, **правление**, **правовое**, **система**, **это я 3** (0,98)**; гордость**, **демократия**, **деньги**, **единое**, **и право**, иллюзия, **мое, общество, парламент,** развитие, **сила,**

справедливое, суверенитет, **унитарное**, **флаг 2** (0,65)**; анархия**, армия, бедность, бедствует, без расизма, безопасность, белых, бизнес, богатое, величие, вор, воровство, все, герб, гимн, гниль, должно, **едино**, защита, зло, и власть, инструмент, казнь, **карта**, **конституция**, крепость, кровь, **лживое**, людей, **люди**, мать, местное, механизм управления, **мир**, мирное, **могучее**, могущество, **мощь**, не существует, независимость, ничтожно, новое, обманывает, обреченно, ого, остров, ответственность, **патриот**, Персия, планета, помойка, Порошенко, **порядок**, правитель, **правительство**, президента, провал, пропаганда, процветающее, пустота, рабов, рабство, развивается, **распалось**, растет, репутация, **республика**, России, **российское**, **Российское**, **Русь**, рушится, свергнуть, **свобода**, Сербия, сложное, смысл, стоит, страха, **суверенное**, тараканник, **ТГП**, толпа, **тоталитарное**, убить в себе, Украина, устрой, федерация, хаос, царство, целостность, язык, ячейка **1** (0,61)**;** ***307+133+5+93***

ГОСУДАРСТВО ***ЕВРАС:*** **Россия 78** (14,36); **страна 63** (11,6); **власть 22** (4,05); **РФ 20** (6,68); **большое 16** (2,95); **президент 13** (2,39); **наше**, **Родина**, **Российское 11** (2,03); **политика 9** (1,66); **сила 7** (1,29); **и право 6** (1,1); **великое, граница, правительство, право, сильное, это я 5** (0,92); **демократия**, **коррупция, люди, мощь, общество, Путин, республика, справедливое,** управление, **флаг 4** (0,74); город, **единое, закон**, и политика, **народ**, нация, огромное, **система**, **территория**, **тоталитарное**, царь **3** (0,55); воры, гражданин, демократичное, Дума, Европы, **едино**, **единство**, земля, империя, история, контроль, крепкое, **мир**, могучие, **мое**, монархия, ненавижу, отечество, развитое, **Русь**, свободное, социальное, СССР, страны, строй, **суверенное**, часть мира **2** (0,37); **анархия**, Армения, без денег, больное, бред, брод, бюрократия, варварство, вверх, вечно, Византия, властное, в левой руке сникерс, Воронеж, в разрухе, врет, выборы, галимое, говно, **гордость**, Госдума, давление, демократ, демократическое, деревня, **держава**, **дом**, дрянь, дублеры, единение, есть закон, жизнь, забор, заграница, законов, законы, Иван Грозный, идеальное, институт, и общество, и царь, **карта**, Китай, **конституция**, Кремль, крупное, Ленин, лжи, **лживое**, люди в костюмах, люмпен, Макиавелли, маленькое, материк, машина, **могучее**, могущественное, на карте, нахлебник, не всегда хорошо, независимое, не очень, нестабильное, ничто, ну и что?, общее, огорчение, ограничивает, огромно, отпад, отчизна, **парламент**, партия, партнер, **патриот**, Петр I, Платон, подавление, политик, полицейское, **порядок**, **правление**, правоведенье, **правовое**, правых, прогнило, продажное, произвол, процветает, разгром, разное, **распалось**, решает, Румыния, русское, **свобода**, священный, сепаративность, Сицилия, столп, **ТГП**, труд, тяжесть, убийца, улучшить, **унитарное**, федеративное, флаг России, целое, чудовище, штат, Япония **1** (0,18); ***543+178+7+112***

Проанализируем, как слова *государство* и *власть* даны в обратных словарях (см. ниже). Наиболее частые реакции *власть* и *власти* в двух опросах вызваны примерно одинаковым количеством стимулов, хотя их списки не совпадают, а общее количество употреблений для ЕВРАС больше из-за меньшего количества анкет в БД Крым. А реакции *государство* и *государства* получены в ЕВРАС на большее количество стимулов, чем в опросе в Крыму. Нужно отметить, что частотность пары «стимул–реакция» указана абсолютным значением, что требуется учитывать при сопоставлении.

Например, пара *власть народа* ← **демократия** для Крыма имеет частоту 9, а для ЕВРАС – 11, однако если для сравнения значение в ЕВРАС 11 разделить на 1.8, что дает ≈6, то очевидно, что в Крыму этот ассоциат был получен в полтора раза чаще.

Республика Крым	**Европейская часть России**
властей ← беспредел, влияние, разговор, хитрость **1;** ***4+4***	**аппарат власти** ← чиновники
	вина власти ← беззаконие
власти ← жажда **11;** беззаконие, беспредел **3;** влияние **2;** возрождать, выбор, голос, законность, зло, империя, институт, коварство, коридор, коррупция, монополия, организация, польза, развал, сила, форма **1;** ***35+20***	**власти** ← жажда, партия **11;** коррупция **10;** монополия **6;** беспредел, империя **3;** беззаконие, влияние, демократия, институт, коридор, сила **2;** беспечность, болезнь, бюрократия, выборы, законность, коварство, лицо, период, сходить, форма, хотеть, чиновники **1;** ***68+24***
власть ← правительство **40;** правление **36;** деньги **30;** империя **25;** король **22;** влияние, президент **21;** государство, царь **19;** чиновники **16;** бюрократия **15;** управлять **14;** коррупция, политик **13;** беззаконие, сила **12;** демократия **11;** народ **8;** закон, превосходство, Сталин **7;** авторитет, богатство, Горбачев, КГБ, кремль, монополия **6;** борьба, законность, революция, тщеславие, хозяин **5;** демонстрировать, иметь, слава **4;** абсолютный, богатый, лев, Ленин, лидер, мафия, партия, приказ **3;** буржуазный, грязь, давление, мошенник,	**власть** ← правление **60;** коррупция **41;** влияние, империя **32;** правительство **31;** демократия **30;** деньги **29;** чиновники **26;** монополия **23;** государство **22;** король, управлять **20;** сила **19;** царь **18;** бюрократия, президент **16;** политик **14;** авторитет, беззаконие **13;** борьба, закон **10;** богатство, кремль, политический **9;** Горбачев, начальник, партия **8;** превосходство **7;** законность, КГБ, коммунизм, народ **6;** беспредел, Ленин, революция, тщеславие **5;** абсолютный, лидер, правосудие **4;** буржуазный, иметь, получить **3;** Бог, богатый, восстанавливать, главный, держать, журнал, золото, коварство, коммунист, мафия, передавать, передать, покорный, право, советский, Сталин, стремление, требовать, хозяин **2;** безответ-

начальник, нефть, отобрать, политический, поставить, свобода, ум, экономика **2;** автомат, безопасность, безумие, беспредел, Бог, богач, брать, важный, взять, владелец, внешняя, все, всегда, высокомерный, главный, гордость, дать, держать, деятельный, доктор, есть, жадный, жажда, ждать, злоба, известный, изменить, икона, искусство, коммунизм, крыша, кухня, лестница, минута, мой, независимый, неправда, обман, отнять, передать, плохо, победа, покорный, потерять, просить, рубль, рука, смерть, страна, театр, успех, учительница, хотеть, чувствовать, эгоист **1;** ***544+110***	ственный, боль, важный, вещь, владелец, внутренняя, выборы, гора, давление, деловитый, демонстрировать, дом, желать, женщина, заменить, инициативный, интересовать, культура, лев, лживый, ложь, мужчина, надменный, немощь, ненавидеть, нефть, обещать, обращаться, огонь, определенный, орел, отобрать, постоянный, приказ, развал, решительный, рука, свобода, слабый, слава, сожаление, справедливость, ум, успех, хотеть, эгоизм, экономика, я **1;** ***704+109***
власть народа ← демократия ***9***	**власть народа** ← демократия ***11***
власть народу ← демократия	**власть одного** ← империя
властью ← ограниченный	**власть толпы** ← демократия
во власти ← бюрократия	**властью** ← ограниченный
за власть ← борьба ***3***	**во власти** ← коррупция
и власть ← беззаконие, бизнес, богатство, государство **1;** ***4+4***	**за власть** ← борьба ***22***
к власти←стремление **2;** прийти **1;** ***3+2***	**и власть** ← грязь, народ, правосудие, свобода **1;** ***4+4***
народная власть ← выборы	**имеющий власть** ← король
орган власти ← КГБ	**на власть** ← монополия ***2***
органы власти ← безответственный	**не власть** ← деньги
у власти ← становиться, чиновники **1;** ***2+2***	**орган власти** ← правительство
	органы власти ← коррупция
	основа власти ← президент
	от властей ← убегать
	против власти ← народ
	у власти ← демократия **2;**
	это власть ← богатство
в верхах государства ← коррупция	**в государстве** ← законность **2;** бюрократия, закон, политик, политический, стабильность **1;** ***7+6***
в государстве ← беспредел **2;** бедность, беззаконие, коррупция, монополия **1;** ***6+5***	**государства** ← враг **10;** экономика **7;** гражданин, процветание **5;** развал **4;** исто-

государства ← гражданин **6;** развал **4;** гимн, процветание **3;** история, король, монополия, экономика **2;** авторитет, армия, безопасность, влияние, демократия, закон, организация, президент, развитие, союзник, товарищ, царь, часть, чиновники **1;** ***38+22***

государство ← правительство **16;** страна **12;** власть **10;** правление **9;** закон, империя, политик **8;** бюрократия, гражданин, монополия, экономика **6;** демократия, Россия **5;** король, независимый, партия, политический **4;** беспредел, чиновники **3;** беззаконие, коррупция, организация, право, секрет, союзник, царь **2;** авторитет, вор, воссоздавать, двигать, дефицит, зависимость, законность, КГБ, культура, народ, нация, правосудие, предоставлять, президент, приказ, процветание, развал, редко, служба, сырье, управлять, шпион, штраф **1;** ***164+49***

государством← правление **4;** управлять **3;** ***7+2***

государству ← платить

дух государства ← гимн

люди одного государства ← народ

не государство ← родина

песня государства ← гимн

проблема государства ← бюрократия

у государства ← воровать

рия, культура **3;** монополия, президент, союзник **2;** безопасность, власть, влияние, гимн, задолженность, КГБ, король, лидер, пересуды, политик, потенциал, приказ, прогресс, развитие, религия, форма, чиновники **1;** ***60+27***

государство ← правительство **38;** страна **24;** правление **22;** империя **15;** независимый **14;** политик **12;** гражданин, Россия **10;** власть **9;** нация, чиновники **8;** коррупция, монополия, управлять **7;** демократия, политический, президент **6;** экономика **5;** беззаконие, право **4;** бюрократия, гимн, закон, законность, КГБ, кремль, партия, процветание **3;** Горбачев, коммунизм, король, народ, патриотизм, революция, социальный, союзник, шпион **2;** армия, безопасность, безопасный, беспредел, буржуазный, возрождать, долг, знамя, интересовать, история, каждый, лидер, международный, мирный, нищий, отсталый, правосудие, превосходство, промышленность, простить, работа, развал, разочарование, расходы, российский, служба, советский, справедливость, угроза, утаивать, царь **1;** ***295+68***

государством ← правление **11;** управлять **10;** ***21+2***

государству ← служба **3;** крест, угроза **1;** ***5+3***

на государство ← монополия

орган государства ← правительство

перед государством ← задолженность

у государства ← воровать

В заключение отметим: сопоставление приведенных статей прямого и обратного словарей показывает, что сходств в ассоциативных значениях понятий *власть* и *государство* для

регионов Крым и Европейская часть России больше, чем различий.

Литература

1. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т.1. От стимула к реакции / Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. М.: Московская международная академия, 2018. – 544 с.

2. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. − М.: Московская международная академия, 2019. – 688 с.

3. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

4. Электронная база данных «Русский региональный ассоциативный словарь (Республика Крым)». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://associations.std-264.ist.mospolytech.ru/dictionary.php?setID=18.

КРЫМСКИЙ ВИНОГРАД КАК МИФОКОНЦЕПТ

С. А. Дроздова, Н. П. Иванова
stellad@rambler.ru, N-P-Ivanova@ysndex.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Изучение культурно значимых языковых единиц-репрезентантов имеет особый смысл, поскольку позволяет исследовать мифологические установки и стереотипы, определяющие русскую мифологическую картину мира, которую можно рассматривать как субкартину мира. В качестве ее структурных единиц выступают мифоконцепты – «единицы коллективного сознания, которые отражают объекты возможных миров и в вербальной форме представлены в национальной памяти носителей языка» [7, с. 36].

В настоящее время язык по праву принято считать этнокультурным феноменом, поскольку современная лингвистика, двигаясь в антропоцентрическом направлении, изучает язык в его развитии, фактически «запечатлевая» исторические этапы, и таким образом получает возможность

анализировать языковые явления в аспекте получения и хранения в первую очередь этнической информации, так как отношения языка и культуры народа, несомненно, взаимообусловлены [1]. Как отмечают последователи «культурологического» направления (Шахматов А. А., Трубецкой Н. С., Филин Ф. П., Щерба Л. В., Тайлор Э. Б., Сепир Э., Уорф Б. и др.), язык можно считать важнейшим фактором развития народа. Именно в языке получают реализацию субкоды национальной картины мира, в том числе мифологической, которые так же, как и собственно культура, могут рассматриваться как особая историческая память народа.

Язык и сознание носителя языка, реализуемые в речи, формируют единую когнитивную структуру, то есть особое лингвоментальное пространство. Таким образом, дискурс, по сути являющийся видом когнитивной деятельности личностей, представляет собой совокупность концептов, которые находят реализацию в вербальных и невербальных текстах. Говоря о художественном дискурсе в данном аспекте, можно предположить, что пересечение, наслаивание авторских текстов, воссоздающих объективную и субъективную реальность, представляет собой часть концептуальной (и мифоконцептуальной) картины мира народа, к которому принадлежит тот или иной автор.

Понимание языка как вербального кода культуры народа дает возможность выявления особенностей миропонимания народа, его образа мышления, концептуализации и мифологизации мира. Следовательно, изучение культурно значимых языковых единиц имеет особый смысл, поскольку позволяет исследовать те мифологические установки и стереотипы, на которых зиждется, в частности, русская мифологическая картина мира, и которую можно рассматривать как субкартину мира.

Говоря о мифоконцепте как составляющей мифоконцептосферы, небезынтересно рассмотреть его структуру и внутренние связи. При сопоставлении структуры концепта и мифоконцепта исследователи отмечают следующие отличительные черты у последнего: двухкомпонентность структуры (реальный и символический) [2, 3]; свернутую

сюжетность, фреймовость [4]; необязательную ценностность [5]; обязательную вербализованность; обязательный символизм.

Таким образом, на основании данной классификации можно предположительно определить те главные признаки мифоконцепта «виноград», которые следует рассмотреть в исследовании. Указанная ментальная структура в Крымском тексте русских писателей и поэтов XIX–XX веков отражает различные этнокультурные представления в их как синхронном, так и диахронном аспектах. Понятие Крымский текст С. О. Курьянов определяет как «топический сверхтекст, в котором вполне или частично явлены созданные писателями с помощью единого семиотического кода в разные литературные периоды и в различных (с точки зрения родовой, видовой, жанровой, а также идейной принадлежности) литературных произведениях устойчивые (константные) мифологизированные представления о Крыме, отражающие неповторимость крымской земли и способные запечатлеваться воспринимающим сознанием независимо от историко-культурной эпохи, к которой интерпретатор принадлежит» [3, с. 38]. Исследование форм экспликации мифоконцепта «виноград» в указанном сверхтексте и является **целью** данной работы.

Однако прежде чем описать собственно структуру мифоконцепта, следует обратить внимание на то, как репрезентируется концепт «виноград» в русской лингвокультуре. Так, анализ словарных данных сообщает нам о том, что виноград для носителя русского языка – во-первых, «вьющееся плодовое кустарниковое растение», во-вторых, «*собир.* ягоды этого растения» [6]. Вербализованный концепт имеет ядерно-периферийную организацию: ядро – лексему «виноград» и две основные концептуальные зоны «виноград – растение» и «виноград – ягоды», в свою очередь имеющие подзоны «виноград – вино», «виноград – лоза», «виноград – виноградник», «виноград – виноградарь (садовник)», которые взаимно пересекаются, что говорит об открытости и незамкнутости концептуального пространства (подробное исследование структуры данного концепта не входит в задачи работы).

Специфика структуры мифоконцепта «виноград» заключается в том, что мифоконцептуальные подзоны могут

оказываться ведущими при пересечении с другими мифоконцептами, поскольку при наложении и совмещении приобретают не только знаковый, но и метафорический и символический смысл. Иными словами, посредством данного знакового уровня человек закрепляет использования образцов, шаблонов, стереотипов, которые свойственны для его лингвокультуры. Второй уровень – метафорический – позволяет человеку как носителю определенной этнолингвокультуры выразить свои переживания, чувства, ощутить собственную уникальность. Современное понимание текста позволяет рассматривать поэзию и художественную прозу как некий авторский развернутый метафорический текст. Метафора представляет собой своего рода «мост» между сознанием и бессознательным.

Третий уровень – символический – дает возможность человеку достигать другой реальности – ирреальности. Иными словами, писатель или поэт фактически оказывается «проводником» для читателя в глубины своего бессознательного (именно в этом случае язык архетипов – вечных образов – оживает в подсознании читателя).

Таким образом, рассматривая вербализацию мифоконцепта «виноград» с позиции лингвистики, следует отметить, что сама лексема «виноград», являющаяся его ядром, имеет длительную историю развития и содержит различные этнокультурные представления, становясь по сути микротекстом, реализующим некий свернутый сюжет. С позиций литературоведения и лингвокультурологии можно утверждать, что это экспликация не одного, а целого ряда античных и библейских сюжетов. Это обстоятельство особенно важно для изучения Крымского текста.

Предметные смыслы и лингвокультурные шаблоны указанного мифоконцепта были реализованы более двух веков назад в известном «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест»: «Виноградники, находящиеся только в нагорной полосе, покрывают целые долины…» [9, с. 185].

Метафорический уровень субъектности анализируемого мифоконцепта реализован в стихотворении С. Я. Маршака

«Ялта». С 1904 по 1905 год поэт учился в Ялтинской мужской гимназии и жил в семье А. М. Горького, а указанное стихотворение написал уже будучи взрослым человеком. Представляется, что здесь эксплицирована неразрывная связь с юностью: «И винограда желтизна / На горном склоне каменистом, – / Всё, как в былые времена / Когда я был здесь гимназистом» [5, Т. 5, с. 70]. Кстати, в этом стихотворении отчетливо обозначена принадлежность автора к определенной этнолигвокультуре и восприятие крымского города сквозь ее призму: «Я видел Ялту в том году, / Когда ее покинул Чехов» [5, Т. 5, с. 71].

Символический уровень субъектности мифоконцепта «виноград», будучи сформированным задолго до создания Крымского текста, определяет специфику его реализации в художественном произведении. Как известно, первым растением, которое Ной увидел после потопа, а затем и посадил, причалив к Арарату, был именно виноград (Быт. 9:20). И с тех пор земля, покрытая виноградниками, стала символом изобилия и процветания.

А в 1820 году А. С. Пушкин в известном письме А. Дельвигу делится крымскими впечатлениями: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом. Я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею» [8, Т. 6, с. 92] (в этом году отмечается двухсотлетие крымского путешествия поэта). Следовательно, в область значений анализируемого мифоконцепта входят понятия «наслаждение» и «благоденствие», а виноград наряду с морем уже в то время становится эмблемой Крыма.

Своеобразие этого растения в том, что его ценность заключается исключительно в плодах, возможно, поэтому оно и символизирует плодородие. В пушкинском ментальном пространстве за ним закреплено именно это значение, эксплицированное в стихотворении «Виноград», написанном вскоре после Южной ссылки – в 1824 году (в его образах явно отражены крымские впечатления): «Не стану я жалеть о розах, / Увядших с легкою весной; / Мне мил и виноград на лозах, / В кистях созревший под горой, / Краса моей долины злачной, / Отрада осени златой, / Продолговатый и прозрачный, / Как персты девы молодой» [8, Т. 2, с. 10]. Выбор сделан в пользу зрелости, периода, когда весомость плодов важнее мимолетности внешних впечатлений. Интересно, что

в коллективном послании В. Л. Пушкину, написанном А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским и П. А. Вяземским и датированном 1827 годом, сказано: «А мы печемся здесь о вечном винограде / И соком лоз его пьем здравие твое» [8, Т. 3, с. 177]. Видимо, речь идет о желании непреходящего наслаждения и благоденствия, символом которых и становится образ «вечного винограда».

Можно с уверенностью утверждать, что в индивидуально-авторской концептосфере А. С. Пушкина мифоконцепт «виноград» является неотъемлемой частью концепта «Крым», о чем свидетельствует, к примеру, тот факт, что он дважды эксплицирован в Крымском тексте поэта. Крымские впечатления легли в основу стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы…» (1821 г.), в котором создана идиллическая картина природы, актуализирующая семантику райского сада: «Всё живо там, все там очей отрада… / Янтарь висит на лозах винограда; / В лугах шумят бродящие стада…» [8, Т. 2, с. 68]. Сходный образ с теми же коннотациями встречаем и в известных строках поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Волшебный край! очей отрада! / Всё живо там; холмы, леса, / Янтарь и яхонт винограда, / Долин приютная краса…» [8, Т. 2, с. 195].

При анализе символического уровня субъектности мифоконцепта «виноград» с опорой на концепцию С. О. Курьянова можно выделить формы реализации следующих вариантов крымского мифа, сформировавших указанную структуру: 1) «райского», символизирующего изобилие, плодородие, благоденствие и реализованного в творчестве В. В. Капниста, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, В. В. Маяковского, О. Э. Мандельштама, И. А. Бродского, а также дореволюционном рассказе И. С. Шмелева «Виноград», однако в одноименном послереволюционном рассказе писателя указанный мифоконцепт получает значение утраченного рая, уничтожение же виноградников наделяет его элементами семантики ада, что происходит в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» и в воспоминаниях Е. К. Герцык; 2) античного, символизирующего связь Крыма с культурой Эллады и нашедшего свое отражение в лирике О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского; 3) курортного, символизирующего исцеление и эксплицированного, к примеру, в лирике О. Э. Мандельштама.

Таким образом, мифоконцепт «виноград» представляет собой многокомпонентную структуру, своего рода этнокультурный субкод, репрезентирующий ментальное пространство русских писателей и поэтов XIX–XX веков.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. – 246 с.

2. Димитренко М. В. Мифологема в ряду ментальных единиц: когнитивная структура и особенности вербализации // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы VI Межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 61–62.

3. Курьянов С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков: монография / С. О. Курьянов. М.: ИНФРА-М, 2019. – 308 с.

4. Майданов А. С. Миф как источник знания // Вопросы философии. 2004. № 9. – С. 91–106.

5. Маршак С. Я. Собрание сочинений в 8 т. М.: Художественная литература, 1970.

6. Минский М. Л. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. – 151 с.

7. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск, 2002. – 191 с.

8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л.: Academia, 1969.

9. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. – 250 с.

10. Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. – С. 40–49.

11. Малый академический словарь русского языка. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp

КОНЦЕПТ «СВОБОДА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОНЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

А. Н. Стебунова
alla.stebunova@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В настоящее время в свете когнитивной и культурологической направленности лингвистики особую актуальность приобретает изучение особенностей функционирования языка в социокультурном пространстве**.** Нигде так ярко не проявляется концепт, как непосредственно в языковом сознании людей.

В центре современных лингвистических исследований находятся вопросы о том, как человек отражает окружающий его мир, как преломляет его в своем сознании и как репрезентирует эту познавательную деятельность и познанную действительность в языке. На предложенный стимул человек осуществляет вербализацию своей мыслительной деятельности, демонстрируя , прежде всего, личный ассоциативный строй [4, с.78].

С началом «Русской весны» и образованием Донецкой Народной Республики проблема русской идентичности стала основополагающей в процессе государственного строительства, а следовательно, и анализ слов-реакций на такие слова-стимулы как «родина» [2, с. 179], «свобода», «мир» [3, с. 83] и др. в речи донецких студентов приобрел особую актуальность. Именно с этой целью был проведен и описан в данном исследовании психолингвистический эксперимент, проведенный для выявления важного для жизни и деятельности современного общества в целом и жителей Донецкой Народной Республики в частности, концепта *«свобода»*, который отражает существующую динамику отношений между личностью, ее природным, духовным и социальным окружением.

Цель нашего исследования – раскрыть содержание лингвокультурного концепта «свобода» путём моделирования его структуры с помощью ассоциативных вербальных реакций информантов на слово *свобода* в анкетах проводимого нами свободного ассоциативного эксперимента.

Развитие социальных и духовных отношений в обществе ведет к обретению концептом *«свобода»* новых смысловых и ассоциативных связей. Как показал анализ анкет, содержание данного концепта в настоящее время далеко не исчерпывается значениями, зафиксированными в словарях.

Итак, понятийная составляющая современного концепта «свобода» формируется его базовыми значениями, зафиксированными словарными дефинициями. На основе анализа словарей мы выделили 4 базовых значения концепта «свобода»: 1) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию; 2) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 3) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 4) свобода как нахождение не в заключении, рабстве.

Чтобы выяснить, какой из представленных компонентов значения исследуемого концепта актуализируется в сознании носителей языка в первую очередь и, следовательно, составляет его ядро, мы и провели свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняло участие 150 студентов Донецкого национального университета (филологического, исторического, юридического, экономического факультетов) в возрасте от 17 до 25 лет.

Самое распространенное понимание *свободы* по результатам анкетирования следующее: 1) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию. (Отметим, что это значение совпадает с первым значением, зафиксированным в словарях). Остальные значения расположились в следующем порядке: 2) легкость, непринужденность, отсутствие затруднений в чем-либо, отсутствие связанности; 3) нахождение не в заключении, рабстве; 4) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 5) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 6) свободное, незанятое время, досуг.

Сфера применений концепта «свобода» достаточно широка: он используется нашими респондентами для осмысления явлений, принадлежащих к разным аспектам действительности. Нами выделены следующие основные аспекты: общественно-политический (52%) – (*свобода слова; мирная жизнь, спокойствие; мир; свобода республики; независимость, отмена комендантского часа);* личностно-ориентированный (36%) – (*возможность двигаться, идти или ехать как хочешь и куда хочешь, фи-*

зическая легкость движений, отсутствие семейных обязательств, деятельность без обязательств, без ответственности, независимый образ жизни, легкость, непринужденность поведения); философский (6%) – (*жизнь, избавление от чего-либо неприятного, пространство, время*); юридический (3%) – *(нахождение не в заключении, тюрьме, возвращение утраченного)*

Концепт «свобода» включает пучок признаков, которые также нашли отражение в анкетировании: образная составляющая (*ветер, море, птица, открытое пространство);* понятийная составляющая (*возможность поступать по своему желанию, отсутствие ограничений, противопоставление связанности, плену);* ценностная составляющая *(одна из приоритетных ценностей жизни, подразумевающая возможную потерю свободы*).

Ассоциативный опрос подтвердил, что свобода, несомненно, является для человека одной из ключевых ценностей, которую респонденты готовы *защищать* (34 реакции), *бороться за нее* (12 реакций), *будут дорожить* (8 реакций).

Лингвокультурная специфика наблюдается в рамках молодежной возрастной группы: у студентов 17-20 лет свобода ассоциируется преимущественно с отдыхом, а в возрасте от 21 до 25 лет – с началом самостоятельной жизни и созданием карьеры.

Можно отметить ряд особенностей, связанных с гендерными особенностями участников эксперимента. Так, например, источник общественно-политических и юридических ассоциативов – почти всегда мужчины, а личностно-ориентированных и философских (в частности, религиозных) – женщины. Мужчины в качестве ассоциативов приводят более абстрактные понятия, а женщины – образные, словно рисуя перед собой картину.

Концепт «свобода» относится к числу ключевых концептов культуры, поэтому всегда привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей различных областей гуманитарного знания. Изучение его ассоциативных характеристик позволило нам выявить скрытые смыслы концептов, не находящих прямого выражения в словарях. Перспективой исследования, на наш взгляд, может стать дальнейшее изучение представленного концепта в рамках расширения возрастных групп и с учетом профессиональной направленности респондентов.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 1.

2. Стебунова А. Н. Слова-реакции на слово-стимул «Родина» в речи донецких студентов (на материале психолингвистического эксперимента) // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. – Волгоград: Фортесс, 2019. – С. 177–180.

3. Стебунова А. Н Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 83-85.

4. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2003. – С. 135.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ РЕЧИ[7]

М. А. Харламова
khr-spb@mail.ru
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского»
(Омск)

Актуальность работы над электронными региональными базами данных и электронными словарями активного типа сегодня не вызывает сомнений, поскольку они представляют собой, с одной стороны, хранилища информации разного типа, а с другой – являются источниками изучения традиционной речевой культуры в разных аспектах: лексикографическом, концептуальном, сопоставительном, сравнительном, дискурсивном и др.

Лингвокультурологический аспект, представляющий, несомненно, интерес как для лингвистов, так и для ученых смежных областей знаний (историков, этнографов, фольклористов), позво-

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00519.

лит обратиться к изучению народных обрядов, символов, образов, а также народного речевого этикета, фразеологического фонда народной речи, что, полагаем, может быть важно и в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Цель сообщения – показать своеобразие проекта регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья и его исследовательский потенциал.

Региональный корпус и его специфика

В рамках грантового проекта (с 2017 г.) на кафедре русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ совместно с программистами ведется работа по созданию регионального диалектного корпуса, представляющего языковое пространство Среднего Прииртышья. Омские говоры относятся к числу вторичных, и, как многие сибирские говоры, они отличаются своей разнотипностью, разновременностью образования и широкими возможностями варьирования в результате междиалектной интерференции и под воздействием различных экстралингвистических факторов. Спецификой говоров Среднего Прииртышья является то, что они оказываются полидиалектными. На территории Омского Прииртышья сосуществуют сибирские старожильческие (с северовеликорусской диалектной основой), новосельческие (с средне-и южновеликорусской основой) говоры и говоры этнических белорусов, украинцев, чехов, латышей, литовцев, эстонцев, чувашей, немцев и др. [4, с. 13–91; 5]. Поэтому специфику проекта составляет прежде всего возможность введения в научный оборот уникального материала полиэтнического региона, собранного в полевых условиях (с 70-х гг. XX в.). Объем материала, подготовленного к вводу в корпус, на сегодняшний день составляет более 166 000 слов, кроме того, пополнена база данных и новыми аудио- и видеозаписями (более 7,5 часов), которые тоже будут размещены в корпусе.

В корпус включается в качестве основной единицы текст, «который понимается как фрагмент диалектного дискурса, репрезентирующий конкретного респондента и отличающийся признаками единства времени и места записи» [3, с. 1575]. В корпус вводятся особым образом подготовленные тексты. Обоснованы параметры разметки диалектных текстов: просодическая разметка (постановка пауз, энклитик и проклитик), фонетическая раз-

метка (подача текстов в фонетической орфографии с постановкой ударения) и основная – *тематическая* разметка [2]. По результатам ручной разметки составлен список наиболее частотных тем (их более 40, но этот список является открытым), установлена оптимальная (допустимая с точки зрения возможностей программирования) иерархия тем. Программистами разработан оригинальный формат данных на основе XML для представления экстралингвистической информации (так называемый *паспорт информанта,* учтены возможности фиксации носителей при монологовых и диалоговых типах текстов в *паспорте текста* [3, с.1578]) и тематической разметки корпуса народной речи, учитывающий специфику собираемых текстов. Кроме того, уже разработана структура базы данных для хранения корпуса народной речи и внедрен *специализированный текстовый редактор* для тематической, структурной (вопрос – ответ) и просодической разметки текста. Тематическая разметка заключается в приписывании текстам и их компонентам специальных тегов (XML или HTML: < > открывающий тег, </> закрывающий тег) (см. Рисунок [2, с. 17]).

Какую лингвокультурологическую информацию позволяет извлечь корпус, включающий не фрагменты, а полноохватные тексты с метаразметкой (паспорт информанта, паспорт текста)?

Важной составляющей духовной культуры народа являются обычаи, обряды, верования, мифы. Они представляются актуальными для выявления языковой картины мира и отражают традиционные ценности и интересы сельских жителей. В тематической разметке выделена тема *обычаи – обряды*, которая в соответствии с иерархической структурой членится на подтемы: *свадьба, крещение, похоронный обряд* и др. Помимо этого, тема *досуг* дает представление о традиционных праздниках как христианских (Рождество, Крещение, Пасха), так и (полу)языческих (Масленица, Иван Купала), о формах их проведения, календарных датах, традициях празднования, номинациях праздников (*сабантуй, танцы, вечерки, святки* и т. п.) и позволяет судить об особенностях мироотражения в этом фрагменте картины мира сельских жителей. Этническая идентичность как составляющая народной культуры часто репрезентирована сквозь призму свой – чужой (*чалдон*, *старожил, кацап)*. Однако в дискурсивных практиках

разных этносов идентичность реализуется не только через язык как главный атрибут этноса, но и через такие темы, маркированные в региональном корпусе, как *семья* (подтема: семейный уклад), *дом* (подтема: убранство), *традиционные ремесла* (подтемы: заготовка шишек – шишкобитие, ткачество, пимокатное и бондарное дело и др.), *вера* (православные (*боговерующие*), католики, атеисты и т. п.), *колдовство* (подтемы: демонология (домовые: *дедушка-суседушка*, *хозяин* и т. п.), гадание (номинации: *волкитка* / *волхитка, присуха* и др.)), *мораль / нравственность* (подтема: народный этикет) и др.

Образец разметки текста:

Он**е** (сыновья) ост**а**лись/ **<дом_убранство дома>** к**а**к-вот тогд**а** ну-к**а**к/ избы з-г**о**рницэй/ по-том**у** в’р**е**мени назыв**а**ли// Он**е** ост**а**лись в-ызб**е**/ а-м**ы** в-г**о**рницу отошл**и**// Т**а**м ф-с**е**нках з’д**е**лали/ ну-пр**о**сто с**е**нки/ ничё-ни// Пр**о**сто с**е**нки и-одн**а** изб**а**// **<язык>** Сийч**я**с-вот почем**у**-то не-назыв**а**ют/ по-теп**е**ришному к**о**мната да-и-фсё// К**о**мната и-к**у**хня/ а-тод**а** почем**у**-то изб**а** и-г**о**рница// По-так**о**му-бы назв**а**ть в**о**т к**а**к сийч**я**с-вот пок**а**зывают карт**и**ны-то фсё **</язык>** // **О**й-как хорош**о**/ ну-т**а**м действ**и**тел’но г**о**рницы// Ну-пр**о**сто к**а**к фтор**а** к**о**мната и-фсё// А-ж**ы**ли фс**е**/ одн**а** сестр**а** на-пал**а**тях спал**а**/ друг**а** на-п**е**ч’ке/ а-у-н**а**з д’в**е** к**о**йки сто**я**ло в-**э**той-жы в**о**д г**о**рницы/ у-одново **с**ы**н**а и-друг**о**ва с**ы**на// В**о**т-мы т**а**м т**а**к ы-ж**ы**ли// **</дом_убранство дома>** Пот**о**м-вот раз’дел**и**лись//…

Паспорт информанта:

1. *ФИО*: Петрова Валентина Прокопьевна.

2. *Пол*: женский.

3. *Год рождения*: 1929.

4. *Место рождения*: с. Такмык, Большереченский р-н, Омская обл.

5. *Место рождения родителей*: отец – д. Артын, Муромцевский р-н, мать – д. Ситкулово, Муромцевский р-н.

6. *Кем себя считает*: русской.

7. *Образование*: 7 классов и 2 недели курсов медсестёр.

8. *Род занятий (профессия)*: разнорабочая, повар в детском саду.

9. *Тип говора*: старожильческий.

Паспорт текста:

1. *Место*: с. Такмык, Большереченского р-н, Омской обл.
2. *Год записи*: 1999.
3. *Источник*: тетрадь № 5а.

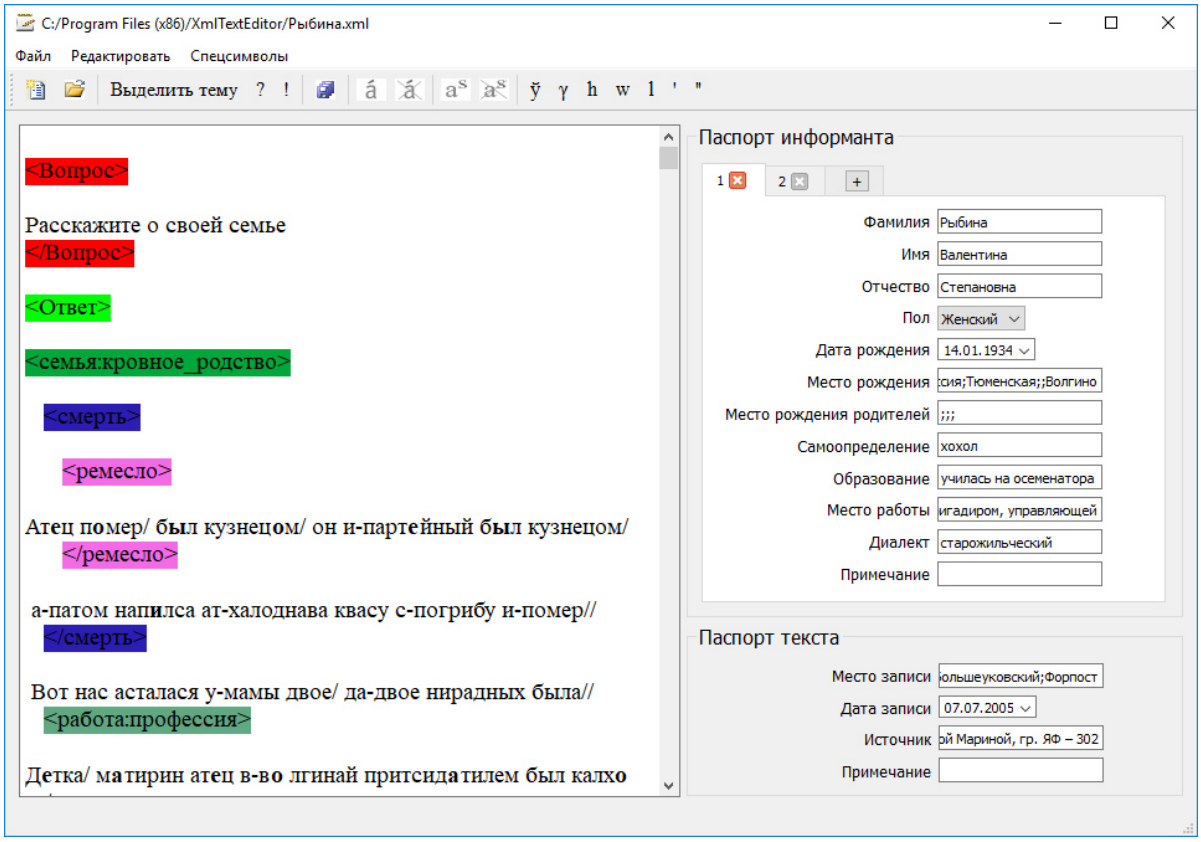


Рисунок – Фрагмент разметки, паспорт информанта

Таким образом, мы полагаем, что региональный корпус предлагает новые возможности для исследования традиционной речевой культуры на широком лингвокультурологическом фоне, а тематически размеченные полноохватные тексты «живой» речи позволяют выявить специфику народного мировосприятия и реконструировать языковую картину мира диалектоносителей полиэтнического региона. О значимости работы по созданию региональных корпусов пишут многие известные диалектологи, чью позицию мы всецело разделяем: «Текстовый диалектный корпус должен служить моделью традиционной сельской коммуникации на диалекте» [1, с. 71–72]. Региональный корпус как модель диалектной коммуникации, безусловно, предоставляет неограниченные возможности для изучения речевого поведения носителей народной культуры, речевых стратегий и тактик организации коммуникативного пространства поликультурного региона.

Литература

1. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса, Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Самара: Изд.-во Самарского университета, 2006. – С. 71–80.

2. Костюшина Е. А., Лавров Д. Н., Харламова М. А. Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья // Математические структуры и моделирование. Изд-во Омского гос. университета, 2018. № 4 (48). – С. 85–91.

3. Харламова М. А., Лавров Д. Н. История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Барселона: Изд-во Trialba Ediciones, 2018. – С.1564–1572.

4. Харламова М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 290 с.

5. Харламова М. А. Язык и культура: этническая и культурная самоидентификация (на материале диалектной речи полиэтнического региона) // Gwary Dziś/ Gł. Krzysztof Kurek Vol. 8. Poznań. Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół nauk, 2016. S. 9–15.

РУССКИЙ ЯЗЫКОВОЙ МИР И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

РУССКИЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[8]

В. В. Воробьев
ryss_yur_rudn@mail.ru
ФГБАОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
лингвистический университет»
(*Москва*)

Мир коммуникативен по своей природе: без коммуникации невозможно формирование личности человека, невозможна его самореализация в обществе, невозможно существование и самого общества как такового. Коммуникация – один из аспектов индивидуального и общественного бытия, поэтому мы полагаем, что есть все основания рассуждать о феномене **коммуникативной реальности**. Объективность коммуникативной реальности по отношению к индивиду проявляется в следующем: 1) в самом начале жизнедеятельности человек, когда он ещё не может вербально выразить свои ощущения, коммуникативная сторона бытия и языковая среда выступают как внешние по отношению к нему; 2) в дальнейшем индивид черпает свои коммуникативные умения из окружающей его среды: в практике речевой деятельности индивида будет воспроизведено то, что звучит и пишется вокруг него; 3) ежеминутно современного человека окружает гигантское количество рассчитанных на слуховое и визуальное восприятие сообщений, обращать внимание на которые он даже не планировал. Весьма яркой иллюстрацией того, что даже взрослый хорошо образованный человек черпает коммуникативные умения из того, что звучит и пишется вокруг него, является следующий факт. Учительница средней школы, говоря о своём профессионально очень активном коллеге, победившем в конкурсе «Учитель года», восторженно и с задором сказала: «И с ним мы всегда ***в бренде*** и ***в тренде***!». Эти слова были произнесены в интервью корреспонденту одного из центральных телевизионных каналов. Хлёсткая

[8] Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 18-012-00395

фраза, содержащая рифмующиеся словоформы – формы слов «бренд» и «тренд». Эти слова были употреблены не как единицы, которые позволяют максимально точно охарактеризовать обозначенные ими объекты, а как некие вербальные показатели современности коммуникатора: слова «бренд» и «тренд» весьма активно используются в современной коммуникации и выступают как одни из коммуникативных «маркеров» нашего времени.

Коммуникативная реальность является частью социокультурной реальности, поскольку она отражает специфику национальной культуры и национального языка как её фундаментального культурообразующего фактора. Коммуникативная реальность имеет экстралингвистические и лингвистические аспекты. Использование тех или иных языковых средств в условиях коммуникации – одна из граней коммуникативной реальности. Сама же эта реальность складывается, как уже было отмечено, из внеязыковых и сугубо языковых составляющих, тесно связанных друг с другом, причём экстралингвистические основания в ряде случаев детерминируют специфику применяемых в коммуникации языковых единиц. В частности, заимствование в конце XX – начале XXI века в странах Запада (прежде всего США) типа организации экономической, политической и культурной сфер жизни вместе с фундаментальными понятиями из данных сфер, имеющими англоязычное обозначение, привело к активному использованию английских лексических единиц в практике современной российской коммуникации при наличии в русском языке слов, обозначающих те же самые понятия. В качестве примеров можно привести слова *«тренд»* (тенденция), *«транспарентный»* (прозрачный), *«транспарентность»* (прозрачность), *«месседж»* (послание). Предметом рассмотрения будет преимущественно лингвистический аспект коммуникативной реальности современной России, хотя характеристика его специфики будет, безусловно, неполной без учёта обусловливающих его качественное своеобразие внеязыковых факторов. В силу этого обстоятельства экстралингвистическому аспекту современной коммуникативной реальности нашей страны мы тоже уделим достаточное внимание.

Методологический принцип предложенного описания современной российской коммуникативной реальности можно

сформулировать так: от наблюдаемого языкового феномена к описанию детерминирующих его существование факторов, то есть от характеристики фактов языка к являющимся причиной их появления экстралингвистическим факторам. Это, прежде всего факторы политические, экономические, культурные, социальные. Сам вопрос о наличии в нашем общественном бытии особого вида реальности – коммуникативной – возник потому, что в конце XX – начале XXI века в России произошли (и продолжают происходить до сих пор) колоссальные изменения именно в характере общественной коммуникации [3]. Качественное своеобразие общественной коммуникации нашего времени принципиально отличается от качественного своеобразия общественной коммуникации России в советский период её истории. Речь не идёт об идеологических основаниях политики, экономики и культуры – речь, прежде всего о качественном своеобразии применяемых в практике общественной коммуникации языковых средств. Одной из самых ярких и лежащих на поверхности коммуникативных черт нашего времени, безусловно, является активное употребление иноязычных элементов в сообщениях на современном русском языке. Такие элементы часто используются в аутентичном графико-орфографическом оформлении.

Какие выводы можно сделать из наблюдения над современными языковыми фактами? Вывод первый. Сегодня в России активно употребляются иностранные слова. Данный факт является предметом обсуждения лингвистов, литераторов, специалистов в области культуры и, безусловно, политиков. Известны законодательные инициативы, связанные с существенным ограничением или даже запретом употребления иноязычных слов в общественной коммуникации современной России. Данный вывод лежит на поверхности, но не является маловажным. Он имеет два аспекта: лингвистический и аксиологический. Первый аспект – предмет исследований языковедов. Он связан с изучением источников данных единиц, их статуса как элементов систем исходного и принимающего языков, наличия либо отсутствия изменений при использовании в коммуникации на принимающем языке по сравнению с их чертами в коммуникации на исходном языке, аутентичности либо преобразованности графико-орфографического оформления при использовании таких единиц в коммуникации на

принимающем языке, степени встроенности в морфологическую и синтаксическую подсистемы принимающего языка и статуса в его лексической подсистеме.

Аксиологический аспект связан с осмыслением обществом факта активного использования иностранных языковых единиц в свете принятой в нашем обществе системы ценностей, отношения к родному языку, на протяжении тысячелетий своего бытия и непрерывного развития сформировавшему способность передавать тончайшие оттенки мыслей и чувств его носителей, и к родной культуре, имеющей многовековую историю, насыщенную значимыми для всего человечества событиями. Этот аспект связан с ответом на вопрос: «Активное употребление иностранных языковых единиц в современной российской коммуникативной практике – это благо или зло для нашей культуры, для нашего родного языка и, в конечном счёте, для нас самих как языковых личностей?» Если первый из рассматриваемых аспектов представляет интерес исключительно для специалистов в области лингвистики, то второй – для всего общества в целом, что определяет принципиальную важность аксиологического аспекта.

Вывод второй. Иноязычные слова в своём исходном, аутентичном графико-орфографическом оформлении употребляются в сообщениях на русском языке. Вывод третий. Такие сообщения рассчитаны на массового реципиента – носителя русского языка как государственного языка Российской Федерации и человека, от которого не ожидается свободного владения английским языком и его использования в повседневной коммуникации.

Вывод четвертый. Для общественной коммуникации современной России характерно совместное употребление в составе сообщений на русском языке имеющих аутентичное графико-орфографическое оформление единиц разных языков. Этот вывод влечёт ряд вопросов: 1) единицы каких языков используются в сообщениях на русском языке?; 2) всегда ли эти единицы имеют аутентичное графико-орфографическое оформление, или они могут иметь русское графико-орфографическое оформление?; 3) каков статус используемых в сообщениях на русском языке иноязычных единиц с точки зрения их принадлежности к тому или иному уровню системы языка?; 4) являются ли иностранные слова в их аутентичном графико-орфографическом оформлении за-

имствованными лексическими единицами, или это просто иноязычные элементы в сообщениях на русском языке?; 5) насколько такие слова адаптированы к морфологической и синтаксической подсистемам русского языка?

Пятый вывод. В сообщениях на русском языке иноязычные лексические единицы в их аутентичном графико-орфографическом оформлении передают значения, которые могли бы передать слова русского языка, и занимают положение, которое могли бы занимать русские слова (исконные либо давно заимствованные и в силу этого воспринимаемые как русские). Шестой вывод. В современной российской коммуникативной практике основным средством общения является русский язык, имеющий статус государственного, но при этом весьма активно используются ориентированные на массовую аудиторию сообщения на русском языке, содержащие в своём составе иноязычные единицы как один из конституирующих элементов, и рассчитанные на массовую аудиторию сообщения, оформленные исключительно средствами иных языков. Наблюдается весьма интересная ситуация: при наличии государственного языка, имеющего многовековую историю, являющегося одним из наиболее развитых литературных языков мира и входящего в число официальных и рабочих языков ООН в коммуникативной практике современной России в составе сообщений на русском языке либо самостоятельно используются единицы иных языков, причём свободное владение людьми этими языками и их свободное использование в качестве средства общения совершенно не предполагается. Рассмотрение специфики коммуникативной реальности современной России связано с рядом вопросов: 1) какие языки имеют употребление в обществе?; 2) каков в обществе статус каждого из языков, единицы которых используются в коммуникативной практике?; 3) есть ли в общественном сознании иерархия языков, единицы которых применяются в общении?; 4) с какими сферами жизни и деятельности людей связана коммуникация, при которой в составе сообщений на русском языке либо самостоятельно употребляются иноязычные единицы?; 5) с какой целью используются иноязычные единицы в составе сообщений на русском языке либо самостоятельно?

Активное и впечатляющее как рядового носителя языка, так и исследователя употребление иноязычных единиц – не единственная ключевая черта, определяющая качественное своеобразие коммуникативной реальности современной России. Другой такой чертой является введение в активный лексикон слов, вышедших из употребления после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. В качестве примера можно привести такие слова, как *«чиновник»* (госслужащий), *«губернатор»* (руководитель администрации области или края), *«мэр»* (руководитель городской администрации), *«полиция»*. Данные слова ещё относительно недавно находились в пассивном лексическом фонде русского языка. Процесс выведения слов, находившихся в пассивном лексическом фонде русского языка, в сферу активного употребления получил наименование деархаизации лексических единиц [2]. Это, наряду с активным использованием иноязычных единиц, – одна из черт нашей коммуникативной реальности, принципиально отличающая её от коммуникативной реальности предшествующего концу XX – началу XXI века времени.

Ниже мы поразмышляем о том, что объединяет две ключевые черты коммуникативной реальности современной России – активное употребление иноязычных единиц и активное использование деархаизованной лексики. Следует отметить, что деархаизация проявляется не только в сфере использования лексических единиц как знаков языка. Она имеет своё проявление и в другой знаковой системе, тесно связанной с языком, – в письме. Достаточно яркой чертой является написание слов с буквой «Ъ» в абсолютном конце после букв, обозначающих твёрдые согласные фонемы. Такое написание было принято до орфографической реформы 1918 года. Подчеркнём, что слова, оформленные указанным образом, представляют собой собственные наименования. В качестве примеров приведём слова *«Коммерсантъ»* (одно из первых в нашей стране наименований, в котором в конце XX века было воспроизведено написание слова, принятое до орфографической реформы 1918 года), *«ТеремЪ»* (наименование фирмы, занимающейся строительством деревянных домов), *«КРЕДИТОРЪ»* (наименование центра микрофинансирования). Деархаизация в сфере письма связана не только с активным использованием буквы «Ъ» в абсолютном конце слова после букв, обозна-

чающих твёрдые согласные фонемы. Одно из её проявлений – употребление буквы «і», также исключённой из русского алфавита в результате орфографической реформы 1918 года. В качестве примера приведём слово *«ПРОВІАНТЪ»*, представляющее собой наименование сети магазинов города Москвы. В данном случае мы наблюдаем два признака деархаизации при письменном оформлении слова – употребление буквы «І» и использование буквы «Ъ».

Кроме активного употребления иноязычных единиц и деархаизации лексики и письменного оформления ряда слов, как ключевую черту, определяющую качественное своеобразие коммуникативной реальности современной России, следует рассмотреть доминирование в практике общественной коммуникации типа языкового выражения мысли, представленного в условиях непосредственного непринуждённого, неформального общения хорошо знающих друг друга людей. В условиях такого общения используются лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы устно-разговорной разновидности современного русского языка. Именно данные ресурсы русского языка в максимальной степени задействуются журналистами при подготовке материалов для печатных и электронных средств массовой информации, литераторами при создании прозаических, драматических и даже поэтических произведений и, конечно же, рекламистами при подготовке рекламных сообщений.

Сфера рекламы – это поле наиболее активного использования ресурсов устно-разговорной разновидности современного русского языка в условиях массовой коммуникации. Мы подходим к определению ещё одной фундаментальной черты коммуникативной реальности современной России: для современных средств массовой информации, рекламы и рассчитанных на массового читателя и зрителя произведений художественной литературы и киноискусства характерна имитация непосредственного непринуждённого, неформального общения хорошо знающих друг друга людей, проявляющаяся в использовании языковых средств, свойственных такому общению. Данный признак принципиально отличает коммуникативную реальность наших дней от коммуникативной реальности советского периода: в то время языковое выражение мысли в средствах массовой информации

было ориентировано на чёткое следование нормам русского литературного языка, на употребление преимущественно книжной лексики и развёрнутых синтаксических построений, свойственных книжным разновидностям русского языка. Разговорная и книжная разновидности русского языка в общественном сознании были чётко противопоставлены друг другу как соответственно сниженная и возвышенная. И это противопоставление не было сугубо формальным: разговорная разновидность связывалась с бытовыми феноменами и частной жизнью индивида, а книжная – с масштабными вопросами, значимыми для всего общества. Кроме того, книжный тип языкового выражения мысли рассматривался как признак высокой культуры.

Задачами средств массовой информации считались в то время обсуждение общественно значимых проблем, поиск путей их решения, а также формирование высокого уровня культуры общества, что и предопределяло использование ресурсов книжной разновидности русского языка при подготовке журналистских материалов. Сходные задачи были поставлены и перед творческими людьми, создававшими произведения художественной литературы и киноискусства. Повышение культурного уровня общества в данном случае выступало в качестве приоритета. Это влекло использование книжной разновидности современного русского языка в произведениях литературы и киноискусства. На сцене, в радио и телеэфире была слышна исключительная правильная, образцовая речь, в которой были представлены языковые средства, свойственные русскому литературному языку.

Такова была коммуникативная реальность нашей страны до конца 80-х годов XX века. Это была часть нашей культуры, отражавшая принятую в обществе систему ценностей в тот исторический период. Но время изменилось: в обществе стала формироваться иная система ценностей, повлёкшая за собой формирование иного типа культуры. А это послужило основой для трансформации коммуникативной реальности. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века наступило время демократизации всех сфер жизни в стране, что нашло своё проявление в характере общественной коммуникации: в качестве базового утвердился принцип в произведениях печатных и электронных средств массовой информации, художественной литературы и киноискусства вы-

ражать мысль так, как это принято в условиях непосредственного непринуждённого, неформального общения хорошо знающих друг друга людей, то есть использовать ресурсы не книжной, а разговорной разновидности русского языка. Материалы средств массовой информации были призваны не формировать высокий уровень культуры читателей, слушателей, зрителей, а любым путём привлекать их внимание – на первый план вышли злободневность материала, интерес для массового читателя (слушателя, зрителя), максимальная лаконичность и доступность языкового выражения мысли, хлёсткость формулировок. Использование нелитературных разновидностей русского языка (в ряде случаев вплоть до нецензурных лексических единиц), будучи очень мощным средством привлечения внимания, стало обычным явлением в языке средств массовой информации.

Авторы произведений художественной литературы и киноискусства тоже перестали в качестве своей основной задачи рассматривать формирование высокой культуры читателей и зрителей: творчество стало подчинено стремлению сделать произведение привлекательным для массового потребителя, что служило залогом коммерческого успеха. Привлекательность не в последнюю очередь обеспечивалась сознательным отходом авторов от использования в своих произведениях средств русского литературного языка.

Таким образом, задача растить, возвышать читателя, слушателя, зрителя, характерная для культурной жизни советского периода отечественной истории, сменилась задачей спуститься на культурный и языковой уровень массового читателя (слушателя, зрителя), говорить с ним на его языке и тем самым обеспечивать коммерческий успех произведениям искусства: продаётся то, что люди хотят и готовы покупать. Можно сделать вывод, что коммерциализация жизни повлекла коммерциализацию языкового выражения мысли. Все черты коммуникативной реальности имеют своё социокультурное объяснение, поскольку они детерминированы особенностями культуры народа и спецификой организации жизни общества (экономической, политической, духовной). Качество языковых знаков, применяемых в общественной коммуникации и являющихся частью коммуникативной реальности,

также в значительной степени имеет социокультурное объяснение.

И в данном случае мы вступаем уже в сферу лингвокультурологии [1], поскольку даём ответ на вопрос, какие черты современной культуры российского общества находят своё отражение и выражение в качественном своеобразии языковых знаков, применяемых в общественной коммуникации на текущем этапе отечественной истории. Сам характер общественной коммуникации тоже следует рассматривать как лингвокультурологический феномен, ибо изменения в культуре народа влекут за собой изменения качества общественной коммуникации. Как уже было отмечено, коммуникативная реальность изменчива, и факт её изменчивости наиболее убедительно доказывает детерминированность фундаментальных черт коммуникативной реальности особенностями культуры, экономической, политической и духовной сторонами жизни общества, поскольку изменения в культуре, экономике, политике и в духовной сфере влекут за собой изменения в характере общественной коммуникации.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология : Монография. / В. В. Воробьев - М.: РУДН. – 2008. – 336 с.

2. Воробьев В. В., Шмелькова В. В. История слов в лингвокультурологическом аспекте : Монография / В. В. Воробьев, В. В. Шмелькова – Пенза: ПГУ, 2014. – 160 с.

3. Парамонов Д. А. Выражение модальных значений в условиях коммуникации: нейтральность и экспрессивность: Монография / Д.А. Парамонов / Под ред. В. В.Воробьева. - М.: Языки народов мира - ТЕЗАУРУС, 2014. – 544 с.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е.А.Худоренко, С.С.Хромов
khudorenko@gmail.com; chelovek653@mail.ru
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
ФГБОУ «Московский политехнический университет»
(Москва)

Джозеф Най, введший в оборот термин «мягкая сила» во второй половине 80-ых годов прошлого столетия, понимал под ней

способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [16, с.14-17].

Безусловно, понятие «мягкой силы» видоизменялось, совершенствовалось, но понимание того, что в ее основе лежит привлекательность, основанная на высоких достижениях в различных сферах деятельности человека, осталось неизменным. В качестве таких сфер могут выступать: образование, культура, спорт, бизнес и пр. атрибуты повседневной жизни современных государств.

Особенно это важно для полноценного развития интеграционных процессов, проходящих в разных частях земного шара. Более того, сутью любой интеграции является стремление к объединению всего самого лучшего, что есть в странах, желание поделиться этим с государствами-партнерами, объединить усилия в общем развитии для достижения оптимальных результатов. Не являются исключением и интеграционные процессы, проходящие в евразийском регионе, конечным результатом которых в 2015 г. стало создание евразийского экономического союза (ЕАЭС). Создание Союза явилось закономерным следствием внешней политики Российской Федерации в регионе, от качества которой напрямую зависит интеграционная глубина и успешность интеграции в целом [5, с.10-13].

Между тем трудно переоценить значимость ЕАЭС и для развития самого российского государства, особенно в условиях геополитической турбулентности, перманентно вводимых санкций, информационных и торговых войн, откровенных провокаций, высылки российских дипломатов и пр. негативных явлений, зачастую окружающих страну на международной арене.

Следует понимать, что интеграция является сложным и длительным процессом, в котором позитивные тенденции зачастую сменяются негативными и движение вперед сопрягается с рядом объективно возникающих трудностей. Так, с одной стороны, интеграционные процессы в регионе сопровождаются дезинтеграционными, с другой, на результативность интеграционных процессов влияют перепады темпов роста глобальной экономики,

неблагоприятная международная обстановка, рост и расширение санкций, неприятие интересов России со стороны стран запада.

Вот почему нужно с максимальной ответственностью подходить к выбору инструментов внешней политики, способных наиболее эффективным образом придать необходимое ускорение интеграционным процессам. И в этом ключе определяющее значение принадлежит русскому языку, который всегда был, есть и будет основным средством сплочения наций [7]. «Русский язык является нашим уникальным достоянием, которым мы гордимся и которое должны беречь», – убежден президент страны В.В. Путин [10]. Именно язык является не только фактором, в значительной степени обеспечивающим сохранение единого социокультурного постсоветского пространства, но и индикатором, а также средством активизации интеграционного процесса [3].

На его чрезвычайную значимость в объединительных тенденциях в регионе указывает то, что в состав евразийского экономического союза вошли те государства постсоветского пространства, которые отличались традиционно высоким уровнем распространения русского языка и удельным весом русского населения [15]. Исключением является Армения, но и в ней, по мнению специалистов, до 70% населения республики (около 2,5 млн. человек) владеют русским языком на коммуникативном уровне, а 35% людей старшего возраста имеют хорошие навыки владения русским языком [6, с.107-123].

Языковая политика России в ближнем зарубежье

Правовой базой языковой политики России за рубежом являются: Конституция РФ, федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации", Концепция внешней политики, "Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом", указ Президента "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации", "О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации", нормы и принципы международного права, международные договоры и нормативные правовые акты России, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

Впервые о роли русского языка за рубежом в качестве инструмента мягкой силы во внешней политике России было заявлено в 2010 г. в специальном приложении к Концепции внешней политики РФ от 2008 г. «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [12]. В документе указывалось на «специфические формы и методы воздействия на общественное мнение», работающие «на укрепление международного авторитета страны». В качестве средств внешней политики, использующих мягкую силу, выступали: поддержка и популяризация в иностранных государствах русского языка и культуры народов Российской Федерации, экспорт российских образовательных услуг, расширение объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях, поддержка изучения русского языка за рубежом, подготовка иностранных преподавателей-русистов, системная работа с иностранными выпускниками российских вузов, развитие молодежных обменов и др. [1, с.142].

Органы законодательной власти РФ видят в русском языке потенциал надёжной цементирующей основы Евразийского экономического союза. В итоговой резолюции парламентских слушаний «О гуманитарном векторе международной политики Российской Федерации на современном этапе», проведённых Комитетом Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками 24.04.2019 г., заявлено, что русский язык и российское образование являются одними из основных инструментов продвижения внешнеполитических интересов Российской Федерации.

В 2007 г. для популяризации и поддержки программ изучения русского языка за рубежом был создан фонд «Русский мир». В 2014 г. – Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации. В задачи Совета входят: защита и поддержка русского языка за рубежом, укрепление его позиций в мире, расширение географии и сфер применения, а также поддержка русскоязычных сообществ за рубежом [11]. В этом же году при Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина был создан портал по русскому языку «Образование на русском», на котором все

желающие иноязычные граждане могли бесплатно в открытом доступе изучать русский язык. С целью поддержки и продвижения за рубежом общего образования на русском языке как факторе гуманитарного и политического влияния России в мировом сообществе в 2015 г. принята концепция «Русская школа за рубежом».

Большое значение в осуществлении языковой политики России за рубежом принадлежит федеральным целевым программам «Русский язык». Так, одной из задач программы 2011-2015 гг. стала поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в государствах-участниках СНГ, а одним из важнейших целевых индикаторов – количество государств-участников СНГ, в которых более 20 процентов населения владеет русским языком [9]. Логическим продолжением работ по поддержке русского языка в Программе на 2016 – 2020 гг., стали мероприятия по совершенствованию условий для укрепления и расширения русского культурного, языкового и образовательного пространства в государствах-членах [4].

Согласно стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. перед Россией ставится задача по увеличению количества российских культурных центров, популяризации российской культуры в ближнем и дальнем зарубежье, созданию центров изучения русского языка за рубежом [14].

Как видим, для сохранения и продвижения русского языка за рубежом сделано немало. Между тем, несмотря на целый комплекс проводимых и уже проведенных мероприятий, положение русского языка за пределами России далеко до совершенства. Анализ современного положения русского языка в ближнем зарубежье указывает на наличие определенных проблем в части его сохранения, развития и продвижения за рубежом. Сужение ареала русского языка, изменение статуса и количества русскоязычного населения в постсоветских странах негативно сказывается на результативности внешней политики в регионе, эффективности применения инструмента мягкой силы, снижении геополитического влияния России в международной среде и скорости интеграционных процессов.

Итак, каково место и какова роль русского языка в контексте евразийской интеграции?

1. С одной стороны, русский язык для этих стран сейчас находится примерно в таком же положении, что и английский для всего мира: он открыт, притягателен и не строг к тем, кто говорит или пытается говорить на нем, кому интересен или нужен русский язык, но абсолютно не защищены от агрессивного влияния чужой культуры, другого мировидения, менталитета. Вот почему так важны реальные меры по защите русского языка. И, прежде всего, в этом нуждается кодифицированный русский литературный язык, его нормы, которые выполняют цивилизационно образующую, культурологическую функции, обеспечивающие преемственность, связь поколений, передачу необходимой культурной составляющей народа, один из главных консолидирующих факторов современного российского общества и формирования общероссийской гражданской идентичности на личностном, этническом, региональном, национальном и цивилизационном уровнях.

2. С другой стороны, в последнее время вызывает тревогу ситуация с русским языком на постсоветском языковом и культурном пространстве, которая существенно отличается от той, которая сложилась еще десять-пятнадцать лет назад. Как известно, роль и место русского языка в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве велика. Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. русский язык рассматривается как «основа развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве» [13]. В Концепции федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы прямо говорится о необходимости создания и совершенствования условий для укрепления и расширения русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в государствах-участниках Содружества независимых государств [4]. Однако, как отметили участники Международного Ливадийского форума 5-6 июня 2018 года, в ряде стран сейчас наблюдается дискриминация русского языка, идет борьба, целью которой является исключение русского языка из всех сфер общественной жизни, а в итоге – вытеснение русскоязычных граждан этих государств. Это, прежде всего, относится к Латвии, Украине и Молдавии. Так, в Молдавии

предпринимаются попытки пересмотреть закон, регулирующий статус русского языка в стране, лишить русский язык статус языка межнационального общения, а в Латвии и на Украине уже приняты законы, целью которых является искоренение среднего и высшего образования на русском языке. Как отметила Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, «не будем скрывать, что сегодня и сам русский язык тоже сталкивается с агрессивными действиями. Законы, принятые в Латвии и на Украине, фактически направлены на его вытеснение и уничтожение. И, конечно, мы не имеем право молчать, мы должны действовать, нельзя допускать этого. И Ливадийский форум – именно та площадка, на которой мы можем обсудить и выработать меры по противодействию такой политике» [8].

Вместе с тем хотим добавить, что и наш уже четвертый международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» тоже является той площадкой, на которой продолжают обсуждаться дискутируемые нами проблемы: политические, культурологические, образовательные [2, с. 372-376] .

Литература

1. Арская Ю.А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «Мягкой силы»: роль вузов в реализации Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (на примере деятельности Иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета, серия: политология, религиоведение. Иркутск, ИГУ, 2017. Том 22. С. 141 - 148.

2. Богуславская В.В., Хромов С.С. Русский язык в современной межкультурной коммуникации: некоторые аспекты и проблемы //Индустрия перевода: Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 2013. № 1. – с. 372-376.

3. Егоров В., Штоль В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. М., 2017. №12. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1949 (Дата посещения: 09.02.2020.) Иващенко Е. Где мой дом родной? Русские в Кыргызстане рассказывают о себе и своей жизни. / Фергана. М., – 2019. – 17 октября. - Режим доступа: http://www.fergananews.com/articles/9018 (Дата посещения: 22.02.2020.)

4. Концепция федеральной целевой программы "Русский язык" на 2016 - 2020 годы //Россотрудничество, М. – 2014. – 20 декабря. - Режим досупа: / http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf (Дата посещения: 23.10.2019.)

5. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / Вестник МГИМО-Университета. 2014.- 2(35).10-13 с.

6. Мариносян Т.Э., Куровская Ю.Г. Регионализация образования в странах постсоветского пространства: предпосылки, результаты, положение русского языка (на примере стран Закавказья и Балтии) // Отечественная и зарубежная педагогика, М., 2017. № 1. 107-123 с.

7. Мараева Е. «Слом стереотипов о враждебных русских — это наша постоянная работа» / Коммерсантъ. М., 2018. - 14 октября. - Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3786699 (Дата посещения: 10.10.2019.)

8. Матвиенко В.И. http://vmeste-rf.tv/news/matvienko-livadia-iv-international-forum-will-be-held-with-the-active-participation-of-senators/ (дата обращения: 18.06.2018)

9. О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2011 – 2015 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. N 492. (в ред. Постановления Правительства РФ от 02.04.2012 N 281). М., 2012. - 51 с.

10. Путин отметил роль русского языка в объединении нации // РИА Новости. М., 2018. – 10 октября. - Режим доступа: https://ria.ru/20181012/1530503061.html10 (Дата посещения:18.10.2019.)

11. Положение о Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации / Президент России. М., - 2014. – 9 июня. – Режим доступа http://kremlin.ru/structure/councils#institution-40 (Дата посещения: 24.10.2019.)

12. Приложение №1 к Концепции внешней политики РФ от 2008 г. / МИД РФ. М., 2010. – 18 декабря. - Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/217418 (Дата посещения: 21.10.2019.)

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации //Российская газета. 2015. 31 декабря. URL http //rg.ru/2015/12/31/nacbezopasnost-site-doc.html (дата обращения: 29.09.2017).

14. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / http://pravo.gov.ru. М., 2018. – 6 декабря. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (Дата посещения: 22.10.2019.)

15. Шустов А. Ареал русского языка в мире сокращается // Евразия Эксперт. 2017. - 22 марта. – Режим доступа: http://eurasia.expert/areal-russkogo-yazyka-v-mire-sokrashchaetsya/ (Дата посещения: 21.01.2020.)

16. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York Public Affairs. 2004. 191 p.

ДИГЛОССНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ РФ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР СОХРАННОСТИ ПОСЛЕДНИХ

Т.Б. Агранат, Л.Р. Додыхудоева
tagranat@yandex.ru; leiladod@yahoo.com
Институт языкознания РАН
(Москва)

Как известно, в мире по разным оценкам в настоящий момент насчитывается до 8000 языков. Языки различаются по функциям и сферам использования, глобализационные процессы способствуют, с одной стороны, выходу из употребления одних языков, а с другой, все большему «расслоению» крупных лингвем, выделению отдельных независимых идиомов.

Диглоссия – особый вид несбалансированного двуязычия [5]. Понятие и термин диглоссия в 1959 г. ввел в научный оборот американский исследователь Ч. Фергюсон, выделявший между языками близкродственные отношения, книжный, литературный характер престижной формы; «стандартный вариант» (high) и «местный вариант» (low) [10; 2, с. 37]. Более полное определение диглоссии можно встретить в работе Б. А. Успенского: «диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссной) ситуации» [6. с. 206-226]. Таким образом, диглоссия, по мнению Б.А. Успенского, представляет собой устойчивую языковую ситуацию, для которой характерна взаимная дополнительность функций стандартного и местного варианта языка, и которая может сохраняться в таком виде в течение многих веков [6, с. 206-226]. В отличие от двуязычия диглоссия представляет собой устойчивую языковую ситуацию, при которой существует некая иерархия языков, т. е. ситуация и сфера употребления (религия, высшее образование, повседневное общение) этих языков строго разграничены, и они как бы дополняют друг друга [9; 7, с. 481-2; 3, с. 34-41]. Необходимо также отметить, что при диглоссии говорящие осознанно делают выбор между разными вариантами языка, используя только те из них, которые наилучшим образом способны обеспечить передачу и восприятие информации.

«В социолингвистике различают пять коммуникативных рангов языков, определяемых в зависимости от функций языков в межгосударственном и межэтническом общении. На вершине этой пирамиды – шесть так называемых «мировых языков», в основании пирамиды – сотни бесписьменных «местных языков», которые используются в обиходно-бытовом общении только внутри своего этнического коллектива» [5, с. 121].

Мировые языки сегодня – это языки межэтнического и межгосударственного общения, имеющие статус официальных и рабочих языков ООН: английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский. Состав и количество мировых языков менялись в истории человеческого общества.

Следующий уровень пирамиды – **международные языки**. Эти языки широко используются в международном и межэтническом общении и, как правило, имеют юридический статус государственного или официального языка в ряде государств. Таких языков больше, чем мировых. Понятно, что мировые языки являются одновременно международными; обратное неверно.

Иерархически ниже располагаются **государственные (национальные)** языки. Они имеют юридический статус государственного или официального языка или фактически выполняют функции основного языка в одной стране. Тут важно, что должны соблюдаться оба условия: и юридическое, и фактическое, поскольку наличие у языка официального статуса государственного не всегда означает его реальное использование в данном качестве.

Ниже располагаются соответственно **региональные** и **местные** языки. И те, и другие не имеют официального статуса, но на первых имеется литература, а вторые, как правило, бесписьменные и используются в устном неофициальном общении только внутри этнических групп в полиэтнических социумах (в России не принято разграничение на региональные и местные языки).

Приведенная классификация очень крупная, на самом деле языки характеризуются многими различиями, в частности, даже мировые языки неодинаковы с точки зрения демографической мощности.

Понятно, что существует обратная корреляция: максимальным количеством функций и сфер использования обладает совсем малое количество языков, подавляющее число языков используется в ограниченных сферах и функциях. Все остальные – посередине. Такая же корреляция и по числу носителей: подавляющее большинство говорит на небольшом количестве языков. Тем не менее, преждевременно говорить о том, что все языки, кроме мировых, находятся на грани исчезновения, государственным языкам пока ничего не угрожает. Опасения вызывают языки, находящиеся в основании условной пирамиды. Очевидно, что в современных условиях невозможно уравнять все языки с точки зрения функционального статуса, но для сохранения языкового разнообразия этого не требуется. Для выживания языка необязательно употребление его во всех сферах и во всех функциях, достаточно его использовать локально как язык домашнего общения, во всех официальных сферах применяя «большой» язык.

Существует несколько взаимоисключающих точек зрения, одинаково препятствующих сохранению миноритарных языков. Во-первых, долгое время господствовало представление о том, что ребенок не может качественно овладеть более чем одним языком. Очевидно, что при таком подходе выбор однозначно делается не в пользу миноритарного языка, который не может обеспечить успешное будущее ребенку и не выдерживает конкуренции. К счастью, все больше людей начинают сознавать, что двуязычное воспитание не только не вредит, но приносит пользу: билингвы не отстают в развитии, а, наоборот, опережают монолингвов.

Еще одно заблуждение носителей языка: если язык используется в ограниченных сферах, автоматически падает его **престиж** в их глазах, следствием чего является нежелание передавать язык детям. Представление о том, что у языка может быть «или все или ничего» часто стоит языку жизни. Напротив, известно много случаев, когда высокая языковая лояльность носителей по отношению к региональному или местному языку способствует его сохранению.

У языков может быть много разных функций, см., например, [8, с. 518]. Иногда полагают, что их всего две: коммуникативная и символическая, поэтому у официального языка в государстве

должна быть коммуникативная функция, а остальным достаточно **символической**. Такая точка зрения прямо противоположна описанной выше и столь же критична для выживания языка: сохранение только последней, символической функции, означает, что сдвиг языка достиг точки невозврата. Наблюдение над реальными фактами показывает, что приведенные здесь крайние точки зрения некорректны, в то время как **диглоссия в дистрибуции языков** с разным официальным статусом будет способствовать поддержанию языкового разнообразия.

В разных исследованиях насчитывается разное число таких функций. Так, например, А.К. Киклевич насчитывает двенадцать функций языка: 1) номинативная, 2) магическая, 3) индексальная 4) экспрессивная, 5) социативная, 6) прагматическая, 7) стилистическая, 8) этологическая, 9) когнитивная, 10) креативная, 11) конститутивная, 12) интерлингвистическая [4, с. 6]. Из приведенных функций прагматическая функция, включающая коммуникативную, импрессивную, аппелятивную, перформативную, иллокутивную, проявляется в стремлении субъекта речи влиять на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений [4, с. 8]. С другой стороны, когнитивная и креативная (формирующая структуру языка, его лексических категорий) функции позволяют получить доступ к картине мира данной культурной традиции и воздействовать на основании информации о мире, структуре языка, его лексических категорий на познание и поведение языковых субъектов [4, с. 11].

В случае диглоссии разновидности языка обладают специализированными функциями общения. При этом, как правило, имеет место ситуация несбалансированного двуязычия, один язык имеет статус «высокого», а другой – «низкого», или «низкий» язык имеет статус родного, а «высокий» считается родственным по отношению к материнскому языку. Так, к примеру, сегодня обстоит дело с малыми языками Западного Памира по отношению к таджикскому языку в Республике Таджикистан. Другим примером является Крым. После завоевания Османской империей причерноморских колоний в 15-17 веках в Крыму административные функции выполнял турецкий, языками межнационального общения служили наиболее престижные крымскотатарский и греческий языки, говорили на греческом, татарском,

турецком, русском, украинском, армянском, ногайском, валашском, молдавском, лазском, караимском, крымчакском и др. языках. Языками религии выступали литературные церковнославянский, греческий, армянский, арабский, древнееврейский языки. Контакты с тюрками привели сначала к билингвизму нетюрок, затем к появлению конфессиональных диалектов, которые впоследствии выступали в качестве этнодифференцирующего признака группы. Даже при утере родного языка и переходе на язык большинства (тюркский) лингвистически ассимилированные группы сохраняли тексты, связанные с их вероисповеданием [1]. После подписания договора Россией в 1774 году сферы применения основных языков изменились, но обиходные языки и языки религии сохранили свои функции. С появлением в Крыму Российского присутствия и особенно многонациональных колонистов (напр., немцев, эстонцев) языковая ситуация изменилась. Развитие в регионе российской цивилизации, привели к новым чертам в развитии местных языков – на национальных языках (армянском, крымско-татарском, караимском и др.) появились школы, литературы, театр. Новый политико-экономический российский центр изменил ситуацию [1].

Впоследствии языковая ситуация в Крыму неоднократно менялась. Еще недавно государственным языком был украинский. В настоящее время русский снова занял место государственного языка, при этом предоставляя возможность другим языкам свободно развиваться.

Литература

1. Бахревский Е.В. Языковая ситуация в Крыму в середине XVII века. АКД. М., 2000.

2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. Учебник. М., 2001.

3. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики. Новое в лингвистике. Вып. VII. – М., 1975. С. 34-41

4. Киклевич А.К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 3. 2009. С. 5-13.

5. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков, М., 2001.

6. Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка. Византия и Русь. – М., 1989. С. 206-226

7. Швейцер А. Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 481482.

8. Язык и общество. Энциклопедия. Михальченко В.Ю. (ред). М., 2017.

9. Coby Lubliner. Reflections on Diglossia. Diglossia, dialect and standard, http://www.ce.berkley.edu/~coby/essays/refdigl.htm.

10. Ferguson C.A. Diglossia // Word, vol. 15, 1959. P. 325-40.

ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РОССИЙСКОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РФ

О.А. Турбина, О.С.Вейнгарт

turbina371@mail.ru; veingart_o@mail.ru

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

(Челябинск)

Два последних десятилетия, отмеченные серьёзными геополитическими сдвигами, кардинально изменившими общую картину мира, показали, насколько оправданным и важным является взятый Россией курс на Восток. Укрепление Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) во многом определяет сегодня основной вектор развития международных отношений, ибо АТР – это не только важный центр экономического развития, но и центр всё возрастающего политического влияния. Россия наращивает своё присутствие в АТР, что стало залогом поступательного развития страны в целом и социально-экономического подъёма Урала, Сибири и Дальнего Востока. С Китаем, Индией и Вьетнамом Россия вышла на уровень стратегического партнёрства. Активно развиваются межгосударственные организации и диалоговые форматы: Шанхайская организация сотрудничества, форум БРИКС, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии, тройка «Россия-Индия-Китай», Восточноазиатский саммит, форум «Азия-Европа», инициатива «Один пояс – один путь» [1].

В интересах обеспечения **инновационного** и **культурного** развития АТР предусмотрены механизмы содействия трансграничному передвижению студентов, учёных и

поставщиков образовательных услуг, но главное – выстраивается соответствующая **языковая политика**.

По данным международного банка HSBC, в 2017 году 42% родителей были готовы рассмотреть возможность организации обучения своих детей в зарубежных вузах, и в ближайшие годы конкуренция за иностранных студентов во всём мире будет усиливаться [3]. Более половины всей общемировой студенческой мобильности в 2016 году приходилось на США (19%), Великобританию (8%), Австралию (7%), Францию, Германию и Россию (по 5%) [3].

Знание сегодня стало основной силой всей концепции глобализации, которая его коммерциализировала, превратив в одно из экономических благ. Создание мировых рейтингов и классификаций университетов является дополнительным стимулом этой конкуренции и обостряет её. Во главе Шанхайской классификации находятся 100 ведущих университетов мира, примерно 2/3 из которых расположены на территории англоязычных государств. Однако этот последний факт не отменяет использование русского языка как языка, на котором может и должно вестись преподавание в российских вузах, принимающих иностранных студентов, в том числе и из стран АТР.

Интернационализация образования достигается различными способами. **Во-первых**, это интернационализация кампуса. Одним из ключевых критериев здесь является процент иностранных студентов и в особенности – студентов из стремительно развивающихся мировых экономик, большая часть которых – это именно страны АТР (Китай, Индонезия, Корея, Сингапур, Шри-Ланка и др). **Во-вторых,** важнейшим средством интернационализации является совместное участие в образовательном процессе нескольких учебных заведений из разных стран.

Развитие двух данных направлений поднимает ключевой вопрос – вопрос о языке (языке-посреднике, т. н. «lingua academica»), на котором будет строиться образовательный процесс. Зачастую в качестве языка-посредника выбирается английский язык, в том числе и в России. Однако установка в поддержку «англицизации» высшего образования требует критического переосмысления.

Практика использования английского языка в качестве языка-посредника в сфере образования изначально появилась в странах Северной Европы с 90-х гг. и стала распространяться по всему миру, включая РФ. Самыми востребованными в плане интернационализации, а точнее – «англицизации», стали инженерные специальности, а также коммерция и менеджмент. К примеру, национальное агентство по продвижению французского языка за рубежом Кампюс Франс сообщает, что 80% высших школ коммерции и 30% высших инженерных школ предлагают обучение в магистратуре на английском языке. Согласно слогану сайта Study in Russia Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, «следуя мировому образовательному тренду, ведущие российские университеты предлагают обучение на английском языке», где «Вы сможете обучаться в России, владея лишь основами русского языка или не зная его совсем» [2]. Всего на портале представлены 3160 программ на английском языке, 2136 на китайском и 3335 на русском языках [2]. При этом «англоязычные» отделения в российских и зарубежных университетах претендуют на высокий уровень обучения и выдаваемого ими диплома. Но такое представление быстро разбивается о реальные проблемы, т.к. страдают: 1) качество обучения и уровень самих передаваемых студентам знаний, 2) усвоение знаний студентами, у которых нередко возникают проблемы с изъяснением, особенно на письме, вследствие чего появляются 3) проблемы с оценкой знаний и уровня подготовки специалистов в подобных условиях в целом. Значимо и то, что уровень знания английского у высококвалифицированных преподавателей не одинаков. Не все из них могут успешно осуществлять процесс коммуникации на всех уровнях: научном, дидактическом, межличностном. Поэтому нередко университеты вынуждены ставить языковую компетенцию выше профессиональной. Кроме того, в странах, где в силу геополитических причин английский язык менее распространен (например, это РФ, Китай и др.), для преподавателей «английских» отделений и программ подготовки введены дополнительные курсы, по итогам которых говорить о преподавании на «английском языке» не представляется возможным, т.к. студенты осваивают лишь обобщенный и упрощенный вариант английского языка, для которого изобретен специальный термин «globish»

(вместо «english»). Упрощенный «globish» становится единственно возможным основным языком преподавания в условиях интернационализации образования.

Так может ли английский язык выполнять в полной мере функции языка преподавания? В этой связи показательны исследования, проведенные в университетах Северной Европы, где уровень владения английским языком традиционно выше. Они свидетельствуют о нецелесообразности перевода преподавания на английский, хотя английский, на котором говорят преподаватели в этих странах, в основном «правильный». По свидетельству многочисленных экспертов-наблюдателей, в числе которых Бейса Бьеркман, проводившая своё исследование в одном из технических университетов Швеции, и Марлис Хагерс, исследовавшая данную проблему в университете Тильбурга, в речи преподавателей, для которых английский язык не является родным, неизбежно присутствуют и ошибочные употребления, и неверные трактовки смысла [4, с. 11–17; 5]. Все преподаватели, вынужденные проводить занятия на неродном английском, говорят о скованности и ограниченности своих языковых возможностей, что сводит процесс преподавания к чтению с листа или к заучиванию и воспроизведению готового текста. В большинстве случаев общение студентов с преподавателями и между собой происходит на упрощенном, узкофункциональном варианте английского, т.е на «globish».

Серьёзным аргументом сдерживания процессов глобализации в сфере образования является наличие языковых барьеров, т.к. незначительное распространение национального языка за пределами страны препятствует интернационализации, существенно ограничивая приток иностранных студентов и участие вузов в программах международных обменов. Данный аргумент был решающим при запуске программы академических обменов *Эрасмус,* когда страны Северной Европы были всерьёз озабочены тем, что они окажутся в роли «подающих», отправляя своих студентов за рубеж и не получая взамен иностранных. Преподавание на английском языке явилось для них в тех условиях спасением. Примеру североевропейских государств последовали позже и остальные. Однако англосаксонская модель способствует лишь тому, что, обучаясь в различных уголках мира, студенты получа-

ют некий усредненный вариант программы по той или иной специальности, теряя ценный опыт и преимущества общения и обучения в интересующей их стране, особенно если наука и образование в данной стране имеют ценные достижения и традиции, каковыми по праву славится российская наука и русское филологическое образование. Наконец, основная проблема всех международных программ на английском языке заключается в том, что они не соответствуют и даже противоречат принципу мобильности образования, заложенному в саму концепцию университета и позволяющему сталкивать различные подходы, культуры, исторические концепции, направления научной мысли, этносы.

Важно, что в противовес англоязычному международному образованию Россия уже давно уверенно продвигает на образовательный рынок русский язык и русское филологическое образование и держит курс в направлении снятия языковых барьеров. В университетской среде растёт число противников распространения англосаксонской модели, последствиями насаждения которой являются: обеднение научной мысли, забвение и игнорирование трудов неанглоязычных авторов, а вместе с ними и подходов, формирующих развитие той или иной научной области.

Таким образом, сегодня, когда конкуренция за иностранных студентов во всём мире усиливается, целесообразнее развивать и усовершенствовать собственные национальные традиции в области образования и преподавания в высшей школе, привлекая тем самым иностранных студентов. Интернационализация российского образования и рост его привлекательности для студентов различных стран мира должны опираться на прогрессивное улучшение качества образования на русском языке, на включение в программы филологических и гуманитарных дисциплин материалов из истории российской науки, на высокую организацию языковых курсов РКИ для студентов-иностранцев, а также на развитие новых форм взаимодействия с зарубежными партнерами на русском языке, что будет существенно способствовать признанию и интернационализации российских дипломов, а также формированию привлекательного образа России и российского образования.

Литература

1. Лавров, С. В. «К миру, стабильности и устойчивому экономическому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе» http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/93642 (дата обращения: 10. 01.2020)

2. Сайт Министерства науки и высшего образования РФ для иностранных студентов Study in Russia https://studyinrussia.ru/study-in-russia/study-in-english/(дата обращения: 10. 01.2020.)

3. Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. «Россия включается в конкуренцию за иностранных студентов», 8 декабря 2018 г. https://www.5top100.ru/news/93717/ (дата обращения: 10.01.2020.)

4. Bjorkman Beysa (2008) “So where we are: Spoken lingua franca English at a Swedish technical university”, English today, 24 (2) pp. 11-17.

5. Hagers Marlies (2009) «The Globalization of College, English takes over at Dutch Universities », NRC Handelsblad, 20 mars 2009.

6. Truchot Claude (2008) Europe: l’enjeu linguistique, Paris: La Documentation franзaise, Collection Les йtudes, 160 p.

РОЛЬ ЛЕКСИКИ «СНИЖЕННОГО РЕГИСТРА» В ОФИЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ТИПА РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

И. А. Иванчук
ivanchukia@rambler.ru
Северо-Западный институт управления. Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Санкт- Петербург)

1. Современные политические, социокультурные, нравственно-идеологические тенденции различных сфер жизни России конца XX – начала XXI вв. определили значительные изменения в развитии русского литературного языка; сформировались новые тенденции и в оценке роли разговорной речи. Распространяемое понимание свободы слова как вседозволенности, расширение социального круга участников публичной коммуникации вызывали стилистическую пестроту разнообразных публицистических жанров, свободу словоупотребления, не всегда соотносимую с нормой, оправдывающую нарушение границ между разго-

ворной речью и публичным дискурсом. Исследователи отмечают, например, создание журналистами к концу XX в. индивидуального типа речевой культуры – литературно-жаргонизирующего [9, с. 2]. Подобные изменения справедливо вызвали обеспокоенность и в правительственных кругах. После неоднократного обсуждения в Государственной думе РФ был принят Закон о государственном языке Российской Федерации (2005 г.), призванный защитить русский язык от варваризации и жаргонизации. В 2014 году в целях совершенствования государственной политики в области развития, защиты и поддержки русского языка был создан Совет по русскому языку при Президенте РФ (2 августа 2019 г. утверждён новый состав Совета) [11, с. 248]. Важные государственные процессы происходят в последнее пятилетие в сфере организационной и просветительской деятельности, на центральных каналах СМИ (портал «Русское слово»; проект телеканала «Культура» «Живое слово». ВГТРК, 2015–2016 гг. и пр.); широкие аспекты деятельности Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики; ежегодное празднование 6 июня – Дня русского языка (обобщение достижений в области филологического образования); неоднократное дискутирование проблем школьного и вузовского преподавания русского языка на площадке Общественной палаты РФ (Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации сложилась и утверждена распоряжением Правительства РФ от 9 апреля 2016 г. N 637-р.). Эффективным звеном общего направления языковой политики государства является и разносторонняя деятельность Совета по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга. Утверждено Положение о Совете по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга (с изменениями на 18 июня 2019 г.) [8], на практике осуществляется идея сохранения и поддержки русского языка как национального достояния и средства международного и межнационального общения [7]. В 2020 г. запланирована реализация проекта по бесплатному обучению русскому языку трудовых мигрантов и их детей, а также иностранных студентов. С целью повышения культуры речевого воздействия руководства города организованы курсы делового русского языка для государственных служащих и депутатов различных уровней (содержание программ ФПК для госслужащих Северо-

Западного института управления РАНХ и ГС также нацелено на повышение и совершенствование речевой подготовки управленческого аппарата: «Русский язык третьего тысячелетия»; «Документная лингвистика»; «Культура и этикет делового общения»; «Типы речевых культур современного общества» и пр.). Специальные материалы, посвященные культуре речи, регулярно выходят в эфире телеканала «Санкт-Петербург». Высокий уровень эффективности продемонстрировал Всероссийский конкурс комплексного развития речевой культуры «Слово России» (Санкт-Петербург, 2017, 2018 гг.). Освещение проблем и речевых рисков современного русского литературного языка находит неоднозначное решение в публикациях ведущих российских лингвистов, журналистов, писателей. Тревога и боль за состояние русского литературного языка, общих проблем культуры управления словом звучит на страницах центральной, городской и муниципальной прессы (В. И. Аннушкин «Культ речи» [1]. Внутренним конфликтам, одолевающим русский язык, посвящена публикация интервью на страницах муниципальной прессы Санкт-Петербурга М. А. Кронгауза «Язык как поле битвы «ватников» с «укропами» [6]). Противопоставляя русский язык английскому, автор публикации «Современный русский язык умирает. Как его спасти?», историк и публицист Максим Артемьев [2], выдвигает основной тезис: «Защита языка – вопрос политический», приводя своеобразную классификацию категорий тех, кто противится желанию сохранять самостоятельный язык («антисовки», «индивидуалисты», «оппортунисты»). В общей концепции публикации звучит истинная тревога и боль за судьбу «великого и могучего» (И. С. Тургенев), «поющего» (И.А. Ильин) русского литературного языка; рассуждения автора доказательны, хотя и не лишены некоторой категоричности, прежде всего, в отношении сложности и неоднозначности решения проблемы иноязычных заимствований, ведущей свое начало еще от яростных дискуссий XIX в. А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина [13, с. 89].

2. В определении конкретных направлений современной языковой политики гармонизирующую роль сыграла новаторская теория «языковых рисков», широко и многосторонне раскрытая в монографии О. Б. Сиротининой «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее

преодолении» (намечаются риски и «болевые участки системы; риски, создаваемые узусом, связанные с влиянием всех табу под флагом борьбы с советским официозом и пр.) [9]. Дальнейшее развитие федеральной и региональной программ по усилению роли русского языка в современном обществе должно, на наш взгляд, касаться усовершенствования категории оценочности в области стилистической системы современной русской речи, определения специфики и национальных особенностей функционирования русского литературного языка, уточнения позиций разговорной лексики в современном публичном дискурсе. Неизбежно назревает вопрос о границах нормализаторской политики, о допустимости, целесообразности и возможности употребления лексики «сниженного регистра» в разговорной, деловой и публичной речи представителей различных профессиональных категорий и типов речевой культуры. Мы поддерживаем точку зрения Ф. П. Филина о существовании двух типов просторечия (просторечие как стилистическое средство литературного языка; просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком) [12, с. 30]. Социальная обусловленность развития языка современного общества обозначает проблему взаимодействия разговорности и литературного языка дифференцированно для различных типов речевой культуры, что позволяет говорить о своеобразной «поэтике сниженного» (в полнофункциональном типе). Определяющей становится категория стилистического контраста как критерий дифференцированности типа речевой культуры современного общества. Так, в умеренно-экспрессивном типе разговорность отражается в основном синтаксическими, т.е. «слабыми» средствами и строгим отбором ненормативных единиц (такова, например, речь в радиоэфире профессора-филолога, ведущего специальной рубрики по культуре речи на российском радиоканале в 80-90 гг. XX века, Т. Г. Винокур): « */… собирались ушаковские мальчики / /<…>Для меня это было/ ну праздник/ наслаждение //…»* (фрагмент радиопередачи о культуре речевого общения; состав ненормативных единиц – негрубое просторечие и единицы «общего жаргона»; речь ведется о коллегах Д. Н. Ушакова – автора и создателя четырёхтомного «Толкового словаря русского языка»). Лексика сниженного регистра в тексте публичного выступления известного российского

писателя и публициста, Почетного гражданина Санкт-Петербурга Д. А. Гранина («Час памяти») имеет иное предназначение: «*Топили на чем? – железные печурки – «буржуйки»... Выламывали паркет, ломали мебель…*» (разговорная лексика создает тональность доверительности в повествовании о трагических блокадных днях Ленинграда) [5]. Своеобразно проявление умеренно-экспрессивного типа в дискурсах известного дирижера, художественного руководителя Мариинского театра В.А. Гергиева: «*Мы, Мариинский театр, свою славу добывали в самые трудные годы – начало 90-х. Мы пахали и завоевали трудом, потом, кровью…»* (дискурс В. А. Гергиева ориентирован на узуальные образы, которые привычны и прозрачны и в совокупности создают эмоциональность и оценочность) [3]. Пример напряженно-экспрессивного (но не агонального) контекста – в интервью выдающегося поэта конца XX в. – А. Вознесенского, художника огромного лексического диапазона, создающего тексты высокого гражданского пафоса. Таким образом, литературное просторечие в современном публичном дискурсе всегда выступает в позициях глубоко мотивированного стилистического средства, оно лишается грубой, вульгарной, оскорбительной экспрессии, является не только активным способом оптимизации коммуникативного процесса, но и источником экспрессивной и эстетической силы слова. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В современной языковой ситуации в поле зрения лингвистов должны находиться прежде всего ненормативные процессы развития русского языка; негативные проявления нарушения языковых норм следует регламентировать рамками законов. Следствием негативных процессов становится не только некорректный дискурс вместо сформированного текста, но и порча самого языка: его обеднение, диффузация и синкретизация, мешающие точному пониманию смысла (интенции адресанта) в процессе коммуникации [10]. 2. Особое внимание следует уделить повышению общей риторической культуры общества, обучению топической системе построения аргументированной публичной речи (интервью, теледебаты, политическая программа, рекламный ролик и пр.). 3. Оценка языковой практики полнофункционального типа речевой культуры не должна быть прямолинейной. Дифференцированное отношение к разговорности – объективная

закономерность развития современной языковой ситуации. 4. Анализ делового дискурса полнофункционального типа речевой культуры в свете современных тенденций языковой политики подтверждает точку зрения теоретика русского литературного языка А. И. Горшкова: «Граница между литературным и разговорным языком не закрыта. Всегда существует взаимодействие, которое отнюдь не снимает различий между этими двумя разновидностями употребления языка» [4, с. 248].

Литература

1. Аннушкин, В. И. «Культ речи» // Литературная газета» № 10 (6453) (12-03-2014). – 2014.

2. Артемьев, М. Современный русский язык умирает. Как его спасти? // "Московский комсомолец" №27991. – 07.06. 2019.

3. Гергиев, В. А. Интервью // «Аргументы и факты» №13. – 2010.

4. Горшков, А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Изд.- во Лит. ин-та, 2008. – 320 с.

5. Гранин, Д. А. Речь в Бундестаге «Час памяти». 27.01. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URZ: http://dw.de/p/1Ay3u 27 (дата обращения: 15. 12. 2019).

6. Кронгауз, М. А. «Язык как поле битвы «ватников» с «укропами». Интервью // «Мой район». Санкт-Петербург, Калининский район. – 19-25 июня 2015.

7. «Петербургский Дневник». Ежедневное издание правительства Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spbdnevnik.ru/ (дата обращения: 20.12. 2019).

8. Постановление губернатора Санкт-Петербурга от 20 октября 2010 года N 64-пг «О Совете по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга (с изменениями на18 июня 2019 года)». Электронный фонд правовой и нормативно–технической документации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URZ: www/kodeks.ru (дата обращения: 20.12.2019).

9. Сиротинина, О. Б. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении. Саратов: Изд.-во СГУ, 2016. – 183 с.

10. Сиротинина, О. Б. Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 59–71.

11.Указ Президента РФ В. В. Путина об утверждении состава совета при Президенте РФ по русскому языку. 12 августа 2019 г. № 378. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URZ: https://tass.ru/obschestvo/1247099 (дата обращения: 20. 12. 2019).

12.Филин Ф. П. Язык художественной литературы и читатель (слово после дискуссии) // Русская речь, 1977 № 4. – С. 22–34.

13.Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы и достижения». Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2019. – 235 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ: СТАТУС, СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Маркова Е. М., Томаш Гмира
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
Католический университет в г. Ружомберке
(Москва, РФ; Ружомберок, Словакия)

Обучение русскому языку как иностранному в Чехии и Словакии, сменивших политическую ориентацию и ставших самостоятельными в 1993 г., значительно изменилось по сравнению с тем, что было 30 лет назад. Политические и общественно-экономические события 90-х гг. XX века изменили его статус, роль, значимость в общественном сознании, заставили пересмотреть принципы, подходы, объем учебного материала, количество часов, отводимых на его изучение в школах и гимназиях, требования к аттестации. Если в советское время русский язык в Чехословакии, как и во всех социалистических странах, был обязательным предметом в школах, то на постсоветском пространстве его статус изменился. После 1991 года престиж русского языка значительно снизился, русский язык потерял своё ведущее место среди иностранных языков, даже если он и оставался в чешских и словацких школах в качестве предмета по выбору, то практически никто не выбирал его. В Чехии самое низкое количество учащихся, выбравших русский язык, отмечалось 1996/1997 учебном году: русский язык учили во всей стране только 800 человек.

Однако не перестали быть родственными наши языки, нельзя зачеркнуть нашей общей истории, духовной, душевной, ментальной близости славянских народов. За прошедшие годы педагогами-русистами славянского зарубежья сделано немало в том, чтобы укрепить позиции русского языка, сделать его конкурентоспособным с другими языками, мотивировать к его изучению. С начала XXI в. наблюдается постепенное повышение количества

учащихся, выбравших русский язык. С 2013-2014 учебного года в школьные учебные программы был введён обязательный второй иностранный язык, в число которых вошёл и русский язык, вследствие чего число изучающих русский язык в чешских и словацких школах резко увеличилось и с того времени постепенно нарастает.

По статистике, количество учащихся, которые в средних школах Чехии выбрали русский язык как второй иностранный, в 2005/2006 было 14329, а в 2017/2018 гг. – 31334 человека. Примерно такие же цифры демонстрируют и словацкие данные, причем если в 2003 г число изучающих русский язык в средних школах было 15 501, то в последующие годы оно снижалось, достигнув «дна» в 2007 г. – 9 831, а вот с 2008 г. количество стало быстро увеличиваться, достигнув в 2019 г. 30 558 человек, что составляет почти 30% всех учащихся основных школ.

Русский язык успешно конкурирует сейчас при выборе второго иностранного языка с немецким, французским, испанским и итальянским языками, что наглядно демонстрируют таблицы, отражающие данные 2018 / 2019 гг.

Второй иностранный язык в начальных школах Словакии	**Количество учащихся**	**Процент учащихся**
немецкий язык	70 417	67,64 %
русский язык	30 558	29,35 %
испанский язык	1 515	1,46 %
французский язык	1 279	1,23 %
итальянский язык	120	0,12 %
другие языки	210	0,20 %
Всего	**104 099**	**100 %**

В 2019 году в словацких гимназиях (государственных, частных и церковных) обучалось 71 167 учеников. Второй иностранный выбрали 69 126 учеников, из них больше всего учат немецкий как второй иностранный, и на втором месте – хотя и со значительным отрывом – русский язык:

Второй иностранный язык в гимназиях Словакии	Количество учащихся	Процент учащихся
немецкий язык	42 513	61,50 %
русский язык	11 795	17,06 %
испанский язык	7 971	11,53 %
французский язык	6 096	8,82 %
итальянский язык	530	0,77 %
другие языки	221	0,32 %
Всего	**69 126**	**100 %**

Роман Квапил представляет статистику, показывающую темпы роста интереса к русскому языку в словацких начальных и средних школах. В 2008/2009 учебном году 36 000 школьников учили русский язык во всех типах словацких школ, а в 2009/2010 учебном году их было более 44 000 [10]. Эта тенденция сохранилась: около 80 000 учеников в настоящее время изучают русский язык во всех типах словацких школ. В связи с растущим интересом в гимназиях создаются русские секции. В настоящее время в Словакии существует девять русско-словацких гимназий, где учителя готовят учащихся к уровню С1 [Slovakia.mid.ru, 2019].

В Чехии и Словакии принята общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком. В документах прописано, что обучение русскому языку в качестве второго иностранного языка в начальной (основной) школе (1-9 классы) должно довести учащихся до уровня А1, в средней школе (10-13 классы) – до уровня В1, причём на этом уровне сдаётся также совместная часть государственного экзамена на аттестат зрелости по русскому языку.

Согласно Государственной образовательной программе, русский язык, наряду с другими иностранными языками, относится к образовательной сфере «Язык и коммуникация». К главным целям образования в этой области относится «развитие положительного отношения к многоязычию и уважение культурного многообразия», «овладение правилами межчеловеческой коммуникации данной культурной среды и развитие положительного отношения к языку в рамках межкультурной коммуникации» [11,

с. 17], подготовка ученика к удовлетворению потребностей современного европейского гражданина [7].

Основными мотивами выбора русского языка как второго иностранного является в начальных и средних школах в славянских странах не только близость русского и родного языков в силу их родства и, как результат, гипотетическая лёгкость изучения, но и привлекательность русского языка в силу его «особого» по сравнению с родным языком звучания и некоего оттенка экзотичности благодаря азбуке. Результаты опросов чешских исследователей показывают, что русский язык выбирают учащиеся с положительным отношением к изучению иностранных языков (т. е. не оправдывается гипотеза, что его выбирают учащиеся, не любящие иностранные языки и выбирающие то, что полегче). Наоборот, З. Кулихова результатами своего исследования подтвердила предположение, что русский язык как второй иностранный часто выбирают учащиеся со специфическими потребностями обучения [9, с. 58]. Словацкие исследователи отмечают, что «основную роль при выборе иностранного языка в школе играют родители, школьники делают выбор в пользу того или иного языка под их влиянием» [4, с. 127]. Здесь следует отметить, что старшее словацкое поколение до сих пор владеет основами русского языка и имеет позитивное отношение к России и русской культуре.

При выборе иностранного языка учащиеся также ориентируются на личность учителя. Значительную роль в деле русскоязычного образования играют учителя Словакии, где традиционно сильной, консолидирующей учителей является Ассоциация русистов Словакии (АРС) во главе с известным русистом Эвой Колларовой, объединяющей всех школьных учителей и организующей ежегодные методические семинары и знаменитые Братиславские встречи, главными участниками которых являются школьные учителя.

Каковы особенности преподавания русского языка как второго иностранного в инославянской среде? Определяющими моментами в ответе на этот вопрос являются слова «инославянский» и «второй иностранный». Помимо возможностей переноса с родного языка, являющегося родственным, необходимо учитывать и перенос с английского языка, который изучается в каче-

стве первого иностранного. Изучая русский язык, учащиеся могут столкнуться с тем, что новое языковое явление: а) совпадает с аналогичным явлением родного или первого иностранного языка; б) не совпадает ни с явлением родного, ни с явлением первого иностранного языка; в) совпадает с явлением родного языка, но нет аналога в первом иностранном языке; г) не имеет аналога в родном языке, но совпадает с явлением первого иностранного языка [14, с. 269].

При объяснении грамматических явлений русского языка славянам всегда необходимо следовать принципу функциональности, исходить из грамматической системы родного славянского языка, так как грамматически они устроены одинаково, но имеют многочисленные частные отличия. При этом в славянской аудитории не работают принятые в практике обучения РКИ принципы изучения падежной системы русского языка, основанные на изучении падежей в зависимости от выражаемой ими функции [1, с. 264].

В чешской аудитории, как и в любой другой славянской аудитории, целесообразнее изучать падежные окончания не синтагматически, а парадигматически, т. е. при помощи так называемых образцов склонения (напр., существительных мужского рода твёрдого типа и т. п.), с учётом такого способа обучения именам существительным в родном языке. Овладев формами окончаний конкретного образца, учащиеся по данной модели образуют конкретные формы всех существительных, у которых основные грамматические категории совпадают с категориями образца. Хотя функциональный подход эффективнее способствует развитию коммуникативной компетенции, в славянской аудитории он оказывается трудным и несистемным, так как у славян уже существует устойчивый навык овладения изменением существительных, сформированный на занятиях по родному языку.

Лексика в целом должна рассматриваться с точки зрения как лексических, так и грамматических, в том числе словообразовательных, свойств слов. При изучении РКИ близкое родство родного и изучаемого языков не только помогает, но во многом и мешает. Из-за указанных выше моментов близость лексиконов и грамматиконов во многом оказывается мнимой, что ведёт к более сильному проявлению интерференции, чем при изучении русско-

го языка в неславянской аудитории. Усиливают ее и навыки, сформированные при изучении первого иностранного языка, что также должно учитываться преподавателем [1, с. 365].

Что касается обеспечения учебной литературой, традиционно сильной в этом плане является Чехия, где создано несколько хороших учебно-методических комплексов. К наиболее известным УМК, используемым в большинстве чешских школ при обучении русскому языку как иностранному, относятся «*Поехали*» (H. Žofková и др., 2002) и «*Классные друзья*» (N. Orlová и др., 2015-2016) для начальной школы; «*Радуга по-новому*» (Jelínek S. и др., 2007-2011), продолжающий традицию первого в постсоветское время и самого популярного учебника в Чехии – «*Радуга*», и «*Класс!*» (N. Orlová и др., 2010-2012) для средней школы [5], которые используются и в словацких школах.

Самый распространённый национальный учебно-методический комплекс по русскому языку в Словакии для основной школы – «Ruský jazyk», состоящий из 5 книг, был создан ещё до 1989 года Е. Ковачиковой, а с 1997 по 2002 год обновлялся авторским коллективом Е. Ковачиковой и В. Глендовой. На основе комплекса «Ruský jazyk» была создана серия учебников «*Hravá ruština*», которые в 2011 были обогащены разнообразными иллюстрациями. Комплект учебников «*Русский класс*» (Л.Л. Вохмина, И.А. Осипова) был выпущен в Братиславе, но изначально не был ориентирован на словацких школьников [8], поэтому не очень востребован.

В наши дни необходимым требованием к учебникам является их электронная или интерактивная поддержка. Под *электронным учебником* понимается цифровая версия учебника, в которую включены дополнительные материалы, видео- и аудиотексты, упражнения, задания, ссылки, тесты с возможностью получения моментального результата их выполнения. Примером чешского электронного учебника по русскому языку является учебник «*Радуга по-новому*», который полностью дигитализирован.

Главной целью обучения русскому языку как второму иностранному является устное владение им с целью общения с носителями языка. И это уже требует корректировки с учётом времени. В современных условиях возрастания удельного веса письменной коммуникации учебник должен содержать много заданий

для обучения жанрам письменной речи: сюда относятся и письма, которые в большом количестве стали писать пользователи в интернете, и поздравительные открытки, и СМС, и переписка в чате.

Наконец, важным требованием времени являются и метапредметные связи, т. е. возможность средствами русского языка осуществлять всестороннее образование, в частности эстетическое. В русле культурологического направления, которого придерживается школьная русистика в Словакии в последнее десятилетие, создаётся новая версия, в том числе в цифровом варианте, учебника «*Встречи с Россией*», созданного в 1996-1998 гг Э. Колларовой и Л.В. Трушиной. Ставя во главу угла межкультурную коммуникацию, делая упор на русские культурные достижения в их соотношении с мировыми ценностями, он адресует изучающих русский язык к музыке, живописи, апеллирует к этике, эстетике, географии, истории. Учебник предназначен для средних школ и гимназий и требует хорошей языковой подготовки, ориентирован на развитие духовно богатой личности, этическое и эстетическое развитие.

Именно благодаря автору и разработчику этого учебника Эве Колларовой в Словакии активно была подхвачена и развита *идея иноязычного образования*, *культурологического характера* этого процесса, выдвинутая известным русским методистом Е. И. Пассовым [3]. Его взгляды на изучение иностранного языка обрели благодатную почву в Словакии, т. к. в школьной практике здесь преобладает так называемое *zážitkové vyučovanie*, которое не имеет синонима в русской лингводидактике и может быть переведено на русский язык как «обучение через впечатления, переживания», «эмоциональное обучение». В этом видят в Словакии перспективы и новые возможности в изучении русского языка, которое здесь в среде школьного профессионального сообщества называют *русскоязычным образованием*, главной целью которого является формирование духовно богатой личности, высокоэрудированного человека, способного к диалогу культур, человека, которому есть что сказать в этом диалоге.

Литература

1. Маркова Е. М. Специфика обучения русскому языку как второму иностранному в инославянской аудитории // Сб. статей IV Всеросс. научно-практ. конф. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. 689 с. – С. 380-385.

2. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (русская версия). – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. – 32 с.

3. Пассов Е. И. Методическая система иноязычного образования как адекватное средство развития умения индивидуальности вести диалог культур. – Елец: МУП «Типография» г. Ельца, 2013. – 109 с.

4. Радкова А. Изучение русского языка в славяноязычных странах Евросоюза // Acta Universitatis Lodziensis / Folia Linguistica Rossica, № 14, 2017. – С. 125-133.

5. Розбоудова Л., Копечны Я., Маркова Е. М. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы // Вестник РУДН: Русистика. Том 17, № 1, 2019. – С. 90-102.

6. Centrum vedecko-technických informácií Slovenskej republiky — Братислава, 2019 [Электронный ресурс] // https://www.cvtisr.sk

7. DIGIPEDIA. Koncepcia informatizácie rezortu školstva s výhľadom do roku 2020 / Под ред. Ľ. Šimášek. – Bratislava., 2013 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.minedu.sk/data/att/4796.pdf

8. Koroľová A. Učebnica ruštiny. Čo s ňou? – Bratislava: Metodicko-pedagogické centrum, 2014. – 70 s.

9. Kulichová Z. Postoje žáků a učitelů k ruštině jako dalšímu cizímu jazyku. Diplomová práce. – Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2018. – 98 s.

10. Kvapil R. Od reálií k interkultúrnej kompetencii učiteľa-rusistu. – Bratislava: MPC, 2014.

11. Rámcový vzdělávací program pro základní vzdělávání – Praha: MŠMT. 2017. – 64 s.

12. Rámcový vzdělávací program pro gymnázia (в тексте: RVP G). – Praha: Výzkumný ústav pedagogický v Praze. 2007.

13. Rozboudova L., Konecny J. Choosing a textbook set as one of the problems of the contemporary Russian didactics. XLinguae [онлайн]. 10(1). – 2017. С. 70–86 [дата обращения 2018-07-31]. DOI: 10.18355/XL.2017.10.01.08. Режим доступа: http://xlinguae.eu/2017_10_01_08.html

14. Žofková, H. Problematika vyučování ruštině jako druhému cizímu jazyku a profesionální příprava učitelů cizích jazyků // Fenclová, M. Vzdělávání učitelů cizích jazyků na počátku 21. století. – Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2004. – С. 268–270.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗА МИРА В ПРОСТРАНСТВАХ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Е.Ю. Бекасова
bekasova1706@gmail.com
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
(Москва)

В современном мире явление многоязычия начинает играть особую роль. Если в прошлом способность говорить на нескольких языках была условием эффективной коммуникации с соседями, то сегодня языки являются инструментом организации процессов мировосприятия людей. Опыт распространения русского языка имеет уникальную историю, когда многомиллионное население одной шестой части земного шара получило возможность безграничной культурной, экономической и демографической миграции. Благодаря единому языку была создана общность людей, осознающих себя как единый народ, готовый сплотиться в минуту военной опасности, способный совершать трудовые подвиги на благо свей страны и радоваться общим успехам. Сегодня потеря русского языка у братских народов приводит к эскалации враждебности, непонимания, порождению взаимных обид и конфликтов. Поэтому важно понять и изучить те психологические механизмы, которые лежат в основе формирования мировосприятия и, что особенно важно, понять, какова роль языка в этих процессах.

Изучение процессов многоязычия позволяет говорить о том, что результатом овладения языками является трансформация семантической структуры образа мира. Образ мира формируется в процессе субъективного познания и преобразования окружающего мира [5]. В результате создается особая структура мировосприятия. Она определенным образом организует способы взаимодействия человека с миром, формируя особенности восприятия и понимания любых явлений и событий [6, с. 150].

Образ мира являет собой систему взаимосвязанных представлений человека об окружающем его мире, его взаимоотношениях с другими людьми и отношения к себе и своему месту в этом мире [7, с. 13]. Все наши взаимоотношения с миром в той или иной степени содержат проекцию присвоенного обществен-

ного знания и личного опыта, представленного в виде понятий, смыслов и значений, и регулируемых речью. Одним из основных механизмов построения образа мира является процесс овладения языком. В результате этого процесса формируется одна из «оболочек» образа мира, именуемая семантическим слоем [1].

Семантический слой организуется на основе родного языка и представляет собой структурированную совокупность представлений человека об окружающем мире, оформленных в виде значений. В случае билингвизма, когда человек овладевает иностранным языком, происходит изменение содержания и структуры семантического слоя и, соответственно, трансформация образа мира, построенного на основе родного языка.

Необходимо отметить, что существует значительное количество исследований феномена билингвизма, в которых анализируются особенности сосуществования языков. Большое внимание уделяется лингвистическим проблемам, явлениям интерференции, ошибкам и нарушениям грамматического и фонетического характера. Очень интересны нейропсихологические исследования особенностей функционирования мозга в случае раннего и позднего билингвизма, которые указывают на несомненные преимущества раннего билингвизма [2; 8]. Анализ профессиональных и социальных успехов также подтверждает идею о преимуществах билингвов в современном мире [4].

Однако психологические последствия билингвизма, изменения в способах восприятия и оценки окружающего мира в его природном, социальном и индивидуальном триединстве заслуживают особого внимания. Опыт такого анализа был осуществлен нами с помощью методики семантического дифференциала. Содержательная интерпретация полученных с помощью семантического дифференциала данных дает возможность увидеть мир глазами испытуемого, определить характерные для него способы оценки и осмысления мира, отражающие характеристики его личности.

Исследование проводилось в Московском педагогическом государственном университете на филологическом факультете и романо-германском отделении факультета иностранных языков. В исследовании приняли участие 443 человека: русскоязычные студенты, будущие учителя русского языка и литературы и бу-

дущие учителя немецкого, французского и испанского языков (будущие профессиональные билингвы) [3].

Анализ семантических структур студентов филологического факультета, будущих учителей русского языка и литературы, и студентов факультета иностранных языков, будущих учителей немецкого, французского и испанского языков, позволил увидеть те трансформации, которые происходят с русскоязычным образом мира под воздействием иностранного языка. Сравнительный анализ семантических структур будущих учителей русского и иностранных языков выявил существенные различия в содержании и структурах образов мира.

Анализ семантический структур образа мира будущих учителей русского языка показал, что окружающих мир воспринимается ими как открытое, коммуникативное пространство, которое комфортно и безопасно. Наряду с этим окружающий мир обладает большим энергетическим потенциалом, самодостаточен и не поддается внешнему управлению. Это отличается от мнения будущих профессиональных билингвов, которые, оценивая окружающий мир как комфортное и заботливое пространство, демонстрируют готовность выстраивать партнерские взаимоотношения с миром и, главное, готовность этим миром управлять.

В восприятии и взаимодействии с другими людьми будущие учителя русского языка более насторожены и стремятся соблюдать социальные нормы поведения, оценивая других людей как активных, целеустремленных и успешных, но эгоцентричных. Они считают, что их эффективное общение с другими людьми должно базироваться, в первую очередь, на таких позициях, как заботливость, альтруизм и надежность. В отличие от них будущие учителя иностранных языков, характеризуя других людей, в первую очередь выделяют такие их качества как, заботливость, чувство собственного достоинства, и настойчивостью в достижении целей. Будущие профессиональные билингвы более эмоциональны, непосредственны и дружелюбны к окружающим людям и уверены, что с помощью позитивной коммуникации можно решать любые вопросы.

Сравнительный анализ оценки самих себя выявил у будущих учителей русского языка большую зависимость от внешних оценок и более выраженную потребность в принадлежности и одоб-

рении референтной группы. Оценка самих себя будущими учителями иностранных языков, в первую очередь, выявляет уверенность в себе, в своей успешности, которая базируется, по их мнению, на организованности, настойчивости и упорстве в достижении целей. В основе их самоуважения лежит ответственность и потребность заботиться о других людях. Они убеждены в своей способности вызывать симпатию и успешно взаимодействовать с другими людей, но признаются, что стремятся избегать социального контроля.

Обобщая полученные результаты, с определенной долей условности можно сказать, что русскоязычный образ мира включает в себя доброжелательное, но достаточно пассивное отношение к окружающему миру; готовность к коммуникации с другими людьми наряду с настороженным отношением к незнакомцам; позитивное отношение к себе, часто зависимое от внешних оценок и мнения референтной группы. При овладении иностранными языками происходит изменение отношения к окружающему миру, которое становится более активным и деятельным, преодолевается настороженное отношение к незнакомым людям и формируется более уверенная, независимая и активная самооценка.

В связи с этим было очень интересно провести сравнительный анализ разных языковых групп будущих учителей иностранных языков. Проведенный анализ показал, что существуют значимые различия в проявлении определенных личностных черт, отличающих одну языковую группу от другой, во многом подобных этнопсихологическим характеристикам носителей языков. Так, будущие учителя немецкого языка проявляют наиболее активную социальную позицию, стремятся к сотрудничеству и готовы брать на себя ответственность за других людей. Будущие учителя французского языка оценивают себя достаточно противоречиво. С одной стороны они энергичны и целеустремленны, но у них слабое чувство порядка. Обладая достаточно высоким самомнением, они стремятся навязывать окружающим свою точку зрения, но во многом зависимы от мнения референтной группы. Будущие учителя испанского языка характеризуются выраженной доброжелательностью, оптимизмом, стремлением устанавливать паритетные отношения с окружающим миром и независимостью от внешних оценок.

Таким образом, полученные результаты показали как наличие значимых различий студентов факультета иностранных языков от студентов филологического факультета, так и наличие существенных различий между группами русскоязычных студентов, изучающих разные иностранные языки. Было выявлено, что изменения в субъективных семантических пространствах влекут за собой формирование своеобразных личностных характеристик, которые проявляются в формировании типических личностных черт и стратегий межличностных отношений, во многом отражающих этнопсихологические особенности национальных культур и характеров носителей языков. Полученные результаты наглядно показывают, что овладение несколькими языками, т.е. формирование многоязычия не только в детстве, но и в достаточно взрослом возрасте, влечет за собой формирование особой структуры образа мира и изменения в характеристиках личностных черт.

Изучение процессов многоязычия позволяет прогнозировать те изменения ментальности людей, которые являются результатом овладения любым языком. Можно полагать, что распространение русского языка также трансформирует ментальное пространство иноязычных территорий. Люди, овладевающие русским языком, приобретают способность не только понимать особенности психологии русского народа в процессах знакомства с русским художественным словом, русским искусством, общаясь с носителями русского языка. Владение русским языком позволяет принять характерные особенности межличностных взаимоотношений, уникальные ракурсы мировидения и самооценок. Эти знания дают возможность проводить психологический анализ не только процессов формирования языковой личности человека, но и роли языка в социальных процессах, опосредованных межкультурной коммуникацией

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во МГУ, 1980. 128 с.

2. Бекасова Е.Ю. Современные направления и перспективы исследований психологии билингвизма // Материалы II Всемирного конгресса в реальном и виртуальном режиме: Восток-Запад: пересечение культур. Киото. Япония. 2019. Том II. - С. 390-394.

3. Bekasova, E. Psychological aspects of bilingual education / E. Bekasova // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). Middlebury, Vermont 05753, USA. V.2, Is.1. March 2017. – P. 67-72.
4. Кудрявцева Е. К 2020 году большинство жителей мира будут билингвами [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ria.ru/education/20150428/1061571058.html**.** Проверено: 23.01.2020.
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. Ч. II. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
6. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Московского университета, 1985. – С. 150.
7. Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов . СПб.: Алтейя, 2004. – С. 13.
8. Ramirez F. N., Kuhl P. The Brain Science of Bilingualism Naja Ferjan Source: YC Young Children , Vol. 72, No. 2 (May 2017b), pp. 38-44.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛОКАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Т.А. Сироткина
sirotkina71@mail.ru
БУ «Сургутский государственный педагогический университет»
(Сургут)

Лингвисты традиционно выделяют следующие основные направления лингвокраеведческих исследований [2, с. 5]:

- анализ и изучение всех особенностей местного диалекта;
- этнолингвистическое исследование языка города;
- анализ межъязыковых связей;
- исследование местной ономастики;
- анализ языка художественных произведений местных авторов.

Данные направления исследования языка региона остаются актуальными и в настоящее время. Рассмотрим их на примере языкового пространства нашего региона – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

1. Анализ и изучение особенностей местного диалекта

Особенности северных диалектов присущи и группе говоров, распространенных на нашей территории, которые ученые называют говорами Обь-Иршышского междуречья. В своей книге «Очерки сибирской словесности» А.М. Кошкарева пишет: «К говорам Обь-Иртышского междуречья мы относим говоры

северных районов Тюменской области: Вагайского, Тобольского, Уватского, Ханты-Мансийского, Октябрьского, Березовского, Сургутского, Нижневартовского» [4, с. 10].

Язык и культура первых поселенцев испытали влияние иноязычного окружения. В результате в диалектах Западно-Сибирского региона сложился своеобразных языковой комплекс, в котором, во-первых, сохранились языковые черты «материнского основы», т.е. черты севернорусского наречия, и, во-вторых, возникшие под влиянием языков коренных жителей исследуемых регионов.

Так, к особенностям вокализма можно отнести:

1) произношение Е в соответствии с литературным А в ограниченном круге слов: *зеть – негде взеть*;

2) произношение А вместо Е или Ё: *отец-то у меня был колясник* (колесник); *Ране ись-то нечё было, дак крапиву нахлябывали* (нахлёбывали);

1) полное оканье, О и А различаются последовательно во всех безударных слогах: *Летом в колхозе робили, стога вершили, за скотом ходила;*

2) уканье (произношение У вместо О): *В лесу голубиса, черниса, мурошка, смуродина.*

Особенностями консонантизма являются:

1) мягкое цоканье (совпадение Ч и Ц в варианте Ц'): *Насыплёшь, выц'ередишь, потом толкёшь его, пока шкура не нац'нёт слазить, потом отваришь горяц'ой водой, потом варишь, как пшениц'у - ц'иста да хорошо кутья получатся;*

2) повсеместное произношение долгого твердого Ш в соответствии с долгим мягким Ш' в литературном языке: *Орехи выташшышь, зима подойдёт, будёшь шшолкать.*

Морфологические и синтаксические черты также соответствуют особенностям серорнорусских говоров.

В лексическом плане говоры северных районов Тюменской области представляют огромный интерес для диалектологов. Диалектная лексика отражает все стороны жизнедеятельности сельского жителя: животноводство, хлебопашество, промыслы и ремёсла, быт.

В рамках выполнения проекта по гранту РФФИ «Север Западной Сибири: образы в разных типах дискурса» нам было

интересно выявить, из чего складывается образ территории. Для работы мы использовали материалы не так давно изданного ханты-мансийскими коллегами регионального словаря «Русское слово на земле Югорской» [9]. Анализ материала показал, что образ Севера Западной Сибири репрезентируется в текстах диалектной речи прежде всего через образ жителей данной местности, их занятия, промыслы, традиции. И это не случайно. Как отмечают исследователи, «диалектоносителям мир представляется более вещным, чем носителям литературного языка» [3, с. 6].

Названия людей по роду деятельности отражают такие аспекты жизни социума, как выпас скота и птицы («*Гусевальщик*, это на охоте когда, выпускает звуки гусиные»), ловля рыбы («На берегу, когда стрежевой невод везут, поддерживают крыло невода. Специально *мётчик* бросает невод в воду»). В речи носителей языка представлены традиционные занятия жителей региона, позволяющие им выжить в суровых северных условиях. Так, например, многие мужчины *белковали* – охотились на белку: «Муж мой охотился на белок, белковал с ноября месяца»; «Белковать – бить белку. Так стреляют, чтобы шкуру не попортить».

Еще один аспект отражения образа региона – репрезентация сибирской флоры и фауны. Будучи тесно связанными с лесом, жители Сибири хорошо знают растения тайги, животных и птиц, обитающих в ней: «В лесу птица есть такая, белая дикая гусыня, называют *белозобая казарка*».

2.Этнолингвистическое изучение языка города

В названии данного аспекта регионоведческих исследований не случайно употребляется определение «этнолингвистический». Этнолингвистика, как мы знаем, исследует язык в разных формах его существования в связи с историей этноса, описывает языковую ситуацию, сложившуюся в конкретный исторический период, изучает язык различных этносоциальных слоев населения.

Еще в 20-е годы XX века Борис Александрович Ларин поставил задачу изучения «языка города» как третьей основной части языковых явлений, занимающей место между литературным языком и крестьянскими диалектами. Он считал, что языковой быт города лежит в основе литературного языка, и

эволюцию литературного языка нельзя понять без обращения к «языку города» [5, с. 61].

Комплексное изучение языка города на примере Сургута нам еще предстоит в будущем. Однако уже появляются отдельные работы, посвященные, например, особенностям коммерческой номинации. Так, Н.Н. Сафонова и Т.А. Ермаковская в статье «Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века» на материале Интернет-ресурса 2gis.ru/Surgut предложили вниманию читателей классификацию современных сургутских названий предприятий.

Однако детальному описанию еще подлежат элементы сургутского городского просторечия, системы отдельных социолектов и профессиолектов (например, нефтяников, газовиков), городской ономастикон в целом.

Многочисленные сведения о регионе мы можем получить, например, при рассмотрении югорской урбанонимии. Названия улиц Ноябрьска, Сургута, Ханты-Мансийска и других городов репрезентируют ее, с одной стороны, как «место в лесу» (Еловая, Кедровая, Таёжная – Сургут, КСК Кедр, Таёжная – Ханты-Мансийск, Кедровая, Лесной переулок, Лиственная, Пихтовая, Хвойная, Таёжная – Ноябрьск), с другой стороны – стремительно развивающаяся территория, на которой добывается нефть и газ, ведется активное строительство (Буровиков, Нефтяников, Геологическая, Геологов, Геодезистов, Геофизиков – Сургут, Газовиков, Геофизиков, Геологов – Ханты-Мансийск, Изыскателей, Первопроходцев, Энергетиков – Ноябрьск). Навеки вписаны в городской ономастикон имена тех, кто способствовал освоению территории, ее развитию: нефтяников Бахилова, Губкина, Мелик-Карамова (Сургут), Федорова, Щербины (Ханты-Мансийск), Городилова, Муравленко (Ноябрьск), строителя Семёна Билецкого, строителя железнодорожных магистралей Коротчаева (Сургут, Ноябрьск), энергостроителей Каролинского и Киртбая, геофизиков Федорова (Сургут), Сутормина (Ноябрьск, Ханты-Мансийск), архитектора Пискунова (Ханты-Мансийск).

3.Анализ межъязыковых связей

Важный и интересный аспект лингвокраеведческих исследований – анализ межъязыковых связей. Особенно актуален

он для полиэтничных регионов, одним из которых является ХМАО-Югра.

Исследованием функционирования языков коренных малочисленных народов севера активно занимается Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). В поле нашего внимания в разное время попадали лишь местные географические названия – топонимы. Но и по ним, безусловно, можно судить о том, насколько тесно взаимодействуют разные языки на рассматриваемой территории.

По наблюдениям А.К. Матвеева, «географическая номенклатура ныне функционирующих агглютинативных языков коренного населения образует вместе с коми и русскими названиями верхний слой топонимии Тюменского Севера, под которым находится нижний (субстратный) слой слов неизвестного происхождения» [6, с. 7].

На правобережье Оби, а также в Ямало-Ненецком автономном округе обычны хантыйские названия, в которых используются географические термины *ёхан* – «река», *эмтыр* – «большое озер», *тор, лор* – «поемное озеро», *сор, курт, пухыл* – «селение». В бассейнах Северной Сосьвы и Конды распространены мансийские наименования, для которых наиболее характерны географические термины *я* – «река», *тур* – «озеро», *павыл* – «селение», «деревня», ср. Вор я – «Лесная река», Ампынг тур – «Святое озеро», Тимка павыл – «Селение Тимофея». С переселением в Приобье отдельных групп коми-зырянско населения здесь появилась коми-топонимия, для которой характерны географические термины *ю* – «река», ва – «вода», кар – «городок», горт – «дом».

4. Исследование местной ономастики

Выделяя основные направления современной регионалистики, ученые-лингвисты на одно из важных мест ставят региональные ономастические исследования. И это не случайно. Описание местной топонимии и антропонимии дает возможность выявить лингвистические основы местных наименований, проследить историю заселения и освоения края, описать языковую картину мира этносов, населяющих регион.

Нельзя не сказать о том, что огромный вклад в развитие ономастики ХМАО-Югры внесла профессор СурГПУ Нина

Никифоровна Парфенова. В 2006 году в Сургуте вышла монография Нины Никифоровны «Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI – XIX вв.)» [7], в которой анализу было подвергнуто около четырехсот апеллятивов, составляющих мотивирующую базу для формирования русской топонимии в период освоения Зауралья.

В своей статье «Субстратная топонимия Среднего Приобья» [8] она рассматривает субстратные топонимы Сургутского района ХМАО-Югры и делает вывод о том, что на данной территории представлены субстратные топонимы, образованные от апеллятивов, обозначающих реальные свойства объекта, а также отражающие мифологические представления коренных народов.

Так, например, в основе наименования рек в качестве отличительных признаков выступают:

- размер и форма объекта: Васюган – «узкая река» (хант. *вас* – «узкий»);
- ориентация реки по отношению к другим географическим объектам: Суньеган – «угловая река» (хант *сун* – «угол»);
- характер течения, состояние дна и воды, особенности рельефа, глубина и наполняемость: Сорумъеган – «пересыхающая река» (хант. сорэм – «сухой, мелкий, неглубокий»);
- названия птиц, животных: Песекеган – «песцовая река» (хант *песек* – «песец»);
- мифологические представления ханты: Колегеган – «воронья река» (хант. колек – «ворона»).

5. Анализ языка художественных произведений местных авторов

Данный аспект исследований вписывается в русло современной лингвоперсонологии – раздела языковедения, занимающегося исследованием языка отдельных языковых личностей. И в Сургуте, и в ХМАО-Югре в целом живет и пишет целый ряд самобытных авторов, язык которых можно и нужно исследовать. Многое здесь, безусловно, еще предстоит сделать, хотя работа в данном направлении уже началась. В частности, У.Д.Агакишиева в своих исследованиях описывает особенности идиостиля известного хантыйского автора, пишущего на русском языке, Еремея Даниловича Айпина. Одной из ярких черт идиостиля писателя, говорит она, является использование им

лексики, отражающей, во-первых, его национальную принадлежность, во-вторых, идейную мотивационную составляющую его творчества – стремление сохранить культуру ханты, остановить исчезновение своего родного этноса и способствовать его возрождению [1].

К такой лексике относятся этнографизмы, с помощью которых автор называет разнообразные реалии жизни и быта ханты (бурки – меховые сапожки с орнаментами и другими украшениями из сукна и бисера, гусь – мужская глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу, малица – глухая мужская одежда мехом внутрь, набирка – берестяная посуда для сбора ягод, сак – женская меховая шуба мехом внутрь) и экзотизмы – хантыйские слова, употребленные писателем в русскоязычном тексте (Ас – хантыйское название реки Обь, воки – хантыйское название лисы, лав – конь, Лынгал – хантыйское название реки Иртыш, пан – клюква).

Помимо названных А.Н. Борисовой направлений лингвокраеведческих исследований, актуальным представляются следующие.

6. Анализ языка местных памятников письменности

Исследование языка письменных памятников является особенно актуальным как для изучения истории региона, так и для изучения истории языка. Основные архивные документы нашего региона находятся в архивах г. Тобольска. Поэтому описанием их активнее всего занимаются тобольские ученые, в частности, Маргарита Степановна Выхристюк. Так, в архивах она нашла и описала тобольский вариант «Лечебника XVII века», который сообщает читателям о том, как, например, надо принимать пищу, чтобы это «не вредило нас и давало здравие всем суставам». Интересно данное в рукописи предостережение не ложиться в теплую постель после обильной еды: «вельми нездраво и тяжек человек тогда… Добро есть после обеда опочити в хладном месте».

Однако, наряду с рукописными документами, есть опубликованные тексты, которые представлены, например, в книге «Русские старожилы Сургутского края». Все это требует отдельного изучения и описания.

7. Язык местного фольклора

Если фольклор ханты и манси довольно активно исследуют ученые Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, то традиционный фольклор русского населения, хотя и активно собирается (в ходе экспедиций «Славянский ход», организуемых КРК им А.С. Знаменского, в ходе фольклорной практики нашими студентами), однако комплексное описание языка различных жанров русского фольклора, бытующих на территории Югры, – дело, видимо, ближайшего будущего. А фольклор этот интересен и разнообразен: легенды о Ермаке, свадебные песни, детские прибаутки, потешки, загадки, святочные гадания и колядки, обрядовая и необрядовая лирика – каждая жанровая разновидность имеет свои языковые особенности, свою систему выразительных средств и именования персонажей.

Поэтому очень своевременной является работа по созданию электронных вариантов дневников фольклорной практики, которая началась на нашем факультете. Данные материалы мы сможем постепенно вводить в научный обиход.

Итак, что такое русский язык в локальном аспекте? Это конкретные югорские топонимы и эргонимы, хантыйские и русские названия местных реалий, сургутское городское просторечие и профессиональные жаргоны сибирских первопроходцев, язык текстов прошлого и современных художественных произведений региональных авторов. Все это составляет культурно-языковое пространство региона, требующее внимательного исследования и описания.

Литература

1. Агакишиева У.Д. Лексические черты идиостиля Е.Д. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. – С. 71 – 73.

2. Борисова А.Н. Лингвокраеведение и профессиональная подготовка учителя-словесника. Пермь: ПГПИ, 1991. – С. 5 – 10.

3. Демидова К.И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2011. № 22. – С. 6 – 12.

4. Кошкарева А.М. Очерки сибирской словесности. Нижневартовск: Изд-во Нижневаттовского государственного гуманитарного университета, 2010. – 240 с.

5. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении языка города // Русская речь: сб. статей / под ред. Л.В. Щербы. Вып. 3. Л,, 1928. – С. 61 – 75.
6. Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. – 180 с.
7. Парфенова Н.Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI – XIX вв.). Сургут: РИО СурГПУ, 2006. – 210 с.
8. Парфенова Н.Н. Субстратная топонимия Среднего Приобья // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. – С. 129 – 134.
9. Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья). Тюмень: ООО «Формат», 2017. – 540 с.
10. Сафонова Н.Н., Ермаковская Т.А. Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века // Вестник угроведения. 2019. № 2. – С. 260 – 270.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «РУССКОЕ СЛОВО» В АСПЕКТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

М.В. Слизкова
ruslo74@mail.ru
Южно-Российский государственный политехнический университет
имени М.И. Платова (НПИ)
(Новочеркасск)

Очевидна эффективность внешней и внутренней языковой политики России. Однако остается много проблем, касающихся состояния русского языка. Как сказал Президент Российской Федерации, русский язык и литература заслуживают большего, чем сделано до сих пор. Таким образом, бесспорна необходимость укрепления позиций нашего родного языка внутри страны и за ее пределами.

Языкознание должно существовать «не в себе и для себя». Необходимо распространять лингвистические знания для людей разных специальностей, имея в виду, что популяризация русского языка – одна из главных задач строительства культуры в России. Опасение вызывает снижение уровня владения русским языком как государственным, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения в ряде регионов. Тревожно излишнее употребление в речи сленга, жаргонизмов, заимствований, псевдокультура интернет и смс-переписки, расшатывание языковых норм.

Именно поэтому было учреждено филологическое общество «Русское слово». Оно ставит перед собой следующие задачи: создание благоприятных условий для объединения специалистов в целях профессионального единства, обмена опытом, реализации творческого потенциала, популяризация русского языка и поддержание его литературных норм, исследование казачьего фольклора во всех его формах, повышение уровня речевой культуры. Для реализации таких задач общество осуществляет свою деятельность в таких направлениях как сотрудничество с ведущими учеными в области филологии, опубликование в средствах СМИ статей, материалов по языкознанию с просветительской целью, сотрудничество со школами, колледжами, вузами, библиотеками, детскими домами.

Выполняя представленные задачи, важно учитывать, что популяризация должна быть профессиональной (авторами статей, передач должны быть профессиональные лингвисты), систематической (работа должна проводиться не от случая к случаю, а в составе определенных циклов или в рамках регулярно представляемого отдела), интересной для неспециалиста. Несомненно, важно разнообразить формы, жанры. Помимо лекций и статей, можно проводить игры (например, «найдите нужное слово»), диалоги о языке и культуре, читать рассказы об интересных лингвистических изданиях и так далее. Что касается школьников, важно показать им богатство и самобытность родного языка, научить правильно использовать выразительные средства в своей речи. Если говорить о разнообразии содержания, можно обсуждать вопросы о происхождении языка, о риторике, этимологии, жаргонах, диалектах, о вытеснении бумажной книги электронной, о смешении стилей, употреблении квазианглийских слов, о словаре мемов. Все это следует преподносить в занимательной форме, чтобы слушатель активно включался в дискуссию. Молодым людям необходимо объяснять, что любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке вариантные формы, а не произвольное желание говорящего. Полезно описать требование понятности и привести следующий пример. М. М. Спиранский в «Правилах высокого красноречия» не без юмора замечает: «Кто хочет писать собственно для того, чтобы его не понимали, тот

может спокойно молчать». По мнению исследователей, общепонятность языка определяется, прежде всего, отбором речевых средств, а именно необходимостью ограничить использование слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости.

Важно каждый день доказывать окружающим, как богат и чудесен русский язык, что убогая, бедная в языковом значении речь воспринимается как отрицательная характеристика человека, свидетельствует о его поверхностных знаниях, низкой речевой культуре, о недостаточном запасе слов; но главное: бедность, серость, однообразие языка связано с бедностью, серостью и неоригинальностью мысли. Стократ прав К.И. Чуковский, написавший в книге «Живой как жизнь»: «*Не для того наш народ вместе с гениями русского слова – от Пушкина до Чехова и Горького – создал для нас и для наших потомков богатый, свободный и сильный язык, поражающий своими изощренными, гибкими, бесконечно разнообразными формами, не для того нам оставлено в дар это величайшее сокровище нашей национальной культуры, чтобы мы, с презрением забросив его, свели речь к нескольким десяткам штампованных фраз».*

Несомненно, мы опираемся на опыт известных филологов, которые вселяют оптимизм по поводу будущего русского языка. Например, вот что говорит о его состоянии доктор филологических наук Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург): «Один французский лингвист, Жозеф Вандриес, сравнивал язык с рекой. Течет река, потом наступает поздняя осень, ее начинает сковывать лед. Смотришь – наступила зима, река вся покрыта льдом. Кажется, что течение остановилось. Но потом приходит весна, лед взламывается, и на поверхность выбрасывается куча мусора. Кажется, что все засорилось. Но проходит время, река очищается и течет дальше, подпитываясь новыми источниками. Так что мусор уплывет, волноваться не надо. В 90-ые мы пережили взлом льда, а сейчас река начинает входить в свои берега. Разумеется, с теми живыми добавками, которые превращают наш язык в живой, как жизнь, по меткому выражению К.И. Чуковского». На страницах журнала «Русская речь» была проведена письменная дискуссия, в которой участвовало большое количество известных филологов. Исходя из анализа их ответов, можно сделать вывод: русский

язык продолжает существовать, все с ним хорошо, и он входит в десятку самых распространенных языков в мире по количеству носителей языка, по количеству изучающих русский язык как второй иностранный. Дело в самих его носителях. Часто богатство выразительных средств заменяется речевыми штампами, бездумно используются заимствования, слова-паразиты, очевидна примитивность телефонных сообщений, нежелание и неумение выходить за пределы пользовательского лексического минимума. Нам следует думать о том, как мы пользуемся русским языком, чаще поднимать вопросы, связанные с культурой речи, с грамотностью.

Пропаганда лингвистических знаний – дело нелегкое, скрупулезное, но необходимое и важное. Надо помнить, что русский язык дает возможность русским оставаться русскими, то есть сохранять самобытность, традиции, связь поколений. Процитирую Марину Королеву (автора популярных программ о русском языке): «Осенью прошлого года я ездила в Ярославль, в областной библиотеке была большая встреча. Захожу – в зале двести человек! Думала, ошиблась дверью. Это что, все пришли послушать про русский язык, вопросы задать? Не было других вопросов. Ни про Путина, ни про «Эхо Москвы» никто не испрашивал, хотя никто не запрещал, не ограничивал, хоть вслух, хоть в записках могли спрашивать про что угодно. Нет только язык. Почему? У меня на это есть почти дежурный ответ: русский язык – это едва ли не единственное сейчас, что нас объединяет. От Калининграда до Владивостока, от президента до бомжа, от «крымнаш» до «несистемной оппозиции». А еще каждому говорящему по-русски кажется, что язык принадлежит ему, раз он на нем говорит и знает о нем все. А о том, что твое, неотъемлемое твое, как же не поспорить с соседом, который считает это тоже своим». Если все складывается таким образом, то не все потеряно. Люди задумываются, люди беспокоятся, хотят принять участие.

Русский язык объединяет нас, хранит, передает культурные ценности из поколения в поколение, выбирает направление научным исследованиям, оживляет наше самосознание. Забота о состоянии нашего родного языка – гарантия сохранения, развития русской культуры, русской нации. Мы в свою очередь надеемся оправдать слова Н.В. Гоголя и сохранить язык, о котором писа-

тель говорил так: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи», «… язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованьем, чтобы все те неясные звуки, неточные названья вещей – дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, – не посмели бы помрачить младенческой ясности нашего языка, и возвратились бы к нему, уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным. Все это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь. Пройдет эта речь уже насквозь всю душу и не упадет на бесплодную землю».

Чтобы подчеркнуть необходимость грамотно владеть русским языком, осознавать его самобытность, упомяну свою любимую историю об адвокате и блестящем ораторе Анатолии Федоровиче Кони, который защищал священника, совершившего воровство и прелюбодеяние. Кони сказал несколько фраз, и священник был оправдан: «Господа присяжные заседатели! Дело ясное…. Прокурор во всем прав. Все эти преступления подсудимый совершил и во всем признался. О чем тут спорить? Но я обращаю внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который 30 лет отпускал вам грехи ваши на исповеди. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему грех». Вот она! Сила слова!

Литература

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2013. 250с.
2. Крысин Л.П. О русском языке наших дней. Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. 100 с.
3. Кони А.Ф. Искусство судебной речи. М., 2008. 250 с.

РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.Ю. Морозова
lyu.morozova@mpgu.edu
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
(Москва)

После распада Советского Союза и периода эйфории, связанного с обретением независимости, бывшие союзные республики столкнулись с проблемой реорганизации образовательной системы, отвечающей национальным интересам новых государств. В этой связи вопрос о языковой самоидентичности наций стал особенно актуальным, но решался по-разному в разных государствах и даже на разных территориях. В результате к настоящему моменту «постсоветское пространство» оказалось разбито на несколько «образовательных анклавов», различающихся: 1) ориентацией на конкретную образовательную модель (американскую, европейскую, неороссийскую, собственно-этническую), 2) степенью присутствия языка (государственного, русского, английского) в образовательном пространстве, 3) уровнем поддержки научных кадров со стороны государства. Целью данной статьи является анализ образовательных систем с позиции функционирования в них англоязычных и русскоязычных образовательных программ.

Языковая политика независимых государств, направленная на расширение общественных функций государственного языка (языка титульной нации) и защиту национальной культуры, повлекла за собой значительное сужение сферы применения русского языка и увеличение количества англоязычных образовательных программ. Образование на английском языке стало восприниматься как шанс получить престижную работу в своей стране или за рубежом, а следовательно, изменить или существенно улучшить жизнь. По замечанию исследователей, английский язык начал определяться «как язык «статусный», язык профессиональный… <…> глобализация английского языка охватила практически все существующие языки» [6, с. 279]. Образовательные программы на английском языке существенно отличались от того, что могло предложить традиционное (постсоветское) образование. И даже после присоединения России к Болон-

скому процессу ситуация существенно не улучшилась: двуязычные программы совместно с университетами бывших союзных республик разрабатывались крайне редко и медленно, в результате Россия фактически потеряла этот сегмент рынка образовательных услуг.

Первыми странами, предложившими англоязычные программы, стали государства Прибалтики. Фактически они лидируют и сейчас. Например, в Эстонии действует огромное количество англоязычных программ (по данным на 2018 г. – более 150), все эти программы являются модульными и позволяют очень быстро подстраиваться под текущий экономический процесс, соотносить учебные программы с последними достижениями науки. Последнее касается не только технических, но и гуманитарных дисциплин, которые недостаточно развиты в российских вузах. Например, поступая на магистерскую учебную программу «Международное право и права человека» Тартуского университета, выпускник может стать полноценным экспертом по международному праву и правам человека, обладающим широкими знаниями и практическим опытом. Такая программа является в своем роде уникальной, а освоение ее на английском языке открывает совершенно иные перспективы в жизни.

Контент многих англоязычных образовательных программ (особенно гуманитарных направлений) существенно отличается от традиционных и привычных для нашего образования, поэтому, конечно, воспринимается как прогрессивный.

Кроме того, обучение в Прибалтийских республиках уже на этапе реорганизации было разделено на академическое и профессиональное, и эта тенденция сохранилась до сих пор: в прикладном бакалавриате существенное место занимает практический блок, теоретические знания ограничиваются сферой узко профессиональных интересов и т.п. И, поскольку страны входит в Евросоюз, их системы обучения подстроены под принципы Болонского соглашения.

Вузы Латвии ориентированы на параллельное освоение образовательных программ на английском и латышском языках. То есть на первых курсах идет преподавание на двух языках по выбору студента. Для иностранных студентов осуществляется практика постепенного перехода на государственный язык обучения:

первые 2-4 семестра студент может изучать дисциплины по своей специальности на английском, одновременно обучаясь на бесплатных курсах латышского при университете. По окончании вуза выпускник свободно изъясняется на нескольких языках. Ряд вузов предлагает полные программы на английском без перехода на латышский язык. В любом случае, почти все преподаватели свободно владеют несколькими языками, поэтому проблем с общением и пониманием предметов у иностранного студента не возникает. Среди вузов, активно реализующих англоязычные образовательные программы, можно отметить, например, Высшую школу бизнеса, искусств и технологий Riseba (Riseba University), Рижскую бизнес-школу (Riga bisiness-school), Рижскую высшую школу права (Riga Graduate School of Law), Рижский технический университет (Riga Technical University), Рижский университет имени Паула Страдыня (Riga Stradins University RSU), Академию технологий Резекне (Rezekne Academy of Technologies PAT), где только магистерских англоязычных программ насчитывается больше двадцати.

В качестве примера приведем фрагмент программы на английском языке «Архитектура и дизайн», реализуемой Академией технологий Резекне (PAT) совместно с Университетом Ливерпуля (University of Liverpool, Великобритания). В аннотации к курсу сказано: «The course combines individual creativity with knowledge and understanding of a broad variety of technical and cultural issues, which constitute the context within which design takes place. The programme requires successful graduates to demonstrate through a coherent portfolio of work their ability to: 1) Produce architectural proposals that are aware of the history and theory of the discipline, are based on an understanding of society and its culture, and make appropriate use of the built and natural environments; 2) Combine imaginative design with demonstrable skills in clear and up-to-date communication techniques, knowledge of constructional and environmental techniques, and awareness of the professional role of the architect» [https://www.liverpool.ac.uk]. То есть делается акцент на формировании компетенций, помогающих специалисту создавать уникальные архитектурные продукты, сочетающие в себе понимание культурных традиций с оптимальным использованием потенциала окружающей среды. В качестве дисци-

плин учебной программы предлагаются такие, как: 1) History of Architecture (История архитектуры); 2) Architecture and the Built Environment (Архитектура и внутренняя среда); 3) Environmental Design (Экологический дизайн); 4) Design Communication (Коммуникационный дизайн); 5) Structure and Construction (Технологии и строительство); 6) History and Theory of Architecture (История и теория архитектуры); 7) Urban Studies (Изучение городов). Конечно, большинство предлагаемых дисциплин являются новыми и вызывают активный интерес у потенциальных абитуриентов.

Достаточный опыт в реализации англоязычных программ показывает и Грузия. Так, Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили реализует образовательные программы на английском языке в различных областях знания. К ним, например, относится инновационная магистерская программа «Общественное здравоохранение», разработанная вместе с норвежскими учеными в рамках проекта «Сотрудничество Грузии – Норвегии в общественном здравоохранении». Англоязычная докторская программа по математике разработана совместно с профессурой математического института Геттингенского университета имени Георга-Августа Ральфа Мейера и Инга Вита. Программа создана по аналогу программы Геттингенского университета. Пройдя докторскую образовательную программу по урбанистике, достаточно новому и популярному направлению в образовании, можно получить двойной диплом (Double Degree) по урбанистике и архитектуре – грузинский и европейский.

И это только единичные примеры достаточно успешного функционирования английского языка на постсоветском пространстве, подтверждающие слова авторитетного английского лингвиста Д. Кристала о том, что если «…в 1950 г. вопрос о международном статусе английского языка мог быть не более чем темой для дискуссии», то «уже 50 лет спустя этот факт не вызывает споров и сомнений» [3, с. 105].

К сожалению, не все государства постсоветского пространства смогли адаптироваться в рамках избранной образовательной модели. Некоторые упустили даже те возможности, которые были даны им в период пребывания в составе союзного государства. Отчасти этому, как ни странно, способствовал процесс «деруси-

фикации» (переход на латинскую графику, отказ от учебных пособий и образовательных программ на русском языке и пр.). Такая ситуация сложилась в странах Средней Азии – Узбекистане, Киргизстане, Туркменистане. Исследователи отмечают, что население этих регионов «все хуже и реже говорит по-русски» [1, с. 174], хотя в республиках проживает значительное число национальностей, для которых русский язык является главным в межнациональным общении.

Оценивая лингвистическую ситуацию в Узбекистане, Е.В. Воевода пишет о том, что «дерусификация повлекла за собой еще одну, неожиданную проблему: «выдавленный» русский язык потянул за собой на дно и узбекский», поскольку «переход с кириллицы на латиницу стал системной ошибкой, которая практически вывела из обращения узбекский язык. Теперь многие дети, особенно в глубинке, не могут читать по-узбекски, если запись сделана на кириллице, а взрослые и старики не могут прочесть узбекский текст, написанный на латинице. Из-за частой смены алфавита в республике часть населения снова оказалась неграмотной. Переход на латиницу – одно из проявлений лингвокультурной доминанты английского языка. В последнее время на фоне растущей исламизации идут разговоры о переходе на арабский алфавит» [1, с. 174].

В Туркменистане ситуация складывается не лучшим образом. Молодое поколение туркменов практически не владеет русским языком, и лишь небольшая часть владеет английским на уровне, достаточном для получения образования на нем. Несмотря на то, что в стране действуют американские программы, позволяющие молодежи получить образование в США с последующим трудоустройством, английский язык в школах преподается на крайне низком уровне, не позволяющем воспользоваться предлагаемыми образовательными услугами. Россия же подобных образовательных программ не предлагает вообще, поэтому знание английского языка гарантирует больше перспектив, чем знание русского. Мы согласны с высказыванием Роя Медведева о том, что «английский язык не заменяет и не вытесняет национальные языки там, где они самодостаточны. Он существует как параллельный или второй государственный язык в тех странах, где национальные языки оказались не столь сильны и развиты (Кения, Филип-

пины, Сингапур)» [5]. Однако, как нам кажется, в случае с отдельными постсоветскими государствами речь может идти, скорее, не о «силе и стойкости» языков, а о бедности государств, когда изучение иностранных языков (как русского, так и английского) не представляется для населения ценным. Особенно это относится к сельским районам, когда отсутствие контактов с носителями языка дополняется отсутствием телевидения и элементарного доступа в Интернет.

В постсоветских государствах Средней Азии все большую активность развивает Турция, открывая языковые курсы и культурные центры, совместные учебные заведения. Ученые – политологи и лингвисты – считают реальным прогноз о том, что «в недалеком будущем на основе английского, русского, турецкого языков появятся пиджины – языки, не имеющие коллектива исконных носителей, которые возникают на основе нескольких разнотипных языков и имеют упрощенную структуру и лексический состав» [1, с. 174].

Вывод, который можно сделать на основании изложенного, сводится к следующему: функционируя на территориях бывших союзных республик, русский и английский языки во многом открывают населению доступ к системе мировых знаний, особенно в таких областях, как наука и техника, являющихся основой образования. Причиной, по которой страны выбирают русский или английский языки в качестве официального или основного иностранного языка в школах, является подчинение избранной образовательной модели. Выбор языка – это выбор партнера в экономике, политике, культуре, поскольку именно через язык происходит приобщение народа к социокультурным ценностям.

Литература

1. Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве // Межкультурная коммуникация. 2012. № 6 (27). С. 172–175.

2. Егоров В.Г., Болтовский С.О. Русский язык на постсоветском пространстве // Обозреватель-Observer. 2011. – №11. С. 57-65.

3. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 2001. 238 с.

4. Кондрашкина Е.А. Английский и русский языки в контексте глобализации // Альманах современной науки и образования. 2016. № 7 (109). С. 39–43.

5. Медведев Р. Феномен глобализации и языки СНГ // Российская газета. 2005. 15 ноября.
6. Позднякова А.А Проблемы языка в аспекте глобализации // Преподаватель XXI век. 2011. №2. Ч.2. С. 277–283.

РОССИЙСКАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МУЗЕЯ

Л. В. Савостьянова
628642@mail.ru
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»
(Ялта)

Современная риторика – филологическая дисциплина, изучающая искусство речи, ораторское искусство, красноречие. Содержание термина со временем менялось, и от первоначального понимания риторики как науки об ораторском мастерстве расширилось до теории прозы и аргументации. Риторика, как известно, развивалась под влиянием Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана. Расцвет христианского красноречия относится к IV-V векам. Западное красноречие было особенно сильным в Италии (Бембо и Кастильоне; XVI век), где развивалось учение о трёх стилях. В России до Петра I формировалось только духовное красноречие (гомилетика), которое преподавали в юго-западных духовных школах с XVII в. на латыни. Первые русские научные труды по риторике написал М. Ломоносов («Риторика», 1748, и «Рассуждение о пользе книг церковных», 1757).

Освоение основных постулатов риторической культуры, несомненно, поможет музею повысить качество своей работы и свой статус. Возрождение риторики в современной России связано с тем, что она обеспечивает полноценное филологическое образование и включает в себя умение пользоваться речью в профессиональных целях [1, с. 4].

Работа в музее с посетителями – сфера повышенной речевой ответственности, которая требует общения на профессиональном уровне, за изменениями в содержании которого надо следить. Время идет, языковой вкус эпохи меняется. Меняются и требования к речи экскурсовода в музее, где, бывает, мы слышим не жи-

вую речь, а некое подобие магнитофонной записи, т. е. быструю, плохо интонированную речь, нацеленную только на быструю передачу информации и не вызывающую позитивных эмоций и чувств. Современный экскурсовод обязан быть современной коммуникативной личностью, чтобы эффективно общаться в сфере профессионального общения, владеть базовыми речевыми жанрами академического и учебно-научного подстилей научного стиля речи.

Достаточно часто одной из причин профессиональной неуспешности являются коммуникативные неудачи, и по этой причине необходимо освоить требования успешной, уместной и целенаправленной речи, что и обеспечивают методические инструменты риторики [1, с. 4].

Успешная реализация профессиональных компетенций в любой сфере, в том числе и в музее, невозможна без высокой коммуникативной компетенции, а она формируется при наличии трех опор, «трех К»: контакта, коммуникабельности, коммуникативности. Контакт обеспечивает взаимопонимание, коммуникативность предполагает свободное владение языковыми средствами на всех уровнях языка, коммуникабельность обеспечивает беспроблемное вступление в общение с адресатом.

Если эти требования соблюдены, экскурсионная речь будет успешной [2, с. 28, 32, 34). Риторические навыки помогут экскурсоводу правильно объяснить, проконсультировать, защитить свои идеи. Экскурсовод в музее не оратор, а ритор, т. е. не тот, кто призывает и агитирует, а тот, кто аргументированно и эмоционально излагает требующуюся для этой экспозиции информацию с соблюдением норм литературного языка, с учетом реального уровня познаний аудитории, проявляя уважение к аудитории и самоуважение [3].

Риторические правила проведения лекции давно известны, и в рассказе «Скучная история» устами своего героя, заслуженного профессора, тайного советника и кавалера Николая Степановича А. П. Чехов перечислил главное: «…кроме таланта, иметь сноровку и опыт», «хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел…», «…передо мной полтораста лиц… Цель моя – победить эту многоголовую гидру», «облекать свою мысль в такую форму, которая была бы доступна разуме-

нию гидры и возбуждала бы ее внимание», «чтобы мои мысли передавались в известном порядке» [4, с. 176].

Экскурсионная речь как речевой жанр имеет этикетное начало: обращение к слушателям, приветствие, представление себя аудитории, представление темы и маршрута экскурсии. Далее, в основной части лекции, т. е. в повествовании, необходимо проявить следующие познания: рассказать что-то интересное для этой аудитории, прокомментировать конкретные экспонаты, пояснить свою точку зрения. В заключении формулируется основная идея лекции [5].

Трудность восприятия лекции адресатами в том, что речь экскурсовода – монолог. Экскурсоводу надо превратить монолог в диалогизированный монолог. И хорошо, если в возникшей ситуации обсуждения получится полилог. «Хорошая речь» (по Т. А. Ладыженской), хорошее владение формами речи (монолог, диалог, полилог) и всеми необходимыми жанрами устной речи необходимы каждому экскурсоводу. Это позволит ему стать коммуникативным лидером, организатором совместной интеллектуальной деятельности во время экскурсии. Если музейный педагог проводит музейный урок, то такое мероприятие вызывает устойчивый интерес к изучаемой теме, формирует детскую творческую личность, позволит комплексно решать образовательные и развивающие задачи. Экскурсовод тоже имеет такие возможности.

Т. А. Налимова [5] определила экскурсионную речь экскурсовода или музейного педагога как устный текст в форме звучащего диалогизированного монолога с поликодовым характером передачи информации. Это текст информативный, ретроспективный, обладающий проспекцией, когезией, цельностью, членимостью, интегративностью, завершенностью. Может быть первичным, вторичным, первично-вторичным; моноперспективным или полиперспективным, обязательно прерывно-фабульный, с трихоматическим членением. Жанрообразующие признаки экскурсионной лекции таковы: официальная обстановка; адресант – экскурсовод или музейный педагог; адресат – посетители; адресант реализует три функции: информативную, воздействующую, гедонистическую. Фактор устности требует от адресанта разнообразия звуковысотного,

тембрального исполнения речи, вариативности темпо-ритма и других способов звукового контакта со слушателями.

Экскурсионная речь является коммуникативным процессом, в котором две стороны: коммуникативный лидер (экскурсовод), который направляет внимание и передвижение, и адресанты – те, кто воспринимает высказывание экскурсовода. Задействованы, следовательно, два вида речевой деятельности: говорение (экскурсовод), активное слушание (аудитория).

Риторика предписывает экскурсоводу следующее речевое поведение:

– *предтекстовый этап*: формулирует тему и цель, планирует маршрут, объекты показа, подбирает материал, анализирует качество материала;

– *текстовый этап*: знакомится, объявляет тему и цель экскурсионного общения; создает коммуникативную ситуацию (дает установку на слушание, сообщает информацию, контролирует внимание);

– *послетекстовый этап:* оценивает эффективность экскурсионного высказывания.

Итак, методические инструменты риторики помогут экскурсоводу повысить качество своей деятельности и этим умножить количество людей, спешащих в музей за знаниями и эмоциями.

Литература

1. Авдонина, Л. П. Античные риторические упражнения в системе обучения речи /Л. П. Авдонина – Saarbrucken : Lambert, 2016. – 58 с.

2. Ладыженская, Т. А., Ипполитова, Н. А., Авдонина, Л. П. и др. Школьная риторика. 9 класс / Т. А. Ладыженская, Н. А. Ипполитова, Л. П. Авдонина и др. - М. : Баласс, 2012. – 272 с.

3. Мурашов, А. А. Основы педагогической риторики / А. А. Мурашов. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – 480 с.

4. Чехов, А. П. Скучная история / А. П. Чехов // Рассказы. Повести. Пьесы. – М .: Художественная литература, 1974. – С. 168-216.

5. Налимова, Т. А. Экскурсионная речь как профессиональный педагогический жанр учителя – словесника : автореферат дис. … кандидата филологических наук / Т. А. Налимова - Екатеринбург, 2001.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.М. Чекалина
etch1@yandex.ru
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(Москва)

Функционирование различных языков Европы в поликультурном пространстве привело к появлению интернациональных слов, заимствованных из общих источников. Не являются исключением русский и шведский языки, не имевшие непосредственного контакта в новое время. Поэтому в некоторых случаях между заимствованными в эти языки интернациональными словами общего происхождения наблюдаются расхождения как в лексическом объеме, так и в коннотативных значениях [3, с. 487]. Это проявляется не только в денотативных значениях имен существительных, но и в семантике реляционных частей речи – глаголов и прилагательных.

Общую для русского и шведского языков группу интернациональных слов образуют заимствованные через немецкий или французский глаголы латинского происхождения с суффиксами *-ире-* / *-era*, например, *дебютировать* / *debutera*; *иллюстрировать* / *illustrera*. Такие глаголы представлены в шведском языке значительно шире, чем в русском, и многие из них вошли в общелитературный язык. Поэтому в ряде случаев имеющие общее происхождение пары интернациональных слов существенно различаются тем, что в русском языке они используются с узко специализированными значениями, в то время как в шведском они являются широко употребительными:

avancera (с 1621 г., от французского *avancer*) ‘наступать, продвигаться (в том числе по службе, в работе)’ – *авансировать* ‘давать аванс’;

kassera ‘изымать из употребления, списывать, выбрасывать (ненужные вещи)’ (с1560 г., от французского *casser* с тем же значением) – *кассировать* ‘отменять (решение суда)’ (от латинского *cassare*);

markera (с 1742 г., через немецкий от французского *marquer*)‘отмечать, помечать, обозначать, выделять, подчеркивать’ – *маркировать* ‘ставить знак, клеймо или марку (на товарах, изделиях и т.п.); проводить борозды для посадки или посева чего-либо с помощью маркёра; отмечать взятки в карточной игре или очки при игре в бильярд’;

placera ‘размещать, располагать’ (с 1668 г., от французского *placer*) –

пласировать ‘направлять мяч не в то место, где стоит противник, чтобы ему было трудно или неудобно отбить его (при игре в футбол, теннис)’

rotera ‘вращаться’ – *ротировать* ‘проводить ротацию’;

spekulera (от немецкого *spekulieren*) 1. ‘размышлять, делать предположение’ (с 1557 г.); 2. ‘спекулировать’ (с 1824 г.)’ – *спекулировать*.

Интересно, что под влиянием этого глагола в шведской диалектной речи возникла лексема *spankulera* ‘прохаживаться, прогуливаться’, образованная от диалектного же слова *spanka* ‘ходить на негнущихся ногах’ [7, т. 2, с. 1037; 8, т. 3, с. 215].

В некоторых случаях интернациональные слова общего происхождения являются межъязыковыми омонимами [4, с. 254-262]. К ним относятся, в частности, шведский глагол *dubblera* ‘удваивать (количество); повторять (действие)’ (с 1556 г., от французского *doubler*) и русский глагол *дублировать* ‘1. делать в двух экземплярах, повторять, параллельно с кем-либо делать сходную работу; 2. дублировать (фильм)’. Второе значение передается в шведском языке заимствованным из английского *to dub* глаголом *dubba*, образованным по продуктивной модели первого спряжения.

Сопоставление имеющих общее происхождение русских и шведских прилагательных представляет интерес в плане словообразования. Это обусловлено тем, что в шведском языке имеются различающиеся словообразовательными моделями и коннотациями прилагательные с суффиксами романского происхождения *-al* и *-ell*, заимствованные в разное время, которые образуют паронимические пары. Лексемы с компонентом *-al* были заимствованы напрямую из латыни, в то время как прилагательные с суффиксом *-ell* пришли в шведский язык позднее из французского

языка, хотя и они ведут свое происхождение от латыни. В русском языке им обычно соответствует одна лексема, в словообразовательной модели которой совмещаются иноязычный компонент заимствованного слова *-аль-* и исконный суффикс *-н-*:

real ‘*реальный*, имеющий место в реальности (особенно о денежных доходах)’ (с 1652 г., от латинского *realis*): *reala vinster* ‘реальная прибыль’, *reala inkomstförbättringar* ‘реальный рост доходов’ [7, т. 2, с. 656] –

reell ‘*реальный*, действительный, соответствующий действительности (воспринимаемый органами чувств)’ (с 1662 г., от французского *rêel*): *en reell chans* ‘реальный шанс’, *ett reellt behov* ‘реальная потребность’, *ett reellt inflytande* ‘реальное влияние’, *en reell möjlighet* ‘реальная возможность’, *reella kostnader* ‘реальные издержки’ [9, с. 918];

special- ‘*специальный*, имеющий определенное назначение’ (с 1623 г., от латинского *specialis*) –

speciell ‘особый, особенный, специфический’ (с 1745 г., от немецкого *speziell* из латинского *specialis*): *en speciell kod* ‘особый код’, *en speciell anledning* ‘особый повод’ [8, т. 3, с. 218];

kriminal- ‘уголовный’ (с. 1610 г., от латинского *criminalis*) –

kriminell ‘*криминальный*, преступный’ (с 1668 г., от французского *criminel*): *kriminella element* ‘криминальные элементы’, *kriminella handlingar* ‘преступные действия’ [8, т. 2, с. 210].

Следует отметить, что прямые заимствования из латыни употребляются преимущественно (в случае с прилагательным *real*) или исключительно (в случае с прилагательными *special-* и *kriminal-*) в качестве первых компонентов сложных слов:

realinkomst ‘реальный доход’, *realkostnad* ‘реальная стоимость’, *reallön* ‘реальная заработная плата’;

specialerbjudande ‘специальное предложение’, *specialfall* ‘особый (специфический) случай’, *specialklass* ‘специализированный класс (для обучения детей с особенностями развития)’;

kriminalpolis ‘уголовная полиция, сотрудник уголовной полиции’, *kriminalreporter* ‘криминальный репортер’, *kriminalstatistik* ‘криминальная статистика, статистика уголовных преступлений’.

Наблюдается также полное расхождение в лексическом значении шведских прилагательных с той же словообразовательной структурой:

ideal ‘*идеальный*, соответствующий идеалу’ (с 1797 г., от французского *idéal* из латинского *idealis*): *det ideala livet* ‘идеальная жизнь’ –

ideell ‘некоммерческий, общественный’ (с 1868 г., от немецкого *ideell* с тем же значением): *ideell förening* ‘общественное объединение’.

Однако более широкое употребление получило в шведском языке восходящее к тому же латинскому источнику, но образованное по другой модели прилагательное *idealisk* ‘*идеальный*, совершенный’ (с 1794 г., от немецкого *idealisch*): *idealiskt läge* ‘идеальное расположение’, *idealiskt ställe* ‘идеальное место’ *idealiskt väder* ‘идеальная погода’, *idealiska villkor* ‘идеальные условия’ [9, с. 525].

В русском языке также есть два появившихся в разное время прилагательных с различной словообразовательной структурой и различным значением, образующих паронимическую пару – *комфортный* и *комфортабельный*. Относительно недавно появившееся слово *комфортный* образовано от заимствованного в начале XIX века из английского языка, возможно, через немецкий существительного *комфорт*. Оно обозначает то, что благоприятно отражается на самочувствии, создает приятное ощущение или психологическое состояние [2, с. 59], например, комфортные условия или комфортную обстановку. В шведском языке лексема, которая могла бы послужить переводным эквивалентом этого слова, отсутствует; в зависимости от значения определяемого слова, могут быть использованы прилагательные *behaglig* ‘приятный’ или *bekväm* ‘удобный’. Русское прилагательное *комфортабельный* означает ‘отличающийся комфортом, уютный, удобный в использовании’. «*Комфортабельным* может быть только что-то созданное человеком и для человека. Комфортабельными бывают кресла, автомобили, квартиры, дома – то, в чем человек может находиться» [2, с. 60]. В шведском языке ему соответствует заимствованное из того же источника прилагательное *komfortabel*; однако оно имеет хотя и близкое, но более широкое значение. Так, возможно его употребление не только в словосочетании *en komfortabel kostym* ‘удобный костюм’, но и в переносном значении *en komfortabel seger* ‘легкая победа’ [8, т. 1, с. 167]. В то же время в шведском языке в середине 90-ых годов XX века прила-

гательные *komfortabel* и *bekväm* приобрели под влиянием английского *comfortable* новые значения, соответствующие русскому *комфортный*: *Jag känner mig komfortabel* ‘Я чувствую себя комфортно’; *Hon kände sig inte bekväm på sin nya arbetsplats* ‘Она чувствовала себя некомфортно на новом рабочем месте’ [3, с. 492]. Кроме того, прилагательное *komfortabel* может употребляться с той же семантикой и с отрицательной приставкой *o-* в значении ‘некомфортный’ [6, с. 86-87].

В эпоху глобализации под влиянием английского языка в некоторых случаях происходит расширение семантического спектра русских интернациональных слов и сближение их с теми же шведскими интернационализмами, которые раньше считались «ложными друзьями переводчика». Так, шведское прилагательное *ambitiös* ‘целеустремленный, честолюбивый’ (с 1723 г., от французского *ambitieux*) обозначает положительные качества, в то время как русская лексема *амбициозный* до недавнего времени употреблялась с негативной коннотацией ‘самолюбивый, спесивый’ [4, с. 22], ‘обладающий чрезмерным самомнением, полный амбиций’ [1, с. 37]. Как отмечают современные исследователи, в последние десятилетия это слово утратило в современном русском языке негативный оттенок [2, с. 20; 3, с. 489]. Расширение семантического спектра наблюдается и в русском прилагательном *эффективный*, которое использовалось только применительно к различным видам деятельности человека в значении ‘дающий эффект, действенный’ [1, с. 1528]. Заимствованное из того же источника шведское прилагательное *effektiv* (из французского, от латинского *effectivus*) имеет более широкую сочетаемость. Оно может употребляться не только для оценки деятельности человека (с 1795 г.), но и для обозначения способности человека добиваться высоких результатов (с 1840 г.). Аналогичное употребление приобрело в последние десятилетия и русское прилагательное: *Человек в любом возрасте может быть эффективным* [2, с. 19].

Судьба интернационализмов в разных языках определяется сложной конфигурацией лексических систем и культурно-историческим контекстом и может складываться по-разному. Процессы, наблюдаемые в русском и шведском языках, показывают, что наиболее лабильными среди них являются оценочные слова, изменения семантического спектра которых в современ-

ном поликультурном пространстве могут получать общую направленность.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2000. – 1535 с.

2. Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – 335 с.

3. Савицкая А.В. Интернационализм или «ложный друг»? О судьбах некоторых общих заимствований в шведском и русском языках // Скандинавские чтения 2012. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014. С. 487-494.

4. Чекалина Е.М. «Ложные друзья переводчика» в интернациональной лексике русского и шведского языков // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум. Сборник научных статей. Т. 2. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С. 254-262.

5. Чеснокова Т.А. Шведско-русский и русско-шведский словарь «ложных друзей переводчика». М.: РГГУ, 2011. – 199 с.

6. Andersson L.-G., Ringarp A.L. Språket. Svenska folkets frågor till radioprogrammet Språket. Smedjebacken: Norstedts, 2009. – 297 с.

7. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. Band 1-2. Malmö: Gleerups, 1993. – 1484 с.

8. Nationalencyklopedins Ordbok . Utarbetad vid Språkdata Göteborgs universitet. Göteborg: Bokförlaget Bra Böcker, 1995. Band 1. – 654 с. Band 2. – 666 с. Band 3. – 639 с.

9. Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Ordbok, 2003. – 1433 с.

МЕСТО СЕМЬИ В ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ
(НА ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ И ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Н.Ю.Нелюбова
nat.nelubova@mail.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Тенденции, характерные для современного общества: глобализация, с одной стороны, а с другой стороны, – стремление к сохранению национальной идентичности – являются стимулом к

развитию лингвоаксиологических исследований, способствующих взаимопониманию представителей различных этносов. Важная роль принадлежит, в частности, исследованию приоритетных универсальных ценностей и изучению особенностей их восприятия на материале пословиц различных языков, поскольку «специфика и универсалии не исключают друг друга, а взаимно предполагаются как диалектические составляющие феномена национальной культуры» [10, с.242], а значительное количество пословиц обладает «большим лингвокультурологическим потенциалом в силу своего аксиологического характера. В них отражается система морально-нравственных норм, ценностных ориентаций социума. В иерархии таких ценностей одну их главных позиций с давних пор занимает семья» [8, с. 225–226].

Для определения места семьи в иерархии ценностей нами было проведено исследование на материале аутентичных словарей русских и французских пословиц, содержащих тематические классификации, с использованием авторской методики, включающей изучение тематики основных рубрик, которые прямо или косвенно отражают основные этнокультурные ценности; подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, отражающий степень важности каждой выделенной темы (потенциально связанной с определенной ценностью или антиценностью); расположение тем в порядке убывания количества пословиц, что позволяет выстроить общую картину иерархии тем [7, с. 107]. Исследование ценностей на основе изучения тематических рубрик паремиологических словарей различных языков было подробно представлено в трудах Л.Б. Савенковой [9] и Е.В. Ничипорчик [6]. Полученные нами данные были верифицированы также с помощью проведения анкетирования носителей русского и французского языков.

Исследование материала словаря «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [2] показало, что пословицы темы **«Брак и семья»** (1236 пословиц) составляют 12% от общего количества единиц. Данная рубрика является самой многочисленной, что позволяет рассматривать семью как приоритетную ценность русских. Внутри рубрики выделен ряд подрубрик, количественный состав которых также играет важную роль в оценке восприятия семьи. Иерархия подрубрик выглядит следующим образом: ***родители – дети*** (432), ***муж – жена*** (346), ***другие род-***

ственники (190), ***семейная жизнь*** (83), ***жених – невеста*** (78), ***брат – сестра*** (33), ***вдовство – одиночество*** (28), ***женатый – холостой*** (26 единиц), ***свадьба*** (20).

Во французском словаре пословиц и поговорок под редакцией Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюззони [11], в котором пословицы также сгруппированы по тематическому принципу, выделена 21 рубрика, в рамках каждой из которых представлены подрубрики. Ценность **семьи** и семейных отношений получила отражение в пословицах рубрики **«La vie domestique/домашняя жизнь, быт»**, включающей 108 общефранцузских единиц, которые сгруппированы в подрубрики: ***la femme/женщина, жена)*** (**27** единиц), внутри которой отдельно выделяется тема ***la conduite des filles/ поведение девушки,*** представленная 4 единицами; ***les enfants, les relations de famille/дети, семейные отношения*** – **25** единиц, среди которых обозначены такие темы, как ***relations père–fils et père–fille/отношения отца и сына и отца и дочери*** (7 единиц), ***le gendre/зять*** (3), ***le frère/брат*** (1); ***le ménage, l'épouse /супружеская пара, супруга*** **(19);** собственно тема ***la vie domestique/домашняя жизнь, быт,*** которая включает **18** единиц; ***le mariage/супружество*** **(11); *l'habitat/жилище, место обитания*** (**8** единиц), внутри которой находим темы ***страна, дом*** (5 единиц) и ***соседи*** (3 единицы). Еще 8 пословиц в рамках данной рубрики имеют пометы, относящие их к различным вариантам французского языка: 2 швейцарские, 2 канадские пословицы, 3 пословицы острова Мартиника и одна пословица Гваделупы [5, с. 327]. Если рассматривать как отражение семейных отношений и рубрику **«Les objets usuels/Предметы быта»** – 83 (всего – **199** единиц), то ценность ***семья*** занимает 3 место на ценностной шкале. Если учитывать только одну рассмотренную выше рубрику, то данной ценности принадлежит 5 место, что в любом случае свидетельствует о ее важности для носителей французского языка. При этом первое место всегда занимает сам ***человек***.

Таким образом, подтверждается мысль о том, что по пословицам «можно проследить все стадии развития семьи – от ее создания (вступления в брак) до рождения детей и внуков, различные аспекты воспитания детей, все нюансы отношений между детьми и родителями, между супругами» [8, с. 226]. Подробный анализ состава рубрик пословиц о семье русского и французского

словарей с многочисленными примерами и лингвокультурологическим комментарием был представлен нами ранее [3] и показал, что двумя этносами семья понимается в основном как отношения между супругами, а также родителями и детьми, что доказывает количественное соотношение пословиц в соответствующих рубриках.

Исследованный материал продемонстрировал мужское авторство пословиц и отражение в них следов патриархата, реализацию воспитательной функции через отрицательные примеры, в частности, поведения женщин (жен, дочерей, сестер и прочих родственниц). В русских пословицах самое большое значение придается отношениям детей и родителей, которые, очевидно, важнее отношений между мужем и женой, подчеркивается роль родителей и безусловное требование их почитания, дети рассматриваются как великое благо и Божий дар. Вышесказанное позволяет говорить о детях как об отдельной ценности для представителей русской лингвокультуры.

В русских пословицах очень подробно представлена рубрика об отношениях между мужем и женой, причем единиц с непосредственным употреблением лексемы «жена» в два раза больше, чем «муж». Данный факт объясняется рядом моментов, связанных с уже упомянутым мужским авторством пословиц. Кроме того, в пословице может быть выражен только один ключевой компонент, но при этом второй, парный компонент в семантике пословицы всегда подразумевается [1, с. 193]. Во французских пословичных единицах отмечается избыточное внимание к отношениям с женщинами, которое может доходить до крайнего женоненавистничества.

Традиционно большая русская семья состоит не только из мужа, жены и детей, но и из большого числа различных родственников, чьи образы широко и часто иронично представлены в пословицах. Наличие большого количества пословиц о дальних родственниках в словаре русских пословиц и отсутствие последних во французском словаре, как и приоритет роли человека в последнем, подчеркивают принадлежность французов к индивидуалистическому, а русских – к коллективистскому типу культур. О том же факте свидетельствует и место семейных ценностей на шкале ценностных ориентиров: первое место у русских и

3/5 – у французов. Наличие во французском материале темы жилища и специальной рубрики «Предметы быта», которые мы не находим в русском, может свидетельствовать о важности для французов конкретных и более материальных проявлений ценностей, а для русских – духовных, проявляющихся в отношениях и атмосфере в семье. Материал обоих языков показал связь ценности ***семья*** с другими ценностями (***счастье и свобода***).

В целях верификации данных, полученных на материале паремиологических словарей, нами был проведен опрос носителей русского и французского языков (всего около 200 информантов в возрасте от 14 до 90, лет обоих полов, проживающих в разных городах России и Франции, занимающихся различными видами деятельности, среди которых преобладают учащиеся вузов и преподаватели). Респондентам было предложено оценить ряд понятий по 10–балльной шкале и привести ассоциации, связанные с данным понятием.

Средняя оценка семьи у русских информантов составила 9,7 баллов, что превысило оценки других предложенных понятий и подтвердило приоритет семьи среди прочих ценностей. Более подробная картина результатов анкетирования представлена нами ранее [4]. Средняя оценка семьи французами составила 8,7 баллов. Данная ценность занимает второе место на шкале приоритетов после ценности ***мир***.

Ассоциации, связанные у русских анкетируемых с семьей, содержат ее положительную оценку: любовь, тепло, поддержка, забота, уют, преданность, спокойствие, основа всего, смысл жизни, детство, родители, дети, бабушка, дедушка, надежность, радость, счастье, уважение, безопасность, ответственность. Данные ассоциации позволяют выделить сопредельные ценности: ***любовь*** и ***счастье***, которые приводились неоднократно. Кроме того, информантами упоминаются родственники, представляющие три поколения, что свидетельствует о привязанности русских к большой традиционной семье.

У французских респондентов семья вызывает следующие ассоциации: pilier/опора, refuge/убежище, foyer/очаг, santé/здоровье, tranquillité/спокойствие, amour/любовь, soin/забота, chaleur/тепло, liens/связи, enfant/ребенок, fête/праздник, nourriture/еда, repos/отдых, calme/спокойствие, amitié/дружба, proches/близкие,

parents/родители, frère/брат, soeur/сестра, douceur/нежность, confort/уют, fille/дочь, intimité/близость. Отрицательные ассоциации единичны: problème/проблема, les pires blessures/самые ужасные раны. Наиболее часто упоминаемые ассоциации позволяют выделить сопредельные ценности: ***любовь*** и ***дружбу***. Представление французских информантов о семье сводится в основном к отношениям представителей двух поколений.

Анализ материала словарей пословиц и анкет позволил выявить приоритетную роль семьи и семейных отношений среди ценностных ориентиров носителей русского языка, для которых семья занимает первую позицию, а человек рассматривается преимущественно как часть сообщества, коллектива. Данный факт подтверждается также упоминанием в значительном количестве русских пословиц различной степени родства, в том числе дальнего, и ассоциациями респондентов, охватывающими три поколения. Для носителей французского языка как представителей культуры индивидуалистского типа приоритетное значение имеет сам человек, что получило отражение в пословичном материале. Среди ассоциаций, предложенных французскими информантами, из родственников упоминаются только родители и дети. Весь спектр ассоциаций, как и материал пословиц, позволяют предположить в большей степени духовное восприятие ценности ***семья*** русскими и значительную роль материального фактора в восприятии французов. Сопредельными ценностями носителей двух языков являются ***счастье*** и ***свобода*** (в основном на материале пословиц), а также ***любовь*** (на материале анкет) и ***дружба*** (у французских респондентов).

Литература

1. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. Филол. ф-т СПБГУ, 2006. – 280 с.

2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.

3. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. - С. 50-59.

4. Нелюбова Н.Ю. Иерархическая структура ценностей носителей французского и русского языков: национальное и интернациональное // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном

континууме: сборник научных статей / редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 95-98.

5. Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. – С.324-337.

6. Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

7. Паремиология без границ: монография / коллектив авторов; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – Москва: РУДН, 2020. – 244 с.

8. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: Колл. монография /Научн. ред. проф. Т.Г. Никитина. – Псков: ПГПУ, 2008. – 256с.

9. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.

10. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. – 335 с.

11. Montreynaud, F. Dictionnaire de proverbes et dictons. / F. Montrey-naud, A. Pierron , F. Suzzoni – P.: Le Robert, 2010. – 759 p.

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА

А. С. Бурляй
anna.burlyai@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Изучение индивидуальных особенностей языковой личности (ЯЛ) представителя сферы медиа является актуальным, поскольку журналист создает коммуникативные связи внутри общества, оказывает воздействие на массовую аудиторию, формирует ее мнение и вкусы.

Термин «языковая личность» (ЯЛ) является стержневым системообразующим филологическим понятием и рассматривается в трех направлениях – лингводидактическом (А. Пешковский, В. Сухомлинский, К. Ушинский), литературоведческом (М. Бахтин, В. Виноградов, Ю. Лотман) и психолингвистическом (Н. Жинкин, Б. де Куртенэ, А. Леонтьев А. Потебня). Лингвистические исследования в этой сфере посвящены разработке моделей ЯЛ (Г. Богин, С. Воркачев, Ю. Караулов), анализу ЯЛ как homo loquens (А. Залевская, Г. Эйгер, С. Лебедева, И. Раппопорт), исследованию особенностей ЯЛ как носителя национального языка и культуры (В. Богуславский, Н. Уфимцева, Н. Чулкин). Понятие «языковой личности» рассматривается как система «личностных» феноменов, исследуется этносемантическая, эмоциональная, элитарная языковая личность; изучаются дискурсивные, гендерные, возрастные особенности ЯЛ, психологические типы ЯЛ. На современном этапе большинство языковедов предпочитает функциональное изучение ЯЛ, рассматривая язык как инструмент социального взаимодействия.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей языковой личности журналиста (ЯЛЖ) через его коммуникативные потребности.

Структура ЯЛ может рассматриваться как совокупность трех уровней (модель Ю. Н. Караулова) [2, с. 25]. А именно: *вербально-семантический* уровень – лексикон личности в широком смысле, *когнитивный* – анализ концептосферы представителя СМИ, *прагматический* уровень – система мотивов, установок, целей индивида. Г. И. Богин подчеркивает, что языковую личность можно рассматривать только во взаимодействии с социальной средой, которая формирует готовность ЯЛ к саморазвитию и познанию. Технологические факторы, а также широкий диапазон целевой аудитории и необходимость эффективно воздействовать на реципиентов продукции СМИ, также определяют коммуникативные потребности журналиста. Комплексный анализ всех трех уровней ЯЛ может дать полное представление о ЯЛЖ, включая особенности стиля, языковую картину мира и мировоззрение автора.

Изучение индивидуальных особенностей публичной ЯЛ, которой является журналист, представляется актуальным, поскольку журналист выступает посредником между миром и обществом, имеет влияние на массовую аудиторию.

Г. И. Богин подчеркивает, что языковую личность можно исследовать только во взаимодействии с социальной средой, которая стимулирует ее развитие и формирует готовность языковой личности к саморазвитию, познанию и развитию своих способностей. Социум является мощным фактором, оказывающим значительное влияние на формирование языковой личности, в том числе и через тексты. Модель Г. И. Богина наиболее приемлема для анализа языковой личности журналиста. Социальная среда очень разнородна: как известно, социальная среда – это совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности лица. И мы руководствуемся в нашей работе словами Г.И. Богина: «...нам нужна модель-идеал, своего рода ориентир для улучшения деятельности языковой личности» [1, с. 189].

Тезаурус и прагматикон – составляющие, в которых можно проследить собственно ЯЛ журналиста. Начиная с тезауруса, оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение тех или иных языковых средств. На мотивационном

уровне индивидуализация ЯЛ достигает своего предела – журналист при создании текста учитывает «фактор адресата», т. е. читателя, его пресуппозицию, степень осведомленности, а также старается достичь перлокутивного эффекта в широком смысле – то есть манипулировать мнением читателя, привлекать его на свою сторону, «заставлять» думать о поднятой автором проблеме и т. д. Журналист может в полной мере реализовать свою осознанную речевую стратегию. Успех зависит от его образованности, таланта и умения пользоваться всеми средствами языка для выражения мысли и интенции убеждения. Данный подход предполагает внимание ко всем параметрам человеческой личности, которые отражаются в языке, и изучение лингвистической адекватности когнитивных построений художественного текста во взаимосвязи языка и культуры, языка и художественного мышления.

ЯЛ сознательно относится к своей языковой практике, несет на себе отражение общественно-социальной, территориальной среды, традиций воспитания в национальной культуре. Уровень языковой компетенции стимулирует ЯЛ к усовершенствованию языка, развитию языкового вкуса, отображению в языке мировоззренческих, национальных концептов и поисков новых, эффективных, индивидуально-стилистических средств языковой выразительности. Понятие ЯЛ автора журналистского произведения базируется на изучении созданных им текстов. Языковое сознание журналиста создает ценностные ориентиры, складывающиеся у автора в его языковом опыте, который журналист проецирует в тексте. Личное, субъективное отношение автора к жизни органически входит в содержание написанных им журналистских материалов [3, с. 167].

Таким образом, термин ЯЛЖ включает в себя три типа коммуникативных потребностей автора-журналиста – контактоустанавливающую (когда журналисту необходимо, чтобы его воспринимали), информационную (когда журналист хочет донести до читателя актуальную информацию) и воздействующую (когда журналист пытается повлиять на мнение читателя).

Литература

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л., 1984.

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд.3-е, стереотипное. М.:, 2003.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

РИТОРИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА РЕЧИ В КОНТИНУУМЕ РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ ПРАКТИК

А.Б. Бушев
alex.bouchev@list.ru
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
(Тверь)

Риторико-герменевтический подход к речи постоянно взаимообогащается развитием других отраслей лингвистического, филологического и социального исследования, в частности следующих: теория речевого воздействия (разрабатываемая в 70-80 годы психолингвистами) как часть теории речевой деятельности = риторики; теория понимания текста в психолингвистике, парадигма исследования языкового сознания в современной психолингвистике; когнитивное направление в лингвистике и психологии; моделирования понимания и управление пониманием (management of perception); стилистика декодирования; рецептивная теория в литературоведении; анализ дискурса и критический анализ дискурса; психология влияния; психология манипуляции; психология агрессии; психология речи; логика; теория аргументации; социальная психология и социология.

Методы, используемые в каждой из данных отраслей, могут быть действенны для изучения понимания и обучения интерпретации. Приведем пример действенного психолингвистического эксперимента. **Стимул:** *кольцо, стужа, кружева, туманы, сад, трели, звезды, бубенцы, веера, вино, метели, маски, татары, бокалы, фраки, плащи, сумраки, вечерние тени, сонмы, видения, перепутья, сны, слова, звучные песни, крыльцо, сумрак, проклятья*. **Вопрос:** Чьи стихи? **Ответ:** Блок**.**

Полученные результаты в практическом плане способствуют эффективности речевой коммуникации в разных сферах, согласованию совместной деятельности людей как цели коммуникации. Результаты работы актуальны для педагогики, дебатирования.

Вступая в общение, мы заинтересованы в том, чтобы успешно модифицировать поведение наших партнеров по коммуникации угодным нам способом. Модификация поведения собеседника может быть вызвана по-разному – кнутом, пряником, угрозой, внушением и убеждением. **Лингвистика речевого воздействия** предполагает обсуждение разнообразия возможных случаев, где необходимо именно словесное речевое воздействие. Это свойственно как личной, так и общественной жизни.

Культивирование речевоздействующих практик происходит в некоторых видах деятельности. Так, они представляются исследователям следующими : судоговорение, проповедь, переговоры, психотерапия, изящная словесность и публицистика, реклама, связи с общественностью, пропаганда и прочие коммуникативные технологии, педагогика, психагогика.

Существенны современные работы по сходству пропаганды и PR, сходству пропаганды и психотерапии, педагогическим приемам в психотерапии, манипуляции в рекламе, техникам пропаганды и технологиям воздействия на общественное мнение. Речь ведется о попытках теоретического осмысления этих практик и способов обучения им, выборе языковых средств при их значимом варьировании.

Обратной стороной процесса изучения воздействия является его декодирование – герменевтика. В научной парадигме идет исследование рецепции воздействия – понимания, что в свою очередь (в двуединой риторико-герменевтической парадигме) проливает свет на механизмы воздействия на реципиента. Поднимается вопрос о соотношении широкого воздействия (посредством речи, которое реально может быть психологическим, логическим) и узкого (рефлексия) и использование особенностей структуры и функционирования языка для повышения эффективности воздействия на адресата.

Основная проблематика понимания – краеугольный камень этой грани исследования: проблема границ понимания речевого воздействия, статус понятия манипуляции и возможности неманипулятивного речевого воздействия, исследование агрессивности, исследование комизма, исследование интертекстуальности, исследование языковой игры, исследование метафоризации и актуализации, исследование политического дискурса (направление

«политическая лингвистика»), публицистическая риторика, исследование речевой и языковой оценочности, исследование идеологии (она обсуждается и представителями теории государства и права, политологии, политической философии, социальной психологии, социологии), исследование техник понимания.

Персуазивный дискурс имеет реализацию в форме полемики, дискуссии, спора, переговоров. Он не включает в себя признака ожесточенной борьбы, однако характеризуется прагматическими задачами. Имеется длительная история в диалектике, риторике, эристике, логике. Исследуются принципы конфликтологии, взаимодействия и воздействия, элементы социального взаимодействия, принципы коммуникации.

Языковая личность при этом выступает как динамическая совокупность огромного опыта, накопленного благодаря коллективному действованию и в действительности реальной, и в действительности коммуникативной, и в действительности невербального мышления. Непосредственным предметом исследования является сложившаяся и поддающаяся оптимизации система речевых произведений (=текстов), используемых в риторических действиях . Оптимизация данной системы представляет собой одну из реализаций волюнтативной функции языка

Основная составляющая работ риторико-герменевтического направления является лингвистической: изучаются средства построения текстов в условиях постановки риторической задачи определенного типа. Тем самым, в сущности, ставится вопрос о лексической, грамматической и просодической стилистике текстов, выполняющих определенную функцию. Интерпретация таких текстов позволяет объяснить выполнение ими их функции, осмыслить их структурную и семантическую сущность, ввести критерии отбора и переработки таких текстов, дать обоснованные рекомендации по применению текстов в риторической практике.

Приведем изучаемые примеры. Ритор Д. С. Лихачёв запомнился благодаря медиа**.** Его выступления – пример гибридных жанров устного выступления, научности и художественности. Остались записные книжки, заметки на полях, письма. Остался облик, выступления на съездах и т.д., беседы с корреспондентами. Они признаются образцовыми. Талант оратора Д. С. Лихачева проявился в позднебрежневское время при низком состоянии

гуманитарной культуры в брежневский период, когда уже практически не осталось людей, получивший дореволюционную гуманитарную закалку. Да и та закалка была тоже весьма однобокой. То же самое можно сказать и о А. Ф. Лосеве. Есть фильмы, беседы в «Студенческом меридиане», замечательная книга А.А. Тахо-Годи. Чего стоил один фильм, где старый философ рассуждал о судьбе, ссылался на Бердяева, которого помнил по предреволюционной Москве…

Покажем пример гибридности печатного учебного текста и художественности. Немногих риторов можно представить по печатным работам. Это печатные работы, за которыми видна личность. Например, А. А. Реформатский с его знаменитым учебником, начинающимся фразой «Habent sua fata libelli». Его можно представить и по мемуарам Натальи Ильиной. Его оригинальнейшая манера говорить отмечена Ахматовой как смешение пластов языка – и городского просторечья, и французской речи, речи образованных слоев, московских старожилов и т.д.

Риторика деятелей искусства и искусствоведов. Прежде всего приходит на ум имя: Ирина Александровна Антонова. Интересны как ораторы были Б. А. Покровский, С. В. Образцов, В. И. Вульф, А. А. Аникст. Интересно выступала Н. П. Кончаловская (тут уже можно только реконструировать по мемуарам), С. В. Михалков. В какой-то мере этой риторике искусствоведов и деятелей искусства близко исполнение художественных текстов, мемуары актеров – летописи века. По трудам крупных искусствоведов – Алпатова, Дживилегова, Врангеля, Муратова, Курбатова, Грабаря – учился Д. С. Лихачев писать интересной научной прозой. Надо назвать книги В. Н. Лазарева, Г. П. Бояджиева. К сожалению, мы не могли слышать их выступлений. Всегда интересны выступления театроведов и киноведов, горизонты которых видны за пределами театроведения и киноведения.

Посмотрим на учебный текст с элементами художественности, без труда реконструировав в нем метафорическое моделирование [1]:

Во Франции… снова ожили и выглянули на свет Божий полузамерзшие Музы, стыдливо переодетые в маскарадный наряд, и пошли робко, почти пугливо, следом за своим очаровательным зазывалой – Ватто.

То, что мерещилось Куинджи, то удалось Коровину..

Достоевский сказал, что нет ничего фантастичнее реальности. Это особенно подтверждают картины Сурикова. Его казнь стрельцов среди насупившейся Красной площади, со зловещим силуэтом Василия Блаженного позади, с мерцающими в утренней мгле жалкими свечками, с процессией искалеченных людей, плетущихся под грозным взором Антихриста Царя, гениально передает весь сверхъестественный ужас начинающейся петровской трагедии.

Федотов взял в руки не одни кисти и палитру, а еще розгу и указку..

Еще один пример – гибридизация документалистики и элементов художественности. Знакомая журналистка демонстрирует творческую траекторию: ***«журналист – блогер – автор документальных пьес для театра***». Природа документально-художественного волновала еще Ю. Тынянова, А. Моруа, представителей нового журнализма, Т. Вульфа. Известны работы казанской школы исследователей литературы о взаимодействии документального и художественного, их синтезе. Постоянны сокрушения преподавателей журналистики о том, как мало сегодня собственно художественно-документальных жанров. Практически ушли в историю фельетон, очерк, эссе, памфлет. Их заменили стандартные ***news story.***

Так, современная литература серии ЖЗЛ представляет художественно-документальные биографии. В них – различные концепции роли биографии творца в понимании его творчества. Важным здесь представляется выделение самого феномена современной документально-художественной литературы; понимание биографии как фактического материала, открытого для интерпретации; полемика с литературоведами, отрицающими важность биографии; разность биографии и биологического существования писателя; важность собственного взгляда писателя-биографа на предмет литературно-художественного творчества. Можно констатировать разность метода создателей таких книг биографий А. Варламова, В. Новикова, С. Шаргунова, Д. Быкова, З. Прилепина, П. Басинского, О. Лекманова, В. Попова, С. Куняева, Л. Сараскиной, а также Б. Сарнова и М. Чудаковой, работающих в русле художественно-

документального метода. Здесь вспоминаются и современные мировые авторы биографий А. Моруа , И. Во, В. Вульф, Э. Гаскел, М. Дрэббл, А. Мердок, Р. Олдингтон, Ч. П. Сноу, К. Эмис, направление «байопик».

В современном искусстве явлениями, заимствующими язык будней («документальность»), представляются рэп, стенд-ап, вербатим.

Явление вербатим давно привлекает исследователей, стало популярным после известных в российском масштабе пьес В.Сигарева, И.Воропаева, премьер К. Серебренникова и т.д. Все больше и больше создается пьес вербатим, у авторов братьев Пресняковых, братьев Дукрненковых появляются апологеты и последователи.

Недавно автор настоящей статьи побывал на читках пьес-призеров фестиваля современной драматургии «Кульминация», созданного для развития и популяризации современной драматургии [2]. Да, в истории русской драматургии второй половины двадцатого века ряд *Розов – Арбузов – Вампилов* обрывается, и дальше идут документальные пьесы *вербатим*. Попытки культивирования современной драматургии заслуживают внимания.

На читках автор делал выписки языка, которым разговаривают между собой персонажи. Это сниженный пласт языка – в любой пьесе из посещенных четырех – «Всем кого касается» Даны Сидерос, «Исход» Полины Бородиной, «Горка» Алексея Житковского, «Перемирие» Алексея Куралеха.

Пьеса «Перемирие» Куралеха посвящена животрепещущей теме – войне между Украиной и ДНР. Пьесе с таким актуальным сюжетом уготовано либо стать классикой, либо быстро забыться как однодневка.

Применение сниженного пласта языка обоснованно – на передовой, да и вовремя перемирия много грубости. В литературе эпические произведения о войне соседствуют с лирическими, сатирическими зарисовками. Например, писатель Астафьев, писавший о войне то, что выше правды – «как оно было на самом деле» – впервые в истории большой литературы военной темы инкрустировал свои работы сниженным языком, обсценизмами. Конечно, произведения о войне в театре – это не только высочайшего накала трагедии. Тем более, если показано перемирие,

даны мысли людей о мире, мирной жизни, исповеди героев. Но насколько здесь теряется свежесть и новизна этого языкового приема, если сниженный язык звучит через слово! Жизненная правда изображения приходит в диссонанс с театральным зрелищем, задачами театра, эстетикой театра.

Да, спецназовцы – не бестужевки. Но уж совсем непонятно, почему таким же помоечным языком говорят воспитатели детских садов (пьеса-победитель «Горка»), работники школы («Всем кого касается» Даны Сидерос) и работники интерната для умалишённых («Исход» Полины Бородиной).

Разумно поставить вопрос: почему мимезису подвергается именно такая речь, которая, без сомнения, бытует в этой среде. Почему уместные краски сниженного языка используются в таком количестве?! Не вредит ли это художественной задаче театральных пьес и – пардон – воспитательной функции театра?!

Уместно вспомнить о том, что художественный прием будет действовать, если он свеж (актуализация Я. Мукаржевского). Иначе тексту грозит автоматизация художественных приёмов, которые не будут выполнять эстетической функции.

В текстах пьес количество брани и сниженной лексики перешло в качество. Произошла автоматизация. Тут не ругаются, что, безусловно, может быть очень уместно и действенно. Тут так разговаривают, демонстрируя то, что по-другому-то и разговаривать не научились.

Конечно, язык пьес о современности должен быть современен. Даже язык исторических пьес может быть осовременен. Вспомним, что у Бернарда Шоу присутствует тоже современный язык в пьесах про Жанну Д'Арк. Но это совсем не значит, что она говорит и думает, как деклассированные низы общества.

На вечерних читках пьес мы не дождались пьесы Ивана Антонова «Как я простил прапорщика Кувшинова» и пьесы Марины Крапивиной. Мы избавим читателя от цитирования сниженности речи в этих драматических произведениях. Но знакомство с ними в театральной библиотеке [3] позволяет утверждать, что они созданы в той же манере.

Победил ли театр, где чернуха, ругань и поток сознания были приемом - Театр. Дос., Вербатим, «Изображая жертву», пьесы Сигарева, братьев Дурненковых, братьев Пресняковых и др.? Одно

можно утверждать: новаторская пьеса Венечки Ерофеева «Вальпургиева ночь» породила множество дешёвых копий этого явления.

Это ли единственная возможность, если надо передать современность? Вспомним, что корифей Малого театра Царев (пишу и перед глазами его лицо в пьесе «Перед закатом солнца» Гауптмана) топал ногами и кричал на Вампилова: «Чтобы ноги вашей в нашем театре не было».

Язык пьес Островского тоже был народным. Язык драматургии должен быть современным. Ханжеством было бы запрещать современный язык на сцене. Но это должен быть яркий, образный, небедный язык. Почему так говорят? Это протест, это свобода? Ведь такого не позволяют себе даже на телевидении?! Это пресловутый мимезис? А может быть, такое речеупотребление естественно для самих драматургов, и они-то умеют говорить по-другому? Может быть, они не прошли школу эстетики театра?

Каков толк от такой популяризации современной драматургии? Объединённый конкурс драматургии «Кульминация» является проектом Фонда развития современного искусства, Союза театральных деятелей Российской федерации, медиа-холдинга «Эксперт». Как налогоплательщики, мы вправе поставить вопрос: на что идут деньги?

Что может быть противопоставлено этому? Убеждены в одном – последовательная популяризация театрального наследия. Эстетика театра в работах высочайшей пробы – Царев, Ильинский, Гоголева, Пашенная, Мартинсон, Тарасова, Степанова, Пилявская, Любовь Орлова, великолепная Добржанская, Тенин, Кторов, Гарин, Бабанова, Коонен, Алиса Фрейндлих, Зинадида Шарко, Борисов, Смоктуновский, Лановой, артисты театров Сатиры, Маяковского, Моссовета. Высочайшей пробы драматургический материал. Великолепный «Театр у микрофона» А начинающим авторам драмы стоит порекомендовать обратиться к работам А. Белинского, М. Туровской, Н. Старосельской, Н. Крымовой, А.Свободина, М. Строевой, Н. Бояджиева, А. Аникста. Тогда те же темы вызовут другие речи…

Литература

1.Бенуа А Н.. История русской живописи в XIX веке. М.: Республика, 1995 – 448 с.

2. Кульминация. https://ru.wikipedia.org/wiki/

3. Театральная библиотека http://www.theatre-library.ru/

СЛАДКИЙ ЯД: МЕТАФОРИКА ТЩЕСЛАВИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

С. Г. Воркачев
svork@mail.ru
ФБГОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»
(Краснодар)

Религиозный дискурс отличается повышенным вниманием к слову и присутствием в нем мифо-поэтической образности [8, с. 4, 26], поэтому, совершенно естественно, он изобилует метафорами. Как установлено [2, с. 109], метафора в религиозном дискурсе, как и в любом другом, выполняет две основных функции: гносеологическую, познавательную, дающую интеллекту возможность постичь непостижимое, и экспрессивно-оценочную, позволяющую субъекту мысли и речи эмоционально выделить какие-либо стороны и характеристики объекта.

Тщеславие [3; 4] – в достаточной мере абстрактная категория, для постижения которой используется «наглядность» метафоры, позволяющей увидеть невидимое, однако, действует она в определенной степени избирательно: визуализуются отнюдь не дефиниционные признаки этой категории, а, преимущественно, признаки, отправляющие к её наиболее общим свойствам, связанным с оценкой и эмоциональным отношением к нему субъекта речи.

В визуализации тщеславия используются все основные типы метафорического переноса по вспомогательному субъекту [9, с. 114], будь то персонификация – уподобление вору, демону, бесу, матери; морбометафора – уподобление болезни, недугу, заразе; зоометафора – уподобление зверю, мыши, муравью, змее/змею, червю; фитометафора – уподобление вьющемуся растению, плющу, плесени, гнили, корню; реиметафора – уподобление ржавчине, яду, наркотику, камню, дыре; инструментальная метафора – уподобление оружию и зеркалу.

Нужно заметить, что один и тот же метафорический образ зачастую визуализует одновременно несколько различных семантических признаков тщеславия синкретично и нерасчлененно.

Через уподобление человеческому существу визуализуется такая общекатегориальная характеристика тщеславия, как моральное свойство личности: *А эта* (страсть тщеславия – С. В.), ***протеснившись*** *между добродетелями и смешавшись с нашим*

войском, ***сражается****, как бы в темную ночь, и тем жесточе прельщает, что не ожидают и не опасаются её нападения* (Иоанн Кассиан Римлянин – [7, с. 24]); *Что сделано нами вначале хорошо, должны стараться охранять с должным вниманием, чтобы* ***подкравшаяся*** *страсть тщеславия после не упразднила всех плодов наших усилий* (Иоанн Кассиан Римлянин – [*1]); *Тщеславие, если его тронуть пальцем,* ***кричит****: кожу дерут* (Амвросий Оптинский – [*1]).

Отрицательная оценка этого морального свойства визуализуется через его уподобление различным неприятным и вредоносным объектам: *Как* ***червь*** *поедает деревья, в которых зарождается,* ***ржавчина*** *съедает железо и моль – ткань, так и тщеславие губит душу, воспитавшую эту страсть в себе* (Иоанн Златоуст – [*1]); *Как* ***червяк*** *сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, возлетает наверх, так и гордость* (Амвросий Оптинский – [*1]); *Тщеславие –* ***яд****, умерщвляющий душу* (Тихон Задонский – [*1]); *Тщеславие – это* ***наркотик****, без него их жизнь невозможна* [*5]; *Человек уверен в том, что совершает добро, что развивает добродетели, что работает для Царства Небесного, для Вечной жизни, и даже не замечает, как все добрые дела похищает у него сатана через страсть тщеславия, которая, как* ***большая дыра в стене дома****, – удобный лаз для похитителей* [7, с. 137]; *Правда ваша, что должно блюстись тщеславия более, чем самой смерти! Оно, как ад, пожирает и великие добродетели у любящих тщеславиться людей* (Георгий Затворник Задонский – [*1]); *Как мы уже читали у святых отцов, тщеславие ослепляет ум человека. В его* ***кривом зеркале*** *он видит себя исполненным всяких заслуг и добродетелей, праведником, не нуждающемся во враче, не нуждающемся в Спасителе, – он не в состоянии увидеть своих грехов, а значит и покаяться в них и покаянием получить исцеление от Бога* (Иоанн Кронштадский – [*1]).

Отрицательная оценка тщеславия конкретизируется в его коварстве и «вкрадчивости», которые передаются через его уподобление яду, домашнему вору, змее/змею, муравью, червю, подводному камню: *Вот так и наши добрые дела становятся неугодны Богу, если к ним примешалось тщеславие, как та самая маленькая* ***щепотка яда****, которая отравляет целое блюдо* [7, с. 138];

*Тщеславие святитель Феофан Затворник называет «**домашним вором»**, оно подкрадывается незаметно и похищает у нас тот труд, которые мы затеяли ради Бога и ближнего, и награду за него* [*5]; *Как же бороться с этим хитрым змием, который **исподволь пролезает** в душу и похищает наши труды, сводя их на нет?* (Гумеров – [*1]); *По качеству же оно* (тщеславие – С. В.) *есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который, хотя и мал; однако **расхищает** всякий труд и плод* [6, с. 203]; *Ибо как **червь** поедает вещество, из которого получил бытие, и тати, подкапывая стену, уносят тщанием накопленное (добро вещественное), так помысл, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает цену сих самых дел* (Нил Синайский – [7, с. 44]); *Тщеславие есть **подводный камень**; если об него ударишься, погубишь груз* (Нил Синайский – [7, с. 33]).

Она же конкретизируется в опасности тщеславия, передаваемой через его уподобление дикому зверю, острому оружию и опять же змее/змею, яду и наркотику, подводному камню, заразной болезни, преисподней: *Надобно страшиться сих **зверей**: гордости, тщеславия и злого самомнения; сии страсти очень скрытны они принимают на себя разные виды добродетелей и потому не скоро познаваемы бывают* (Георгий Затворник Задонский – [*1]); *Итак, подвижник Христов, желающий законно подвизаться истинным, духовным подвигом, всеми силами должен стараться победить этого многообразного, разновидного **зверя*** (Иоанн Кассиан Римлянин – [*1]); *Самое **острое оружие** у змия (древняного) есть тщеславие, побивающее плоды всех трудов наших* (Нил Синайский – [7, с. 37]); *Может быть, ты и не видишь в себе этого, но разбери бездну сердца твоего, то найдешь там **гнездящегося тщеславного змия**, будто бы под видом добродетели приносящего тайное удовольствие и похваляющего тебя* (Макарий Оптинский – [*1]); *К усердию вашему приплеталось и тщеславие, а как оного избежать, – вы сами довольно знаете; изгонять сего **змия** из сердец ваших самоукорением и избегать того, что может давать ему пищу; а что бы вы ни сделали доброго, то это не ваше, а помощь Божия и Его достояние, вы же токмо орудие, да и самое слабое* (Макарий Оп-

тинский – [*1]); *Простые же сердцем не очень подвержены* ***отравлению сим ядом****, ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство* [6, с. 211]; *Появившееся при этом действие в сердце – и есть тот самый* ***сладкий яд****, приятный для тщеславного. Привыкнув к этому действию как к наркотику, человек уже не может без него жить и если долгое время его не испытывает, то впадает в печаль или в раздражение* [7, с. 134–135]; *Ибо она* (страсть тщеславия – С. В.) *покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностью, и походкой, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием, – и, как некий* ***опаснейший камень подводный*** *покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре* (Иоанн Кассиан Римлянин – [7, с. 19]); *Также, чтобы не отдать дани тщеславию, надо со всем старанием избегать того, что не делается в обществе братьев или не имеет общего употребления, избегать и того, что может отличать нас между другими и вызвать у людей похвалу за то, что будто мы одни это делаем. Ибо эти признаки укажут, что к нам прильнула* ***смертельная зараза тщеславия*** (Иоанн Кассиан Римлянин – [*1]); *Правда ваша, что должно блюстись тщеславия более, чем самой смерти! Оно, как* ***ад****, пожирает и великие добродетели у любящих тщеславиться людей* (Георгий Затворник Задонский» – [*1]).

Могущество этой пагубной страсти визуализуется через её уподобление нечистой силе: *Не наряжайся в красивые одежды, чтобы явственнейше облечься тебе в* ***демона тщеславия*** (Нил Синайский – [7, с. 39]); *Приметил я, что* ***бес тщеславия****, внушив одному брату помыслы, в то же время открывает их другому, которого подстрекает объявить первому брату, что у него на сердце* [6, с. 205].

Базовость, первичность этой греховной страсти визуализуется через её уподобление матери и корню: *Потом спросил я того же отца, как тщеславие бывает* ***матерью*** *гордости?*; *Пишешь, что бороло тебя тщеславие за мнимое твое благоразумие, но когда вспомнила о нечистоте высокосердого, то и прошло; так надобно и всегда исторгать сей* ***корень зла*** *из сердца; он все*

растения благих дел оскверняет и непотребными творит. О сем много есть у святых отцов наставлений и учений (Макарий Оптинский – [*1]).

И, наконец, паразитизм тщеславия, примешивающегося ко всякому делу добродетели визуализуется через его уподобление плющу и вьющемуся растению вообще: *Что делается с благим намерением, то не может повредить; только надобно наблюдать, чтобы и к благим растениям не привился плющ, который может иссушить плод оных, – разумею* ***плющ*** *–* ***тщеславие*** (Макарий Оптинский – [*1]); *Как во всяком деле добром приплетается тщеславие и о себе мнение, то надобно оному противляться и отвергать; а то как* ***вьющееся растение*** *многие даже деревья иссушает, так и тщеславие добрые дела погубляет* (Макарий Оптинский – [*1]).

Итак.

Религиозный дискурс, отмеченный повышенным вниманием к слову и мифо-поэтической образностью, изобилует метафорами. Тщеславие – в достаточной мере абстрактная категория, для постижения которой используется «наглядность» метафоры, при этом, однако, визуализуются не дефиниционные признаки этой категории, а преимущественно признаки, отправляющие к её оценке и эмоциональному отношению к ней субъекта речи. В визуализации тщеславия используются все основные типы метафорического переноса, а один и тот же метафорический образ может воплощать одновременно несколько различных семантических признаков этого семантического образования.

Литература

1. Вера православная. Тщеславие – Режим доступа: www.verapravoslavnaya.ru/?Tsheslavie_-alfavit

2. Воркачев С. Г. Processing of unprocessible: метафорика пошлости / С. Г. Воркачев // Ценностная картина мира: лингвокультурные аспекты. Тяньцзинь-Волгоград: Парадигма, 2016. – С. 108–121.

3. Воркачев С. Г. Vanitas vanitatis: тщеславие в русском языковом сознании / С. Г. Воркачев // Imago verbi: опыт семантического портретирования имени. М. : Флинта, 2017. – С. 120–192.

4. Воркачев С. Г. Самая могущественная страсть: семантический портрет тщеславия в языковом сознании / С. Г. Воркачев // Вестник Пятигорского государственного университета. - 2018. - № 4. – С. 191–196.

5. Гумеров П. Тщеславие // Восемь смертных грехов и борьба с ними. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/29897.html

6. Иоан Лествичник, преподобный. Лествица. / Иоанн Лествичник. - М. : Отчий дом, 2011. – 496 с.

7. Масленников С. М. Страсти-болезни души. Тщеславие. Избранные места из творений святых отцов / С. М. Масленников. - М. : Сибирская Благозвонница, 2012. – 185 с.

8. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. - М. : ФАИР, 1998. – 352 с.

9. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник / В. П. Москвин. - М. : УРСС, 2004. – 248 с.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ «НАШИ» В МЕДИАДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

М. А. Гладко
glad_26@tut.by
«Минский государственный лингвистический университет»
(Минск, Беларусь)

СМИ является той универсальной системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира. Не располагая собственным опытом огромного количества происходящих в мире событий, мы вынуждены строить свое знание о действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу самой своей природы идеологичны и культуроспецифичны [2, с. 22]. Жизненный цикл события в медиапространстве зависит от его общественной значимости, равно как и амплитуда откликов на него. На основании этого можно говорить о формировании тематических доминант, актуализируемых средствами массовой информации в текущий момент [2, с. 200], которые являются важным классификационным признаком медиатекстов. Такие доминанты являются культурно-тематическими, поскольку отражают национально-культурную специфику медиаландшафта, эксплицируют в дискурсе посредством языковых средств важную для лингвокультуры информацию [2, с. 5].

Современная социально-политическая ситуация выдвигает в центр информационного, семиотического пространства СМИ культурно-тематические доминанты, традиционные для конкретного социума, которые конструируются на основе национально специфических повествований (нарративов). Медиадискурс соткан из «сплавов» нарративов, разворачивающихся в его текстовом пространстве. Нарратив – это рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами [5, с. 57-58]. Через выстраивание линейных нарраций образуется единая уникальная система, внутренние процессы в которой отражается максимально возможное объективное познание мира (через познание авторов-журналистов, очевидцев, «героев», экспертов), то есть отражается современное понимание объективной реальности [5, с. 59].

Философы нарратива Ж-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон считают, что человек познает мир через истории, рассказ о мире. Это соотносится с важнейшей функцией СМИ – формированием информационной картины мира. «Медиа создают повестку дня и тем самым направляют внимание аудитории, ориентируя на определенные действия». Нарратив говорит, в каком направлении следует думать о событиях, придавая им определенную эмоциональную окраску [4, с. 61]. Люди думают, воспринимают, воображают и совершают моральные выборы согласно нарративным структурам [7, с. 13].

Для осмысления поступков людей, собственной идентификации человек обращается к традиционным сюжетам, характерным для его культуры, с помощью которых можно объединить события жизни в единое целое. Согласно К. Г. Юнгу, нарратив отражает «типичные ситуации», которые повторяются на протяжении долгого времени существования нации [7, с. 23]. Иерархически организованные сценарные модели являются своеобразными носителями национальной памяти народа, фиксирующими определенный спектр знаний и верований, передающихся от поколения к поколению [3, с. 79].

В фокусе внимания данной статьи – знаковая ценностно-нагруженная культурно-тематическая доминанта «Наши», которая, с одной стороны, отражая модель поведения телегероя, задает социуму конкретный сценарий поведения, с другой, – фиксирует, тиражирует идеалы, культурное наследие и систему духов-

ных ценностей ресурсами языка. Материалом исследования послужили телепередачи Белорусского телевидения периода 2000-2020 гг. Отметим, что основным языком телевещания Беларуси является русский, который имеет статус государственного наряду с белорусским и является преобладающим в использовании жителями государства.

В XXI веке глобализация стремится растворить национальную идентичность в глобальных процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации [6, с. 26]. Поэтому особое значение приобретает возможность национальных государств, этнических сообществ реконструировать свою историю, формировать или очертить идентичность, чему во многом способствует телевидение. Как показал анализ медиадискурса, в современном информационном пространстве одной из актуальных является культурно-тематическая доминанта «Наши». Данная когнитивная схема выполняет роль ментального средства национальной идентификации, является ключевой для осознания идентичности. Посредством нарративов о героях (персонажах) и их действиях, событиях, актуальных и интересных национальному социуму, в подаче сквозь призму национальной идеологии, апелляций к национальным ценностям и символам, вербальной прорисовки черт характера выбранных автором «героев», создается образ современного белоруса. Героями белорусской нации, задающими модель поведения, традиционно являются завоевавшие признание представители искусства, спортсмены, ученые, бизнесмены, а также труженики из сельской местности, военные, молодые таланты.

Культурно-тематическая доминанта «Наши» в медиадискурсе реализуется в нескольких ценностно ориентированных нарративах, представляющих собой сценарные модели, так как фактически представляют собой рекомендации о том, как себя вести для того, чтобы достичь той или иной цели: «тяжелая жизнь, борьба», «достижение/успех», «любовь к делу», «любовь к Родине», «покорение мирового пространства», «единение», «труд», «поддержка семьи». В рамках данной статьи рассмотрим специфику вербализации нарративов «тяжелая жизнь, борьба», «достижения/успех», «любовь к делу», «любовь к Родине», «покорение мирового пространства».

Образ белоруса героизируется посредством описания решительности, находчивости в сложной ситуации; неизменного преодоления сложностей, борьбы с обстоятельствами. Нарратив «тяжелая жизнь, борьба» отличает высокая номинативная плотность отрицательно заряженных лексических маркеров с семами «борьба», «трудности», создающих кластер с лексикой боли и страдания: *были* ***тяжелые*** *моменты в жизни*, ***боролась*** *за мечту*, ***преодоление страха*** *и* ***боли*** *ради новой жизни, мои* ***старания*** *и* ***страдания***. При этом данные темы создают сценарную дихотомию «трудности, тяжелая жизнь – достижения/успех», формирующую в итоге положительный сенсорный фон. Таким образом задается сценарий поведения белоруса: преодолевая трудности, он все-таки добивается успеха, покоряет вершины. Окончательная победа «героя» над трудными обстоятельствами формируется посредством лексического кластера «интерпретационные глаголы со значением завоевания (содержат семы преодоления, борьбы) + существительных семантики наибольшей результативности»: *добился великих результатов* (цикл «Беларусы», 5.11.14), *мне хотелось чего-то* ***добиться***, *покорил вершины* (цикл «Беларусы», 3.04.14).

Как показали наши наблюдения, нарративы встраиваются в медиаконтент, формируя информационное поле из центральных и комбинаций сопутствующих им нарративов, демонстрируя некий конкретный вектор видения, конструирования модели поведения. Так, в информационном пространстве рекуррентным является нарратив «учение», конструируемый лексикой с семой *учить*, а также концептуальной метафорой, подчеркивающей, что жизненный путь полон трудностей, но оправдан в достижении главной цели: *учился* ***жить***, ***научил*** *наших играть в футбол* (цикл «Знай наших», 5.11.14), ***жизненный экзамен*** (цикл «Наши», 05.01.2019).

Одновременно с этим концепт «жизнь» и отождествляемый с ним концепт «судьба» часто одушевляются, предстают в качестве живого существа, которое оказывает негативное воздействие на жизнь человека, воздвигает преграды на пути достижения цели, являясь причиной трудностей: *судьба устроила испытания* (цикл «Наши», 22.05.2015), *жизнь преподнесла сюрприз* (цикл «Наши», 24.07.2017).

Медиапространство тиражирует и фиксирует в национальной модели мира сценарную модель, представленную пересечением ценностно значимых концептов «белорус – любовь – дело (работа)», «белорус – любовь – Родина». При этом ключевым является их языковая репрезентация, артикулированная героями телепередач. Для сценарных моделей «любовь к делу», «любовь к Родине» характерна неизменная положительная ассоциативно-семантическая парадигма, построенная преимущественно на эмоционально-оценочной лексике *любовь*, *увлеченность, замечательный, влюбленность*: *Мне помогает в работе большая глубинная* ***любовь*** *к работе* (цикл «Беларусы», 06.03.20), *он* ***любит*** *свое дело* (цикл «Знай наших», 6.11.14), ***моя увлеченностью работой*** (цикл «Беларусы», 29.04.19); лексике интенсифицирующего содержания: *наша Родина – самая* ***лучшая*** (цикл «Беларусы», 06.03.20). Оценочные прилагательные *замечательный*, *лучший*, реализуя позитивный оценочный заряд, с одной стороны, способствуют созданию определенной атмосферы, воодушевляющей аудиторию. С другой стороны, они служат выражением мировоззренческих ситуаций оценивающего субъекта – так автор высказывания актуализирует ассоциации величия своего государства, создает эмоционально воспринимаемый образ великой страны.

Использование языкового маркера солидаризации *наши*, *мы* (*белорусы*) облегчает восприятие контента зрителем, образует плодотворный когнитивный фундамент для продвижения необходимых идей – инклюзивное *мы* в значении «мы все вместе взятые» реализует значение обобщенной множественности. Отметим, что данный маркер используется героями телесообщений, таким образом говорящий признает свое единство с нацией и ее ценностями: ***наши*** *дети должны быть лучшими* (цикл «Беларусы», 7.12.18), *вот* ***мы****, белорусы* (цикл «Знай наших», 05.11.14)

В информационном пространстве Беларуси периода 2016-2019 гг. прочно закрепляется метафора «покорение белорусами мирового пространства»: *покоривший поклонников американской легенды* (цикл «Наши», 20.11.2015), *сумел покорить сердце одной из самых ярких актрис России* (цикл «Наши», 08.11.2015), *Ей удалось покорить крупнейший конкурс по боди-арту, а ее маски мечтают примерить мировые модели* (цикл «Наши», 16.12.2016). Доминантным лексическим маркером, героизирую-

щим образ белоруса, является глагол семантики завоевания *покорить*. Беларусь – небольшая, молодая независимая страна, для которой значимо признание на международной арене в различных областях жизнедеятельности человека, что активно выделяется смысловым полем медиапространства.

Таким образом, культурно-тематическая доминанта «Наши» представляет собой важный конструкт, который позволяет человеку структурировать свое понимание себя как представителя нации, свой жизненный опыт. Данная доминанта соткана из ряда ценностно нагруженных нарративов, которые усиливают ключевую идею посредством ресурсов языка.

Литература

1. Акимова И. А. Средства массовой информации как фактор формирования идентичности личности в современном обществе / И. А. Акимова // Сервис PLUS. 2009. - № 1. – С. 10–14.

2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская - М. : Флинта, 2008. – 202 с.

3. Ерофеева И. В. Нарратив «Восток – Запад» как способ национальной идентификации в российских СМИ / И. В. Ерофеева // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. – Т. 7. - № 1. – С. 76–86.

4. Качанов Д. Г. Нарратив в мультимедийных журналистских проектах : от вербальной к поликодовой технике / Д. Г. Качанов // Медиаальманах. 2019. - № (90) 1. – С. 59-69.

5. Клушина Н. И. Медиастилистика : как устроен современный медиастиль / Н. И. Клушина // Русская речь. 2015.- №3. – С. 55-60.

6. Коротин В. О. Национальная идентичность в современно обществе в условиях глобализации / В. О. Коротин // Вестник Поволжского института управления. – 2015 - № 2(47) - С. 109-111.

7. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг - М.: Академический проект, 2007. – 303 с.

ЛЕКСИКА КАК ОСНОВА ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т.А. Демешкина
demeta@rambler.ru
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
(Томск)

Одной из ярких примет современного языкового пространства является внутренняя подвижность его границ, характеризующаяся наложением, взаимопроникновением отдельных сфер. На роль основного понятия при описании функционирования языка и речи в лингвистике выдвигается понятие дискурса, отражающее динамику взаимодействия языковых и социокультурных параметров. Дискурсивный подход оказал существенное влияние на векторы развития некоторых уже ставшими традиционными областей лингвистики, таких, например, как стилистика, лексикография, диалектология. Так, в стилистике значительное изменение претерпело членение русского языка на функциональные стили и подстили [7], проблемное поле составляет разграничение понятий текста и дискурса, функционального стиля и дискурса [5]. В лексикографии в качестве инновационных проектов предлагаются словари дискурсивного типа [2; 13]. Концепции дискурсивных словарей базируются на положении о том, что семантика слова детерминируется коммуникативной функцией языка и признании того, что « … любой речевой акт начинается не с подбора слов, а с единиц глубинного плана, детерминирующих в дальнейшем подбор слов» [2, с. 115]. Дискурсивный подход, по мнению Н.Д. Голева, позволяет зафиксировать лексику русского языка (как общерусскую, так и ограниченную в употреблении) в аспекте ее реального существования [2, с. 131]. Репрезентативным источником для подобного типа словарей служит интернет, отражающий полидискурсивность коммуникативного пространства. Механизм взаимодействия дискурсов исследован в монографии И.В. Тубаловой, которая проанализировала устные личностно-ориентированные дискурсы с позиции включения в них элементов политического, делового, фольклорного дискурсов и сделала вывод о том, что «…несмотря на лояльность личностно-

ориентированного дискурса к проникновению иноречевых форм, он обладает достаточно жесткими внутренними принципами их адаптации, заданными дискурсивными правилами, отработанными в повседневном общении и в процессах полидискурсивного существования говорящих субъектов» [16, с. 348]. Взаимодействие дискурсов может осуществляться на уровне модусно-диктумных структур, получать выражение на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях. Наиболее отчетливо данное взаимодействие представлено в лексике русского языка, получившей «прописку» в различных дискурсах.

Рассматриваемая проблематика тесно связана с проблемой территориального членения языка, которое также оказалось в зоне «турбулентности», обусловленной социокультурными изменениями, происходящими в современном обществе и потребовавшими иного подхода к выделению диалектного, просторечного, литературного вариантов русского национального языка. О значимости данной проблематики свидетельствует ее включение в программы международных симпозиумов и конференций [14, с. 351]. Решению поставленной проблемы в значительной степени способствует наличие электронных баз данных, корпусов речи и других ресурсов, размещенных в сети интернет и дающих возможность обращения к разным дискурсивным практикам.

Предметом анализа данной статьи является функционирование территориально ограниченной лексики русского языка в разных типах дискурса. В задачи входит выявление языковых факторов, способствующих дискурсивной «миграции» диалектной лексики, определение ее функциональной нагрузки в том или ином дискурсе и семантические изменения, происходящие в структуре слова под воздействием силы дискурса. В качестве диагностических дискурсов использованы диалектный, научный, художественный, публицистический дискурсы.

Вопрос о том, что происходит с диалектным словом, когда оно выходит за пределы территориального бытования, может быть решен: а) путем обращения к массиву диалектной лексики в целом; б) обращением к тематическим группам и лексико-семантическим полям, отражающим диалектную специфику. Первый путь предполагает поиски и обнаружение в разных дис-

курсах собственно диалектных слов, извлеченных из диалектных словарей. В данном случае из «Полного словаря диалектной языковой личности» [11] путем сплошной выборки было извлечено семь лексем, имеющих собственно диалектную принадлежность: *гагадки* «бусы», *гача* «штанина», *голимый* «обильный, сплошной», *голоруком* «с голыми руками», *гоньба* «перевозить пассажиров, почту, товары, занимаясь ямским промыслом», *горошница* «гороховая каша», *гужеед* «сердитый человек». Из семи приведенных слов три фиксируются как устаревшие (*гагадки, гоньба, гужеед*, одно является экспрессивным (*голимый*). Лексема *горошница* актуализирует свои мотивационные связи через лексический мотиватор, имеющий общерусскую принадлежность.

Идея поиска «информационных следов» диалектных лексем в дискурсивном пространстве национального языка через систему интернета была высказана и апробирована в совместной работе Н.Д. Голева и Н.Б. Лебедевой [3], а также в статье Н. А. Зюзьковой [9]. Исследователи отмечают надежность, репрезентативность интернет-источников, считая, что они позволяют «…выявлять функциональные возможности разных типов диалектных слов, обнаруживать тенденцию к их узуализации и – в идеале – создавать прогностические модели» [2, с. 119]. Применение данного подхода предполагает обращение к исходному дискурсу и тем свойствам слова, которые определяют его потенциальные возможности функционирования в других типах дискурса. Как показал анализ интернет данных, одним из факторов, определяющих судьбу диалектных слов, является их мотивированность общерусскими мотиваторами. Поиск, проведенный с помощью поисковой системы Google, показал, что все семь диалектных слов оказались зафиксированными в сети интернет на различных сайтах.

По дискурсивной принадлежности лексемы распределились следующим образом. В научном дискурсе (научные статьи, справочная литература, толковые словари) функционируют лексемы *голимый, гача, гагадки, голоруком, гоньба, гужеед* в тех же значениях, что и в диалектном дискурсе. Например: статья О.И. Блиновой [1]: *Возникновение и устройство Московско-Иркутского тракта в Сибири относится к XVII – первой половине XVIII вв. Будучи важнейшей сухопутной магистралью Си-*

бири, тракт породил такие занятия местного населения, как ямщина, или ***гоньба*** *(перевозка пассажиров), извоз (перевозка товаров) и дворничество (содержание постоялых дворов). Огромное количество трактового и притрактового населения было втянуто в сферу "обозной" деятельности.*

В публицистическом дискурсе функционируют лексемы *голимый, голоруком*: Новость в газете [8]:

Несколько сотрудников детского сада, включая Туманову, обратили внимание на то, что детей кормят плохо: «не котлеты, а ***голимы****й хлеб», сгущенное молоко, подаваемое к сырникам, разводится водой, в супе нет мяса, подается один масляный бульон с овощами, никаких фруктов, кроме яблок, дети не видят.*

В профессиональном дискурсе (кулинарном) функционирует лексема *горошница,* с тем же значением, что и в диалекте: Кулинарный сайт [4]:

Горошница - сытное и питательное блюдо русской кухни, которое в докартофельные времена очень часто бывало на столах и готовилось в разных вариантах как в качестве гарнира, так и самостоятельного блюда.

В художественном дискурсе используются лексемы *гагадки, гужеед:* Сайт Проза.ру [12]:

- Колденя провалился. Полчаса? Два, его нет. Я не проеду, как стемнеет. Завтра за вами приеду.Ссовхозный возница–гужеед, отправился домой, хамка отправилась искать лучик Солнца. В художественных произведениях лексема *гужеед* употребляется в своем устаревшем значении «презрительная кличка ямщика», которое носителями диалекта уже не осознается.

Специальным предметом анализа может стать языковая рефлексия носителей языка по поводу преобразования лексического значения того или иного слова в разных типах дискурса: Форум ABBYY Lingvo [17]:

Мой сын-школьник часто употребляет прилагательное "голимый" в значении убогий, простейший, свойственный голытьбе.

Грамота.ру дает такое толкование этого слова: ГОЛИМЫЙ прил.1. Не имеющий каких-л. примесей, добавлений; неразбавленный, чистый.2. Достигший предела; полный, совершенный.

Получается, что на школьном диалекте это слово поменяло значение почти на противоположное?

Анализ даже малого количества диалектных лексем свидетельствует об их способности выходить за пределы территориальной ограниченности и выполнять различные функции. При этом исходное значение собственно диалектных слов может оставаться неизменным либо может трансформироваться под воздействием дискурсивных факторов. Необходимым условием для получения полных и достоверных сведений о функционировании диалектных слов в разных дискурсах является обработка достаточно большого массива данных, представленных в корпусах диалектной речи. В качестве предварительного вывода можно сделать вывод о том, что диалект продолжает выполнять функцию источника пополнения русского национального языка в разных его сферах. Источниковедческий потенциал территориально ограниченной лексики зависит от многих факторов. Одним из таких факторов является способность диалектного слова обозначать реалии, для которых в литературном языке не существует однословного наименования. Это свойство диалектных лексем особенно ярко проявляется в лексике природы, отражающей специфику той или иной территории. Ранее мы уже отмечали, что часть лексем, формирующих семантическое поле *болото* в среднеобских говорах, является устаревшими и не употребляется в современной коммуникации [6]. Обращение к научно-учебному дискурсу показало, что в географической сфере собственно диалектные единицы используются как термины и активно участвуют в формировании терминосистемы, например, *рям* «верховое болото с сфагновым покровом и редкой сосной», *мочажина* «кочковатое болото», *карагайник «*невысокий лес, растущий на болоте», *согра* «кочковатое осоковое болото грунтового питания в речной долине, поросшее смешанным лесом», *галья* «чистое моховое болото, имеющее вид зеленого луга, почти непроходимое» [10].

Таким образом, современное коммуникативное пространство создается множеством дискурсов, взаимодействующих друг с другом. Основой такого взаимодействия является лексика, функционирование которой определяется дискурсивными факторами, воздействующими на семантические свойства слова. Дискурсивный подход представляется эффективным при создании модели описания разных форм национальной речевой культуры (элитар-

ной/народной, региональной/общенациональной). Такое описание может быть осуществлено с опорой на факторы локальности, региональности, темпоральности.

Литература

1. Блинова О.И. О лексике ямского промысла в говорах Томской области [Электронный ресурс]. – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/0007-72460j/about60.htm (дата обращения: 20.02.2020).

2. Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 16. – С. 113–137.

3. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Современный интернет-словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 125–133.

4. Готовим.ру [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gotovim.ru/sbs/goroshnizasvin.shtml (дата обращения: 20.02.2020).

5. Гричин С.В., Демешкина Т.А. Комплексное исследование авторизации в научном тексте: когнитивно-дискурсивный подход // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи материалы v Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Отв. ред. И.И. Русинова. – 2017. С. 62–67.

6. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта "болото") / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 62. – С. 85–103.

7. Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Проблема стилевой дифференциации литературной речи на нынешнем этапе развития лингвистики // Век информации. – 2017. – Т. 2. № 2. – С. 27–28.

8. Золотая горка. Березовская газета [Электронный ресурс]. – Выпуск 18.10.2019. – URL: https://zg66.ru/publications/societys/7501-2019-10-16-09-30-11.html (дата обращения: 20.02.2020).

9. Зюзькова Н.А. «Жизнь» диалектных слов в региональном и общероссийском дискурсах // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых / под ред. Е.О. Третьякова. – Томск, 2018. – Вып. 19. – С. 55–56.

10. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

11. Полный словарь диалектной языковой личности в 3 т. Т. 1 А-З / [авт.-сост. О. И. Гордеева, Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова и др.]; под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 355 с.

12. Проза.ру [Электронный ресурс]. – URL: https://www.proza.ru/2019/05/05/701 (дата обращения: 20.02.2020).

13. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. ; Под ред. В. В. Морковкина; Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина. – М. : Лазурь , 1997. – 422 с.

14. Титаренко Е.Я. III Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» (8–12 июня 2019 г., Ялта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2019. – №5. – С. 350–354.

15. Томский диалектный корпус [Электронный ресурс]. – URL: http://losl.tsu.ru/?q=node/23 (дата обращения: 20.02.2020).

16. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах / И.В. Тубалова; [науч. ред. З. И. Резанова]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 368 с.

17. Форум ABBYY Lingvo [Электронный ресурс]. – URL: https://forum.lingvolive.com/thread/l47016/ (дата обращения: 20.02.2020).

STORYTELLING КАК ПРАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА И ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЯ О ЛОКАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ[9]

Ю. Н. Драчева; Е. Н. Ильина; Н. А. Ястреб
yulia.dracheva@mail.ru ; filfak@list.ru ; nayastreb@mail.ru
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
(Вологда)

Современная научная коммуникация, являясь сложным многоуровневым процессом, в существенной степени направлена на популяризацию достижений научного знания, в том числе в интернет-коммуникации. Наблюдаемые в настоящее время процессы изменения академической культуры в значительно большей мере требуют от учёного мастерства самопрезентации не только в устоявшихся формах трансфера знаний, но и в достаточно новых формах (визуализированных посредством электронной коммуникации научно-популярных лекциях, персональных сайтах, блогах, социальных сетях и др.). Считавшиеся ранее второстепенными, эти практики научной коммуникации существенно влияют на общественное мнение и оказывают заметное воздействие на научное сообщество.

[9] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00082 А («Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»).

Практика рассказывания историй (storytelling), рассматриваемая нами в контексте типологических свойств нарративной коммуникации, позволяет людям упорядочить свой опыт во времени, извлекать понятный смысл из некоторой последовательности событий и транслировать его в контексте общей идеи, репрезентируемой рассказчиком. Различные формы выполняемой при этом деятельности: чтение, рассказывание и восприятие хорошо составленных рассказов – подразумевают дискурсивные рассуждения и сами могут быть рассмотрены как познавательные процессы. Если история создается в рамках научного дискурса, то она становится частью научного познания. В данном случае происходит обмен смыслами, обращение к опыту, убеждение и управление восприятием. Исследование научного нарратива может помочь прояснить многие аспекты производства и трансляции научных знаний, поиска решений нестандартных проблем и функционирования научного сообщества: здесь, согласно концепции С. Ворт, традиционные формы знания, такие как «знание что» и «знание как», дополняются компонентом «knowing what it is like» [6, с. 42], непосредственно связанным с субъектом речи и его персональным опытом, который воспринимается адресатом общения через повествование. Всё сказанное позволяет рассматривать storytelling как полноценную практику производства и трансляции научного знания.

Специфику рассказывания историй в практике производства и трансляции знаний о локальной речевой культуре мы хотели бы проиллюстрировать примерами из научного и медийного дискурсов. В научном дискурсе рассказанные учёным истории иллюстрируют, в частности, динамику языковых процессов и воздействие на них различных экстралингвистических факторов. Так, например, Е. Н. Ильина, обращаясь к логике процессов формирования «лингвистического кода» вторичной идентичности, иллюстрирует историями каждый из этапов, переживаемых языковой личностью[10]: «*Проживание человека в новом для него локусе определяет первоочередность «вживления» регионального ономастикона*. Пример: (звучит песня «Вологда») «*Раньше мне бы в голову не пришло, что эта песня про меня!*», *сопоставления с ра-*

[10] Ильин Алексей Павлович, 1969 г.р., уроженец Татарстана, проживает в Вологде с 2010 г., запись 2012 г.

нее известными именами собственными, в том числе с целью языковой игры. Пример: (информант показывает на изображение новогоднего персонажа) «*Дед Мороз… а у нас Кыш Бабай. Бабай-Колотун!* (смеется)» <… > *Местные слова, воспринимаемые в начале коммуникации как варваризмы, нарушающие чистоту языка и препятствующие пониманию собеседника, со временем начинают более свободно опознаваться в процессе диалога, а в ряде случаев переходят в активный словарный запас.* Пример: «*Нечередный? Это он в какой очереди-то неочередный? Сказали бы просто – дурак!*» (комментарий употребления слов в чужой речи, запись 2011 г.), «*Тепло сегодня, шапка-то зачем?*» (ответ на реплику: «*Она, вон смотри, опять, как нечередная, пошла без шапки!*», запись 2014 г.), «*Что ж он подрезает-то, как нечередный!*» (спонтанная реакция на неожиданную ситуацию на дороге, запись 2017 г.) – ср.: *чередный* ʻнастоящий, правильный, такой, какой должен быть’ [5, вып. 12: с. 30]) [2]. Подобного рода иллюстрации составляют основу осмысления динамики речевой реальности, составляющей предмет научного знания.

Исследуя механизмы формирования медиаобраза локальной речевой культуры в медиадискурсе [1], мы обратили внимание на когнитивный механизм *интерпретации* в аспекте междискурсивного трансфера знаний. Этот механизм предполагает авторизированный пересказ научной концепции. Если в изложении автора концепции приём рассказывания историй (storytelling) не снижает уровня научности повествования, сохраняя его как форму трансляции научного знания, то в пересказе журналиста обнаруживают себя типичные для массовой коммуникации процессы адаптации, упрощения научной концепции, а также усиление в повествовании социально-психологической составляющей, подчёркнутая эмоциональность и адресованность сообщений. Проиллюстрируем данное наблюдение примером репрезентации понятия *вологодский текст*.

Определяя семантический объём этого понятия, учёные обращаются к историям, эксплицирующим стержневые компоненты семантики слова *вологодский* («*Как известно, возникновению Вологодской области предшествовало объединение старых губерний и уездов в новые территориальные единицы, а затем их новое разделение. Изменялся административно-территориальный*

статус некоторых вологодских районов, пограничных с Тверской, Архангельской, Костромской, Олонецкой губерниями. Территориальная нестабильность характеризует и историю Вологодской епархии, границы которой тоже изменялись. Таким образом, изменялись во времени и пространственные координаты представлений о «вологодском», которое соотносилось с разными хронотопами» [4]), иллюстрируют отличительные свойства культурного пространства региона как одной из специфических локальных культур России. Изложение этой дискуссии в текстах для массовой аудитории проходит несколько этапов. Во-первых, это введение ключевых лексем в заголовке медиатекста («*Вологда как текст*» [3]). Во-вторых, актуализация школьных знаний читательской аудитории («*Многие из нас помнят со школьных лет такое определение: текст – это система предложений, связанных по смыслу и грамматически. Однако это определение отражает отнюдь не все аспекты, связанные с изучением текста*» [3]). В-третьих, определение места концептуализируемого понятия в иерархии научного знания («*Филологи приглашают гостей к открытому диалогу, а также просто, увлекательно и доступно рассказывают о сложнейших понятиях лингвистики и литературоведения. Одно из таких понятий – вологодский текст*» [3]). В-четвёртых, введение родовых понятий для толкуемого («*Во время беседы ученые рассказали о том, что такое региональный текст. Это сверхтекст, закрепляющий в культурном сознании людей представления о том или ином регионе, выражающий его отличительные особенности*» [3]). В-пятых, подбор понятных массовой аудитории иллюстраций («*Для примера возьмем, казалось бы, нейтральное слово “платок”. В понимании каждого русского человека – это головной убор для женщин. Но часть россиян, прежде всего оренбуржцы, вспомнят про оренбургский пуховый платок, ведь это их гордость, один из символов России наряду с тульским самоваром, вологодским кружевом и хохломской росписью. Что уж говорить про разные языки! К примеру, у народа туарегов, обитающих в пустыне, слово “платок” (“лисам”) – это мужской головной убор, имеющий культовое значение. Каждый юноша в 18 лет получает лисам от отца и с этого возраста не имеет права показываться на людях с открытым лицом и простоволосым. На этом примере*

мы видим, как одно и то же слово, обозначающее "кусок ткани, надеваемый или повязываемый на голову", в культурном сознании представителей разных регионов и в разных языках "обрастает" дополнительными смыслами» [3]). В-шестых, авторы медиатекста предлагают своему адресату упрощённое определение толкуемого понятия («*Вологодский текст – также совокупность всех текстов о Вологде*» [3]). Как мы можем убедиться, приём рассказывания историй в научном и в медиадискурсе разворачивается по сходным сценариям с той лишь разницей, что в научной среде превалируют логические связи событий и явлений, основополагающей является научная аргументация интерпретируемых фактов, тогда как в медиадискурсе обращение к общественному сознанию актуализирует ценности социальной сферы и моделирует психологическое реагирование аудитории.

Таким образом, storytelling, оставаясь вспомогательной познавательной практикой, является важным инструментом для проведения исследований и передачи научных знаний. Этот приём имеет очень важное значение для формирования групповой (научной, региональной, национальной и пр.) идентичности. Человек чувствует свою принадлежность к социальной группе, если его объединяют с другими её членами общие мифология, история или нарратив. Storytelling, таким образом, является способом трансляции культуры научного мышления и взаимодействия; нарративные рассуждения наглядно демонстрируют неявное невербальное знание, которое в научном сообществе передается только в процессе личного взаимодействия от одного субъекта к другому. Именно неявное знание определяет способ действия учёного и позволяет ему соотносить себя с той или иной школой или традицией.

Литература

1. Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: дисс. … д-ра филол. наук. Вологда: ВоГУ, 2019. – 575 с.

2. Ильина Е. Н. «Лингвистический код» региональной идентичности жителей Вологодского края в динамическом аспекте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 6. – С. 85–91.

3. Мелехина Н. Вологда как текст. Ликбез. Выпуск 5 (17) // Премьер. 2017. № 22 (1021). 6 июня. Режим доступа: https://premier.region35.ru/archive/2017/06/np1021/s7.html

4. Смольников С. Н. Семантика имени прилагательного *вологодский* и проблемы региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3. – С. 86–90.

5. Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда : Изд-во ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

6. Worth, Sarah E. Storytelling and Narrative Knowing: An Examination of the Epistemic Benefits of Well-Told Stories // The Journal of Aesthetic Education. 2008. Vol. 42. No. 3.– P. 42–56.

«ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО»: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

О. В. Ермоленко
gorevidal@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Обращаясь к литературному воплощению «мифологического наследия», литературоведение изучает два разных феномена. В одном случае речь идет о целенаправленном использовании авторами мифологической образности, а в другом – о создании художественной картины по законам мифомышления.

Мифологизация первого типа продиктована стремлением автора переосмысливать древние мифы с позиций современности. В разные эпохи такое «осовременивание» мифа имеет свою специфику и идеологическую нацеленность. Т. М. Пронина, проанализировав интерпретацию мифа об Ифигении в драматургии Еврипида, И. В. Гёте и В. П. Буренина, приходит к выводу, что всякий из авторов переработал «мифологический материал» таким образом, чтобы утвердить актуальную для своей эпохи идеологему: для Еврипида это была мысль об исключительности афинян, для Гёте – о безусловности нравственного долга, для В. П. Буренина – мысль о нравственном превосходстве «варварского мира» над «миром цивилизованности».

В XX–XXI вв. переосмысление мифологических сюжетов и образов приобрело такой литературный масштаб, что эту эпоху принято называть периодом «второго рождения» мифа, или периодом неомифологизма. Как отмечает Т. Г. Мальчукова, «в ли-

тературе XX века происходит жанровая экспансия античной мифологии» [4, с. 51].

Все сказанное относится к процессу литературного переосмысления мифологических сюжетов и персонажей. Однако постепенно наука приходила к убеждению, что феномен мифа – это не только текстовая реализация архаических образов, а это, по формулировке О. М. Фрейденберг, – «и действа, и вещи, и речь, и “быт” первобытного человека, то есть всё его сознание и всё, на что направлено его сознание» [12, с. 28]. Понятие «миф» уравнивалось с понятием «мифомышление», под которым понимается «первобытная ступень человеческого сознания, когда миф является отражением картины мира, результатом и способом освоения мира» [8, с. 29]. Такой взгляд на миф был расширен исследованиями К. Юнга, полагавшего, что миф основывается на «уникальных <…> структурах глубинного слоя человеческой психики» [14, с. 176], которые в современности «работают», как во времена архаики, и продолжают обеспечивать процесс «мифотворчества» [14, с. 176]. При этом современный миф рассматривается, по словам современного исследователя, как «искривленное отражение реальности, которое закреплено в коллективном сознании» [7, с. 5].

Инструментом мифологизации зачастую выступает литература. Это случается, когда художественная картина, воплощенная в тексте, начинает восприниматься коллективным сознанием в качестве не художественной условности, а точного отражения реальности. Для иллюстрации можно привести поэму «Бахчисарайский фонтан», которая основывалась на легендарном материале и художественном вымысле и по авторскому замыслу не должна была соотноситься с исторической реальностью. Однако коллективным читательским сознанием это романтическое полотно было воспринято как «слепок» с исторического Бахчисарая, а потому стало основой «бахчисарайского мифа», укрепившегося в русской литературе и общественных представлениях [10, с. 135–152].

Итак, современное литературоведение нацелено на исследование двух соприродных процессов: на переосмысление мифологических сюжетов и образов, с одной стороны, и на функционирование художественных «конструкций» по законам мифомышления – с другой. Однако на уровне общепринятой терминологии

разница между этими феноменами не прослеживается: они оба, как правило, обозначаются терминами «мифологизирование» и «мифотворчество», а эти термины, в свою очередь, воспринимаются в качестве синонимичных.

Попытка преодолеть этот терминологический казус была предпринята в диссертации Е. Е. Моттирони ещё в 2001 г. Исследователь предложила разграничить понятия «мифологизирование» и «мифотворчество». Под «мифологизированием» она предложила понимать все формы заимствований мифологических сюжетов, образов и структур, «имитацию специфики мифологической мысли» [6, с. 7], а под «мифотворчеством» – процессы создания мифологической картины мира в качестве «творческого образа действительности» [6, с. 7].

На наш взгляд, такое разграничение понятий вполне оправдано, однако на уровне практического применения оно неизбежно наталкивается на «противодействие» литературоведческой традиции. Так, один из самых авторитетных исследователей мифологии Е. М. Мелетинский, используя в работе «Поэтика мифа» термины «поэтика мифотворчества» и «поэтика мифологизирования», по существу, отождествлял эти дефиниции [5, с. 7]. То есть разграничение понятий «мифологизирование» и «мифотворчество» потребует смысловой ревизии терминологической практики, уже закрепленной во множестве исследований, что грозит внесением дополнительной путаницы.

Ещё одним вариантом выхода из сложившегося терминологического затруднения могло бы стать использование термина «авторское мифотворчество» для определения литературных мифов нового времени. Дело в том, что архаическое и современное мифотворчество, хотя и опираются на одни и те же законы мифомышления, все же имеют одно существенное различие: первобытное мифотворчество имело стихийный и коллективный характер, тогда как мифы нового времени являются порождениями авторского творчества, несут в себе черты традиционного мифа и авторского нарратива», а потому и называются «авторскими мифами» [8, с. 321]. Термин «авторское мифотворчество» логично подчеркивал бы эту особенность «новой мифологии». Следует заметить, что за данным термином уже закрепилось несколько иное литературоведческое значение. Под «авторским мифотвор-

чеством», как правило, понимается воплощаемое в тексте конструирование автором собственной биографии, «мифологизация собственного образа» [9, с. 11], особенно характерная для литературы модернизма. Однако в последние годы происходит явное «расширение» этого термина. Например, под авторским мифотворчеством, реализуемым в жанре фэнтези, понимается «создание автором собственных мифоподобных образов и символов» [3, с. 190], «собственных мифологических систем» на основе народных верований [1, с. 30]. А. Ю. Перевезенцева называет авторским мифотворчеством литературные ситуации, когда автор выстраивает «собственную мифологическую систему, пользуясь лишь логикой построения мифа, определёнными законами мифологического времени и пространства» [11, с. 326]. В докторской диссертации Н. К. Кашиной вообще уравниваются понятия «неомифологизм» и «собственно авторское мифотворчество» [2, с. 3].

То есть существует выраженная тенденция противопоставлять синонимичным понятиям «мифологизирование» и «мифотворчество» термин «авторское мифотворчество», и эта тенденция является реакцией на несовершенство существующей терминологической системы. Однако есть вероятность, что использование термина «авторское мифотворчество» в значении литературного творчества по законам мифомышления породит новые смысловые коллизии в связи с тем, что под «авторским мифотворчеством», как уже отмечалось, подразумевается также менее масштабное явление – мифологизация авторского образа. Чтобы избежать этого, думается, было бы логичным остановиться на дефиниции «индивидуально-авторское мифотворчество», которая, во-первых, уже используется (хотя и нечасто) в литературоведческих трудах, а во-вторых, акцентирует внимание на существенности той роли, которое играет оригинальное авторское начало в создании мифов нового времени в отличие от классических мифологий архаики. Этот термин согласуется с дефиниционными традициями литературоведения и в научном обиходе должен обозначать создание литературной реальности по трафаретам мифосознания.

Литература

1. Валитова В. А. Репрезентация славянской мифологии в творчестве О. Громыко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2015. Т. 1. Вып. 1. – С. 29–38.

2. Кашина Н. К. Онтология мифов в текстах В. Розанова как генезис «другой»литературы: Дисс. … д. филол. н. Кострома, 2012. – 371 с.
3. Кулакова О. К. Авторское мифотворчество в жанре фэнтези // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. – С. 189–194.
4. Мальчукова Т. Г. Античное наследие и современная литература: текст лекций. Петрозаводск, 1988. – 64 с.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2006. – 407 с.
6. Моттирони Е. Е. Проблема мифа в романах Мишеля Турнье: Автореф. дис. … к. филол. н. М., 2001. – 21 с.
7. Орехов В. В. В лабиринте Крымского мифа. Симферополь – Н. Новгород: Растр, 2017. – 579 с.
8. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: СГТ, 2008. – 200 с.
9. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): учебное пособие. К.: УМК ВО, 1992. – 92 с.
10. Охременко А. А. «Путешествие по Тавриде в 1820 годе» И. М. Муравьева-Апостола в контексте русского литературного движения 1820-х годов: Дисс ... к. филол. н. Симферополь, 2017. – 197 с.
11. Перевезенцева А. Ю. Идейно-художественное своеобразие исторических романов М. Рено // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). – С. 323–328.
12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. – 605 с.
13. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. – 495 с.
14. Юнг К. Г. О современных мифах. М.: Практика, 1994. – 252 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ: ДИСКУРСИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Г.С. Иваненко
gala.april@mail.ru
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
(Челябинск)

Понятие «функциональная грамотность» в современной науке трактуется очень широко и не тождественно в различных дисциплинах. В социологическом аспекте «функциональная грамотность – способ социальной ориентации личности, интегрирующий связь образования с многоплановой человеческой деятельностью» [5, с.39], в педагогическом – «уровень образованности,

который характеризуется способностью решать стандартные жизненные задачи в различных сферах жизнедеятельности на основе преимущественно прикладных знаний» [12]. В [7] представлен широчайший спектр интеллектуальных действий: способность к саморазвитию, самоорганизации, самоанализу, познавательной деятельности – объединенных категорией функциональной грамотности педагога, практически отождествляемой с профпригодностью. В филологической нише актуально более узкое наполнение термина: «Функциональная грамотность – это использование умений читать и писать в повседневной жизни. Иными словами, это уровень грамотности человека, определяющий его деятельность с использованием печатного слова в быту» [4]. В связи с многозначностью понятия **грамотность** (педагогическая, социальная, компьютерная и др.) необходимо его конкретизировать. В сфере языкознания речь должна идти о речевой грамотности. Не отождествляя функциональную грамотность с филологической культурой, все же выведем её за пределы минимальных требований к бытовому владению речью.

Функциональным называется то, что относится к практике, конкретному использованию, употреблению какого-либо объекта или явления [6]. Следовательно, функциональная речевая грамотность – это способность применить полученные на уроках русского языка знания в практической сфере. На уроке ученик может вполне успешно в упражнении вставлять пропущенные гласные, расставлять знаки препинания, определять стиль текста и выделять грамматически неверное употребление деепричастного оборота. Но всегда ли наш выпускник, справлявшийся с задачами, поставленными дидактическим материалом, справится с задачами, поставленными речевой практикой? Все разделы языкознания при практическом применении сходятся в одной точке – порождения и извлечения смысла как лингвофилософского феномена [3]. При этом ученик должен, пусть интуитивно, но достаточно для успешной коммуникации, дифференцировать категории значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации [8]. Для приближения учебных заданий к жизненным обозначим ниши, в которых человек использует сформированную речевую грамотность, предложив тем самым и дискурсивную типологию самого явления.

Бытовая функциональная грамотность – применение речевого навыка для реализации бытовых потребностей – повседневных житейских действий, таких, например, как покупка товаров, выяснение местоположения объектов, времени работы организаций, условий оказания услуг. Именно сферой бытового употребления речи ограничиваются некоторые представления о функциональной грамотности. На первый взгляд эта ниша кажется самой простой, низшей ступенью речевой подготовки. Однако наблюдение за коммуникативным поведением учеников и студентов показывает, что далеко не всегда владение сложными формами речевой культуры означает автоматическое владение простыми. Каждая коммуникативная ниша требует своих средств и моделей. Нужно уметь строить не только сложные предложения, но и простые; не только конструкции с большим количеством вводных элементов, выражающих мысль о сложности бытия и субъективном мнении адресанта, но и конструкции, содержащие категорический императив. Для формирования бытовой функциональной речевой грамотности нужны прежде всего знание лексики для адекватного наименования предметов и явлений и владение грамматикой для создания однозначных, а не амфиболичных конструкций. Использованию языковых средств с целью отражения фактов внеязыковой действительности должна быть подчинена вся система функционально ориентированных упражнений [2]. Сложность реализации речевой грамотности в бытовой сфере заключается в коммуникации в устной форме, которая требовательна к скорости отбора языковых средств. Ситуативные тренинги способствуют формированию требуемой бытовой функциональной грамотности.

Социальная функциональная грамотность – применение речевого навыка для реализации социального взаимодействия, участия в жизни общества в качестве гражданина, способного получать, интерпретировать и передавать информацию о политической обстановке в мире, стране, о функционировании гражданского общества, о социальных процессах. В современном мире информационное воздействие является инструментом экономического, политического и социального управления. С одной стороны, реципиент, не знакомый с речевыми моделями влияния, становится объектом чужой манипуляции. Люди приобретают

ненужные им товары в ненужном им количестве, доверяют информации, в которой внутренняя несогласованность компонентов выдает очевидную ложь или, как минимум, недобросовестность адресанта, заметную человеку со сложившимся критическим речевым мышлением. Вспомним многочисленные случаи пагубного речевого влияния на людей, не обладающих иммунитетом к речевой манипуляции: это и вовлечение в террористические, религиозные, социально опасные, суицидальные группировки, и построение различных сторон жизни (режима сна, питания, гигиены, лечения) по небезопасным рекомендациям непрофессионалов, и потенциально разрушительное доверие к псевдопрофессиональным советам «психологов». С другой стороны, целый ряд преступлений и правонарушений вызван речевой деятельностью людей, не знакомых с правовыми ограничениями в области речевой деятельности. Социальная функциональная грамотность предполагает хотя бы поверхностное представление об уголовной, гражданско-правовой и административной ответственности за такие речевые деяния, как оскорбление, диффамация, экстремистские высказывания, нарушение интеллектуальных прав. Междисциплинарные темы на стыке языка и права (например, «Правовой самоконтроль оратора» [11], «Правовые ограничения речевой деятельности») могут быть включены в занятия, посвященные риторике, стилистике.

Межличностно-психологическая функциональная грамотность – применение речевого навыка для реализации межличностного общения, нацеленного на психологическое и эмоциональное взаимодействие: самореализацию и поддержку. Потребность выделения названного типа функциональной грамотности обусловлена объективным существованием особого межличностного дискурса, который отличается от бытового тонкостью решаемых проблем, обращенных не столько к сфере сиюминутных потребностей, сколько к миру интеллектуальных запросов, духовных поисков и душевных переживаний. Хотелось бы, чтобы у наших учеников был этот мир дружеского общения, с которым они знакомятся при прочтении «Войны и мира». Для становления культуры межличностной речевой коммуникации мало знать формулы фатического общения. Нужно получить опыт слушания и извлечения смыслов из текстов, в которых на

первом плане не рациональное, а эмоциональное начало. Образы, оценки, экспрессия, эмоции – понимание всех коннотативных компоненты текста в общении между близкими людьми необходимо для создания, сохранения и развития этих отношений. Именно в этом типе реализации функциональной речевой грамотности максимально обнажается эгоцентризм и коммуникативная беспомощность подхода «а я так понял». Применительно к художественному произведению дискуссии по поводу конфликта интерпретаций могут быть очень увлекательными, а в межличностном общении неумение получить адекватно переданную информацию приводит к конфликту не теоретическому, а практическому. Безусловно, в равной мере значим и навык передачи информации в формах, доступных пониманию. Работа с текстами исповедального характера, передающими сложный мир человеческой души, будет способствовать формированию межличностно-психологической речевой грамотности.

Профессиональная функциональная грамотность – применение речевого навыка для реализации профессиональных функций: постановка задачи перед подчиненными и понимание выраженных требований, кодирование и декодирование информации о сроках, качестве, показателях выполняемых работ. Специфика коммуникативных ситуаций, с которыми сталкиваются люди различных профессий, определяет необходимость овладения различными моделями речевого поведения. Именно поэтому в вузах выделены такие дисциплины, как «Культура речи учителя», «Культура речи врача». Действительно, врач должен быть готов сообщить больному о тяжелой болезни, родственникам о смерти близкого, женщине – о беременности или ее утрате так, чтобы в каждом из этих случаев минимизировать возможные негативные последствия для адресата. Полицейский должен владеть навыком разговора с людьми разных социальных слоев, для чего, возможно, имеет смысл обогатить свой словарный запас различными стилистическими пластами, пусть не для изъяснения, но хотя бы для понимания. Функциональная грамотность учителя предполагает, в частности, владение интонационными моделями, позволяющими реализовывать процесс обучения. Безусловно, эти модели разнообразны, и не только они определяют педагогический успех, но учитель как минимум должен говорить настолько

отчетливо и громко, чтобы его слышали ученики на последних партах. Это только один компонент профессиональной педагогической функциональной грамотности – фонетический, не столь значимый, например, для инженера.

Эстетическая функциональная грамотность – применение речевого навыка для интерпретации произведения искусства. В настоящем материале речь идет в целом о филологической функциональной грамотности, следовательно, и о произведении искусства речи. Ученики в школе, студенты-филологи в вузе анализируют под руководством учителя, с помощью учебной, научной и критической литературы произведения, ставшие классическими. Переняв (не обязательно при этом приняв) устоявшиеся оценки, характеристики, взаимосвязи и интерпретативные ходы, они транслируют полученную информацию на контрольных мероприятиях. Но в реальной жизни придется столкнуться с рассказом современного автора, с постом в сети, статьей на сайте, с новой книгой. Как отнестись к этим произведениям? Если навык определения концепции автора сформирован [9], ученик не перепутает свои ощущения и объективно заложенный смысл и не подменит возникшими в связи с чужим текстом ассоциативными рядами его структурированный анализ, в реальной жизни, как правило, внутренний, а не письменный. Хотя сегодня общение в сети содержит и отзывы о художественных произведениях как проявление самореализации читателя-критика. Предвидя возражения сторонников понимания функциональной грамотности вне эстетического компонента, напомним о функциональности всего, чему учат в школе, но функциональности в различных дискурсивных нишах, чему и посвящен настоящий материал.

Формирование речевой практической грамотности – главная цель курса русского языка в школе [1]. Конечно, филологическая культура предполагает и представление о системной организации языка, и понимание его законов, и дифференциацию объективных фактов и конвенции при квалификации языкового явления, и наличие инструментария эстетической оценки произведения речи. Но первичная, минимальная и реалистичная задача учителя русского языка – сформировать практическую грамотность ученика, под которой понимается способность использовать навыки владения речью вне дидактического дискурса в устной и пись-

менной форме для достижения требуемого коммуникативного эффекта, который реализуется в конверсивных процессах кодировки и декодировки информации. Владению названными разнонаправленными речевыми действиями готовят и лексическими темами, и грамматическими, формируя взаимосвязь *структура – семантика*, если учитель, конечно, видит итоговую цель обучения. Особое место в системе занятий по формированию навыка перевода информации в текст, а текста в информацию занимают, собственно, уроки по анализу текста.

Анализ текста в современной школьной программе играет важную роль, что отражается и на содержании контрольных материалов. В 9 классе ученики сдают устное собеседование, подготовка к которому заставляет учителей актуализировать внимание к устной форме речи и к дискурсивным практикам, находящимся ранее в тени. На письменном экзамене в этом же 9 классе дети демонстрируют умение пересказывать текст. Жаль, стилистическое разнообразие подобранных материалов оставляет желать лучшего, что свидетельствует об актуальности рассмотренной темы о дискурсивной типологии функциональной грамотности, формирование которой требует разнообразия речевых дискурсивных практик. В структуре Единого государственного экзамена даются два текста для извлечения смысла с двумя блоками заданий, связанных с различными аспектами понимания содержащейся в них информации. Увы, анализ результатов выполнения этих заданий показывает, что не все компоненты смысла текста извлекаются учениками. Понимать выраженные текстом смыслы человек учится с рождения, но именно на уроках русского языка такой навык должен быть оформлен и закреплен [9]. В частности, особое место в системе этой работы принадлежит раскрытию подтекста [10; 13], навыки извлечения которого востребованы во всех дискурсивных практиках.

Итак, во-первых, функциональная речевая грамотность – способность использовать навыки владения речью в устной и письменной форме для достижения требуемого коммуникативного эффекта, который реализуется в конверсивных процессах кодировки и декодировки информации. Во-вторых, функциональная речевая грамотность типологически неоднородна. Каждый тип функциональной грамотности необходимо формировать на

соответствующем дискурсивном материале и специальными средствами, разработать которые еще предстоит педагогическому сообществу. В-третьих, при формировании практической речевой грамотности ученика и студента следует работать над становлением двух форм реализации речи: устной и письменной – и двух разнонаправленных речевых действий: понимания и создания текста.

Литература

1. Адаева О.Б., Иваненко Г.С. От целеполагания к условиям реализации: о концепции курса русского языка в школе. Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. №10. – С.14-20.

2. Адаева О.Б. Упражнения, реализующие идеографический подход к изучению родного языка. Филологический класс. 2018. № 3. – С. 92-99.

3. Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013.№1(21). – С.5-14.

4. Бабушкина О.В. Формирование функциональной грамотности обучающихся основной школы: теория и практика международных исследований // Электронное периодическое издание «Преемственность в образовании». № 10. 2016 г. – URL: http://journal.preemstvennost.ru/ (дата обращения 09.01.2019).

5. Бранд О. Функциональная грамотность в промышленно развитых странах // Перспективы / вопросы образования. ЮНЕСКО. 1988. № 2. С. 37-50.

6. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. 2003. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5733/функциональный (дата обращения 09.01.2019).

7. Дюшеева Н.К., Кубатбеков М.М. Функциональная грамотность будущего педагога: сущность и содержание // Инновации в науке: сб. ст. по матер. LXIV междунар. науч.-практ. конф. № 12(61). Часть I. Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 107-115.

8. Иваненко Г.С. Понятия значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации текста в концепции целевого лингвистического судебного исследования // Мир науки, культуры, образования. 2012. №4 (35). – С.74-78.

9. Иваненко Г.С. Определение позиции автора: пять этапов когнитивного процесса декодировки информации // Филологический класс. 2018. №4(54). – С.117-123.

10. Иваненко Г.С. Понимание подтекста: к вопросу о формировании навыка чтения (на материале рассказа А.П. Чехова "Размазня") // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). – С.607-609.

11. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М.: «Альпина Диджитал», 2007. – 360с.

12. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / Авторы-составители М.Ю. Олешков и В.М. Уваров. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 191 с. – URL: https://current_pedagogy.academic.ru/745/функциональная_грамотность (дата обращения 09.01.2019).

13. Цупикова Е.В. Методика освоения содержания текста с учетом подтекста и двойного смысла [Текст] // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2010. №3 (88). – С. 223-228.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УКРАИНСКИХ ПОСЛОВИЦ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

Н.И. Иванюк
(Симферополь)

В современном русском языке активно используются заимствования из других языков. Так, в дискурсе русскоязычных СМИ отмечается немалое количество заимствований из близкородственного языка – украинского. Такие слова и выражения являются украинизмами. К наиболее часто употребляемым украинизмам относятся такие лексемы, как *майдан, незалежный (незалежность), самостийный, мова, щирый,* а также лексические единицы, называющие украинские блюда, предметы одежды и обуви, быта [4]. Анализ текстов масс-медиа России и русскоязычных СМИ Украины показал: помимо украинских лексем встречаются украинские паремии, что является предметом исследования данной статьи.

Отметим, что пословица как языковая единица широко описана в лингвистической литературе. Ей посвящены исследования таких ученых, как Ф.И. Буслаев [1], А.А. Потебня [5], В.Н. Телия [8], И.М. Снегирев [7], В.М. Мокиенко [3], Л.Б. Савенкова [6] и др.

Научное определение пословице первым дал И.М. Снегирев, выделив следующие ее признаки: 1) способность обозначать модели ситуаций; 2) логико-семантическая общность с пословицами других народов как отражение общих законов человеческого бытия; 3) способность отражать особенности народной психологии и культуры этноса; 4) оценочность; 5) дидактичность; 6) воспроизводимость [7, с. 23].

Пословица является объектом изучения лингвокультурологии. Это в первую очередь связано с тем, что данная языковая единица является отражением культуры народа и содержит ее ценностные приоритеты. С этой точки зрения пословица – это лингвокультурный текст, который в концентрированном виде выражает сведения о культуре того или иного народа, характеризует важные моменты истории, традиции, нравы и обычаи людей, говорящих на соответствующем языке (И.Р. Гальперин, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун, В.И. Карасик и др.).

В рамках когнитивной лингвистики пословица рассматривается как отражение менталитета народа. Е.С. Мезенцева отмечает: «Пословичный менталитет – это не менталитет пословицы (как и языковой менталитет не менталитет языка), но отраженный в пословичном фонде менталитет народа, точнее, определенных социальных групп народа. Пословичный менталитет – это один из вариантов языкового менталитета, шире – один из вариантов народного менталитета» [2, с. 104]. По замечанию В.Н. Телия, пословицы являются мощным источником интерпретации, «поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все критерии и установки этой жизненной установки народа-носителя языка» [8, с. 243].

Несмотря на то, что в каждой из пословиц отражена культура того народа, в языке которого функционирует данная языковая единица, пословицы одного языка могут употребляться в речи носителей другого языка. Так, украинские пословицы употребляются в русской речи. Исследование функционирования украинских пословиц в русском дискурсе является актуальным, так как отражает динамические процессы, происходящие в языке и связанные с заимствованиями из других языков, позволяет описать причины подобного рода явлений, а также проследить, как они влияют на современный русский язык в целом, так как факты речи при определенных условиях становятся фактами языка.

Использование пословиц, в том числе и заимствованных, в текстах СМИ в первую очередь связано с тем, специфика публицистического жанра «навязывает» журналисту определенные «правила игры», вынуждая его постоянно «лавировать» между потребностью наиболее полного

самовыражения и выявления своего интеллектуального багажа и необходимостью быть понятым средним, массовым читателем, т.е. ориентироваться в основном на обыденное языковое сознание. А пословицы в сжатом виде содержат большой объем культурной информации, в большинстве случаев доступной массовому читателю, и заряд экспрессии, что является хорошим средством воздействия на него [4].

Анализ русскоязычных СМИ показал, что заимствования из украинского языка активно используются в русской речи. Среди украинских пословиц часто употребляются следующие: *«Моя хата с краю, ничего не знаю» («Моя хата з краю, нічого не знаю»), «Имеем то, что имеем» («Маємо те, що маємо»), «Если не съем, так понадкусываю» («Як не з'їм, так понадкусую»), «Бачили очи, что покупали, ешьте, хоть повылазьте» («Бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте»).* Наиболее употребительной среди перечисленных является последняя. Встречается также первая часть данной пословицы: *бачили очи, що купували.*

Необходимо отметить, что пословица «Бачили очи, що купували, ешьте, хоть повылазьте» как в полном, так и в усеченном виде активно употреблялась в русскоязычных СМИ Украины (до 2014 года), что обусловлено прямым влиянием украинского языка на русский на территории Украины. Зачастую сохранялось украинское написание: *«Главное правило сегодняшнего рынка по-украински – «**бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте!**»* (Зеркало недели, 31.05.–6.06.2003); *«<…> кого избрали, того избрали. «**Бачили.** Те й купили…»* (Крымский пресс-центр, 14.03.2005); *«Называйте этот союз хоть СССР, хоть СНГ, хоть ЕП, хоть как-то еще по-другому, все, объединяться поздно. Поезд объединения уже ушел, хотим мы этого или нет. **Бачили очі, що купували** (в 91-ом), **то ж їжте, хоч повилазьте** (в 2006-м и дальше)»* (Обозреватель, 27.02.2006); *«<…> это был мой выбор, <…> или проще – «**бачили очі, що купували**» (о выборе мужа)* (Зеркало недели, 14-20.02.2004).

В российских СМИ зафиксировано русское написание данной пословицы, но отражено украинское произношение (*купували* либо *куповали*): *«**Бачили очи, що куповалы**...»* (Солидарность, 19.01.2005.http://www.solidarnost.org/article.php?issue=73&section=115&article=1452).

Употребление данной пословицы в СМИ России обычно сопровождается комментарием, что она украинская. Так, статья под заголовком «Бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте!» начинается словами: «*Эта известная украинская пословица «**Видели очи, что покупали, ешьте, хоть повылазьте!**» большинству понятна и без перевода*» (Чеченская пресса, 19.07.2002, http://www.chechenpress.com/news/07_2002/7_19_07.shtml); *«Ведь существует хорошая украинская поговорка, относящаяся именно к таким случаям: **бачили очи, що купували**»* (Спецназ России, 08.08.2005); *«Есть такая поговорка на Украине: **бачили очи, что купляли, теперь ешьте, что повылазило.** Грубовато, но правдиво!»* (Новости, 5 канал, 24.11.2019). Также рассмотрим пример из статьи «Киев прозрел: Запад соблазнил и жестоко обманул Украину»: *«Вообще здесь комментировать можно только известной русской поговоркой «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». Или – украинской: **«Бачили очи, шо купували, теперь ишьте, хоть повылазте»*** (Свободная пресса, 08.06.2019, https://svpressa.ru/politic/article/234921/?rss=1).

Также в российских масс-медиа анализируемая языковая единица употребляется по отношению к Украине либо событиям, происходящим в этой стране. Например, в статье о Южном потоке: *«Если то же самое удастся сделать в отношении Украины, голова будет болеть у еэсовских евроинтеграторов, что уже не является российской печалью – **бачили очи, що куповали***» (Известия, 10.06.2014, https://iz.ru/news/572244); *«Анна Герман, украинский политик: **Бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте**»*. Далее следует: *«Экс-депутат Верховной Рады <…> о первом дне «военного положения» в «незалежной»* (Комсомольская правда, 28.11.2018, https://www.crimea.kp.ru/daily/26914.4/3959810).

Несмотря на то, что пословица «Бачили очи, що купували, ешьте, хоть повылазьте» является украинской и употребляется в большинстве случаев по отношению к украинским реалиям, тем самым актуализируя украинский национально-культурный компонент, зафиксированы примеры употребления данной пословицы безотносительно страны, культурно-языковому пласту которой она принадлежит. Например, в статье о том, что государство не обязано кормить театры: *«Ну, «**бачили очи, чего куповали**»* (Комсомольская правда, 24.05.2017, https://www.crimea.kp.ru/

daily/26682/3706076/); *«Если великие IT-деятели, начертавшие на своих знаменах «Connecting people», соединяют таким образом, что одни достойны быть включенными в Великое Кольцо, а другие подлежат изгнанию, причем мотивы могут быть совершенно произвольными, то* ***бачили очи, що купували****»* (РИА Новости, 17.09.2019, https://ria.ru/20190917/1558735418.html); в интервью с вице-мэром Омска Олегом Зарембой, в котором он отвечает на вопрос: что тяжелее всего дается в работе вице-мэром? *«Муторный труд, на который периодически жаль времени. В остальном, как говорила бабушка моего друга:* ***«Бачили очи, шо купували, теперь ешьте, хоть повылазьте»*** (Коммерческие вести, 29.06.2019, http://kvnews.ru/news-feed/109804).

Как уже было отмечено, пословица «Бачили очи, що купували, їжте, хоч повилазьте» часто употребляется в усеченном либо трансформированном виде, а иногда и в усеченном трансформированном: «*бачили очи, кого выбирали»* (Вечерняя Казань, 30.03.2005); *«бачили очи, шо брали…»* (Вечерний Оренбург, 04.04.2002); *«бачили очи, за что боролись…»* (Обозреватель, 27.02.2006); *«… избиратель видел, что «покупал» во время избирательной кампании»* (Газета по-киевски, 17.05.2005).

Помимо текстов СМИ, зафиксировано функционирование украинской пословицы и в других дискурсах. Так, во вступительном слове к своей «Книге для родителей» известный педагог А.С. Макаренко писал: *«Я прекрасно понимаю, что мы не можем возвратиться к старой норме, когда родители должны были жить всегда вместе, независимо от их отношений, как говорят украинцы, - «бачили очи, що купували».* Также приведем пример из книги Бориса Ефимова «Десять десятилетий»: «*Юрий Яновский неизменно произносит украинскую поговорку: «Бачили очи, що куповали - теперь ижьте, хочь повылазьте».*

Рассматривая пословицу как отражение ментальности народа и проанализировав дискурс СМИ, мы пришли к выводу, что в описываемой языковой единице актуализируется наличие такой черты украинского народа, как принятие сложившихся обстоятельств такими, какие они есть. Употребление украинских паремий при описании событий, происходящих в Украине, обуслов-

лено тем, что они помогают понять описываемую ситуацию, так как действующими лицами в ней являются украинские люди. Функционирование же пословицы «Бачили очи, що купували…» в СМИ России в текстах, не имеющих отношение к Украине, имеет своей целью усиление экспрессии и создание определенного эффекта.

Литература

1. Буслаев Ф.И. Русский быт и пословицы // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. – СПб.: Лань, 2014. – 60 с.
2. Мезенцева Е.С. Пословица как вид паремиологического фонда языка и фрагмент языкового сознания. // Вестник ПГУ. 2010. №1. – С. 102–106.
3. Мокиенко В.М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): мат-лы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения В.П. Жукова. В 2 т. Т. 1. – Вел. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. – С. 33–41.
4. Николенко Н.И. О специфике русского языка средств массовой информации Украины // Культура народов Причерноморья. № 1. – Симферополь, 2003. – С. 300–304.
5. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
6. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 239 с.
7. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М.: Либроком, 2019. 182 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЪЁМА ПОНЯТИЯ «РЕКЛАМА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ 1990–2000-Х ГГ.)

Л.А. Исаева, Е.Н. Остапенко
moderus@phil.kubsu.ru
Кубанский государственный университет
(Краснодар)

Отечественная реклама 90-х годов – это уникальный социально-психологический феномен. В эти годы формировались новые массовые (потребительские) концепции мировосприятия.

Если рассматривать русскоязычную рекламную деятельность, то до 1990 года это была в основном реклама советского образа жизни и отдельных товаров и услуг («Летайте самолетами Аэрофлота!»), не имеющая в своей концепции ничего общего с мировыми тенденциями. Отличительные особенности появившегося рекламного рынка России заключались в том, что он находился в фазе своего становления и развития.

Говоря о бурном развитии российской рекламы в 90-х годах, нельзя не отметить учебно-научную сферу, обеспечивающую подготовку профессиональных кадров. Впервые специальность «Реклама» была внесена в реестр профессий (специальностей) Госкомитета РФ по труду в 1994 году. Одним из первых вузов, где в 1995 году был объявлен прием по специальности «Реклама», был Институт молодежи (ныне – Московский гуманитарный университет) [6].

В связи с появлением направления «Реклама» в российской образовательной среде выходят издания, посвященные рекламе и необходимые для подготовки специалистов в ВУЗах: Н.Г. Миняйло «Торговая реклама и упаковка в России в XIX–XX вв.» (1993 г.); В. Ученова, Н. Старых «История рекламы» (1994 г.); В. Ученова, Н. Старых «История рекламы или Метаморфозы рекламного образа: Учебник для ВУЗов» (1999 г.) и др. Стоит отметить, что большая часть учебников появилась лишь в конце 2000-х, когда объём понятия «реклама» окончательно определился, а само явление стало неотъемлемой частью картины мира носителей русского языка.

Понятие «реклама» актуализируется и в собственно научном дискурсе. Монографии, связанные с рекламой, появляются в 2000-х годах: Г.А. Васильева, В.А. Полякова, С.И. Шелобаева (2001 г.), Т.Е. Постновой (2007 г.), Н.Н. Вотинцевой (2014 г.), А.Н. Ильина (2014 г.) и т.д.

Понятие «реклама» функционирует и в такой научно-учебной сфере, как экономика, и уже в 1997 году эта единица появляется в «Большом экономическом словаре»: «реклама – открытое оповещение о товаре, услугах, которое проводится с использованием различных средств: отдельных изданий (***проспекты, каталоги, плакаты, листовки***), периодической печати (***статьи, объявления, вкладки***), ***кино, телевидения, радио, наружной, прямой***

почтовой рекламы и т.д. Действенность Р. зависит от ее целенаправленности, меткости. Р. является составной частью маркетинга, обеспечивающей продвижение товара на рынке» [1, с. 864].

Отметим, что определение понятия «реклама» в «Большом экономическом словаре» не только выделяет главное предназначение данного явления, но и указывает на то, по каким каналам происходит транслирование информации (через единицы ‘*проспекты’, ‘каталоги’, ‘плакаты’, ‘листовки’, ‘статьи’, ‘объявления’, ‘вкладки’, ‘кино’, ‘телевидение’, ‘радио’, ‘наружная реклама’, ‘прямая почтовая реклама’*): в понимании специалистов именно нацеленность на широкую аудиторию является важным характерологическим признаком, поэтому использование большого количества каналов для транслирования рекламной информации особенно экономически значимо.

Определения понятия «реклама» в профессиональных дискурсивных сферах в значительной степени коррелируются с данными толковых словарей русского языка, отражающих русскую языковую картину мира на рубеже 1980–1990-х годов. В словарях этого и более поздних периодов толкования лексемы «реклама» не претерпевают значительных изменений. Сравним:

1) широкое оповещение о потребительских свойствах товаров и различных видах услуг с целью создания спроса на них. *Торговая реклама. Широковещательная реклама.* || Распространение сведений о ком-, чем-л. с целью создания известности, популярности (1984 г.) [5, с. 732];

2) обращённое к широкой ***аудитории*** объявление о товарах, услугах, зрелищах. *Световая р. Огни рекламы.* || *прил.* рекла'мный, -ая, -ое. *Р. ролик, фильм. Р. щит. Рекламное табло. Р. характер статьи* (1998 г.) [4, с. 791].

Однако зафиксировано одно, но важное отличие толкования лексемы «реклама» в словаре 1998 года по сравнению со словарём 1984 года – это появление семы ‘аудитория’, которая расширяет объём исследуемого понятия, указывая на адресатов получаемой информации и их количество (***широкая*** *аудитория*). Данная сема характеризует новую особенность понятия «реклама» 90-х годов: в связи с бурным развитием рынка товаров и услуг реклама приобретает бОльшую массовость, и её важнейшей задачей

становится привлечение разнообразных групп потребителей (что не было актуально в советский период, в эпоху дефицита).

В 21 веке понятие «реклама» в некоторых словарях русского языка приобретает новые смысловые элементы, что приводит к значительным отличиям от трактовок 1980–1990-х годов. Так, реклама в «Новом словаре иностранных слов» (2003 г.) – это 1) информация о товарах, услугах, зрелищных мероприятиях и др. с целью создания спроса, привлечения внимания, осуществляемая гл. обр. с помощью ***средств массовой информации (печатных изданий, каталогов, кино, радио, телевидения)***, напр. торговая р., театральная р.; 2) ***листовки, афиши, фильмы, объявления по радио*** и др. с такой информацией; 3) * распространение сведений о ком-, чем-л. с целью создания популярности [2, с. 628].

Новое толкование рекламы в словаре иностранных слов становится похожим на определение рекламы в ранее уже анализируемом нами в экономическом словаре: видимо, поскольку с течением времени явление актуализируется, приобретает массовый характер, соответственно и некоторые научные представления становятся достоянием широкой аудитории. Вследствие чего ранее фиксировавшиеся лишь в узко специальных словарях семы появляются в общеупотребительном толковании лексемы «реклама»: *‘средства массовой информации’, ‘печатные издания’, ‘каталоги’, ‘кино’, ‘радио’, ‘телевидение', ‘листовки’, ‘афиши’, ‘фильмы’, ‘объявления’,* т. е. налицо влияние научного дискурса на бытовой.

В других толковых словарях, рассчитанных не на специалистов, а на широкую публику, также особые изменения не отмечаются. «Словарь русского языка» А.П. Евгеньевой и «Русский семантический словарь» В.В. Виноградовой и Н.Ю. Шведовой предлагают идентичные толкования понятия «реклама» с тем же единственным различием: фиксируется новая сема ‘аудитория’, которая расширяет объём исследуемого понятия.

Рекламный рынок 90-х годов стал характеризоваться появлением большого количества рекламных агентств, журналов, газет, электронных средств СМИ. Реклама проникает во все сферы деятельности общества, совершенствуются её формы. Рассмотрим, какие оценочные компоненты понятия «реклама» формируются в это время в сознании носителей русского языка.

Русская реклама 90-х – это своеобразное отображение наших представлений о «прогрессивном Западе». Акцентирование заграничного происхождения товаров и услуг – одна из важных характеристик рекламы того времени. Равняясь на Запад и его высокие технологии, рекламопроизводители стремились подчеркнуть, что их товар или услуга произведены за рубежом. Например, рекламы компьютеров и стоматологических услуг в прессе выглядели так: *«Настоящее **американское** качество в Белгороде! Только у нас компьютеры экстра-класса!», «Хотите иметь улыбку **американской** кинозвезды? У нас вы можете не только вылечить кариес, но и вставить биологически чистые и вечные зубы!».* Лексема *'американское'* акцентирует внимание на причастности товара или услуги к зарубежному производителю и, таким образом, повышает уровень качества предлагаемого продукта в глазах потребителя.

Реклама в стиле «дорогобогато» (молодёжный сленг) кажется чем-то новомодным и актуальным. Бытует мнение, что желание быть уважаемым, авторитетным и богатым человеком присуще только современному поколению. Реклама, которая стремится повысить Ваш статус в Ваших же собственных глазах и почувствовать себя увереннее, характерна для 90-х годов прошлого века: *«Уважаемые **дамы и господа!** Почётный **господин** Вены, профессор дизайна, поставщик королевских дворов г-н Бакаловиц объявляет о распродаже коллекции люстр, бра из чистейшего хрусталя»* [3]. Использование лексем *'господа', 'дамы'* в рекламе позволяют покупателю почувствовать себя статусным и уважаемым клиентом, понять, что к нему хорошо относятся и ценят его участие/мнение/причастность к чему-либо. Такое отношение подсознательно располагает к себе, тешит самолюбие клиента и вызывает доверие.

Отличительная особенность рекламы 2000-х – это частое упоминание в рекламном тексте названия рекламируемого продукта или бренда, иногда даже слишком назойливое, т. е. используется такой приём, как лексический повтор, выполняющий специальную экспрессивную или логическую задачу. Например, всем известная телереклама «Майского чая» представлена в виде песни с повторяющимся рефреном. Сама композиция не несет большой смысловой нагрузки, а лишь акцентирует внимание на

рекламируемом чае при помощи 10-ти повторений словосочетания «***Майский чай***» и 2-х повторений «***любимый чай***». Еще один пример: реклама отбеливателя «АСЕ», в которой название средства для стирки упоминают 5 раз: «Ох, "***Ася***"», «…с новым "***Асом***" бельё станет белоснежным», «растворяешь "***Ас***"…», «…и с "***Асом***" ткань дольше сохраняет прочность», «"***Ас***" – отлично отбеливает» [3]. Частое упоминание лексем *'Майский чай', 'любимый чай', 'Ас'* в рекламе 2000-х годов позволяют рекламопроизводителям прочно закрепить в сознании потребителей информацию о бренде или товаре/услуге, вызывая у адресата не всегда приятные ассоциации.

Таким образом, реклама – явление неоднозначно оцениваемое и при этом крайне подвижное, прогрессирующее и относительно новое для России. Соотнося между собой изменение объёма толкования понятия «реклама» в лексикографических изданиях и динамику функционирования данного феномена в публицистических текстах, мы пришли к следующим выводам:

1) в толковых словарях конца 1990–2000-х годов по сравнению с лексикографическими изданиями 1980-х – начала 1990-х, рассчитанных не на специалистов, а на широкую публику, происходят некоторые изменения в толковании лексемы «реклама»: фиксируются актуализированные семы 'аудитория' и 'способы распространения информации', что свидетельствует о сближении бытового и профессионального толкования понятия «реклама» вследствие влияния более разработанной научно-профессиональной дискурсивной сферы на бытовую;

2) реклама, в 1990–2000-х годов приобретшая массовый характер, начинает восприниматься носителями русского языка как явление «заграничное», регулярно придающее рекламируемым товарам дополнительную характеристику «высокого зарубежного качества»;

3) реклама оценивается как явление, формирующее у рекламируемых товаров признак «высокой статусности»;

4) реклама для носителей языка – это нечто навязчивое, подчас раздражающее, но при этом и хорошо известное, получающее в отдельных случаях статус прецедентности.

Литература

1. Большой экономический словарь / А.Н. Азрилиян. – М.: Институт новой экономики, 1997. – 1376 с.

2. Новый словарь иностранных слов. 25 000 слов и словосочетаний / Захаренко Е. Н., Нечаева И. В., Комарова Л. Н. – М.: "Азбуковник", 2003. – 784 с.

3. Ностальгия. Реклама начала 2000-х. URL: https://devyatka.ru/news/entertainment/nostalgiya-reklama-nachala-2000-h/ (дата обращения 10.03.2020).

4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 2. – М.: "Азбуковник", 1998. – 952 с.

5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 3. – М.: Русский язык, 1984. – 980 с.

6. Что происходит с образованием в рекламе. URL: https://www.sostav.ru/publication/ chto-proiskhodit-s-obrazovaniem-v-reklame-17851.html (дата обращения 06.03.2020).

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

М.А. Кабак
ka-maran@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
(Москва)

Язык как важнейшее средство общения обслуживает все сферы жизни: бытовую, общественно-политическую, официально-деловую, научную, культурную. Однако особая роль отводится языку в правовой сфере. Право является регулятором общественных отношений, а язык в данном случае становится «единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются все правовые категории», - писал А. А. Ушаков [3, с.81]. Следовательно, специфические функции языка права определяются назначением правовой системы в целом: доводя волю государства. на разрешение или запрет того или иного действия, целенаправленно воздействовать на сознание людей, побуждать их вести себя должным образом. Таким образом, *волеизъявление,*

предписание, или, пользуясь лингвистическим термином, *долженствование* – вот основные функции языка права.

Все правоотношения строятся на основе нормативных документов и оформляются в письменной форме, только тогда они приобретают законную силу. Юридический документ – это текст, относящийся к официально-деловому стилю (его законодательному подстилю) и частично научному. Волеизъявительный характер таких документов требует особого способа изложения информации и выбора языковых средств.

Первой и важнейшей особенностью юридических текстов следует назвать их предельную точность. Двусмысленность, неоднозначность толкования, а также небрежное употребление слов, связанное с их непониманием, могут вызвать не только логические ошибки, но и стать причиной серьёзных нарушений законности, например, при оформлении нотариальных сделок или вынесении приговора. Однако это не отменяет использования в юридических документах такого языкового средства, как ***многозначные слова***. Именно с ними в праве связан процесс терминологизации: общеупотребительные слова, попав в правовую сферу и вступая в новые смысловые отношения, закрепляются в одном из своих значений в качестве термина. Например, слово ***перевозчик*** стало термином таможенного права в своём 2-ом значении: «*разг. Тот, кто занимается перевозкой, перевозит что-либо»* [1, с. 396]. А слово ***заключение*** выступает в системе права в трёх значениях: 1. *Действие, мотивированное глаголом «заключить», то есть «лишить свободы» (заключение под стражу).* 2. *Нахождение под стражей (тюремное заключение).* 3. *Вывод из чего-либо; суждение, сделанное на основании чего-либо (заключение эксперта)* [1, с. 172].

Приданию предельной точности подчинено и функционирование ***синонимов*** в юридических текстах. Из синонимического ряда выбирается одно, наиболее соответствующее данной ситуации и цели слово: *обязан явиться* (не прийти!) *на допрос; допрошенный показал* (не рассказал!)*; в зал вызываются* (не приглашаются!) *свидетели.*

Антонимы – обязательное явление в текстах законов, однако здесь они не создают выразительности, экспрессии, а воспринимаются как термины и точно обозначают понятия: *права и обя-*

занности родителей; *речи обвинителя и защитника; действие и преступное бездействие.* Образование антонимической пары в юридическом языке часто происходит путём прибавления частицы *не* к слову: *соблюдение – несоблюдение, точность – неточность, правомерный – неправомерный и т. д.*

Непростая ситуация сложилась в языке права с использованием ***паронимов.*** Схожесть этих слов в значении зачастую вызывает неточность их употребления. Типичный пример: *вина – виновность*. Довольно часто в обвинительных заключениях можно прочитать: *«Вина обвиняемого доказана»*. Между тем юридическим термином является пароним *виновность.* Соответственно, *виновный в преступлении,* а не *виноватый в преступлении; виновность не доказана,* а не *вина не доказана.* Ошибка словоупотребления связана с тем, что в уголовном праве есть понятие *принцип вины,* широко используемое в юридической практике.

Как типичную языковую единицу, свойственную юридическим текстам, следует выделить ***устойчивые словосочетания юридического характера***. Эти конструкции называют ***юридическими клише***, поскольку они регулярно употребляются в текстах законов и прочих нормативных документов и создают их стандартизированность. Как считают исследователи, юридические клише – это устойчивые выражения в языке права, которыми могут быть правовые понятия, юридические пословицы и поговорки, крылатые юридические выражения [2, с.110]. Большинство юридических клише относятся ко многим отраслям права одновременно: *законный представитель, третье лицо, непреодолимая сила, вступить в силу, причинить вред, нанести ущерб, физическое лицо, заключение эксперта и т. д.*

От юридических клише следует отличать ***юридические штампы*** – негативное явление языка, поскольку в речи юристов такие выражения возникли в результате стремления к избыточному словоупотреблению (*уголовное дело по обвинению* вместо *уголовное дело*) или в результате нарушения норм согласования и управления (*отложить дело слушанием* вместо *отложить слушание дела*).

Требование точности ведёт и к возникновению морфологических особенностей юридических текстов. Цель правовых документов – констатация фактов, явлений – приводит к преоблада-

нию имени над глаголом. Широко распространены отглагольные существительные с суффиксами ***–ани-/-ени-***: *исполнение, взыскание, приобщение и т. д.,* а также существительные абстрактного значения с суффиксом ***–ость***: *законность, ответственность, виновность, обязанность и т. п.* В текстах законов можно найти целые статьи, где нет ни одного глагола: *Доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения в этом доме пропорциональна размеру общей площади указанного помещения. / При усыновлении ребёнка несовершеннолетних родителей, не достигших возраста шестнадцати лет, необходимо также согласие их родителей или опекунов (попечителей), а при отсутствии родителей или опекунов (попечителей) – согласие органов опеки и попечительства.*

Преобладание существительных в свою очередь неизбежно ведёт к образованию многокомпонентных словосочетаний с «нанизыванием» родительного падежа: *В соглашение могут включаться обязанности сторон по вопросам установления соотношения размера заработной платы и размера её условно-постоянной части, а также определение составных частей заработной платы и установление порядка обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы.*

Если дать в целом характеристику ***синтаксическому строю*** юридических документов, то следует отметить распространение простых осложнённых предложений с ***рядами однородных членов и уточняющих конструкций:*** *Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.* Этот приём направлен на конкретизацию информации, что также связано со стремлением к смысловой точности и объективности.

Обособления находят широкое применение в юридических текстах. При этом причастные обороты используются чаще, чем деепричастные. Многие причастные конструкции являются клишированными: *вновь открывшиеся обстоятельства, смягчающие вину обстоятельства, обвиняемый по статье, допрошенный*

в качестве подозреваемого и т. д. Цель использования причастных оборотов – как можно точнее дать характеристику лицу или иному объекту речи: *Физические лица, осуществляющие в нарушение требований федеральных законов указанную деятельность без государственной регистрации, вступившие в трудовые отношения с работниками в целях осуществления этой деятельности, не освобождаются от исполнения этих обязанностей, возложенных настоящим Кодексом на работодателей.* Деепричастные обороты, выражая добавочные действия, предельно конкретизируют поступки или состояние объекта речи, поэтому часто используются в протоколах допроса и текстах обвинительных заключений: *Гражданин Н., находясь в нетрезвом состоянии, нарушил правила общественного порядка, распивая спиртные напитки в общественном транспорте и нецензурно оскорбляя других пассажиров.*

Наилучшим образом выразить все нюансы правовых норм, уточнить детали и конкретизировать понятия позволяет использование в юридических текстах разнообразных ***сложных предложений.*** При этом в разных отраслях права преобладают разные типы сложных предложений. Так, в сфере гражданского законодательства чаще используются сложноподчинённые предложения с придаточными определительными: *Исковой давностью признаётся срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено; при этом различают общий срок исковой давности, который установлен в три года, и специальные сроки, которые устанавливаются для отдельных требований субъектов и которые могут быть как более длительными, так и более короткими по сравнению с общим сроком (из ГПК).*

В процессуальных кодексах, как правило, распространены сложноподчинённые предложения с придаточными условными: *Приговор является обоснованным, если он базируется на результатах всестороннего доказательств, если изложенное в приговоре соответствует действительности, иначе говоря, является истиной (из УПК).*

Протоколы допроса, обвинительные заключения, а также защитительные речи адвокатов изобилуют самыми разнообразными сложными предложениями, поскольку имеют целью установить различные обстоятельства дела: *Потерпевший показал, что,*

когда он зашёл в квартиру, где проживал с престарелой матерью, он увидел на полу разбросанные вещи и одежду, а среди них – пустую шкатулку, в которой хранились деньги и драгоценности (из показаний потерпевшего); Обстановку, в которой проходило детство моего подзащитного, нельзя назвать простой: его семья была вынуждена переехать из крупного областного города в районный центр, где мальчик попал под влияние местной молодёжной группировки, которая из-за отсутствия работы и общей социальной неустроенности промышляла разбоем на трассах (из речи адвоката на суде).

Таким образом, даже самая общая характеристика свидетельствует о том, что юридический текст – сложное и одновременно интересное языковое явление, содержание и форма которого определяется принципом точности и объективности. Мотивированное использование языковых средств, соответствующих требованиям официально-делового стиля и волеизъявительной функции закона, составляет суть *культуры речи юриста.* Задача юридического вуза – не только дать чисто профессиональные знания, но и обучить языку специальности будущих юристов. Ведь в данном случае язык является не столько средством передачи закона, сколько формой существования самого права, призванного осуществлять диалог власти с народом на языке народа. Уважение закона гражданами государства будет зависеть от того, каким языком говорит этот закон.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка // Авт. и рук. проекта С. А.Кузнецов. - М., 1998.
2. Власенко Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. Иркутск, 1997.
3. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. / А. А. Ушаков. Пермь, 1967.

ИРОНИЯ КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[11]

Т.И. Каличкина
toma.kalichkina@gmail.com
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
(Москва)

Политический дискурс как публичная коммуникативная сфера обладает рядом отличительных особенностей. Наиболее точно его охарактеризовала Р. Водак: «Он находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. И должен выполнять противоречивые функции, в частности должен быть доступен для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [2, с. 286–291]. В этой связи естественным оказывается тот факт, что выступления современных политиков экспрессивно и эмоционально окрашены. В. И. Шаховский писал: «Народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [3, с. 37].

Нам кажется на сегодняшний момент наиболее актуальным определение политического дискурса, данное в статье «Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии»: «Политический дискурс есть речевая деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированная определенной социально-ролевой иерархией и объективированная в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии. Будучи разновидностью дискурса институционального, политический дискурс характеризуется совокупностью конститу-

[11] Статья выполнена в рамках гранта РФФИ No 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ No 19-312-90069 «Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации».

тивных признаков (системностью, функциональной завершенностью, отсутствием строгих структурных ограничений, коммуникативной определенностью) и реализует функции, что и дискурс в целом – информативную, делимитативную, аргументативную, групповыделительную и персуазивную» [1, с. 76–92].

Вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от повседневного языка: нередко языковые единицы «приобретают» нетипичную для них интерпретацию и наполняются противоположным смыслом. В политическом тексте содержится не только эксплицитный смысл, но и прямо противоположный ему, зачастую являющийся единственно истинным. Такая особенность политического текста дает отсылку к философскому пониманию иронии. Явление иронии, отражающее одну из сущностных категорий человеческого бытия, изучается с разных позиций – эстетической, риторической, литературоведческой, лингвистической, искусствоведческой – с древнейших времен. Иронию можно трактовать через одну из категорий классической эстетики – комическое, поскольку основная задача комического – снять при помощи смеха эмоциональное и психологическое напряжение, иначе говоря, произвести эстетический катарсис. Конечно, содержательный план иронии, как правило, трагичен, а ироничные высказывания семантически обнаруживают отрицательную сущность, но внешнее их выражение и способы реализации всегда комедийны.

Возвращаясь к политическому дискурсу, стоит отметить, что в контексте этого дискурса ирония является личностным восприятием организации универсума, находящим свое отражение в языке, и используется политиками для диффамации оппонента путем манипулирования общественным мнением. В современном политическом пространстве актуализируется авторизация и избавление от клишированности дискурса, усиливается модус художественности: политический дискурс приобретает интертекстуальность, а ирония в контексте современного политического дискурса оказывается моделью мировосприятия политических и культурно-обусловленных реалий, возникающих в результате семантико-стилистического взаимодействия «своей» и «чужой» речи, что порождает двойственность и смысловую неоднозначность. Функции иронии в контексте политического дискурса мо-

гут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются две из них, наиболее часто встречающихся. Первая – это скрытое нападение на оппонента, выражение агрессии. Ирония придает политическому тексту образность, яркость, он становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию. Второй значимой функцией иронии следует считать языковое самовыражение политика – передачу его личностного отношения к ситуации. Поскольку современный политический дискурс реализуется, как правило, в СМИ, а СМИ в свою очередь являются неотъемлемой частью этого вида дискурса, то создаваемый коммуникативный портрет напрямую адресуется народным массам. Ирония, безусловно, относится к косвенным речевым актам, так как с ее помощью автор выражает свою мысль опосредованно, как бы свертывая ее, с помощью этого приема на одну единицу высказывания приходится несколько смыслов. Таким образом автор может формировать образ и отношение к объекту высказывания. При успешной, острой и запоминающей иронии в дальнейшем у читателя / слушателя может возникнуть ухмылка, насмешка при виде объекта иронии. Исходя из вышесказанного можно предположить, что автор иронического высказывания является неким манипулятором сознания своей аудитории, вкладывая определенные образы и стереотипы относительно объектов речи, ирония может стать посредником психологического воздействия на массы. Ирония часто используется для дискредитации объекта, например, в предвыборной гонке кандидаты на пост депутата, президента и т. д. могут скомпрометировать репутацию конкурента, применив в его адрес иронию.

В ходе исследования мы проанализировали печатные и телевизионные СМИ, освещающие политические события. В качестве примера приведем текст «Новой газеты», в которой рассказывается о ситуации и последствиях отмены электричек более чем в 20 регионах России: *«Разве что маленький опальный телеканал «Дождь» еще до грозного президентского окрика показал репортаж Сергея Ерженкова «Последняя электричка», снятый в деревне Чадково Новгородской области, которая с отменой электричек оказалась полностью отрезанной от мира. Местный глава района «в возмещение ущерба» подарил деревне лошадь, которая, не выдержав тягот, быстро сдохла. А люди – ничего,*

выживают как-то, таская на себе из ближайшего «центра цивилизации» (7 км туда и столько же – обратно, через лес, по снегу) мешки с продуктами и баллоны с газом [4, 06.02.2015]. Чтобы интенсифицировать суггестивность в репортаже использовали прецедентный текст – песню «Последняя электричка». Помимо этого, присутствует искажение фактов, так как лошадь подарили не всей деревне, а лишь одной семье и это не связано с «последней электричкой». Правда, лошадь действительно умерла, но не из-за нагрузки, а не по неизвестной причине. Речевой оборот: *«до грозного президентского окрика»* передает ироничное отношение к реакции президента и одновременно намекает на несерьезное отношение правительства к проблемам регионов, а это ведет к диффамации личности. Этот эффект усиливается еще одной статьей, опубликованной в «Новой газете», в которой опять же в ироничной форме представляют негодование В. В. Путина: «*Путин на посту, Путин никому спуску не даст, он ведь просто не знал о том, какие безобразия творятся за его спиной, а узнав, тут же все разрулил. Отечество, ликуй!*» [5, 06.02.2015]. В этом примере ирония проявляется буквально в каждом слове, а без погружения в ситуацию фраза носит исключительно положительную оценку. Однако учитывая интертекстуальность и контекст, адресат прочитывает завуалированное ироническое отношение автора статьи к смоделированной реакции президента, после дешифровки иронии становится понятна цель ее использования – манипуляция общественной реакцией на заявления В. В. Путина относительно данного инцидента, придание ситуации негативного оттенка.

Таким образом, можно сделать вывод, что ирония является одним из самых безопасных и эффективных способов манипуляции. Безопасна она, так как выражена имплицитно, для ее дешифровки необходимо быть погруженным в контекст ситуации, а значит, дешифровать могут ее далеко не все. С другой стороны, ирония является одним из наиболее эффективных средств манипуляции, так как благодаря образности, логичности и стремлению к анализу описываемого события надолго сохраняется в имплицитной памяти. Благодаря этому быстро срабатывает в качестве неосознанной ассоциации и накладывает отпечаток на восприятие новой информации.

Литература
1. Боженкова Н. А., Катышев П. А, Ионова С. В., Афанасьева Э. М., Саакян Л. Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. №4 (38). – С. 286–291.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
4. Новая газета [Электронный ресурс] // URL: https://novayagazeta.ru/articles/2015/02/06/62941-veduschiy-federalnogo-telekanala-vbezhal-v-studiyu-i-prikryl-ladoshkoy-sobstvennyy-rot (дата обращения 27.02.2020)
5. Новая газета [Электронный ресурс] // URL: https://novayagazeta.ru/articles/2015/02/06/62941-veduschiy-federalnogo-telekanala-vbezhal-v-studiyu-i-prikryl-ladoshkoy-sobstvennyy-rot?print=true (дата обращения 27.02.2020)

ОБРАЗ ПОЛИТИКИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О.Н. Кушнир
info17275@mail.ru
ФБГОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(Сыктывкар)

Языковое сознание в современной науке исследуется не только лингвистами, но и психологами, социологами и культурологами, являясь, тем самым, актуальным объектом изучения, требующим комплексного подхода для получения объективных выводов о его природе, динамике и содержании. В то же время термин и понятие «языковое сознание», несмотря на его широкое использование в научной литературе, имеет неоднозначную дефиницию. Во многом это связано с тем, что, став в известной мере модным, оно остается недостаточно точно дифференцировано от термина «картина мира» [4, с. 13]. О.А. Турбина, например, отмечая близость этих понятий, указывает, что различие между ними существенно и принципиально: оно базируется «на преимущественно утилитарной (орудийной) функции языка и преимущественно общественно-культурной функции языкового сознания. <…> Язык по отношению к языковому сознанию не

только обязательное основание, орудие и форма его выражения, но и объект познания и творчества в процессе формирования отдельной языковой личности» [3, с. 171]. Исследование языкового сознания предполагает рассмотрение языка и речевой деятельности в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, неосознаваемых носителями языка.

Данная работа посвящена исследованию образа политики в языковом сознании молодежи. Актуальность этого исследования объясняется тем, что современное состояние общества можно охарактеризовать как «политизированное»: вследствие большой вовлеченности людей в политическую жизнь государства, серьезного воздействия на сознание людей средств массовой информации, преимущественного пребывания в информационном поле интернета, где практически невозможно остаться вне политики или политических новостей, обращение к образу политики в языковом сознании молодых людей представляется необходимым и весьма интересным. Такое исследование обладает и несомненной практической значимостью, так как его результаты могут быть использованы специалистами в области информационных технологий, связей с общественностью, в педагогических целях.

Для исследования образа политики в языковом сознании молодежи были применены психолингвистические методы свободного ассоциативного эксперимента и гештальт-анализа, хорошо себя зарекомендовавшие в ряде исследований по структурированию языкового сознания. Ассоциативный эксперимент проводился среди старших школьников (возраст 16–17 лет), учащихся Коми республиканского агропромышленного техникума (возраст 17–21 год) и студентов СГУ им. Питирима Сорокина (возраст 16–23 лет). Следовательно, под молодежью понимается социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения, характеризующаяся специфическими интересами и ценностями и ограниченная возрастными рамками от 16 до 23 лет. В ассоциативном эксперименте приняли участие 237 человек, от которых были получены 418 единиц слов-реакций.

Ранее нам уже приходилось исследовать феномен политики в сознании россиян [1, гл. 8]. Было замечено, что образ политики по крайней мере трижды существенно изменялся на протяжении

последних десятилетий: советская эпоха, период политической нестабильности на рубеже XX–XXI веков и нынешняя фаза относительной стабилизации, и это нашло отражение в различных структурах макроконцепта «Политика», которые, по сути, сосуществуют в современном языковом сознании носителей русского языка. Тем не менее, по замечаниям исследователей, в русском языковом сознании представление о политике довольно устойчиво, если не сказать стереотипно, соотносится с понятиями «власть» и «борьба за власть» (см., например, «Политический дискурс – это явление, с которым все сталкиваются ежедневно. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения» [5, с.3] или «Главная цель политической борьбы – захват и удержание власти» [2, с.5] и т.п.). Вследствие этого было любопытно выявить современные вербальные формы хранения знаний о политике, а также динамику образа политики в языковом сознании молодых людей.

Ассоциативный эксперимент и его анализ дали следующие результаты. Представление о политике в сознании молодых носителей языка имеет понятийно-именную форму: подавляющее число реакций представляет собой существительные (*власть, коррупция, государство, деньги, законы, налоги, партия, президент, депутат* и т.п.), среди которых есть и прецедентные феномены, например, *крымнаш*. Среди «субстантивных» реакций любопытны реакции, где образ политики ассоциируется с именем собственным человека, места или органа власти, выступающими в определенной степени символами когнитивного образа в современном культурно-языковом сознании (*Путин, Медведев, Жириновский, Лавров, Навальный, Трамп, Нурсултан Назарбаев; Единая Россия, ЛДПР; Россия, Москва; Государственная дума* и др.). В меньшей степени политика представляется как носитель признака и отражается в реакциях-прилагательных и отыменных существительных (*национальная, государственная, честная, несправедливая, бесчеловечность, скукота* и т.п.). Кроме того, образ политики имеет в языковом сознании современной молодежи предикативное выражение, что обнаруживается в реакциях-предикативных конструкциях *(воруют; не решаем; не работает; думают о себе; верните Сталина! мне неинтересно; все очень печально на самом деле; Яндекс на Украине не работает; налоги*

поднимаются, а зарплата – нет и т.п.). Как можно заметить, в языковом сознании молодых носителей языка образ хранится в виде предикативных конструкций разной степени сложности – от простых односоставных до сложных предложений.

Тематический анализ реакций выявил семантические составляющие образа политики, а также его эмоционально-оценочную доминанту. Надо сказать, что в образе политики семантические составляющие «власть» и «борьба за власть» являются устойчивыми и претендуют на концептуальную значимость в русской языковой картине мира. Реакция «власть» является одним из самых популярных ответов у молодых носителей русского языка; а «агрессивный» характер образа политики выразился в реакциях «война», «конфликты», «вражда», «ссора», «лидерство». Тем не менее, как кажется, новым семантическим элементом в образе политики стала так называемая «финансово-экономическая» составляющая, которая нашла выражение в реакциях «деньги», «экономика», «бюджет», «коррупция», «материальная помощь», «нефть».

Анализ данных ассоциативного эксперимента показал, что в языковом сознании молодежи существует представление о том, что в России еще не завершился переход от авторитаризма к демократии, поскольку сохраняется несменяемость власти при наличии выборов и оппозиции, реализуется персоналистский политический режим, власть концентрируется в руках одного человека, и значит, сама политика определяется одним человеком. Такой вывод подтверждает самое большое количество реакции «Путин» на стимул «политика», а также реакции «президент», «царь», «монархия», «тирания», «тоталитаризм», «центр».

Образ политики как деятельности власти, оторванной от рядового человека, каким себя мыслит большинство опрошенных молодых людей, и недоступной для непосредственного воздействия находит отражение в семантической составляющей, которую условно можно обозначить как ‘социальный пессимизм’. Это находит выражение в реакциях – «воруют», «не слушают», «ничего не делают», «ничего не решаем», «всё равно». Интересно, что по отношению к власти возникают реакции в виде неопределенно-личных конструкций, где субъект действия представляет собой отвлечённо-отчуждённое «они», «некто», противопостав-

ленный обобщенному, но тоже отвлечённому «мы». Причем деятельность этих «они» воспринимается молодыми людьми как противоправные и аморальные действия, совершаемые бесконтрольно и безнаказанно («беззаконие», «кража», «воровство», «коррупция», «преступность», «убийства», «ложь», «обман», «фальшь» и т.д.). Или же это бессмысленная деятельность, которая ограничивается громкими речами (см. «бесполезные политиканы», «дебаты», «трибуна», «запутанная»).

Неотделим образ политики в языковом сознании молодёжи и от официальных средств массовой информации, где формируется образ политической деятельности. Средства массовой информации выступают как транслятор политических идей или новостей в искажённой интерпретации (см. реакции «ложь», «утка», «новости», «телевидение»).

Образ в языковом сознании неотделим от его субъективного понимания, что нашло отражение в большом количестве реакций в виде лексических и синтаксических единиц с оценочной коннотацией. Спектр оценки в восприятии политики различен: от положительной до резко отрицательной. Однако положительная оценка политики – это, скорее, представление об идеальной сути этого явления («честная», «справедливая», «закон», «вера», «ответственность», «право голоса»). Значительно больше и разнообразнее в выражении негативная оценка: от отрицательно-враждебной («мразь», «грязь», «мусор» и т.п.) до ироничной («демократия (шутка!)»). Довольно большое количество реакций представляют собой негативные лексические единицы и конструкции («негатив», «*не* решаем», «*не* слушают», «*не* работает», «*не*меняющаяся» др.). Поэтому можно сказать, что эмоционально-оценочной доминантой в отражении политики в языковом сознании молодежи является негативное ее восприятие, как нечто неприятное, агрессивное и враждебное по отношению к рядовому человеку.

Литература

1. Кушнир О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX-XXI вв.: вопросы динамической лингвоконцептологии: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012.

2. Тираспольский Г.И. Словарь политической борьбы: Материалы 1988–96 гг. Сыктывкар, 2006.

3. Турбина О.А. Структура языкового сознания в период формирования национального литературного языка // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997 г.) – М.: МГУ, 1997.

4. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 2003. – С. 13.

5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. … докт. филол. н. Волгоград, 2000.

Приложение

Реакции на стимул «Политика»

Политика – Путин (40), власть (39), коррупция (21), государство (20), деньги (16), президент (13), война (10), выборы (10), депутат (9), Жириновский (9), ложь (9), обман (9), грязь (8), демократия (7), Навальный (7), Россия (7), Медведев (6), законы (5), налоги (5), воровство (4), враньё (4), новости (4), партия (4), воруют (3), Единая Россия (3), кража (3), материальная помощь (3), мне неинтересно (3), монархия (3), Трамп (3), экономика (3), эмиграция (3), вера (2), враги народа (2), Государственная Дума (2), дебаты (2), крымнаш (2), негатив (2), неменяющаяся (2), не решаем (2), несправедливая (2), новости (2), политик (2), протесты (2), страна (2), трибуна (2), Украина (2), честная (2), чиновники (2), бардак, беззаконие, бесполезные политиканы, бесчеловечность, бюджет, верните Сталина!, военные конфликты, война с Украиной, воры, вражда, все очень печально на самом деле (я позитивный человек!), все равно, выбирать, выступление, газ, Гайзер, глава государства, голосование, город, государственная, демократия (шутка), деятельность, дискуссия, думают о себе, запутанная, заседание, избирать, империализм, история, Коми, конфликты между странами, кошмар, Лавров, ЛДПР, лидерство, лохи, люди, мороженое, Москва, мразь, мусор, надежда, налоги поднимаются, а зарплата – нет, наука, национальная, не выполняют свои обязательства, не понимают народ, непонятная, не работает, неразбериха, не слушают народ, несправедливость, нефть, нечестная, ничего не делают, Нурсултан Назарбаев, Обама, одинаковая, опасность, органы власти, ответственность, переговоры, политическая реформа, Поперечный, правда, правила, правительство, право голоса, преступность, разговоры, решение проблем, санкции, скукота, социум, союз, ссора, ссоры, страх, стыд, телевидение, тирания, тоталитаризм, трусость, убийства, унитарное государство, управление, утка, фальшь, царь, центр, Яндекс на Украине не работает.

БИБЛЕЙСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РОЛИ ЗАГОЛОВКОВ ПРАВОСЛАВНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ: ИСТОЧНИКИ, СТРУКТУРА, ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА

О.В. Ломакина; А.С. Макарова
rusoturisto07@mail.ru; aleste_63@mail.ru
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Российский университет дружбы народов;
Высшая школа печати и медиаиндустрии
Московского политехнического университета
(Москва)

Христианские ценности лежат в основе формирования картины мира и менталитета русского человека, они отразились на всех сферах нашего общества и человеческой деятельности: науке, искусстве, педагогике, практической медицине, литературе, политике, повседневной жизни. Официально православная журналистика, активно развивающаяся все эти годы, существует с 1985 г., а «появление совершенно новых по содержанию и стилю изложения публикаций на религиозные темы в российских СМИ» [3, с. 193] объясняет неуклонно растущий интерес наших соотечественников к православному слову.

Православный журнал «Фома» (журнал для сомневающихся, как он сам себя позиционирует) начал издаваться в 1996 году. Издание прошло путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания, основная миссия – это рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества, важным для авторов журнала считается обращение лично к каждому читателю с учетом различий во взглядах людей на религию, политику и пр. [12].

Материалом для исследования послужили тексты онлайн-версии журнала «Фома» за период с 1996 по 2019 гг., где нами было обнаружено более 70 заголовков, восходящих к текстам Библии. Прагматика и тематика публикации играют важную, если не решающую роль в создании заглавия, так как заголовок, являясь одновременно текстом в тексте и вне текста, остается самой сильной текстовой позицией и потому быстрее привлекает внимание читателя, несёт особую коммуникативную нагрузку, выражает авторскую позицию, устанавливает контакт с адресатом и т. д. Всё вышеперечисленное определяет выбор лексико-

фразеологических средств языка, которые должны отразить емко и образно суть публикации, заинтриговать читателя и, как следствие, заставить её прочитать.

При работе с эмпирическим материалом мы руководствовались следующими методами: аналитическим, основанным на анализе научных трудов, касающихся предмета изучения (см. работы по медиадискурсу Т. Г. Добросклонской, В. И. Карасика, В. В. Красных, A. Carvalho, A. O'Keeffe и др.); методом лингвокультурологического анализа, выявляющим культурно значимые компоненты текста (см. труды В. А. Масловой, М. Л. Ковшовой и др.). Анализ фразеологических преобразований библейских единиц базируется на типологии трансформаций фразеологизмов русского языка, предложенной А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко.

Анализ специфики, выраженной в религиозной направленности православного журнала «Фома» и особенностей заголовочных комплексов, содержащих тематическую доминанту, показал, что библейские тексты и сюжеты занимают особое место в этой креативной деятельности, представляющей собой профессию в профессии. «Известно, что большое количество библейских цитат стало крылатыми интернациональными единицами, многие библеизмы вошли во фразеологический фонд разных языков» [9, с. 227]. В связи с этим основными источниками отобранных заголовков являются тексты Ветхого и Нового Заветов, Символа веры, молитвы Господней и других молитв. «Проникновение библейской фразеологии проходило не только под влиянием библейского текста, но и под воздействием русской литературы. Являясь одним из средств создания выразительности и экспрессивности» [6, с. 48], библейские прецедентные тексты частотны и в современном языке.

Одной из главных отличительных черт православного медиадискурса представляется его особая интертекстуальность и прецедентность по отношению к самому понятию прецедентности. Это подтверждается большим количеством прецедентных имен, которые можно встретить в заголовках журнальных статей: ***Адам*** («*Ребро Адама*»; «*Почему я должен отвечать за грехи Адама*»; «*Была ли Ева помощницей Адаму?*»), ***Авраам*** («*Где находится лоно Авраамово?*»), ***Моисей*** («*Зуб за зуб, или жесток ли Моисеев закон?*»), ***Каин*** («*Каинова печать цивилизации*»), ***Христос*** и

Иуда («*Иуда: друг Христа*»), ***Пилат*** («*Сидром Пилата*»), ***Фома*** («*Фома сложнее, чем "верю-не верю"*»), ***Иерусалим*** («*Аще забуду тебя, Иерусалиме*»), ***Эдем*** («*Семейный кризис в Эдемском саду*»), ***Голгофа*** («*Пункт назначения – "Голгофа"*»).

Типология библейских оборотов в роли заголовков представлена в заголовочных конструкциях следующими видами:

1) инварианты («*Верую, Господи, помоги моему неверию*»; «*Чаю воскресения мертвых*» и т. д.);

2) трансформы («*Возненавидь отца и мать*», «*Не судите?*», «*Кесарю – кесарево…*» и т. д.);

3) аллюзии («*Распятое Косово*», «*В поисках узких врат*», «*Пункт назначения – "Голгофа"*» и т. д.).

В результате паспортизации эмпирического материала отобрано 19 заголовков [11]. Верификация проводилась по словарям «Из библейской мудрости» (2015 г.) [2] и «Лепта библейской мудрости» (2019 г.) [4; 5].

В таблице № 1 мы представили отобранные заголовки согласно структурной типологии и источника происхождения.

Таблица №1

Библеизм / прецедентное имя	Инвариант / цитата	Трансформ	Аллюзия	Источник
1. *Адам*	-	*Ребро* ***Адама***	1. *Была ли Ева помощницей* ***Адама***; 2. *Почему я должен отвечать за грехи* ***Адама***	Ветхий Завет
2. вносить / внести (свою) *лепту*	-	*1)* ***Лепта;*** 2) ***Лепта*** *вдовицы*	*Рождественская* ***лепта***	Новый Завет
3. *Страшный суд*	***Страшный суд*** (2 примера)	***Страшный суд*** *как время надежды*	-	Новый Завет
4. нести свой *крест* / тяжелый (тяжкий) *крест*	-	*Когда христиане взяли свой* ***крест***	***Крест*** *великого князя*	Новый Завет
5. *Альфа и Оме-*	-	*Рождество*	-	Ветхий

га		*как* ***Альфа и Омега***		Завет
6.Несть (нет) *пророка* в своем отечестве	*Так гнали и* ***пророков****…*	-	-	Новый Завет
7. Взявшие *меч* – от *меча* (*мечом*) погибнут	-	-	*Так мир или* ***меч***	Новый Завет
8. *Много званых*, (но) мало избранных	-	***Много званых****…*	-	Новый Завет
9. *Кто не работает, тот не ест!*	***Кто не работает, тот не ест!***	-	-	Новый Завет
10. *Иуда* (-предатель) – *Христос*	-	***Иуда***: *друг* ***Христа***	-	Новый Завет
11. *хлеб (наш) насущный*	-	*О* ***хлебе насущном***	-	Новый Завет (молитва Господня)
12. *Фома*	-	***Фома*** *сложнее, чем «Верю-не верю»*	-	Новый Завет
13. *Голгофа*	-	-	*Пункт назначения –* «***Голгофа***»	Новый Завет
14. всемирный *потоп*	-	-	***Потоп*** *2013 – Дальний Восток*	Ветхий Завет
15. посылать от Понтия к *Пилату*	-	*Синдром* ***Пилата***	-	Новый Завет

Анализ приведённых заглавий показал, что наибольшее количество примеров, обнаруженных нами, восходит к следующим библеизмам и библейским прецедентным именам: *Адам* (3 примера) – *вносить/ внести (свою) лепту* (3 примера) – *Страшный суд* (3 примера) – *нести свой крест/тяжелый (тяжкий) крест* (2 примера).

Тематическая доминанта обнаруживается через заголовки публикаций, посвященных таким вопросам, как взаимоотноше-

ния мужчины и женщины, мужа и жены – «*Ребро Адама*» и «*Была ли Ева помощницей Адама*»; грехопадения первых людей, проблема греха в жизни современного человека – «*Почему я должен отвечать за грехи Адама*»; дела милосердия, жертвенность – «*Лепта*», «*Лепта вдовицы*», «*Рождественская лепта*»; смысл жизни, ответ за прожитые годы на суде Божием – «*Страшный суд*» (2 примера), «*Страшный суд как время надежды*»; христианская жертва, жертвенная любовь, тяготы земной жизни – «*Когда христиане взяли свой крест*», «*Крест великого князя*». В этом случае можно говорить о том, что «символ, воплощая предметный или словесный образ, оказывает влияние на выбор языковых единиц» [7, с. 207] в тексте, где реализуется функциональный потенциал библеизмов.

Почти половина примеров (8 из 19) содержат прецедентные имена, которые связаны как с Библейской тематикой (*Адам, Альфа и Омега, Иуда, Христос, Фома*), так и с всемирной историей (*Пилат* и *Голгофа*), что можно объяснить прагматическим фактором: большинство рассмотренных прецедентных имен известны благодаря художественной литературе, т. е. автор статьи опирается на пресуппозитивные знания. Таким образом, даже далекий от православного вероисповедания человек способен декодировать зашифрованную при помощи структурной трансформации информацию, которую невозможно понять, не имея фоновых знаний. Более того, часть из них функционирует в языке, являясь составной частью фразеологии, и используется часто в номинативной функции (*Фома неверующий, посылать от Понтия к Пилату* и др.) или приобретают статус имени-символа, как имя собственное *Иуда*.

Итак, заголовок в журнале «Фома» выступает как смысловой конденсат транслируемых идей. Тематика и адресация журнала объясняют выбор библеизмов в качестве заголовка. Автор, понимая Библию как претекст, выбирает подобные единицы, при этом подчёркивает их символическое значение / наполнение. Различные типы преобразований библейских единиц в роли заголовков православных медиатекстов являются действенным способом актуализации «лексических и фразеологических значений, что делает преобразованный медиазаголовок структурно, семантически и прагматически более значимым» [9, с. 806]. Самым востребо-

ванным типом преобразований библейских единиц и прецедентных имён в рассматриваемых заголовках является экспликация, что позволяет говорить о том, что:

1) их использование в трансформированном виде «служит актуализации и конкретизации темы статьи» [8, с. 37];

2) православный медиазаголовок обладает особой интертекстуальностью (Библия) и гипертекстуальностью или характеризуется фразеологической игрой («*Путь от ветхого к новому*», «*Мир в яслях переворачивается*», «*Ковчег, открытый миру*», «*Русский исход*» и др.), так как «количество значений первоначального текста расширяется благодаря читательскому формированию сюжетной линии» [1, с. 49].

Литература

1. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. Новгородского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2008. № 49. – С. 48–51.

2. Из библейской мудрости / Zbiblickejmùdrosti / BiblischeWeisheiten. 1-е издание. Д. Балакова, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Грайфсвальд. 2015. – С. 344.

3. Куныгина, О. В., Ломакина О. В., Макарова А. С. Интернет-портал «Православие и Мир» как пример современного религиозного дискурса // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сб. материалов III конференции PMMIS (Postmassmedia in the modern informational society), Челябинск, 28–29 марта 2019 г. / под общ. ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. – С. 190–195.

4. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х т. – Т. 1: А – О / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 288 с.

5. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х т. – Т. 2: П – Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 308 с.

6. Ломакина О. В. Особенности употребления библейских фразеологических единиц в языке Л. Н. Толстого // Anuari de filologia. Llengües i literatures modernes (Anu. Filol. Lleng. Lit. Mod.) 2012. № 2. – Pp.45–54.

7. Ломакина О. В. От языкового символа – к символике художественного текста // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 8 . № 3. – С. 205–207.

8. Ломакина О. В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. 2019. № 1.– С. 37–41.

9. Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Филология. 2019. № 4. – С. 223–230.

10. Макарова А. С., Кравчук С. В. Грамматическая креативность религиозного медиазаголовка // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. д-р филол. наук, проф. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 797–807.

11. Архив номеров – Православный журнал «Фома» [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: https://foma.ru/arhiv-nomerov.html – (дата обращения: 20.04.2020).

12. Журнал «Фома»: все самое важное о нас [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: https://foma.ru/o-nas – (дата обращения: 05.05.2020).

КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ НОМИНАЦИЙ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

В. И. Мозговой
mowi48@mail.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Процессы трансформаций реальных собственных имен (СИ) в ложные, инициируемые внешними собственниками, не стали пока предметом серьезного научного анализа, несмотря на то что они представляют одну из наиболее опасных «болезней» современной ономастики [1; 2], «рецидивы» которой связаны, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами:

1) отнесением СИ к классу субстантивной лексики и игнорировании их особого правового статуса, требующего рассмотрения в социальной парадигме;

2) пассивным отношением отдельного собственника и науки о собственных именах к судьбе объектов номинации, которые

были «добровольно» переданы в ведение политиков и административных органов.

В итоге номинативный процесс, связанный с культурой именования, постепенно превратился в «культуру подчинения» чиновничьему аппарату, по своему усмотрению устанавливающему онимные «нормы», никак не вписывающиеся в объективную реальность. Ономастика как наука стала сводиться к описанию утвержденных неизвестно кем, но официально зарегистрированных норм и сопутствующих им правил перевода, словообразования, словоизменения, передачи звуков, морфем, графических символов и т. п., часто противоречащих принципам и законам социально-номинативной деятельности [3; 4; 5].

В Украине, например, и сегодня инициируются массовые переименования на основе так называемого «Закона о декоммунизации», хотя он не имеет никакого отношения к настоящей истории и культуре, демонстрируя лишь ярко выраженную идеологию национализма и русофобии:

– *ул. Артема – вул. Січових Стрільців* (Киев);

– *с. Комсомольское – с. Махнівка* (Козятинский р-н Винницкой области);

– *ул. Щорса – вул. Євгена Коновальця* (Киев);

– *г. Красноармейск – м. Покровськ* (Донбасс)

– *п.г.т. Тельманово – с.м.т. Бойківське* (ДНР) и т. п.

Впрочем, если инициаторы и исполнители переименований известны, а цели измененной онимной «биографии» лежат на поверхности, этому процессу еще можно противостоять, о чем свидетельствуют факты восстановления первоначальных названий при изменении политической конъюнктуры:

– *г. Тверь – Калинин – Тверь*;

– *г. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург*;

– *г. Мариуполь – Жданов – Мариуполь*;

– *г. Луганск – Ворошиловград – Луганск*;

– *пр-т Маршала Жукова – Небесной Сотни – Маршала Жукова* (Одесса);

– *Анна – Ганна – Анна* и т. п.

Гораздо сложнее обнаружить следы переименований, скрывающих некомпетентность авторов за «эквивалентной передачей» инонациональных СИ с якобы благородной целью сохра-

нить единство в государстве, но влекущие за собой уничтожение памяти о собственнике и его паспортных характеристиках:

– рус. *Руслан Панкратов* – лат. *Ruslans Pankratovs*;

– рус. *Веровка* – укр. *Вірівка* (ДНР, Енакиевский р-н);

– рус. *Столбовое* – укр. *Стовпове* (Крым, Сакский район);

– рус. *Пески* – укр. *Піски* (ДНР, Ясиноватский район);

– рус. *Дмитрий* – укр. *Дмитро* – бел. *Дзміцер* и т. п.

И совсем невозможно увидеть в несколько «подправленной» властями традиционной номинации ее несоответствие деловому стилю и нормам графической передачи собственных имен (речь идет об использовании прописных букв и кавычек), например: *Республиканский лицей-интернат «Эрудит»> Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» – центр для одаренных детей» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики*.

Однако именно такие формы, начиная со второго десятилетия 2000-х гг., заполонили деловое пространство большинства постсоветских республик, поразив наиболее уязвимую сферу правовых отношений – эргонимию. В результате подобных манипуляций сознательно или бессознательно, но последовательно разрушалась информация о реальных собственниках: фабриках, заводах, учебных заведениях, шахтах, медицинских учреждениях и т. п.:

– Коммунальное учреждение «Центр первичной медико-санитарной помощи № 3 г. Донецка» (бывшая *Поликлиника № 3*);

– ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ Телерадиокомпания «ДКТ» ЛТД (бывшее *Донецкое кабельное телевидение*);

– Публичное акционерное общество «Шахта им. А. Ф Засядько» (бывшая *Шахта им. А. Ф Засядько*);

– Коммунальное заведение «Специализированная школа I – III ступеней № 3 с углубленным изучением отдельных предметов Мариупольского городского совета Донецкой области» (бывшая средняя школа);

– Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования города Москвы «Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма» (бывший *Детско-юношеский центр дополнительного образования*);

– Коммунальное предприятие «УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМПАНИЯ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА» (бывшее *ЖЭУ Калининского рарайона города Донецка*).

Правовая природа собственного имени стала объектом административных экспериментов, включающих массу юридических ошибок.

1. Неправомочное употребление нескольких номенклатурных терминов в пределах одного названия, из-за чего в нем появляется и несколько юридических собственников: *Федеральное государственное бюджетное образовательное* ***учреждение*** *высшего профессионального образования «Российская правовая* ***академия*** *Министерства юстиции Российской Федерации» Северный (г. Петрозаводск)* ***филиал***. Реальное СИ в «уточненной редакции» превращается то ли в абстрактное *учреждение*, то ли в заказанную ложную *«академию»*, то ли в *филиал*.

2. Дилетантское использование кавычек для фиксации любого типа названий, хотя их графическая природа связана лишь с выделением прямой речи, «ненастоящей» информации или образно-метафорических СИ (например, *этноресторан «Ё-моё»*, г. Донецк). Вот почему *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования* ***«Донецкий национальный университет»***, в отличие от *Донецкий национальный университет,* – ложная номинация.

3. Абсурдное включение в состав СИ группы сказуемого, хотя номинация – это прежде всего подлежащее (о чем или о ком идет речь), которое не нуждается в «расшифровке». Сказуемое находится за ее пределами и может использоваться разве что в тексте устава: *Донецкий национальный медицинский* ***университет*** *–* ***это*** *государственная образовательная* ***организация*** *высшего профессионального образования*. Вот почему логику предложения «*организация – это университет*» (*Государственная образовательная* ***организация*** *высшего профессионального образования* <это> *«Донецкий национальный медицинский* ***университет*** *им. М. Горького»*) понять невозможно.

4. Несклоняемость реальных СИ, в результате чего понимаемая всеми речевая формула *учусь в Донецк****ом*** *национальн****ом*** *университет****е*** регистрируется как ложная конструкция *учусь* в *госу-*

*дарственн**ом** учрежден**ии** «Донецкий университет»*, который при закавычивании уже не является таковым.

5. Употребление заглавной буквы для выпячивания собственной «значимости» в номинативных конструкциях, не имеющих отношения к СИ:

– ***М**инистр юстиции ДНР*, ***Г**лава администрации города Енакиево*;

– *кафедра **«Т**еори**я** и практик**а** перевода» Севастопольского государственного университета*, *кафедра **«И**нтенсивного обучения иностранным языкам № 2 Минского государственного университета»*;

– *Учреждение дополнительного образования «Донецкая **Р**еспубликанская **М**алая Академия Наук учащейся молодежи»* (правильно: *министр юстиции*, *глава администрации*, *кафедра теории и практики перевода*, *кафедра интенсивного обучения иностранным языкам*, *академия наук*).

6. Расширение «правовой» информации за счет нарицательной лексики, не имеющей никакого отношения к собственному имени, поскольку это противоречит главной цели контекстной лапидарности делового стиля – минимальными языковыми средствами достичь максимально положительного результата:

– ***Муниципальное дошкольное образовательное учреждение** «Ясли-сад **компенсирующего типа для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата** № 167 города Донецка»*;

– ***Муниципальное казенное образовательное учреждение** «Григорьевская **основная общеобразовательная** школа» города Смоленска*;

– ***Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение** «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» **– центр для одаренных детей» Министерства образования и науки ДНР***.

7. Стремление к выделению номинативных конструкций прописными буквами, указывающими якобы на собственное имя:

– ***ДОН**НТУ* как противопоставление ***Дон**НТУ*, хотя собственное имя *Донецкий национальный технический университет* превращается в никому не известную аббревиатуру *ДОН*, состоящую из трех слов, неизвестно каких;

– ***ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*** *«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*, хотя прописными буквами оперируют вывески для привлечения внимания или аббревиатуры, не изменяющиеся по падежам и не образующие новых слов (например, *МГУ*, *ПТУ*). Но они не могут заменять прописную букву как знак выделения собственного имени из «строчного» контекста апеллятивов.

8. Стремление выделить всеми возможными и невозможными графическими средствами объект номинации, что приводит на самом деле к стилистическим, орфографическим, а в конечном итоге – к правовым ошибкам, например: ***Ф****акультет «****Т****ехносферн****ая*** *безопасность»* ***Г****осударственного* ***образовательного*** *учреждения высшего профессионального* ***образования*** *«Академия гражданской защиты»* ***МИНИСТЕРСТВА*** *по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Донецкой Народной Республики.*

Информация в таких «названиях» избыточна и зафиксирована с нарушением социально-правовых норм. Она может быть поэтому размещена только на бланке в виде реквизитов, расположенных в определенной последовательности:

1) *Министерство по чрезвычайным ситуациям*;

2) *Государственное учреждение высшего профессионального образования*;

3) *Академия гражданской защиты*;

4) *Факультет техносферной безопасности*.

Если такие же конструкции вводятся в текст, прописной буквой выделяется лишь название министерства (*Министерство по чрезвычайным ситуациям*) и вуза (*Академия гражданской защиты*), а употребление кавычек «по собственному желанию» не только невозможно, но и должно быть запрещено госстандартом. Иначе потакание абстрактным номинаторам, не несущим ответственности за изменения «норм» в топонимии, может гипотетически привести к абсурдному перенесению кавычек на личные имена. Представьте себе невозможную для собственника, но «правовую» с точки зрения чиновника формулу *гражданин «Иванов Николай»* (его же не смущает ***Образовательная органи-***

зация *высшего профессионального* ***образования*** *«Донецкий национальный* ***университет*** *экономики и торговли»*).

Выводы: 1. Мысль о защите культуры, к которой, несомненно, относится онимная реальность, все более актуализируется по мере расширения административных полномочий и ограничения свободы авторского онимотворчества.

2. Безадресность и ничем не ограниченная «инициатива» скрытых за ширмой власти номинаторов превращают науку о собственных именах в «ономастику наизнанку», требуя учреждения гражданско-правовых институтов, ответственных за регулирование процессов номинативной деятельности.

3. Защиту реального ономатета призвана при этом обеспечить проприонимология (лат. ***proprietas, atis, f*** **«право собственности» + греч.** *ὄνομα* «имя» + греч. λόγος «слово, понятие») – наука о теории происхождения, именования, восстановления, переименования, сохранения и передачи различного типа собственных имен в разных проприальных культурах на основе устоявшихся в конкретном языковом сообществе принципов, закрепляющих в праве сотворенную, освоенную, осмысленную и присвоенную человеком культурно-историческую реальность.

4. О культуре и адекватности номинации можно говорить лишь в том случае, если грамматические и фонетико-графические символы соответствуют денотату и сосредоточенной в нем информации о собственнике: рус. *г. Горл**ов**ка* (от фамилии горного инженера *Горл**ов***) – укр. *м. Горл**ов**ка*, а не *Горл**ів**ка*; рус. *г.* ***Ник****олаев* (от императора ***Ник****олай I*) – укр. *м.* ***Нік****олаїв*, а не ***Мик****олаїв*, рус. *г. Одес**с**а* (от греч. *ode**ss**os* «дорога к морю») – укр. *м. Одес**с**а* (а не *Одес**а***) и т. п.

Литература

1. Мозговой, В. И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике / В. И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. – Т. 3, № 4 – Севастополь : СГУ, 2017.– С.55-60.

2. Мозговой, В. И. О судьбе ономастики в связи с процессами трансформации собственных имен в условные номинации /В. И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. – Т. 4. – № 1. – Севастополь : СГУ, 2018. – С. 59–64.

3. Ономастика и норма: Сб. статей. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1976. – 255 с.

4. Ономастика и грамматика: Сб. статей. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1981. – 272 с.

5. Ономастика: Типология и стратиграфия: Сб. статей. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Суперанская А. В. – М .: Наука, 1988. – 264 с.

МЕДИАСТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ДИСКУРСА

Е.А. Никитина
el_nikitina@rambler.ru
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М.Достоевского»
(г.Омск)

Исследования региональной медиасферы позволяют выявить тренды в использовании определенных медийных каналов, диагностировать стереотипы и установки массового сознания в сфере социальных отношений жителей отдельного региона.

К сожалению, по разным причинам объективного и субъективного характера медиаобраз Омска, который конструируется в федеральном информационном пространстве, характеризуется доминированием негативных черт, что вылилось даже в формирование интернетмема *омскизация* [2, с.50-59]. Однако экспертное сообщество Омска уверено в позиционирование региона с опорой на промышленную / культурную / образовательную / спортивную составляющие. Автор данной статьи придерживается мнения о возможности позиционирования Омска как индустриально развитого региона, однако исследование общественного мнения жителей г.Омска продемонстрировало отсутствие ориентации молодежи на промышленную составляющую имиджа региона: из более чем 80 крупнейших промышленных предприятий региона студенты назвали только *Нефтезавод, завод Баранова, радиозавод и «какой-то каучук»*, что касается выпускаемой на этих предприятиях продукции, то студентам известны *двигатели, радиодетали* и опять *«какой-то каучук».* Предсказуемо негативными оказались и ассоциации к словосочетанию «промышленное предприятие»: *трубы, дым, грязь, бетон, униформа, железо, баки, огонь, каски…* Как видим,

результат нашего эксперимента весьма плачевен: студенты не знакомы ни с достижениями омской промышленности, ни с ее технологическими инновациями. Отметим, что, по данным ВЦИОМ Платформа, федеральным экспертам известны только два омских предприятия: Омский нефтеперерабатывающий комбинат и Омская алкогольная группа.

Анализ федеральных СМИ за период май 2017 – май 2018 гг. был проведен с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия» [http://www.mlg.ru]. ИАС «Медиалогия» выделила за год 17506 упоминаний об омских промышленных предприятиях. В федеральном медиаполе представлены далеко не все омские компании. Медиаприсутствие предприятий сказывается на их узнаваемости населением: почти все предприятия, названные студентами при опросе *(Нефтезавод, Омский каучук),* находятся в верхних строчках рейтинга. Высока степень отрыва нефтеперерабатывающего завода и Титана от остальных предприятий (по 2-3,5 тыс. сообщений против 1-500 у остальных).

Но эти же данные демонстрируют, что медиаприсутствие не обеспечивает абсолютную узнаваемость у населения: так, завод Омсктрансмаш, находящийся на 3 месте по степени частотности упоминаемости в федеральных СМИ, не известен омичам. Большая часть публикаций носит нейтральный характер и довольно низкие медиаиндексы.

График динамики публикаций за этот период демонстрирует довольно «ровный» уровень присутствия предприятий омской промышленности в федеральных СМИ (1000-1700 публикаций ежемесячно).

Успех создаваемого имиджа предприятия определяется выбором информационной стратегии [1, с. 9-10]. Медиастратегии региональных промышленных предприятий основаны на типичных для дискурса российских промышленных предприятий доминантах: *Импортозамещение, Социальная ответственность бизнеса (КСО), Устойчивое развитие бизнеса, Авторитет руководителя предприятия, Инвестиционная привлекательность предприятия*, *Концепция инновационного развития, Стратегия эпатажа и др.*, – правда, степень их активности неравномерная.

Анализ медиаприсутствия омских промышленных предприятий показывает, что ведущей дискурсивной доминантой, напри-

мер ГК «Титан», является стратегия социальной ответственности бизнеса, ведущей медиастратегией омского нефтезавода является концепция устойчивого развития (которая выросла на базе стратегии социальной ответственности и включила в себя и КСО, и экологическую безопасность и пр.), пищевые омские предприятия чаще эксплуатируют дискурсивные доминанты товарного позиционирования и авторитета руководителя предприятия, а вот ведущая медиастратегия омского радиозавода им. А.С. Попова определена нами как эпатажная.

Дело в том, что общественно-политическая ситуация в Омском регионе сложилась для радиозавода им. А.С. Попова так, что предприятие оказалось в перестроечное время в информационной блокаде. Именно с целью разорвать информационную блокаду PR-служба предприятия выбрала две основные медийные стратегии: *стратегию устойчивого развития* и *стратегию эпатажа*. Начало реализации *стратегии устойчивого развития предприятия* связано с приглашением администрацией завода омских журналистов принять участие в работе Экономического форума в Санк-Петербурге и международной выставки вооружений в ОАЭ. В результате в омских СМИ появляются материалы, отражающие разные аспекты участия радиозавода в этих специальных мероприятиях. Новостными поводами для СМИ стали новые контракты завода с иностранными предприятиями, размещение на заводе государственного заказа, выплата дивидендов по акциям завода (на фоне задержки заплат в регионе) и др. На сайте радиозавода появляются материалы со ссылками на внешние и региональные источники: *Омский радиозавод готов поставить в Ирак оборудование и системы связи* (Правда.Ру), *Радиозавод имени Попова создает СП с киргизским предприятием* (Коммерсант-Омск, №177), *Дадим спецсвязь Ближнему Востоку* (www.omsktime.ru), *Генпрокуратура признала необоснованным уголовное преследование руководителей омского радиозавода* (www.regnum.ru), *Госзаказ для «поповцев» учетверен* (Бизнес-курс, 2007, №13), *Омскому радиозаводу присвоено звание Лауреата премии «Российский Национальный Олимп»* (www.infomsk.ru), *Разработки Омского Радиозавода на кораблях Военно-морского флота России* (www.rosprom.ru) и др.

Стратегия эпатажа была реализована 3 основными тактика-

ми: *«радиозавод выдвинул 22 кандидата в мэры»*, *«новый директор завода – самый молодой директор оборонного предприятия»*, *«экс-министр обороны России П.Грачев – сотрудник радиозавода»*. Первым шокирующим омскую общественность PR-текстом завода стало открытое письмо трудового коллектива президенту В.В.Путину (http://www.relero.ru/press/16532, дата обращения 01.10.2017). Стилистика этого текста, написанного в эпоху «расцвета российской демократии», находилась в абсолютной дисгармонии с государственной демократической риторикой нулевых, зато полностью соответствовала той вырабатывающейся патриотической стратегии позиционирования завода, которая позже займет основное место в его PR-деятельности и отразится в слогане, выбранном, например, для юбилейных мероприятий предприятия: *«Мой завод! Мой город! Моя страна!»*.

Надо отметить, что и дальнейшая PR-стратегия предприятия была не менее эпатажной: это первое предприятие в городе, которое провело массовое мероприятие с участием первых лиц мирового политического олимпа – бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра и государственного секретаря США Мадлен Олбрайт (Форум молодых предпринимателей), это первое предприятие Омска, сделавшее из своего юбилея событие общегородского масштаба; завод им. Попова запомнился всем нестандартным ходом электоральной кампании по выборам мэра г.Омска, когда на должность городского градоначальника было выдвинуто 22 представителя предприятия. Шокировала омскую общественность и социальная рекламная кампания против плохого качества омских дорог «*В Омске х…е дороги*».

Конечно, специалисты региона не могут забыть ситуацию, когда в медиасистеме региона появился новый профессиональный игрок – телеканал «Продвижение» – с абсолютно неприемлемой для омского сознания того времени критикой власти. Вновь формируемый информационный холдинг «МКР-Медиа» эпатировал профессиональную общественность как своей необычной программной политикой, так и кадровой – когда массово принимала на работу эксчиновников областного правительства и журналистов других каналов, даже строя на этом рекламные кампании нового телевизионного контента.

Тактика *«новый директор завода – самый молодой директор оборонного предприятия»* умело поддерживалась как медийными, так и технологиями управления слухов: слухи о возможных претензиях молодого директора на должность губернатора будоражили общественное сознание и подогревали интерес к предприятию.

Общий накал ситуации смягчала семантическая доминанта медиадискурса *«Радиозавод – социально ответственное предприятие».* В сфере социальной активности предприятие прославилось такими своими проектами, как форум молодежного предпринимательства «Объединяя усилия, определяем будущее», ледовый городок «Беловодье», культурно-археологический комплекс «Стоянка Омская», спортивно-патриотический проект «Готов к труду и обороне», интеллектуальная игра «Знатоки краеведенья», «Омский беспилотник» и др.

Сегодня компания позиционирует себя исключительно как лидера в отрасли, как одно из лучших предприятий страны – *базовая организация Российской экономики*, также можно подчеркнуть, что завод показывает себя полезным и ответственным предприятием Омска – *крупнейший налогоплательщик региона.*

Анализ присутствия омских промышленных предприятий в СМИ приводит к выводу о внимании федеральных СМИ только к производственно-техническим характеристикам деятельности промышленных предприятий, к их участию в международных конкурсах и выставках, к их неудачам (чаще всего в сфере экологии). Активная же социальная деятельность остается не главным инфоповодом для СМИ – чаще это инфоповод лишь для самих предприятий, эти материалы «расшариваются» по многочисленным коммуникационным каналам предприятий, создавая эффект присутствия в медиаполе. Вывод неутешительный ни для предприятий, ни для населения, которое только начало как-то осознавать роль крупных промышленных предприятий в региональной жизни, ни для СМИ, которые должны представлять интересы социума.

Литература

1. Данюшина Ю.А. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011. – 49 с.

2. Малышева Е.Г. «Город мертв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. Омск, 2014. №2. – С. 50-59.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[12]

А.П.Пантелеева
pznteleeva-alex@mail.ru
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина»
(Москва)

В фокусе внимания данной статьи проблема парцелляции как многоаспектного полифункционального явления, имеющего специфический структурно-семантический и прагматический характер, который определяется задачами реализации иллокутивного авторского замысла, его усиленной воздействующей направленностью, типичной для политического дискурса. Синтаксический прием парцелляции, представляющий собой намеренное деление связного предложения на пунктуационно и интонационно самостоятельные отрезки, достаточно полно описан и проанализирован учеными-лингвистами в стилистическом и структурно-грамматическом аспектах, однако это явление все еще остается недостаточно исследованным в когнитивно-коммуникативном плане. В контексте исследования парцелляция рассматривается как явление коммуникативно-функционального плана предложения, его динамического аспекта, а, соответственно, парцеллят — это не добавочная конструкция, а отчленённая часть уже существующей структуры, которая разграничивает высказываемые мысли.

На семантическом уровне парцеллят характеризуется идентичными с базовой частью временными семами, на морфологическом уровне наблюдается соответствие форм

[12] Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

категорий наклонения, лица, числа парцеллята и глагола в базовой части. Данная языковая единица определятся не только высоким экспрессивно-эмоциональным потенциалом, «многопластовым» семантическим «зарядом», но и определенной типизированностью, что позволяет рассматривать ее в качестве лингвокультурного спецификатора современного политического дискурса. [3, с. 257]. Функциональная многоплановость парцелляции, незамкнутость ее лексического воплощения, достаточная свобода синтаксического представления (в пределах структуры простого/сложного предложения, однородных членов; вследствие эллипса глагола общего значения; контактность/дистантность расположения; степень распространенности и количественность парцеллята) [4, с.127] приводят к тому, что парцеллированные конструкции в политическом дискурсе выполняют различные коммуникативно-прагматические функции.

Коммуникативные возможности, а также структура и семантика соответствуют главным задачам политического дискурса, что объясняется тем, что парцеллированные конструкции помогают выразить оценочно-модальные значения, эмоциональные состояния, экспрессию, в связи с этим участники политической коммуникации и используют их в конкретных прагматических целях. Различные функции парцеллированных конструкций рассмотрены на примерах высказываний из выступлений президента России В. В. Путина и официального представителя МИД РФ М. В. Захаровой [1, 2].

Одна из наиболее употребительных моделей парцелляции – расчленение простого предложения, с логическим выделением участников, обстоятельств или условий произошедшего, являющихся в употребляемом контексте значимой информации. В этом случае парцелляция позволяет актуализировать, и, что важнее, рематизировать коммуникативно релевантный компонент высказывания. При парцелляции, осуществляемой на уровне простого предложения, любой из его членов может быть выделен на фоне контекста в самостоятельную конструкцию, при этом парцеллированный компонент представляет собой либо один из однородных членов предложения, либо второстепенный член, уточняющий или распространяющий базовую часть. Однако в коммуни-

кативном плане это уникальный когнитивно-коммуникативный прием актуализации смысла. Анализ языкового материала показал, что чаще всего в контексте политического дискурса в самостоятельное высказывание выделяются обстоятельства, способность которых к парцеллированию определяется не столько структурой, сколько контекстом и специфическими коммуникативными задачами. Такие конструкции разнообразны по морфологическому составу, что диктует и частотность их употребления в речи. Наиболее типичны в роли парцеллятов наречия и предложно-падежные сочетания наречного типа в силу их слабой связи с базовой частью и способности к детализации и актуализации:

«Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. И не когда-нибудь, а сейчас» (В.В. Путин, http://kremlin.ru/events/president/news/59863, 11.04.2019);

«Отличная новость! Из Сеула вывезли!!!! 2 борта в регионы. С грудными детьми жили в транзитной зоне аэропорта! Столько историй, столько судеб. Уже стали родными)» (М. Захарова, «Facebook», 12. 04. 2020).

В публикациях Марии Захаровой такой прием экспрессивного синтаксиса, как парцелляция, крайне частотен в сочетании с иронией. Его использование в социальных сетях позволяет передать расщепленный «поток сознания», создавая фрагментарность, подвижность, динамизм, эффект живой речи.

«Прибыли в Питер. Вывозные рейсы организуются в строгом соответствии с требованиями Штаба. Люди возвращаются домой. Не к кому-то домой, а к себе домой» (М. Захарова, «Facebook», 13.04.2020).

Парцеллированные конструкции с вводными, оценочными и модальными словами обращают на себя особое внимание. Подобные парцелляты, в зависимости от разряда, позволяют передать целый спектр эмоций, усилить эмоционально-оценочный компонент высказывания, вызвать сожаление или радость, внушить сомнение или уверенность [7, 8]:

«Но прежде, чем перейдём к информациям и докладам, хотел бы сказать несколько слов. Мы видим с вами, что обстановка меняется практически ежедневно. И к сожалению, не в лучшую сторону.» (В.В. Путин, http://kremlin.ru/events/president/news/63194, 13.04.2020);

Коммуникативно-актуализирующий характер парцелляции находит свое выражение и в тех парцеллированных конструкциях, которые построены при помощи повтора [7, 4]. Данный тип парцеллированных конструкций не относится к наиболее продуктивным в политическом дискурсе, тем не менее является мощным средством воздействия на аудиторию, так как затрагивает интеллект и эмоции реципиента:

«По Марокко. Читаю «посольство отделывается отговорками, что вопрос решается». Это не отговорки. Он действительно решается. В данный момент идёт межведомственное совещание по логистике вывоза россиян из этой и других стран. Всё понимаю. Больше чем вы думаете, так как круглосуточно общаемся со всеми уголками мира. И слово «потерпите» произношу с трудом, потому что знаю все обстоятельства в подробностях. Около 9 тысяч человек ждут разрешения вопроса с возвращением на Родину. Занимаемся. Все вместе. Круглосуточно» (М. Захарова, «Facebook», 20. 03. 2020).

Таким образом, исходя из коммуникативно-прагматических функций, прием парцелляции представляет собой универсальное явление полифункционального характера, обладающее потенциальной возможностью реализации разнообразных иллокутивных замыслов автора. Тем не менее, на сегодняшний день остается открытой проблема типологии структурно-семантических и функциональных разновидностей парцеллированных конструкций в политическом дискурсе.

Литература

1. Официальное интернет-представительство президента РФ http://kremlin.ru/

2. Официальный аккаунт «Facebook» Марии Владимировны Захаровой https://www.facebook.com/maria.zakharova.167

3. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К. Зевгматические и парцеллированные конструкции как семасиологические идентификаторы политического дискурсивного взаимодействия // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном пространстве «Восток-Запад: пересечения культур» /статьи, доклады II Всемирного конгресса в Японии 2019 года/ Япония, Киото, Университет Киото Сангё, издательство "Tanaka Print",Токио., 2019. – С. 254-261.

4. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К. Парцелляция как линвокогнитивный идентификатор российского политического дискурса //

Материалы международной научной конференции «Горизонты современной русистики» /Россия, Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, сборник статей, 2020. – С. 125-131.

5. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Русский язык, 1979. 296 с.

6. Панков Ф.И. Сегмент и парцеллят как синтаксические позиции словоформ // Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 250-254.

7. Пинегина Я. Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах. Р-н-Д: автореферат диссертации по филологии, 2005. С.3-10.

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.А. Попов
spo@bk.ru
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж)

В настоящее время в Российской Федерации ход топонимических процессов регулируется федеральным и региональным законодательством.

Согласно Конституции РФ наименования географических объектов находятся в исключительном ведении Российской Федерации. Федеральный закон от 18 декабря 1997 года № 152–ФЗ «О наименованиях географических объектов» устанавливает правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учёта и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов РФ.

В соответствии со статьей 6.1 указанного закона существующие наименования географических объектов выявляются на основании нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, статистических данных, данных официальных картографических и справочных изданий, иных источников, а также посредством

опроса населения соответствующих территорий, опроса краеведов и других специалистов.

Статья 9 указанного закона определяет порядок присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов. В частности, предложения о присвоении наименований географическим объектам или о переименовании географических объектов могут вноситься органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями, юридическими лицами, гражданами Российской Федерации.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации рассматривают указанные предложения, информируют население соответствующих территорий о необходимых затратах и выявляют его мнение об указанных предложениях в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации. Указанные предложения, документы, обосновывающие их, и расчёты необходимых затрат направляются законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации на экспертизу в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти.

Все изменения в топонимической системе России зафиксированы нормативными правовыми актами органов государственной власти федерального и регионального уровня.

Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов, сложившаяся в современной России, подробно рассмотрена консультантом Управления топографо-геодезических и картографических работ Федерального агентства геодезии и картографии РФ, ответственным секретарём Комиссии по географическим названиям, образованной Минтрансом России, действительным членом Русского географического общества М.Н. Морозовой [1].

На примере Воронежской области рассмотрим основные понятия, используемые в региональном топонимическом законодательстве [2].

Административно-территориальная единица Воронежской области – часть территории Воронежской области в фикси-

рованных границах, совпадающих с границами муниципального образования (муниципальный район, городской округ, городское поселение, сельское поселение).

Территориальная единица Воронежской области – городской или сельский населённый пункт, имеющий сосредоточенную застройку и служащий постоянным или временным местом проживания людей.

Образование административно-территориальной (территориальной) единицы: в 1996 году вновь возникшему на территории АОЗТ «Яменское» Рамонского района населённому пункту присвоено наименование «посёлок *Солнечный*», в 2000 году Воронежской областной Думой поддержано предложение Аннинского районного Собрания депутатов о присвоении вновь возникшему населённому пункту на территории Верхнетойденского сельсовета наименования – хутор *Фоминовка*, в 2005 году застроенной территории в районе центральной усадьбы ОПХ «Таловское» в Васильевском сельском поселении Таловского муниципального района придан статус сельского населённого пункта – посёлка и поддержано предложение Совета народных депутатов Васильевского сельского поселения Таловского муниципального района о присвоении посёлку наименования «*Светлый*».

Реорганизация административно-территориальных (территориальных) единиц выражается в следующих формах:

- *в форме слияния*: в 1998 г. с учётом фактического слияния слободы Калач и посёлка первого отделения совхоза «Забродненский» образовавшийся населённый пункт Калачеевского района назван селом *Заброды*; с учётом фактического слияния посёлков второго и третьего отделений совхоза «Калачеевский» образовавшийся населённый пункт Калачеевского района назван посёлком *Колос*;

- *в форме присоединения*: в 2004 году хутор Забочевка и хутор Ясиновка Марьевского сельсовета Ольховатского района объединены в один населённый пункт, за укрупнённым населённым пунктом сохранилось наименование «хутор Ясиновка Марьевского сельсовета Воронежской области»; в 2010 году реорганизованы территориальные единицы городского округа город Воронеж: рабочий посёлок *Краснолесный*, рабочий посёлок *Придонской*, рабочий посёлок *Сомово*, рабочий посёлок *Шилово*, посёлок

Водокачка, посёлок *им. Будённого*, посёлок *Первое Мая*, село *Малышево*, село *Масловка*, село *Никольское*, село *Подгорное*, село *Подклетное*, посёлок *Подклетный*, посёлок *Подпольное*, посёлок *Полыновка*, посёлок *Репное*, село *Репное*, село *Семилукские Выселки*, посёлок *Семилукского лесхоза*, село *Тавровo*, посёлок *Толши*, посёлок *Чистое* в форме их присоединения к городу Воронежу. В настоящее время некоторые из них являются микрорайонами городского округа город Воронеж: *Сомово, Репное, Краснолесный* (в составе Железнодорожного района), *Масловка, Никольское* (в составе Левобережного района), *Первое Мая, Придонской, Подклетное, Малышево, Тенистый, Шилово* (в составе Советского района);

- *в форме выделения*: с 1999 г. в Петропавловском районе улицы Советская и А. Шестакова села Глубокое считаются селом *Дедовка*, улица Приозёрная села Глубокое – селом *Дедовочка*, улица Радченко села Новый Лиман – хутором *Котовка* Новолиманского сельсовета;

- *в форме разделения*: с 2000 г. с. Никольское, расположенное на территории сельсоветов Никольский 1-й и Никольский 2-й Воробьёвского района, разделено на два населённых пункта, каждому из них определена территория – село; сёлам присвоены наименования Никольское 1-е и Никольское 2-е; населённый пункт с. Никольское исключён из учётных данных Воробьёвского района Воронежской области;

- *в форме преобразования*: в 2005 году изменён статус следующих населённых пунктов: «посёлок Тулучеевка» (Колодеевское сельское поселение Бутурлиновского района – на «село Тулучеевка»; «село Ситниково», «хутор Кириченково» (Тхоревское сельское поселение Каменского района) – соответственно на «хутор Ситниково», «село Кириченково»; «хутор Переезжее» (Щучинское сельское поселение Лискинского района) – на «село Переезжее»; «посёлок Дальнее Ляпино» (Латненское сельское поселение Семилукского района) – на «село Дальнее Ляпино».

Упразднение административно-территориальных или территориальных единиц: упразднены посёлки *Новомихайловка*, *Успеновка Нововведеновка, Новотроицкое* Верхнехавского района и др.

4. Присвоение наименования административно-территориальным и территориальным единицам и переименование административно-территориальных и территориальных единиц.

Полномочия Воронежской областной Думы в данном направлении ограничены рассмотрением предложений о присвоении наименований и о переименовании административно-территориальных (территориальных) единиц в порядке, предусмотренном действующим федеральным законодательством.

Изменения в региональном топонимиконе, произошедшие в соответствии с нормативными правовыми актами федерального и регионального уровней, должны быть отражены в современных топонимических словарях [3].

Таким образом, нормативные правовые акты органов государственной власти федерального и регионального уровня являются важным источником лингвокраеведческих исследований.

Литература

1. Морозова, М. Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: Сборник статей памяти Е.М. Поспелова / Отв. ред. А.В. Барандеев. – М.: Наука, 2009. С. 262–276.

2. Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения: Закон Воронежской области от 27 октября 2006 года № 87–ОЗ. URL: https://base.garant.ru/18156589/ (дата обращения: 23.02.2020).

3. Попов, С.А. Словарь названий населенных пунктов Воронежской области // Топонимия Воронежского края / С.А. Попов, Т.Ф. Пухова, Е.А. Грибоедова; научн. ред. доктор филол. наук Г. Ф. Ковалёв. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. С. 7–247.

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»)

А.А. Распопов, С.С. Хромов
raspopov.tema@gmail.com; chelovek653@mail.ru
ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»
(*Москва*)

Положение спортивной журналистики на современном российском медиарынке неоднозначно. С одной стороны, специализированные печатные спортивные издания сохраняют огромные для рынка отечественной прессы тиражи (тираж одного номера газеты «Советский спорт» - 290 тысяч экземпляров, тираж одного номера газеты «Спорт-Экспресс» - 220 тысяч экземпляров, такой же тираж имеет газета «Футбол»), многомиллионную аудиторию имеют также спортивные интернет-издания и вебсайты названных выше периодических изданий.

С другой стороны, в новых качественных российских интернет-изданиях общественно-политической направленности освещению спорта уделяется второстепенное (и даже третьестепенное) внимание: некоторые новые СМИ отказываются от глубокого освещения российского и мирового спорта, чаще всего информируя о наиболее крупных спортивных событиях лишь в новостном формате. Яркими примерами таких изданий могут служить The Bell (в многочисленных новостных рубриках сайта нет даже спортивного раздела, хотя о наиболее значимых событиях из мира спорта The Bell пишет), «МБХ медиа», Znak.com.

В этой связи интерес представляют те качественные общественно-политические издания, которые, несмотря на неспособность соревноваться в быстроте и глубине освещения спортивных событий со специализированными СМИ, сохраняют традиционный для отечественной прессы отдел спорта и спортивные рубрики. В этом они, по сути, наследуют традиции советской периодики, в которой освещению спорта уделялось особое внимание: спортивная информация традиционно публиковалась на последних полосах, и многие читатели начинали просмотр издания именно с этих полос.

Если тенденция отказа новых общественно-политических медиа от глубокого освещения спорта сохранится, то в будущем

отечественному медиарынку может грозить ситуация, при которой специализированные СМИ станут монополистами на рынке спортивной журналистики. Это может привести к вымиранию особенного языка – языка спортивной журналистики в неспециализированной общественно-политической прессе.

Одним из ярких примеров сохранения этого языка служат спортивные публикации в «Новой газете». Следует отметить, что спортивные материалы в «Новой газете» отвечают двум общим принципам построения медиаречи. Основной характеристикой медиаречи, согласно М.Б. Серпиковой, является утилитарность. По ее словам, «утилитарность состоит в том, что публицистический стиль вписан в общую практическую деятельность общества» [2, с.33-34]. Принцип утилитарности предъявляет особые требования к языку газетной публикации. Такой материал должен легко прочитываться с первого раза, потому что газета не перечитывается вечером с карандашом в руках. Второй принцип построения публицистического стиля — принцип диалогичности. Медиаречь всегда обращена либо к массовой аудитории, либо к какому-то сегменту этой аудитории. Диалог предполагает ориентацию на словарный запас читателя, элементы разговорной интонации. Автор обращается к аудитории, задаёт ей вопросы, полемизирует с ней. Иллюстрацией этих принципов может служить материал ведущего спортивного журналиста «Новой газеты» Владимира Мозгового «До „Гагарина“ высоко». Эта публикация рассказывает об ожиданиях от старта плей-офф Кубка Гагарина 2020. Журналист избегает спортивной терминологии, он пишет так, чтобы текст был понятен массовой аудитории. В.Мозговой, будучи одним из самых авторитетных хоккейных аналитиков в нашей стране, использует интересный прием, ставя себя наравне с рядовым фанатом хоккея. Отсюда – местоимения «мы» *(«В будущем нам обещают выравнивание сил, но когда оно наступит, никому неизвестно»*), используемые автором для создания атмосферы доверительной беседы с читателем. Стоит отметить, что текст В.Мозгового «дышит» (именно этот термин используют журналисты) обилием абзацев. Каждый абзац включает в среднем три предложения и представляет собой законченное высказывание журналиста. В другой публикации Владимира Мозгового «Марш бумажных солдатиков» журналист выстраивает диалог с

читателем, задает следующий вопрос своей аудитории: *«А золото в финале-2009 в Берне с Вячеславом Быковым, когда Канада возила нас, как хотела, но все же проиграла, разве не так было добыто?».* Примечательно, что Мозговой часто использует разговорную, иногда просторечную лексику (например, сравнительный оборот «возила нас, как хотела»), чтобы «понятными» для массовой аудитории словами выразить свое негативное отношение к игре сборной России по хоккею за последние 10 лет.

Другая особенность публикаций спортивных журналистов «Новой газеты» - повышенная политизация газетных материалов. Спорт в современном мире очень политизирован, а в «Новой» он зачастую освещается только в контексте политики. Это отражается и в языке спортивных журналистов «Новой». Вот как Мозговой описывал уход Виталия Мутко с поста президента РФС в публикации «От всего сердца»: *«Может быть, лучше бы ему было заниматься исключительно любимым футболом. Где у него, как у руководителя, тоже проколов хватало, но вспоминать-то будут прежде всего бронзу Евро-2008 и четвертьфинал домашнего мундиаля, которых без Мутко наверняка бы не случилось. В качестве главы РФС он был, пожалуй, наиболее органичен и успешен, и досталось ему вовсе не за футбол, но тут уж ничего не поделаешь. Дальше созидать и разваливать будут другие»*. Эмоциональность в этом фрагменте достигается не при помощи восклицаний – их тут нет. Мозговому удается при помощи нескольких точечных приемов (например, антитезы, использования конверсивов «созидать-разваливать») экспрессивно выразить свою авторскую позицию.

Еще одна особенность публикаций спортивных журналистов газеты состоит в том, что в своих материалах они не используют много статистических данных. Их тексты не столько информационны, сколько публицистичны. Вот, например, публикация Андрея Успенского «Дзюба в золоте, и перекрытие «Енисея». В ней А.Успенский подводит итоги чемпионата России по футболу. При этом журналист приводит совсем немного данных о количестве набранных очков и забитых голов. Текст представляет собой небольшую зарисовку из 8 частей, в каждой из которых Успенский рассказывает об одном из феноменов прошедшего чемпионата. Последняя часть этой публикации называется «Дзю-

ба Великолепный»: *«„ Артем сдуется после мундиаля…“, считали эксперты. Но вернувшийся на берега Невы после тульской аренды двухметровый и стокилограммовый форвард, сыгравший главную июньскую роль в сборной России, с ходу повел за собой и партнеров по «Зениту». Дзюба, словно Фигаро, был и здесь, и там, работая на команду с первой и до последней минуты. И даже в разгар своей сухой серии он представлял опасность для соперников, о чем не раз высказывался Сергей Семак».* А.Успенский не говорит о том, сколько голов забил Дзюба. В его эмоциональной зарисовке Дзюба предстает перед читателем не как машина по забиванию голов, а как «двухметровый и стокилограммовый форвард, сыгравший главную июньскую роль в сборной России».

Наметим экспрессивные стилистические ресурсы, которые наиболее часто используются в спортивных материалах «Новой газеты». Как известно, М.Н. Кожина выделяет следующие стилистические ресурсы речи: средства словесной образности, синонимические средства языка, стилистически окрашенную лексику, стилистические ресурсы фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса [1, с. 76-79].

К средствам словесной образности М.Н.Кожина относит тропы и фигуры: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гиперболу и др. [1, с. 205-209]. Особенный интерес в анализируемых нами публикациях представляют так называемые «метафоры, сохраняющие „свежесть“», активно используемые спортивными журналистами «Новой газеты». Например: *«Ирреальность настигла под занавес, когда полился золотой дождь»* (Владимир Мозговой. «Средство от ностальгии»). В данном тексте «золотой дождь» означает обилие золотых медалей у сборной России на Олимпиаде в Сочи.

Спортивные журналисты «Новой газеты» нередко прибегают к стилистически маркированной лексике, прежде всего – к разговорной, иногда просторечной лексике. По М.Н.Кожиной, разговорная лексика – это «такие слова, которые, являясь литературными, придают речи разговорный характер. Будучи введенными в книжно-письменную речь, они нарушают единство стиля» [1, с. 232]. В спортивных материалах «Новой газеты» разговорная, просторечная речь используется как для того, чтобы передать

эмоциональное состояние спортсменов и вызвать у аудитории сопереживание, так и для того, чтобы показать негативное отношение автора к какому-либо инциденту из мира спорта.

*«Если ему дать волю, то **громила**, у которого наглухо зататуирована вся верхняя честь тела, заполняет собой все игровое и ментальное пространство: изящно останавливает мяч (сразу виден класс), играет в точный мелкий пас, бежит по краю длинными и странноватыми шагами бегающего циркуля, наводит ужас на соперников, выставляя локти и выбрасывая ноги».* (Алексей Поликовский «Игра»).

*«**Сварганить** на скорую руку можно яичницу, а вот внедрять в игру миллионов фактически нового судью, не прописав конкретно и ясно права и обязанности всей электронно-человеческой бригады, шаг, чего греха таить, довольно опрометчивый»* (Андрей Успенский «Заварное дело»).

Иногда спортивные журналисты используют и жаргонную речь, которая относится к языку футбольных фанатов («черно-зеленые», «мясо», «гренадер»).

Итак, к основным особенностям языка журналистов «Новой газеты», пишущих на спортивные темы, можно отнести следующие:

1) умелое использование богатых стилистических ресурсов лексики, синтаксиса, фразеологии современного русского языка;

2) яркая образность повествования, создание индивидуально-авторских средств образности;

3) повышенная эмоциональность, экспрессивность повествования;

4) «разговорность» стиля;

5) соблюдение двух основных принципов построения медиаречи: принципа диалогичности, доверительной беседы и принципа утилитарности;

6) использование стилистически маркированной лексики;

7) повышенная политизированность повествования, часто спортивные события освещаются в контексте политики;

8) доминирование авторской позиции.

Литература

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: [электронный ресурс] учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 464 с.

2. Серпикова М.Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций. — М.: РУТ (МИИТ), 2017. — 333с.

3. Словарь литературоведческих терминов. Ред. – сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., «Просвещение», 1974. – 509 с.

4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц /А .И . Фёдоров. - 3-е изд., испр. - М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Т.В. Романова
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)

На материале дискурса власти в статье выявляются частотные идеологемы и аксиологемы современного политического дискурса. В результате автоматического сбора и обработки текстовых данных получен материал для лингвистического анализа: выявлены конкретные случаи реализации идеологем и аксиологем, определен актуализируемый говорящим аксиологический модус каждой из реализуемых единиц и речевые способы реализации идеологем и аксиологем.

Понятие институционального политического дискурса предполагает обращение к области текстов, созданных политическими деятелями. Для наиболее адекватной репрезентации российского политического дискурса необходим анализ текстов, созданных политическими деятелями, принадлежащими к разным политическим течениям. В связи с этим набор источников для анализа в исследовании, результаты которого представлены в данной статье, охватывает тексты, созданными представителями следующих партий: Единая Россия; КПРФ; ЛДПР; Справедливая Россия. Все тексты собраны с официальных сайтов политических партий. Основными типами текстов в корпусе являются выступления на различных заседаниях, записи из блогов политических деятелей, а также их обращения к гражданам по различным вопросам. Всего в результате применения методов автоматического

сбора и обработки текстовых данных было собрано 2025 текстов; общий объем корпуса составил 1194301 слово.

Плюрализм, характеризующий современную политическую жизнь, снабжает институциональный политический дискурс разнообразием концептуальных идей и ценностей. Будучи «речью, погруженной в жизнь» [1], дискурс транслирует данные ценности в сознание общества и закрепляет их в языковой картине мира его представителей. Неслучайно современная политология имеет тенденцию рассматривать язык не как средство отображения политической реальности, а в качестве важного компонента политического поля [3, с. 147].

Функцию встраивания в массовое сознание идеологических квантов смысла выполняют идеологемы [2, с. 56], т.к. они являются одной из содержательных форм проявления ментальности. Воплощая концептуальные идеи и ценности, идеологемы создают базу для формирования аксиологических категорий, единицами выражения которых являются аксиологемы. Таким образом, именно в идеологемах и аксиологемах заключены основные концептуальные сущности, формирующие распространяемые в обществе политические установки.

Лингвистический анализ позволил выявить конкретные случаи реализации идеологем и аксиологем, определить актуализируемый говорящим аксиологический модус каждой из реализуемых единиц, а также определить речевые способы реализации идеологем и аксиологем.

Результаты лингвистического анализа текстов были обобщены, а выделенные идеологемы и аксиологемы были объединены в следующие типологические группы: 1) формирующие образ России; 2) формирующие образ политической ситуации в России и мире; 3) отражающие общечеловеческие ценности. Для примера рассмотрим единицы первой группы.

«Флагманом» первой группы можно считать идеологему *русский/российский*, актуализируемый аксиологический модус которой в абсолютном большинстве случаев является положительным. Основной схемой реализации идеологемы *русский/российский* и актуализации ее положительного аксиологического модуса является создание антонимии «свой – чужой», в которой представлено бинарное распределение качества аксиологи-

ческих модусов: «свой» означает ‘хороший, правильный', «чужой» напротив – 'плохой, неправильный'. Рассмотрим реализацию данной схемы на примере следующих текстовых фрагментов:

1) Поэтому сегодня Крым – это наша с вами жемчужина и нам неприятно, что 23 года они были под оккупацией чуждого режима, режима, который близок к нацистам, к тем, кто вчера маршировал по улицам Риги (https://ldpr.ru/leader/speech/vasilyevsky_spusk_in_honor_of_the_second_anniversary_of_the_reunification_of_russia_and_the_crimea).

2) Поэтому Россия сделала единственно правильный выбор в пользу отстаивания своих интересов и сохранении, защиты своего суверенитета (https://kprf.ru/activity/education/151249.html).

3) И в этой связи мне хотелось бы сказать и правительству, и Министерству образования и науки, как заказчикам <…>, что нужно изучить заказ: правильно ли он исполняется, чему там учат, не имеет ли место формирование западного, европейского, англосаксонского мышления в таких высших учебных заведениях? (https://kprf.ru/activity/derevnya/179653.html).

В приведенных примерах аксиологема *русский/российский* выражена не через свою прямую номинацию, а через языковые единицы, отражающие концептуальные признаки данной идеологемы в исследуемом дискурсе. Понятия *мы, свой, русский* и *российский* в текстах российского политического дискурса связаны единым референтом, что дает нам возможность рассматривать данные единицы как связанные компоненты языковой картины мира представителей данного дискурса.

Так, в примере (1) в антонимии «свой – чужой» явно усилен отрицательный аксиологический модус «чуждой/чужой стороны»: политический режим другого государства (в данном контексте – Украины) в оценочном плане сближается говорящим с идеологией нацизма, что является общекультурной отрицательной аксиологемой, антиценностью. Отрицательный аксиологический модус, таким образом, переносится на компонент ‘чужой' и усиливает модусный контраст антонимии.

В текстовом фрагменте (2) для реализации аналогичной стратегии применена обратная тактика: актуализируется положительный аксиологический модус компонента «свой», то есть *российский*. Ассоциация «свой = российский» устанавливается с помо-

щью лексического повтора местоимения *свой*, референтом которого является Россия. Также «выбор в пользу своих интересов» охарактеризован прилагательным *правильный* с усиливающим его наречием *единственно*, что подчеркивает однозначную положительную оценочность аксиологического модуса идеологемы *русский/российский*.

В текстовом фрагменте (3) в однородном ряду перечислены «составляющие чужой стороны»: *западный, европейский, англосаксонский.* В данном контексте приведенные выше компоненты можно рассматривать как отдельные единицы реализации идеологемы *чужой*, являющейся в данном контексте антонимичной парой для идеологемы *русский*.

Реализация идеологемы *русский* как единицы, несущей в себе однозначно положительный аксиологический модус, часто встречается в контексте рассуждений о языке. Так, представители партии ЛДПР особенно часто поднимают тему русского языка как единственно «правильного», логичного для представителей русского этноса:

1) Это правильное слово - «беженцы», бегущие от войны. У нас есть отдельное слово «переселенцы». Беженец – это более русское, конкретное слово (https://ldpr.ru/leader/speech/The_speech_of_Vladimir_Zhirinovsky_at_a_meeting_with_students_Russian_school_policy_17_APR_2017).

2) Мне понравилось название «Аллея правителей». Царь – не русское слово. Генеральный секретарь – не русское слово. Президент – не русское слово. Давайте говорить – правители России. От русского слова «править» (https://ldpr.ru/leader/speech/_at_the_opening_of_the_Alley_of_the_Rulers_of_Russia_September_22_2017)

В фрагменте (1) представлено яркое и эффективное средство реализации описательной идеологемы в тексте: прилагательное *русский* переходит из разряда относительных прилагательных в качественные, что выражается окказиональным использованием составной формы сравнительной степени *более русский*. Следовательно, прилагательное *русский* в данном контексте используется для оценочной характеристики в качестве синонима прилагательного *правильный*.

В текстовом фрагменте (2) представлено прямое выражение субъективной оценки говорящим определенных языковых еди-

ниц. Одновременно с тем, как говорящий разделяет группы слов по принципу субъективной симпатии, он также применяет бинарный критерий «русский – не русский». Поскольку распределение слов по группам «нравится – не нравится» и «русский – не русский» полностью совпадает, можно сделать вывод, что для говорящего признак ‘хороший' абсолютно идентичен признаку 'русский'. При этом, как отмечает Ван Дейк [4, с. 193], несмотря на то, что в своей речи каждый говорящий реализует индивидуальные когнитивные установки, специфика политического дискурса состоит в том, что представитель партии, высказывая определенное мнение, одновременно отражает взгляды всей политической партии, всего института, то в данном случае идеологему *русский* можно отнести именно к политическому дискурсу, а не к дискурсу определенного автора.

Наблюдение за функционированием других идеологем и аксиологем данной тематической группы позволило выявить тесную взаимосвязь трех идеологем: *русский*, *народ* и *единство.* В абсолютном большинстве случаев реализации любой из перечисленных идеологем другие единицы также в той или иной степени актуализованы. Например, в силу специфики исследуемого дискурса идеологема *народ* имеет в своем составе концептуальный признак ‘русский′. Следовательно, тесная взаимосвязь данных когнитивных единиц очевидна, что позволяет считать их фундаментом конструирования образа России.

В российском политическом дискурсе распространен прием представления России как общности относящихся к ней людей, что позволяет создать образ России через перечень качеств, характерных для ее народа. Рассмотрим данный прием на примере следующего текстового фрагмента:

Он означает, что даже стоя уже у края, стоя у стен Кремля, наш народ может собраться с силами, дать отпор, причем, не только физически, как это было в 1941-м, речь идет и о том состоянии, которое Россия испытывает сегодня: мы должны давать отпор (https://er.ru/news/149495).

В данном фрагменте персонификация России реализована с помощью приема синекдохи, где целое (*Россия)* представлено как его часть (*народ*). При этом в данном фрагменте реализован второй уровень синекдохи: существительное *народ* в форме един-

ственного числа выражает значение собирательности, характерное для ситуации выражения целого (*народ*) через его части (отдельные люди), что актуализирует концептуальный признак ‘единство'. Следовательно, в данном примере идеологема *народ* с ключевым концептуальным признаком 'единство' выступает как ядерный компонент образа России.

В качестве вывода можно констатировать, что типичным для институционального политического дискурса является прямое именование ценностей, которых придерживается политическая партия (в текстах программ партии, в структуре официального веб-сайта и т.д.), а анализ реализации идеологем и аксиологем позволяет выстроить более полную картину мира политической партии как социального института.

Результаты лингвистического анализа идеологем и аксиологем в российском институциональном политическом дискурсе и способов их реализации представлены в таблице ниже. В список ключевых единиц входят те идеологемы и аксиологемы, общая доля случаев реализации которых превышает 3% от общего количества случаев реализации идеологем и аксиологем в исследуемом дискурсе. Также обязательным критерием включения когнитивной единицы в список ключевых является наличие случаев использование средств художественной выразительности для реализации данной единицы.

Ключевые идеологемы и аксиологемы российского институционального политического дискурса

Идеологемы и аксиологемы	**Реализация, %**	**Преобладающий аксиологический модус**
Идеологемы и аксиологемы, формирующие образ России		
Идеологема *русский*	10.8	Положительный
Идеологема *народ*	13.1	Положительный
Идеологема *единство*	7.5	Положительный
Идеологемы и аксиологемы, формирующие образ политической ситуации в России и мире		
Идеологема *борьба*	9.3	Смешанный
Идеологема *взаимодействие*	8.6	Положительный
Идеологема *власть*	10.2	Отрицательный
Идеологемы и аксиологемы, отражающие общечеловеческие ценности		

продолжение табл.

Аксиологема *равенство*	8.0	Положительный
Аксиологема *индивидуальность*	4.9	Смешанный
Аксиологема *закон*	3.1	Смешанный

Наиболее распространенными и эффективными способами реализации представленных выше групп идеологем и аксиологем являются следующие приемы:

- антонимия, компоненты которой имеют противоположные качества аксиологических модусов (например, «свой – чужой»);
- ассоциация, в результате чего качество аксиологического модуса переносится с ассоциирующего на ассоциируемый объект (например, «русский = правильный»);
- конструирование акциональных фреймов (например, *борьба* и *игра*);
- фразеологические единицы (например, *вешать лапшу на уши, бросить все силы, знать цену*);
- метафора (преобладает социоморфный тип);
- синекдоха (преобладают приемы выражения целого вместо его частей).

Литература

1. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь URL: http://tapemark.narod.ru/les/136g.html (дата обращения: 24.12.2018).

2. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. – 2014. – №4. – С. 54-58.

3. Никулина Д.Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №9. – С. 147-149.

4. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. – 344 с.

МЕТАФОРА И СИМВОЛ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Сачкова
november29@yandex.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
(Москва)

Политический дискурс является одним из наиболее ярких и эмоциональных видов дискурса, ведь одна из его функций – это манипулирование общественным сознанием и формирование определенного мнения в обществе. Эти факторы обусловливают и особенность политического дискурса, особенно его устной части (спикерского выступления, политических дебатов, предвыборных речей) – высокую эмоциональность и образную окрашенность. Зачастую именно обращение к эмоциям и чувствам, жонглирование красочными образами, а не четкая аргументация и веские доводы, обращенные к разуму, склоняют сторонников на ту или иную политическую платформу.

Политический дискурс рассматривается как речевая деятельность, любой компонент которой (субъект, адресат, содержание) относится к политической сфере. Результатом такой деятельности являются речевые произведения (тексты), на формирование которых влияют лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические факторы.

Весомую роль в достижении эмоциональности и образности политического дискурса играют два таких языковых явления как метафора и символ.

Метафора понимается как языковой и ментальный механизм вербализации явлений и объектов окружающей действительности, построенный на сравнении двух феноменов и установлении между ними сходства при выявлении общих признаков [3, с. 144]. В рамках политического дискурса не приходится говорить об индивидуально-авторской метафоре, она здесь не уместна в силу яркости образа, что может привести к проблемам политической корректности. Для политического дискурса характерна языковая, лексикализированная метафора, которая потеряла образность и вошла в узус.

Функциональный потенциал метафоры довольно широк: некоторые лингвисты насчитывают до 10 функций метафоры (от кодирующей до тексто- и смыслообразующей), каждая из кото-

рых еще может иметь и разновидности. Для политического дискурса традиционно можно выделить следующие функции: когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая [6, с. 18].

Когнитивная функция метафоры заключается в возможности метафоры быть средством постижения, структурирования и концептуализации фрагмента действительности. Во многом это обусловлено национальным, социальным и личностным сознанием.

Например: «*Почему Запад нас не любит: мы деревня, они – город. Город всегда ненавидит деревню – мы в лаптях, да по паркету*». Одно из вечных противопоставлений Россия – Запад представляется в виде метафоры-противопоставления «город – деревня». Это апеллирует к национальному самосознанию русского человека, который, несмотря на прошедшие века, в некоторой степени представляет себя человеком деревни, человеком крестьянской общины. В рамках данной метафоры моделируется образ России как одной большой общины, где все готовы поддержать друг друга, образ деревни, пусть в чем-то отсталой, но близкой к природе, земле, а значит и к Богу. Запад рисуется враждебным сельскому человеку городом, «каменными джунглями», полными опасностей.

Коммуникативная функция метафоры реализуется в рамках общей функции языка – быть средством передачи информации. Метафора помогает передать информацию в более удобной и понятной для адресата форме. Например, В. Жириновский, характеризуя смену правительства, использует довольно распространенную математическую метафору «*от перемены мест слагаемых сумма не меняется*». Он в лаконичной и понятной форме объяснил своим адресатам, что изменения в составе правительства были чисто формальными, фактически люди остались те же, а значит и перемен в политическом курсе страны ждать не приходится.

Наиболее востребованной в рамках политического дискурса является прагматическая функция метафоры, преобразование в сознании адресата политической картины мира и формирование у него определенного эмоционального состояния и отношения к объекту.

Например: «*Для организации массового уничтожения «классовых врагов» Ленин направил трёх людоедов*». Командиры отря-

дов Красной Армии, отправленные на борьбу с бандами и белогвардейцами, рисуются как «*людоеды*», безжалостные существа, уничтожающие невинных людей. Таким образом, исторически сложившийся образ Красной Армии и большевиков как защитников обездоленных людей трансформируется в образы злодеев и врагов. А бандиты и белогвардейцы, известные своей жестокостью, предстают невинно пострадавшими.

Эстетическая функция метафоры является одной из наиболее ярких. Её основное назначение – привлечение внимания к объекту, обращение более к эмоциям адресата, нежели к рассудку. Например, давно вошедшая в узус метафора «*бархатная революция*» описывает смену политических режимов в странах Восточной Европы и республиках СССР и подчеркивает, что смена происходила мягко и бескровно (зачастую игнорируя факты вооруженных столкновений между сторонниками оппозиционных режимов).

Символ довольно часто рассматривают как частное проявление метафоры. Однако это не является в полной мере верным. Процесс метафоризации представляет собой один из механизмов создания символов, но семантика символа, в отличие от метафоры, является более сложным явлением. Типология символов более разнообразна и включает символы, образовавшиеся также на основе метонимии, синекдохи и т.д. Это позволяет рассматривать символ как особый языковой знак, который при наличии четкого и нейтрального в своем значении денотата, имеет развитую систему коннотативных значений, отражающую особенности культурно-исторического развития данного языкового сообщества [4, с. 89].

Символ, так же как и метафора, выполняет несколько функций: познавательную или когнитивную функцию, прагматическую функцию, аксиологическую функцию и функцию социализации. Хотелось бы обратить внимание на функцию социализации, которая отсутствует у метафоры, и на прагматическую функцию, которая по своему содержанию отличается от аналогичной функции метафоры.

В прагматической функции символа можно выделить две разновидности:

1) быть «лингвистическим агентом социально-политической трансформации» [1, с. 89];

2) создание символических моделей политической реальности.

В первом случае социально-политические изменения в обществе отражаются в изменениях системы символов. Эти изменения идут двумя путями: 1) символ меняет своё значение вслед за изменениями социально-политической обстановки; 2) насильственное изменение значения символа приводит к переоценке социально-политических явлений. Например: «*красное знамя*» – символ, популярный в Советском Союзе, дал целую цепочку символов: красное знамя революции, красное знамя труда, красное знамя Победы, мирное красное знамя. Каждый из этих символов отражал определенную историческую эпоху, но все они были объединены единым значением «*красного знамени*» как символа коммунизма и обладали позитивной коннотацией. Эпоха перестройки повлекла изменение символического ряда, и «*красное знамя*» стало рассматриваться как символ «красного террора» и приобрело негативное значение. Однако эпоха перемен и реформации не принесла с собой новой системы символов, способных отразить новые политические реалии, и символ «*красного знамени*» пережил второе рождение как «*красное знамя Победы*», популяризированное в современном обществе.

Ещё один популярный символом в современном политическом дискурсе – это «*вертикаль власти*», которую выстраивают и укрепляют. Это является примером символического моделирования политической реальности, когда усиление власти президента и передача ему более широких полномочий представляется как укрепление власти повсеместно, а значит, и наведение в стране порядка.

Функция социализации у символа представляет собой более сложное явление и включает в себя несколько разновидностей: 1) собственно социализация, то есть постижение идей и ценностей, принятых в том социуме, к которому индивид принадлежит, 2) адаптивная функция усвоения и принятия в качестве базовых понятий нормы и ценности своего социума, 3) идентификационно-интегративная функция идентификации и самоидентификации индивида в социуме и определение его в социальные группы [5, с. 25]. В политическом дискурсе функция

социализации позволяет символу служить указателем «допустимого – запретного», являться идентификатором «свой – чужой». [2, с.7] Наиболее ярким примером здесь может служить цветовая символика: *красный* – как символ коммунистической партии, *зеленый* – как символ экологических партий и организаций, *коричневый* – символ фашистских партий, *оранжевая* революция на Украине, *желтая* революция на Филиппинах, *пурпурная* революция в Ираке.

Таким образом, можно сделать вывод, что метафора и символ, являясь образными средствами языка, делают политический дискурс более ярким, выразительным и эмотивным. Но надо не забывать, что в бой, как на полях войны, так и на политической арене, идут не за метафору, а за символы.

Литература

1. Кармадонов О.А., Баёв П.А., Захарова О.В. и др. Символ и трансформация: Социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984 – 2011). – Иркутск: ИГУ, 2012. – 345 с.

2. Левада Ю.А. Люди и символы: Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения. – Москва, 2001. №6. – С. 7-13.

3. Попова Т.Г., Сачкова Е.В. Метафора в официально-деловом стиле // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома: КГУ, 2016. Т. 22. № 5. – С. 191-193.

4. Сачкова Е.В. Символ как знак языка // Иностранные языки в современном мире: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Под редакцией Д.Р. Сабировой, А.В. Фахрутдиновой. – Казань: КФУ, 2019. – С. 86-90.

5. Тен Ю. П. Символ в межкультурной коммуникации: автореферат дис. … доктора философских наук. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. – 46 с.

6. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНТРОПОНИМА *ЯНУС ДВУЛИКИЙ*)

Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко
natasha-segal@mail.ru; anutik-anutik18@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Антропоцентрическая парадигма современных гуманитарных наук предполагает исследование лингвистических фактов, формирующих картину мира носителей определенного языка. В основе русской языковой картины мира лежат прецедентные феномены – слова, словосочетания или предложения, которые становятся элементами когнитивной базы среднего представителя лингвокультуры и влияют на восприятие им окружающей действительности и ее отражение в языке. Источником прецедентности являются классическая литература и фольклор, религиозные и исторические тексты, а также невербальные культурно значимые феномены – скульптура, музыка, живопись. Важным и малоисследованным источником прецедентности представляется древнеримская мифология, к которой мы и обращаемся в предлагаемой работе.

Цель данной статьи заключается в выявлении семантико-прагматических и ассоциативных особенностей прецедентного феномена ***двуликий Янус*** как ценного фрагмента русскоязычного медиапространства. Авторы предлагают собственную классификацию образов и сценариев, моделируемых исследуемым прецедентным феноменом, и определяют особенности его текстовой реализации в русскоязычном медиапространстве 2010–2020 гг.

В словаре крылатых слов, литературных цитат и образных выражений Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной дается следующее определение прецедентной конструкции *двуликий Янус*: в римской мифологии *Янус* – бог времени, а также всякого начала и конца, входов и выходов. Изображался с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны: молодым – вперед, в будущее, старым – назад, в прошедшее. Возникшее отсюда выражение «*двуликий Янус*» или просто *«Янус»* означает:

двуличный человек [1, с. 95]. Во фразеологическом словаре под редакцией С. И. Молоткова *двуликий Янус* (книжн.) также определяется как двуликий человек [4, с.542].

В медиатекстах прецедентная единица *двуликий Янус* приобретает новые оттенки значения, номинируя не только двуличного человека, но и таких субъектов политики, как государства, политические организации, при этом сохраняя интегральный компонент значения: *Президент США Барак Обама назвал Российскую Федерацию* ***«двуликим Янусом»****, смотрящим одновременно и на Восток, и на Запад* (Русский курьер, 04.08. 2014); *НАТО:* ***Двуликий Янус*** *геополитики* (Политпазл, 22.05.2016).

Как показал анализ, наиболее частотными в текстах СМИ являются контексты, в которых денотативное содержание «двуличный человек» транслируется на того или иного политического лидера. Отметим, что в конструкциях такого рода автором медийного текста поясняется причина сравнения политика с мифическим богом: *«Порошенко как серьёзный игрок и сильный политик понимает, что Тимошенко – это* ***«Двуликий Янус»****: с одной стороны, она может выступать в качестве союзника, но, с другой стороны, она в любой удобный момент может сожрать самого Порошенко», – считает эксперт кафедры сравнительной политологии МГИМО Елена Пономарева* (РИА Новости, 26.05.2014).

Интересными для наблюдения становятся медиатексты с элементами языковой игры, основанной на созвучности с фамилией украинского политика Виктора Януковича: ***Двуликий Янус Янукович*** *продолжает гнуть линию предательской «унии»* (Четвертая власть, 05.02.2014). В некоторых контекстах, где имеется в виду деятельность В. Януковича, прецедентная единица *двуликий Янус* функционирует самостоятельно, без указания фамилии политика: ***Двуликий Янус*** *вновь морочит голову украинцам. Один из «тяжеловесов» украинской политической сцены Виктор Янукович за семь месяцев до очередных выборов снова открывает «сезон больших электоральных обещаний»* (www.km.ru, 26.06.2009).

Отметим, что использование прецедентной единицы *двуликий Янус* не всегда отождествляется с фамилией

В. Януковича, так как двуличие и неискренность, по мнению авторов медиатекстов, характерны для различных представителей власти. Данный тезис прослеживается в следующем контексте: *Виктор Федорович – **не Двуликий Янус,** но дипломат. Сравнение с **Двуликим Янусом** именно Януковича представляется удачным только по созвучности имени римского бога с фамилией украинского политика* (http://h.ua, 10.11.2010); *Из двух Викторов – Ющенко и Януковича – сравнение с **Двуликим Янусом** Януковича представляется удачным только по созвучности имени римского бога с фамилией украинского политика. Однако всем в Украине очевидно, что двуличие и неискренность, отождествляющиеся с именем **Двуликого Януса,** более характерны не для Януковича, а для Ющенко* (Народна правда, 10.11.2014).

В медиатекстах, кроме интегральных компонентов ʽдвуличиеʼ, ʽнеискренностьʼ, реализуется еще один интегральный компонент прецедентной единицы *двуликий Янус*: ʽдвойственностьʼ. Так, частотными являются контексты, описывающие политику двойных стандартов, дуализм власти: ***Двуликий Янус** политики США. Политикой двойных стандартов принято называть ситуацию, при которой оценка одного и того же явления, процесса или события, имеющего место в международных отношениях, зависит от характера отношений оценивающих сторон с объектами оценки. При одинаковом сущностном наполнении, действия одних стран получают поддержку и оправдание, а в других – осуждаются и наказываются* (topwar.ru, 29.02.2012); *Конечно, фактор политического трио Ющенко, Янукович, Тимошенко является важным, но не определяющим в отечественной политической чехарде. В этой связи напрашивается вывод, что данная институциональная модель, наложенная на украинскую ментальность «два украинца – три гетмана» оказывается не только не жизнеспособной, но и вредной для государства […]. Возможно вернуться и к варианту Конституции 1996 года, которая хоть и не была идеальна, но не вызывала дуализм власти, которая все больше напоминает **двуликого бога Януса*** (Власти, 15.01.2014); *Мнение: политика **«двуликого Януса»** завела Киев в тупик* (РИА Новости, 06.05.2015).

Еще одним показательным примером могут послужить конструкции, в которых «двуликость» связана с числительным два и не имеет негативной коннотации, что показывает отдаленность контекстной реализации прецедентизма от его денотативного значения: *Глава ГУ ПФУ в Донецкой области отметила, что правовая несогласованность приводит к* ***двоякому*** *отношению к одной и той же ситуации. «Я, как* ***двуликий Янус****, должна выполнять* ***две функции*** (Донецкие новости, 15.11.2018).

С точки зрения двойственности, конструкция *двуликий Янус* используется как синоним фразеологизма «вести двойную игру» для описания противоречивых действий субъекта политики: ***«Двуликий Янус»*** *Ульяновской области. По мнению экспертов, губернатор Ульяновской области Сергей Морозов ведёт* ***«двойную игру»,*** *суть которой заключается в том, чтобы скрывать коррупционные скандалы, прикрываясь «политическими успехами»* (moscow-post.ru, 16.08.2012); ***Двуликий Янус.*** *Политолог: глава МВД Украины Арсен Аваков ведет* ***двойную игру*** (Красная весна, 19.10.2017).

Интересным является тот факт, что наиболее частотными в текстах СМИ становятся контексты, в которых интегральный компонент ʻдвуличиеʼ становится основой для аллюзии на мифологический образ римского бога Януса, так как нечестные действия, хитрость, обман, двойная игра, по мнению журналистов, характерны и для современного политикума: *Владислав Дейнего: Пётр Порошенко –* ***«двуликий Янус».*** *В надежде заручиться как можно большей поддержкой населения, президент Украины Пётр Порошенко ведёт двойную игру по отношению к гражданам своей страны, говоря каждому из них ровно то, что они хотят услышать* (ПолитНавигатор, 29.08.2017).

В мифологических преданиях нет четкого описания образа бога *Януса*, известно только, что он изображался с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны. В текстах СМИ происходит расширение мифологического образа с помощью национально-специфической лексики. Так, с головой Януса сравнивают герб России, на котором орел смотрит в разные стороны, что, согласно интерпретации журналиста, свидетельствует о неопределенной политической ситуации государства: *Россия с головой* ***двуликого Януса.*** *У российского орла две головы. Одна смотрит*

влево, другая – вправо. Этому орлу уже много веков. На гербах других государств тоже встречаются двуглавые орлы, но лишь российский символизирует кризисную дипломатию последних двух недель: он смотрит и на Запад, и на Восток. И тем самым олицетворяет собой страну, которая лавирует между двумя геополитическими полюсами (https://inosmi.ru, 24.11.2014).

Еще одним примером расширения представлений об образе Януса свидетельствует следующий контекст: ***Двуликий Янус с тремя глазами.*** *Юрий Каграманов о религиозной ситуации на Ближнем востоке* (СП, 02.10.2015).

В текстах СМИ *Янус* представляется монстром, страшным и злым богом с двумя головами. Однако в денотативном содержании конструкции не предполагается негативная коннотация, которая характерна для медиатекстов, описывающих политические события: *Глобализация –* ***дочь двуликого Януса.*** *Нет, глобализация – это не страшная химера монструозного типа. Она, скорее, театральная маска с двумя выражениями на лице (Ольга Зиновьева). Она одна из младших дочерей двуликого Януса, злобного и коварного, отпирающего и запирающего ворота во время мира и войны, знающего наше прошлое и будущее* (ЛДПР, 10.10.2017).

Учитывая тот факт, что прецедентная единица *двуликий Янус* не является широко известной, авторы медийных текстов, используя ее для описания социально-политических проблем, сразу поясняют значение, проводят параллели с римским богом: *«Нынешняя политика Испании в отношении России отчасти* ***напоминает Януса, бога с несколькими ликами:*** *она может демонстрировать разные лица, поддерживать разные принципы и склоняться одновременно к разным направлениям (сближение с Москвой, поддержка санкций ЕС, меры по снижению напряжения в рамках ОБСЕ, меры сдерживания НАТО и т.д.), хотя они могут казаться противоречивыми», –пишет Франсиско де Борха Лашерас* (РИА Новости, 20.10.2016).

Указывая на двойственный характер прецедентной единицы *двуликий Янус*, который характерен для ее денотативного содержания, в текстах СМИ может происходить разделение двух «обликов» политических субъектов с аллюзией на римского бога. Как правило, в таких конструкциях выделяется выбор одной из сторон в политической гонке, приверженность той или иной пар-

тии: ***Раздвоение двуликого и лукавого Литвина****!!! В античной мифологии был двуликий Янус – бог дверей и входов. В украинской политике присутствует двуликий Литвин – участник коалиции с «НУНС» и БЮТ, одновременно пробивающий дорогу Виктору Януковичу* (politbyro.in.ua, 25.02.2010); *Ющенко –* ***двуликий Янус*** *между двух коалиций* (Радио Свобода, 20.06.2010).

Реализуясь в медиатекстах, прецедентная единица *двуликий Янус* может конкретизироваться с помощью различных адъективов, которые привлекают внимание к ряду проблем, характерных для государств, регионов и т. д.: *Мы* ***–двуликий сельский Янус****, в котором самым невероятным образом переплетаются аграрные характеристики развитых и развивающихся стран* (https://chrdk.ru, 03.01.2018).

Отметим, что место адъектива не является закрепленным, и он может располагаться в начале, в середине или в конце конструкции: *Россия –* ***политический и экономический Янус****, имеющий два лица* (Биржевой лидер, 22.09.2013); ***Двуликий энергетический Янус*** *напоминает дальневосточникам об опасности копить долги* (Россия24про, 21.01.2020); ***Янус двуликий, социалистический.*** *Александр Мороз, безусловно, является гроссмейстером политических интриг. За ним закрепился имидж честного и принципиального политика, однако факты бурной осени 2005 года вкупе с эпизодами прошлого года указывают на то, что СПУ лицом напоминает древнеримского двуликого Януса – и с крупным бизнесом дела ведет, и народу хочет угодить. И при этом лицо пытается сохранить* (Обозреватель, 25.10.2015).

В текстах СМИ социально-экономического характера один из компонентов конструкции *двуликий Янус* может замещаться другим лексемами, относящимися к общественно-политической лексике: ***Двуликая незалежность:*** *почему пропал Янукович? Так что же делать украинскому* ***«двуликому Янусу»****, когда речь заходит о выборе между сохранностью нажитого непосильным трудом и сохранностью удачно приватизированных предприятий? Разорваться пополам, что ли?* (maxpark.com, 14.11.2013).

При реализации исследуемой прецедентной единицы в контекстах, моделирующих политическое пространство, наблюдается использование множественного числа, не характерного для денотативного значения конструкции: *В правительстве появятся*

«двуликие Янусы» (Якутск вечерний, 22.03.2016). При этом множественное число является следствием реализации семантического компонента «двуличность»: *Партия Регионов –* ***двуликие янусы.*** *Сначала они открывают памятник Сагайдачному, а потом Екатерине* (Gazeta.ua, 12.05.2011); *...депутаты, как* ***двуликие Янусы:*** *с одной стороны политик, а вышел из Рады – занимается достаточно серьезным бизнесом с очень большими экспортными потоками* (www.kommersant.ru, 26.05.2018) или «двойственность»: *Как* ***двуликие Янусы*** *Е. Мураев и В. Рабинович разводят украинский электорат* (www.zri-v-koren.ru, 07.04.2017). Отметим, что последний пример демонстрирует контаминацию двух сем в одном контексте (два хитрых двуличных политика).

При сохранении денотативного значения в свете современных политических реалий конструкция *двуликий Янус* приобретает дополнительные оттенки значений, которые автор поясняет в примере, проводя аналогию между Россией и римским богом: *За что обидели* ***двуликого Януса.*** *Широко растиражированное высказывание Барака Обамы в интервью The Economist о России и Путине вызывает волну невольных ассоциаций. Президент США сравнил Россию с* ***двуликим Янусом****, который, мол, «смотрит одновременно на Запад и Восток».* ***Двуликий*** *– почти что двуличный... Хотя сам Обама имел в виду «раздвоенность» России между Европой и Азией, сказать он хотел в этой фразе гораздо больше. Вообще-то* ***двуликий Янус*** *– уважаемая фигура античного пантеона, хранитель ключей от небесных врат, бог «начала и конца» – охраняет человека от рождения до последнего вздоха. Через храм в его честь в Риме проходили солдаты, возвращавшиеся с войны, после чего храм запирали. Вряд ли президент Обама в нынешних обстоятельствах хотел сделать Путину и России комплимент, но аналогия интересная* (Труд, 05.05.2014). Данный пример наглядно демонстрирует ошибочную интерпретацию мифологического образа, что говорит о его малоизученности.

Таким образом, анализ медиатекстов с прецедентным антропонимом *двуликий Янус* дал возможность выявить особенности его функционирования в русскоязычном медиадискурсе с учетом семантико-прагматических особенностей. Данная прецедентная конструкция реализует свое значение по отношению к политическим субъектам, их действиям, к государствам и отдельным тер-

риториям, а также к проблемам социально-экономического характера. Наряду с трансформацией конструкции (замещение компонентного состава, расширение адъективами, использование множественного числа) происходит переосмысление мифологического образа. Конструкции с исследуемым антропонимом приобретают экспрессивность, метафоричность и полисемантичность, что является мощным средством влияния на политическую картину мира и дают возможность формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества.

Литература

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: литературные цитаты; образные выражения / Н. С. Ашукин, М .Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1988. – 528 с.

2. Мищенко, А. Н. Прецедентное имя Геракл в русскоязычных политических СМИ / А. Н. Мищенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – №1 - 2018. – С. 155–161.

3. Моисеев М. В. Применения дефиниционного анализа в лингвокультурологическом исследовании / М. В. Моисеев // Вестник Омского университета. – Омск. – № 3. – 2016. – С. 142–148.

4. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

5. Сегал Н. А. Политический текст. Метафорическое моделирование / Н.А. Сегал. – М.: Флинта, 2017. – 248 с.

6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИЕЙ В ВОЛОГОДСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Е.А. Сипливая
ekaterinasiplivaya@gmail.com, petersergeev24@mail.ru
Вологодский государственный университет
(Вологда)

Особую роль в формировании информационной картины дня вологжанина играет Управление информации и общественных связей Администрации Вологды, выполняя в данной сфере роль спин-доктора. Следя за тем, какое освещение получит то или иное событие в масс-медиа, Управление крайне чувствительно к

отрицательным контекстам и пытается влиять на общественное сознание. Таким образом, повестку дня жителей регионального центра во многом формируют специалисты, главная задача которых состоит в программировании для среднего горожанина границ правильного и неправильного, создании и поддержании определённого позитивного мироощущения, связанного с мыслями о непрекращающемся улучшении качества жизни, постоянной модернизации инфраструктуры регионального центра и т.д. Для этих целей используют различные информационные площадки: задействуют телевизионные эфиры, журналы, газеты, аккаунты в социальных сетях, но лидирующими до сих пор остаются информационные порталы – специализированные новостные сайты, где, в отличии от страниц в социальных сетях, оперативно публикуют более развернутые материалы. Влияние на индивидуума, его сознание и поведение, в данном случае достигается с помощью вербальных средств, механизмов, которые «заставляют реципиента некритично относиться к речевому сообщению, вызывают иллюзии или заблуждения» [1, с. 84].

Для выявления используемых приёмов речевой манипуляции мы рассмотрели ряд статей на сайте городской Администрации и подведомственного ей информационного портала «Вологда.РФ». Все материалы посвящены одному важному для регионального центра событию – обрушению пешеходного Красного моста. Переправа соединяет заречную часть города с центром. Вечером 11 мая 2018 года рядом с входной группой обвалилась одна из плит. Несмотря на отсутствие пострадавших, тема стала резонансной: горожане обратили внимание на неудовлетворительное состояние всех переправ Вологды. Однако официальная реакция властей последовала лишь несколько дней спустя, когда общественное напряжение заметно возросло. Почти сразу спин-доктор начал исправлять негативное освещение события в региональных СМИ. Так первая статья, которая появилась сразу на обоих сайтах спустя три дня после происшествия, имела перед собой цель обезличить ситуацию. В материале наблюдаются глаголы в пассивном залоге. Они, как правило, появляются в предложениях, которые непосредственно касаются самого обрушившегося моста: *«проект был разработан», «место провала было закрыто», «вход был перекрыт».* Корреспондент не называет причины обрушения,

не даёт комментарии экспертов – частично освещает происшествие. Таким образом на первый план выходит само событие, ответственность за которое никто не несёт. Основной акцент сделан на частях дискурса, которые опосредованно затрагивают вопрос имиджа городских чиновников. В начале статьи даётся значительный перечень структур, работающих над проблемой – это представители администрации, прокуратуры, полиции и спасателей. На всем протяжении текста глаголы, которые обозначают действия, относящиеся к разрешению проблемы, употребляются лишь во множественном числе: *«приняли решение», «предполагаем», «планируем выделить», «надеемся на поддержку», «ведём переговоры», «власти договорились об установке патрулей».* За счёт этих словоформ, во-первых, создается общее ощущение того, что контроль над ситуацией есть - в сознании реципиента складывается впечатление, будто на решение проблемы брошены все городские силы. Во-вторых, при детальном рассмотрении выделить из этой массы ответственного за ход работ всё ещё не представляется возможным.

Ещё одно средство деавторизации, используемое в дискурсе – наличие безличных предложений, например, *«поручение было дано».* Благодаря им также выстраивается общая картина активной деятельности при отсутствии конкретики, которая, однако, чётко проявляется в части статьи, сообщающей о том, что жители города нарушают принятые властями меры безопасности. *«Вологжане всё равно пытаются пересечь по этому пути реку»*, - полное двусоставное предложение называет нам субъекта действия и отсылает к возможным негативным последствиям, которые он, субъект, имеет возможность испытать на себе в будущем. Устойчивое словосочетание *«всё равно»* создаёт некую конфронтацию, оппозицию «своего» и «чужого», где «свои» - это абстрактные чиновники, которые заботятся о безопасности граждан, а также аппарат управления в целом, а «чужие» - вологжане, которые самостоятельно подвергают себя риску, несмотря на меры предосторожности, принятые «своими». Таким образом прослеживается мысль о том, что при неблагоприятном развитии события, где возможно наличие пострадавших, ответственность за исход будут нести не конкретные чиновники, чья халатность привела к обрушению переправы, а сами жители, которые не за-

хотели изменять своим привычкам и воспользовались аварийным мостом.

Возвращаясь к мысли о частичном освещении события в анализируемом дискурсе, стоит отметить ещё один приём умалчивания информации, который заключается в использовании двусмысленных предложений. Заголовок *«Красный мост в Вологде планируется открыть к 1 сентября»*, на первый взгляд, даёт конкретику – подразумевается известное происшествие, называется определённый объект, даётся четкая дата, однако слово *«планируется»* вновь деавторизует ситуацию. Во-первых, пассивный залог глагола исключает наличие субъекта действия, а значит, лицо, заявившее о сроках ремонтных работ и отвечающее за ситуацию, вновь не названо. Во-вторых, на семантическом уровне глагол *«планировать»* подразумевает лишь наличие намерения, а не точное, утвержденное действие. Таким образом, если сроки восстановительных работ нарушат, такая формулировка фактически поможет чиновникам защититься от претензий.

Пытаясь осветлить негативную окраску ЧП в местных средствах массовой информации после долгого умалчивания официальной позиции городских властей, сотрудники информационного портала «Вологда.РФ» начали с регулярностью публиковать материалы о ходе ремонтных работ. Освещали все этапы восстановления – от закрытия моста для пешеходов до ремонта каждой отдельной лестницы переправы. При этом инфоповодом во всех статьях становилась новость с явно выраженной или опосредованной позитивной эмоциональной окраской. Как правило, в начало, в сильную позицию текста, выносилась информация о количестве проделанной, а не предстоящей работы, а также о том, что ход ремонта находится под постоянным контролем местной администрации, что также влияет на создание и поддержание имиджа городских чиновников: *«На 50% выполнены ремонтные работы на Красном мосту», «Три из четырех лестниц готовы на Красном мосту», «Входные группы Красного моста оценили общественники», «Качество выполненных работ оценили городские власти».* Отдельные заголовки направлены на создание в сознании реципиента картины общих улучшений, наличия положительной динамики: *«Красный мост станет доступнее для мам с колясками и инвалидов», «Красный мост «пере-*

оделся». Резиновые ступени и яркие деревянные перила появились после ремонта». Указание на дополнительно проделанную работу вызывает у читателя иллюзию того, что обрушение моста – не ЧП, а толчок к дальнейшему развитию. При этом в статьях освещается только одно мнение на произошедшее: имеющиеся комментарии принадлежат мэру города, подрядчику или представителям Общественного совета Вологды. Интервью вологжан, которые недовольны качеством проделанной работы, отсутствуют, в то время как в указанный период все видимые недочеты активно обсуждались горожанами в социальных сетях. Информация о проблемах даётся в статьях только в том случае, если специалисты уже приступили к её исправлению или приступят в ближайшем будущем, что обязательно указывалось в материале: *«Общественники во время проверки сделали замечание по поводу высоты ступеней. После того, как мы сделали резиновую насыпь, их устроил такой вариант».*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что приёмы речевой манипуляции, использованные в анализируемых статьях, по большей части суггестивные – внушаемая информация подаётся в замаскированном виде, усваивается реципиентом непроизвольно. Вербальное воздействие прослеживается на нескольких уровнях: **грамматическом**, в частности, проявляется в использовании глаголов множественного числа, глаголов в пассивном залоге, безличных предложений; **лексическом** – важная роль здесь отводится эмоциональному компоненту слова и дискурса в целом. Корреспонденты также используют речевые приёмы умолчания информации: **частичное освещение событий**, которое достигается с помощью употребления двусмысленных предложений и определённой выборки предлагаемых читателю комментариев, умалчивания иной позиции, которая противопоставлена официальной. Все указанные языковые средства и приемы речевой манипуляции преследуют несколько целей: во-первых, сгладить негативный контекст ситуации, успокоить недовольство жителей, во-вторых, подкрепить имидж чиновников местной администрации как активных, оперативно реагирующих и деятельных служащих.

Литература
1. Ветюгова Л.А. Речевая манипуляция как форма воздействия. / Л.А. Ветюгова // Университетские чтения – 2016: материалы научно-методических чтений ПГЛУ / ПГЛУ. – Пятигорск, 2016. – с. 83-87.
2. Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Навасартян Лариса Гагиковна. – Саратов, 2017. – 172 с.
3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. / Г.Г. Почепцов. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 352 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В РЕКЛАМЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Д.С. Скнарев
sknar@list.ru
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Лекарственные средства – одна из самых распространенных рекламных тем, освещаемых в СМИ. В связи с этим особенно актуально ее изучение в различных современных исследованиях. Так, к ней обращались в своих работах Е.Н. Сердобинцева [7], М.Е. Новичихина [5], Е.Б. Курганова [2], Е.В. Лузик [4], С. Пашутин [6] и др.

Создавая рекламный образ лекарственного средства, следует учитывать тот факт, что данная рекламная тема урегулирована, с одной стороны, общими положениями о рекламной деятельности, с другой, специфическими требованиями фарм права. Федеральный закон «О рекламе», помимо общих требований, предъявляет к рекламе лекарственных средств повышенные стандарты, что обусловлено их социальной значимостью как объектов гражданского оборота.

В связи с этим для текстов рекламы лекарственных средств константой выступает предупреждающая надпись, содержащая информацию, которую потребитель должен принять к сведению. Например: *возможны противопоказания, имеются противопоказания, перед применением ознакомьтесь с инструкцией, проконсультируйтесь с врачом, перед применением проконсультируйтесь со специалистом* и пр.

Обычно реклама лекарственного средства обозначает проблему, связанную со здоровьем человека, перечисляет симптомы плохого самочувствия, указывает на осложнения, возникающие вследствие заболевания, и другие трудности. Например: *«Покусали комары? Фенистил. Спасение от зуда», «Проблемы с желудком? Маалокс надежно защитит ваш желудок», «Заложен нос? Тизин. Быстрая свобода для носа»* и др.

Как видно из примеров, после обозначения проблемы называется то самое средство, которое способно от нее избавить.

Цель данной статьи – проанализировать языковые средства создания образа товара в рекламе лекарственных средств.

Материалом для исследования послужили 500 текстов печатной рекламы.

Образность речи – одно из наиболее эффективных средств воздействия в текстах маркетинговых коммуникаций. По наблюдениям А.Б. Аникиной [1], основой речевой образности выступают имя существительное, имя прилагательное и глагол – разряды слов, служащие для создания конкретных образов, представлений о реальных вещах, явлениях и процессах. Так, существительные – большой класс слов, называющих предметы, вещи, явления действительности (*Спокойствие и работоспособность* (Тенотен), *Беспокойство. Бессонница. Стресс. Тревога. Раздражение. Нервы* (Афобазол) и др.). Имя прилагательное обозначает признаки вещей (препарат, как правило, *инновационный, уникальный, эффективный, натуральный, единственный, надежный, безопасный, современный*), а глагол называет процессы – в том числе конкретные движения и действия (например, *«Заживляет. Увлажняет. Подавляет воспаление»* (Корнерегель), *«Заживляет. Защищает. Заботится»* (Аргосульфан), *«Успокаивает, смягчает, защищает»* (Гистан) и др.).

После проведенного анализа языковых средств, создающих образ товара, было выяснено, что наиболее частотными среди них выступают термины. Они изобилуют в рекламе лекарственных средств, что позволяет относить рассматриваемые тексты маркетинговых коммуникаций к научному стилю и называть их **терминоиспользующими** [3], т.е. принадлежащими сфере функционирования терминов.

Например, «*Акулайф снижает риск простудных, вирусных и грибковых инфекций. В его состав входят натуральные компоненты: уникальные природные вещества сквален и скваламин, защищающие от инфекционных и грибковых заболеваний, не вызывая дисбактериоза, а также содержащиеся в материнском молоке алкоксиглицериды, повышающие иммунитет*».

Термины (*инфекция, сквален, скваламин, дисбактериоз, алкоксиглицериды, иммунитет* и др.), содержащиеся в представленном тексте маркетинговых коммуникаций, выполняют важные функции, среди которых на первый план выходит коммуникативно-прагматическая и воздействующая. С помощью данных языковых средств рекламный посыл становится более точным, заслуживающим доверия, а значит, правдоподобным и убедительным.

Значимым языковым средством создания рекламного образа является бренд-нейм. Каждое имя несет в себе определенную эмоциональную нагрузку и является первым шагом к созданию индивидуальности.

С. Пашутин отмечает, что успех нового медикамента во многом зависит от названия [7, с. 6]. По мнению ученого, коммерческое наименование для безрецептурных медикаментов должно хорошо запоминаться и легко произноситься. Например, *АкваМарис*.

Примечателен тот факт, что каждое лекарственное средство имеет несколько названий: химическое (например, *этил-1-метил-4-фенилизонипектотата гидрохлорид, 2-ацетилоксибензойная кислота*); международное непатентованное название (МНН) (например, *ацетилсалициловая кислота*); патентованное торговое или коммерческое наименование (например, *аспирин*).

Важным языковым средством создания рекламного образа лекарственного средства выступают различные тропы, среди которых наиболее актуальны метафоры. Например, *букет здоровья для десен* (Стоматофит), *сила растений* (Бронхипрет), *сила семи трав* (Ново-пассит), *сила фруктов* (Мультивита), *сила природы* (Mucoplant), *легендарная сила двойного действия* (АнвиМакс), *сила моря* против насморка (АкваМарис), *ударный тандем* (Антигриппин), *здоровая основа красоты* (Кальцемин), *золотой источник полезных жиров* (Тримегавитал), *формула спокойствия*

(Пустырник Форте Эвалар), *секрет железных нервов* (Магне В6 форте), *счастье зрелой жизни* (Овестин), *гроза гриппа и ОРВИ* (Ингавирин), *мотор для вашего желудка* (Мотилиум), *взрывная мощь против гриппа* (ТераФлю Экстра), *энергия сердца* (Кудесан), *естественный враг усталости* (Карнитон), *рецепт хронической бодрости* (Карнитон), *ароматный барьер на пути простуды* (эфирное масло Дыши), *вектор вашего здоровья* (Вектрум), *солнечный мир здоровья* (Сана-Сол) и др.

На наш взгляд, использование метафоры в рекламе лекарств обращено не на запоминание, а на формирование необходимого рекламного вербального образа, обладающего экспрессивно-эмоциональным значением, репрезентирующим эффективность препарата, его пользу для здоровья.

В анализируемых текстах маркетинговых коммуникаций также частотны эпитеты: *активный* день, *спокойная* ночь, *хорошее* настроение (Lady's formula), *безопасный и доступный* (Деринат), *уверенный* старт + *стойкий* контроль (Момат рино адванс), *мягкое* слабительное (Дюфалак), *надежный*, проверенный временем (Супрастин), *надежная* защита для *здоровой* жизни (Аква Марис), *надежный, результативный, проверенный* (Цефурокс), *высокое* качество – *проверенная* сила (Энафрил), *максимально безопасное* средство от тревоги и стресса (Афобазол), *надежный* защитник желудка по *доступной* цене (Оцид), *знакомый* препарат, *доступная* инструкция, *бриллиантовая* защита (Кальций Д3 Никомед) и др.

Эпитеты усиливают выразительность рекламного образа, подчеркивают его индивидуальность, выделяют наиболее существенные признаки лекарственного средства. Они основаны на рациональной мотивации, в которой, как видно из примеров, сочетаются мотив здоровья и мотив надежности и гарантии. Это усиливает впечатление потребителя, убеждает его в полезности и значимости товара.

Весьма продуктивны в создании рекламного образа лекарственного средства фразеологизмы. Например, *во всеоружии* (АнвиМакс), *держи* простуду *под контролем* (Риномакс), победа над отитом *в один ход* (Кандибиотик), *работа мозга* (Ноотроп); что делать, чтобы в работе печени *не произошел сбой*? Всего два простых шага помогут ей *работать в полную силу* (Гепатрин); с

Гинкго Билоба Эвалар *голова* всегда *ясная*, *память – отличная*; *от всего сердца* для ваших глаз (Окувайт), *спим сном младенца* (Сонник), аллергия *исчезает на глазах* (Супрастин), *зарядите* сердце *энергией* (Кудесан); а ваше давление *под контролем*? (АД Норма), *легкая на подъем* (Турбослим Альфа), *не дай* боли *волю* (Стрепсилс Интенсив); с комплексом хондроитина и глюкозамина «Хонда» вы всегда *на ходу* (Эвалар), витамины Мульти-табс *заряжают* людей *энергией*, помогают укрепить иммунитет и *брать от жизни максимум*; худеем *с умом* (Фитомуцил Слим Смарт), Троксевазин *поставит* вас *на ноги*, *в здравом уме и твердой памяти* (Ноотроп), жизнь *без задних мыслей* (Ультрапрокт), ваше сердце *работает как швейцарские часы* (Cardiodrive) и др.

Фразеологизмы обладают яркими эмоционально-экспрессивными возможностями, выступают в качестве значимого языкового средства, репрезентирующего рекламный образ лекарственного средства.

Часто фразеологизмы становятся основным языковым средством, создающим вербальный рекламный образ товара. Например: «Иногда случаются стрессовые ситуации: *сердце не внемлет голосу рассудка*, сосуды, сужаясь и расширяясь, «играют» с давлением, и затяжной стресс приводит к *полному упадку сил*. Принимайте Пустырник Форте Эвалар. Он помогает *контролировать эмоции*. На все происходящее Вы будете реагировать спокойно, *не теряя головы* и *здоровья*. *Стань хозяином своих эмоций*» (Пустырник Форте Эвалар).

Ряд фразеологизмов – *«сердце не внемлет голосу рассудку», «полный упадок сил»* – последовательно развивают образ товара. Сначала нам рассказывают о стрессовой ситуации, в которой может оказаться каждый. Выделенные языковые единицы дают образное представление о проблеме. В сознании потребителя возникают неприятные ощущения, но всегда есть выход. Называется средство «Пустырник Форте», которое поможет *«контролировать эмоции», «не теряя головы и здоровья»*. Эхо-фраза *«Стань хозяином своих эмоций»* завершает повествование, призывая к определенному действию, которое должен совершить потребитель.

Таким образом, реклама лекарственных средств весьма специфична. Данные тексты маркетинговых коммуникаций наполнены медицинской терминологией, что оправдано анализируемой рекламной темой. Среди языковых средств создания рекламного образа лекарственного препарата актуальны тропы (среди которых наиболее распространены метафоры и эпитеты) и фразеологизмы.

Литература

1. Аникина А.Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении. Вопросы стилистики текста. М.: Изд-во «ВК», 2005. 216 с.

2. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Воронеж, 2004. 122 с.

3. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения. М.: Либроком, 2009. 256 с.

4. Лузик Е.В. Медико-социальные особенности и последствия рекламной деятельности на фармацевтическом рынке России: автореф. дис. … к.соц.н. Волгоград, 2006. 28 с.

5. Новичихина М.Е. Слово-фармоним как элемент периферийной зоны коммерческой номинации // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2016. С. 152–155.

6. Пашутин С. Фарма-нейминг: особенности разработки названий рецептурных и безрецептурных препаратов // Маркетолог. 2006. №7. С.6–13.

7. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. – 160 с.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОЙ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Т.П. Скорикова, Е.А. Орлов, Н.Н. Романова
tpskorikova@mail.ru, orlov_2006@yahoo.com, romanova-mgtu@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
(Москва)

Расширение профессионального использования русского языка (РЯ) в сфере науки, техники, технологий и позиционирование его как важнейшего элемента общей и профессиональной культуры специалиста [10] актуализирует социолингвистические

исследования научной речи в целом и ее устной публичной разновидности, в частности. Факторы, способствующие повышению значимости профессионального использования РЯ в сфере международных научных и деловых контактов, обусловлены характером геополитических и социокультурных процессов современности, динамикой коммуникативных потребностей общества в различных областях социального взаимодействия.

1. Изменение социально-исторической и технико-экономической обстановки в мире привело к тому, что РЯ, став «языком маркетинга», начал активно применяться в сфере бизнеса; в международных деловых контактах он все чаще выступает одним из факторов, обеспечивающих успешные переговоры представителей иностранных фирм с их российскими партнерами.

2. Возрастание информационной ценности РЯ заставляет специалистов во всем мире прибегать к нему для достижения конкретных профессиональных целей, например, для знакомства с передовыми технологиями в области космоса и авиации, в отдельных областях техники, медицины, искусства и др.

3. Международный статус РЯ в плане развития единого экономического и научного пространства подкрепляется также тем обстоятельством, что с конца 70-х годов он включен в число языков, обслуживающих деятельность почти трети международных неправительственных организаций. На русском, как одном из рабочих языков ООН, издаются практически все официальные документы ООН, ЮНЕСКО и др. [2].

В силу обозначенных выше причин изучение характера и способов научного и профессионально-делового общения становится в последнее время одним из основных направлений науковедческих, социально-психологических и социолингвистических исследований. Закономерно, что вопросы профессионализации обучения РЯ получили определенное отражение в базовых учебниках и пособиях по культуре речи [3, 9]. В то же время, по сравнению с другими функциональными разновидностями литературного языка, устная форма научно-профессиональной речи изучена еще явно недостаточно, а имеющиеся лингвометодические описания [1] этой формы профессионального общения еще не вошли в широкую практику обучения [6].

Профессионально-научное общение – это специфический коммуникативный вид современной профессиональной деятельности, направленный на решение научных и производственных задач. Общение в рамках данной коммуникативной сферы ведется на устной научной речи, специфика которой обусловлена следующими экстралингвистическими факторами: 1) устной формой, 2) научно-профессиональным содержанием, 3) характером адресата, 4) особенностями коммуникативной ситуации речи. Лингвистические черты русской устной научной речи, ее жанры и текстообразующие свойства описаны в фундаментальных работах профессора О. А. Лаптевой [5] и ее последователей, в число которых входят и авторы данной статьи [1; 4; 6; 11; 12 и др.].

Цель настоящей статьи – представить результаты комплексного исследования социолингвистических параметров русской устной научной речи, обусловленных влиянием на ее структуру и состав внешних факторов, таких как характер ситуации общения, особенности адресата и адресанта речи и др.

Отметим, что изучение устной речи, относящейся к разным коммуникативным сферам, имеющей различную тематику и назначение, требует обращения к экстралингвистическим условиям функционирования данного феномена и определения характера и степени его зависимости от этих условий. Теоретические вопросы обусловленности устной речи вообще и собственно устной научной речи экстралингвистическими факторами рассмотрены в книге «Современная русская устная научная речь. Общие особенности» [5]. Основными факторами, определяющими особенности речи данной сферы коммуникации, признаются: устность, содержательно-тематическая принадлежность, публичная направленность, официальность, спонтанность.

В основу материалов исследования положены расшифровки аудиозаписей русской устной научной речи, обработанные методом слухового (аудиторского) анализа и представленные в работе [14]. Данная книга является собранием текстов русской устной научной речи в фонетической транскрипции, отражающей членение речевого потока с помощью интонационных средств (пауз, мелодики, фразовой акцентуации слов) [13]. Отбор текстов в указанной книге и последующих исследованиях современного профессионально-научного дискурса [7] базировался на гипотезе о

литературном характере анализируемого типа речи, что диктовало необходимость внимательного отношения к поиску информантов и к составлению справочного аппарата, в который включаются сведения о месте и общей ситуации протекания речи, об участниках общения (пол, приблизительный возраст, наличие ученой степени, профессиональная принадлежность для адресанта речи, численность и профессиональная принадлежность для адресата речи и др.).

Анализ исследуемого корпуса текстов демонстрирует четкую зависимость лингвистических характеристик речи от влияния ситуативных факторов.

К основным экстралингвистическим признакам устной научной речи, обусловленным особенностями коммуникативной ситуации ее протекания и определяющим социолингвистическое своеобразие анализируемого типа речи, относятся: непосредственность, непринужденность, диалогичность / монологичность.

Непосредственность обусловлена тем, что при общении в аудитории происходит прямой контакт участников. В этом смысле устная научная речь сходна с разговорной речью и в то же время отлична от форм общения с массовым адресатом в радиопередаче и телевизионной речи.

Непринужденность вытекает из установки на естественность общения у выступающего перед коллективным слушателем. Эта установка сознательна (в разговорной речи она неосознанна), связана с необходимостью преодоления психологических затруднений в общении (например, официальная обстановка на конференции или симпозиуме, плохое или недостаточное знание аудитории).

Диалогичность / монологичность устной научной речи связана с тем, что она может осуществляться и в монологической (жанры лекции, доклада, сообщения, выступления), и в диалогической форме (жанры экзамена, консультации, беседы, дискуссии). Функции общения и воздействия на собеседника в большей мере воплощаются в речи, имеющей диалогическую форму.

Следуя концепции О. А. Лаптевой, мы рассматриваем устную публичную речь (и в ее составе устную научную речь) как особую сферу коммуникации в рамках устно-разговорной разновидности современного литературного языка. Наиболее важным

фактором научной речи, определяющим ее лингвистическое своеобразие, выступает *форма речи.* Этот фактор обусловливает необходимость использования в этом типе речи устно-речевых разговорных средств, которые не являются в нем случайными иностилевыми элементами, а участвуют наравне с общелитературными и книжно-письменными средствами в формировании особой речевой системности устной научной речи.

Особая значимость *фактора ситуации* в сфере устной научной речи обнаруживается при отборе языковых средств. Данный фактор определяет употребление в устном научном тексте средств той или иной стилистической принадлежности (книжно-письменной, общелитературной, устно-разговорной) в конкретных условиях общения. Например, соотношение книжно-письменных и экспрессивно-разговорных элементов будет различным в ситуациях доклада, прочитанного в кругу специалистов, в ситуации учебной лекции, предназначенной для студентов, и в остром полемическом выступлении, адресованном широкой аудитории в ситуации устной научной дискуссии. Вслед за О. А. Лаптевой мы относим признак официальности/неофициальности общения к общеситуативному фактору осуществления речи, обнаруживающему зависимость от других параметров (например, от характера обстановки общения и от отношений между коммуникантами). Устная научная речь обычно осуществляется в официальной обстановке (в общественном месте), и таким образом, этот фактор относится к числу ее постоянных признаков.

Итак, устная форма сближает звучащую научную речь с разговорной речью, а содержательный фактор (фактор темы) – с соответствующими книжными письменными научными текстами. Обращенность к определенной аудитории и значимость тематики роднит устный научный дискурс с устной публичной речью. Устная и письменная формы речи воздействуют на отбор, модификацию и организацию языковых средств, а также на строение и композицию текста.

Сравнение двух вариантов текста (письменного и устного) показывает, что письменный вариант научного текста отличается логичностью, сжатостью и четкостью подачи информации, отсутствием избыточных повторений и разъяснений, безличной

формой изложения, а также нехарактерностью прямых обращений к адресату. В отличие от него, устный вариант текста содержит большое количество устно-разговорных элементов: прямые обращения к слушателям, диалогизацию речи в форме вопросно-ответных фраз при формулировке проблемы, местоименно-глагольные формы, указывающие на говорящего (лектора), сегменты текста, содержащие дублирующую информацию (повторы, уточнения и разъяснения).

В заключение отметим, что выявление лингвистической специфики жанров устного научного общения в сопоставлении с письменными жанрами научного стиля речи вносит вклад в развитие теории речевых жанров, современные социолингвистические описания устной речи, составление речевого портрета русской языковой личности в научно-профессиональной сфере общения. В лингвообразовательной практике высшей школы эти данные служат методологической базой для построения спецкурсов по речевым основам научной деятельности [8], культуре устной и письменной научной коммуникации [15].

Литература

1. Барнет, В. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Под общей ред. О. А. Лаптевой. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – С.80–132.

2. Бердичевский, А. Л. Является ли русский язык международным? // Мир русского слова. 2000. №1. – С. 29–37.

3. Граудина, Л. К., Ширяев, Е. Н. Культура русской речи. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 560 с.

4. Краевская, Н. М. Конференция и научный семинар (доклад, сообщение, выступление) // Обучение устной научной речи: теория и практика. М.: Билингва, 2000. – С. 28–40.

5. Лаптева, О. А. Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – С. 12–79.

6. Лаптева, О. А., Скорикова, Т. П., Краевская, Н. М., Акишина, Т. Е., Гейченко, Е. И. Обучение устной научной речи: теория и практика: Уч.-метод. пособие. М.: Билингва, 2000. – 80 с.

7. Романова, Н. Н. Динамические процессы в современной русскоязычной коммуникации и инженерном дискурсе // Осенние коммуникативные чтения – 2018. Т. 2. Сборник статей Международной

научно-практической конференции / кол. авторов; сост. О. Ю. Иванова. М.: РУСАЙНС, 2020. – С. 243–252.

8. Романова, Н. Н., Скорикова, Т. П. Обучение аспирантов технического университета речевым основам научной деятельности // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе: матер. 3-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2019. – С.113–118.

9. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов вузов / Под ред. В. И. Максимова. М.: Гардарики, 2000. – 411 с.

10. Русский язык и культура профессионального общения нефилологов: методологические и теоретико-практические основы коммуникативно-речевой подготовки специалистов в техническом вузе: Монография / под общ. ред. Н. Н. Романовой. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. – 312 с.

11. Скорикова, Т. П., Орлов, Е. А. Жанровые особенности устной научной коммуникации: концепция лингвистического описания // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 5 (61). – С. 117–128.

12. Скорикова, Т. П. Жанрообразующие факторы устного научного монолога // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2015. № 3. – С. 51–58.

13. Скорикова, Т. П. Обработка звучащего материала. Приемы передачи интонационного членения текста на письме. Характеристика некоторых суперсегментных особенностей устного научного текста // Современная русская устная научная речь. В 4-х т. Под общей ред. О. А. Лаптевой. Том 4. Тексты. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С.23–64.

14. Современная русская устная научная речь. В 4-х т. Под общей ред. О. А. Лаптевой. Том 4. Тексты. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 375 с.

15. Nina N. Romanova, Tatiana P. Skorikova. Linguistic and Methodological Fundamentals of Developing the Scientific Speech Course for Postgraduate Students of a Technical University // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8, Issue 11, November 2018. – Pp. 1006–1017.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В.В. Смеюха
smeyha@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»
(Ростов-на-Дону)

Популяризация сети Интернет привела к расширению сферы медиа: СМИ стали развивать интернет-версии, появились сетевые издания, функционирующие только в сети Интернет, кроме того, демократизация сетевой среды активизировала медиаповедение аудитории, вследствие чего читатель превратился в полноправного автора и издателя собственного контента. Рост численности интернет-СМИ и интернет-медиа сопровождается как плюсами, так и минусами: к плюсам отнесем демократичность, информационный плюрализм, демассификацию аудитории, к минусам – публикацию ложной, непроверенной информации, манипулирование аудиторией посредствам медиаконтента, снижение грамотности как журналистов официальных СМИ, так и широкой медиааудитории.

Исследователи выделяют группу ошибок, характерных для авторов СМИ и интернет-медиа: орфографические, пунктуационные, морфолого-стилистические, грамматико-синтаксические. Ученые анализируют причины снижения грамотности. Так, например, С. Роман выявляет традиционные причины, связанные с системой обучения, свойственные как для периода развития традиционных СМИ (газет, журналов), так и для современного этапа: неэффективная программа образования, перегруженность программы обучения дисциплинами, недостаточная степень внимания к процессу изучения языка как со стороны учащегося, так и со стороны педагога, низкая мотивация к обучению и др. [7]. На современном этапе, по мнению автора, обозначились новые факторы, ведущие к снижению грамотности: сознательное использование орфографических ошибок, использование неверных образцов правописания, демонстрируемых в медиасреде, неосознание последствий нарушения норм языка, трансформация орфографических ном и др. Таким образом, можно заключить, что проблема снижения грамотности в медиапространстве связывает-

ся с изменением системы образования (см., например, С.Л. Орлова [4]).

Следующий фактор, оказывающий влияние на грамотность аудитории, − развитие сети Интернет. Увеличение доли свободного времени, расширение количества источников информации, превращение медиаресурсов в средство развлечения привели к тому, что широкая аудитория большую часть времени тратит в сети Интернет (читает, общается, публикует информацию). Для общения в социальных медиа (социальных сетях, на форумах), комментирования публикаций на сайтах интернет-СМИ стала характерна «письменная разговорная речь, неотредактированная, с более свободной системой и меньшей степенью регламентации, спонтанная» (см.: В.В. Цицкун [8]); в данной речи стали использоваться сниженная лексика, просторечные выражения, игнорируются знаки препинания и т.д. Вследствие чего ошибки, характерные для интернет-общения, стали появляться не только в СМИ, но и в официальных документах, официально-деловой переписке.

Теперь обратимся непосредственно к языку СМИ и рассмотрим факторы, оказывающие влияние на грамотность, а также положение русского языка. Ученые фиксируют использование в массмедиа значительного количества иностранных слов, которые попадают в отечественное медиапространство в результате описания зарубежных стран, импортной продукции, перевода публикаций зарубежных СМИ на русский язык. Так, например, согласно данным ВЦИОМ, опубликованным в 2019 г., две трети россиян, участвовавших в опросе, заявили о необходимости борьбы за чистоту русского языка: снижении использования интернет-сленга и иностранных слов (Великий и могучий: россияне о чистоте русского языка // ВЦИОМ. Данные опросов. 6 марта 2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9586).

Количество орфографических, синтаксических и стилистических ошибок в текстах СМИ, телевизионных и радиопрограммах можно объяснить отсутствием в штате ряда редакций корректоров. Чаще всего должность корректора не предусматривается в целях экономии бюджета. Как правило, обозначенная ситуация характерна для небольших изданий, региональных СМИ. С введением компьютерных технологий, использованием технических

программ проверки орфографии стали прогнозировать исчезновение профессии корректора. Однако на фоне снижения общей грамотности населения данный прогноз не выглядит реалистично. Обратимся к материалу, опубликованному на сайте Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, его автор пишет следующее: «Правительственная “Российская газета” не советует молодым выбирать профессию копирайтера, стенографиста, корректора… Исходя из опубликованного в издании рейтинга, эти профессии в зоне риска и могут исчезнуть через двадцать лет. В списке Московской школы управления «Сколково» тридцать вымирающих профессий, которые исчезнут к 2020 году. Это турагенты, лекторы, швеи, машинисты, почтальоны, вахтеры, прорабы и журналисты. В Сети немало «списков исчезающих профессий». Известный портал rabota.ru скептически относится к подобным прогнозам» (Корректор в СМИ: не лучшие времена // Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. 26.08.13. URL: https://spbsj.ru/articles/korriektor-v-smi-nie-luchs). Как видим, прогнозы относительно исчезновения профессии корректора не оправдались, и сотрудники медиасферы попрежнему придерживаются мнения, что «хороший корректор стоит половины редакции». Неграмотность сотрудников СМИ на практике может вызывать снижение степени доверия аудитории к изданию, ухудшение имиджа.

Работа журналистов в режиме онлайн ведет к тому, что у авторов нет времени на тщательную поверку текстов, размещаемых в электронных изданиях (см., например, Н.В. Подворко, В.Н. Исаева [5]). Вследствие чего издания транслируют материалы со значительным количеством ошибок, к которым аудитория проявляет различное отношение. Часть читателей (зрителей, слушателей) может не замечать ошибок, другая аудиторная группа на них активно реагирует (например, может писать в комментариях к публикации о наличии ошибок, критиковать автора и т.д.). Развитие социальных медиа, авторских медиаресурсов (например, «Яндекс. Дзен») ведет к увеличению численности авторов, не имеющих специального медиаобразования, не уделяющих достаточного внимания языковым нормам.

Несмотря на то, что сегодня представлены ресурсы в сети Интернет для проверки языковой грамотности: «Грамота.ру»,

«Культура письменной речи» и др., интернет-словари, медиааудитория продолжат демонстрировать невысокий уровень языкового образования. Н.В. Подворко и В.Н. Исаева считают, что необходимо усилить внимание к преподаванию филологических дисциплин в вузах, особенно на тех факультетах, где осуществляется подготовка будущих сотрудников медиасферы (журналистов, пресс-секретарей, специалистов по связям с общественностью) [6].

Если анализировать изменение образовательного процесса, то стоит отметить, что на гуманитарных факультетах снизилось внимание к филологическим курсам, произошло сокращение дисциплин, связанных с русским языком, риторикой, литературой (см.: О.Е. Коханая [3]). На негуманитарных факультетах довольно часто наблюдается формальное отношение к преподаванию русского языка, например, устные зачеты и экзамены заменяются компьютерным тестированием, при проведении практических занятий не учитывается профессиональная специфика обучения. Следовательно, необходимо усилить внимание к изучению русского языка в вузе (см.: Г.Ю. Богданович [1, 2]).

Таким образом, можно заключить, что для современного медиапространства характерно снижение общего уровня грамотности, что определяется проблемами обучения в школе и вузе, изменением процесса подготовки и распространения медиаконтента, участием в медиапроизводстве широкой аудитории.

Литература

1. Богданович Г.Ю. Русский язык в современном измерении // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 27. − С. 25−30.

2. Богданович Г.Ю., Рудницкая Л.И. Дисциплина «Русский язык и культура речи» в крымских вузах нефилологическоо профиля // Международное сотрудничество в образовании: сб. матер. пятой Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. − С. 61−69.

3. Коханая О.Е. О модели подготовки специалистов по рекламе и связям с общественностью в современных условиях // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д.: РГУПС, 2014. − С. 18−25.

4. Орлова С.Л. Типичные ошибки в интернет-СМИ и типичные ошибки в диктантах как две стороны одной проблемы // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. − № 9. − С. 102−105.

5. Подворко Н.В., Исаева В.Н. Освещение в массовых СМИ темы «Проблемы русского языка» // Ценностные ориентиры современной журналистики: сб. науч. ст. Пенза: Пединститут им. В.Г. Белинского, 2019. − С. 155−159.

6. Подворко Н.В., Исаева В.Н. Роль сайтов русского языка в образовательном процессе // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Ростов н/Д.: РГУПС, 2019. − С. 264−270.

7. Роман С. Влияние информационных технологий на орфографические ошибки (на примере польского языка) // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2015. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-orfograficheskie-oshibki-na-primere-polskogo-yazyka

8. Цицкун В.В. Опосредованное влияние Интернета на грамотность современной молодежи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. − URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannoe-vliyanie-interneta-na-gramotnost-sovremennoy-molodezhi

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

И. А. Соболева
kafruslang@ltsu.org
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
(Луганск)

В современном языкознании понятие «родной язык» имеет большое количество интерпретаций и трактовок. Социолингвистическая позиция в отношении содержания дефиниции «родной язык» зависит от многих факторов: исторической перспективы, этнической и национальной принадлежности, связи с той или иной научной школой, а в последнее время даже с политическими убеждениями. Согласно наиболее распространённой концепции В. И. Беликова и Л. П. Крысина, родной язык – это язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде, то есть

так называемый «*первый язык*». Однако ребёнок может усвоить в раннем детстве в той или иной мере и несколько языков. Язык, усваиваемый в ходе специального обучения или в языковой среде старшего возраста, называется «*вторым языком*» (в наше время их также может быть несколько) [1, с. 75-89]. Таким образом, очевидны различия и нестыковки в трактовке родного языка как «*первого языка*», усвоенного человеком естественным образом в раннем детстве.

Какие же современные научные критерии более точно определяют суть понятия «родной язык» в современной социолингвистике?

Для любого человека совершенно очевидно, что родной язык – это тот язык, который мы слышим с раннего детства. У каждого народа он свой. Именно через национальный язык определяется колорит, ментальность, характер данного народа.

Некоторые исследователи отождествляют «родной язык» с «языком матери». Такой подход, несомненно, имеет глубинную мотивацию, так как роль матери в рождении и становлении человека трудно с кем-либо сопоставить и переоценить. А. М. Шахнарович считал, что как фактор идентификации личности «родной (материнский) язык» в виде определенных ритмов и речевых интонаций проявляется ещё до рождения, хоть и у ребенка, как показывает практика научных исследований, нет генетической предопределенности к конкретному языку. Начальный этап усвоения родного языка осуществляется в результате влияния родителей, методом «глаза в глаза» и не имеет аналогов в филогенезе» [6, с. 121]. Находясь ещё в утробе матери, ребенок уже слышит ее язык и воспринимает его: влияние материнской речи, колыбельных напевов – это всё напрямую отражается на развитии ребенка.

Родной язык растворен в мировоззрении ребенка. Вот почему А. А. Потебня был сторонником обучения детей на том языке, к которому ребенок привык в семье: «Знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздваивает этот круг и наперед затрудняет достижение цельности миросозерцания, мешает научной абстракции. Если язык школы отличен от языка семейства, то следует ожидать, что школа и домашняя

жизнь не будут приведены в гармоничные отношения, а будут сталкиваться и бороться друг с другом» [4, с. 163]. В современной Украине игнорируется этот важнейший научно-дидактический принцип. Украинские чиновники, политики, педагоги не учитывают значение фактора обучения ребенка на языке его семьи, языке его родителей. Политическая конъюнктура определяла раньше и диктует сейчас нарушение базовых принципов обучения и дисбаланс в системе образования Украины.

В современных двуязычных языковых сообществах многие речевые индивиды владеют более чем одним языком, в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва. Наиболее точно описал эту ситуацию Л. П. Крысин: «В отечественной социолингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется родным языком. Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом значении. Например: *Наши дети не понимают ни слова на родном языке. Горожане забывают родной язык* и т. п. В этих случаях под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В таком значении, видимо, лучше использовать термин *этнический язык*» [1, с. 37]. Считается, что этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский, но если он родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский язык.

Безусловно, не имеет значения, на каком континенте и в какой стране родился человек, но каждый индивид при этом слышит в семье родной язык, мыслит на нем и начинает на нем говорить. Не исключено, что в дальнейшем он усвоит ещё один язык или несколько новых языков. Но первый усвоенный язык, чаще всего, будет называться родным.

Г. Х. Ибрагимов и К. Я. Зачесов в работе «О понятии «родной язык» под термином «родной язык» понимают язык, на котором человеку легче, быстрее и проще мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения. За подобным функциональным языком эти авторы предлагают закрепить термин «функционально первый язык» [2, с. 153]. Таким образом, исходя из теории

Г. Х. Ибрагимова и К. Я. Зачесова, родным языком можно назвать тот язык, которым человек владеет с максимальной глубиной и полнотой, это язык, на котором индивид может выражать свои мысли без затруднений.

Если все эти подходы не фокусируются в одном языке, являющимся одновременно материнским языком, языком родного этноса и функционально первым языком, то понимание термина «родной язык» приобретает особое социально-политическое и научное значение, во-первых, в связи с защитой этнического суверенитета и сохранением духовного наследия народа, во-вторых, в связи с лингводидактическими проблемами обучения в целом и обучения языкам в частности.

Довольно редко наблюдаются случаи, кода языки в двуязычном сообществе бывают равноправны. Наглядным примером этому может являться социолингвистическая ситуация современной Украины. В неформальной обстановке, в общественной жизни, в профессиональной деятельности, в общении с друзьями и членами семьи человек может использовать разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает, и в таком случае говорят об основном или доминирующем функциональном языке социума. Тогда остальные языки, известные членам этого социума, приобретают статус дополнительных языков – к ним коммуникант обычно прибегает реже, чем к основному, или в социально менее значимых ситуациях. Часто основной язык – это тот язык, на котором осуществляется межэтническая коммуникация между индивидами. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, «языки подразделяются на *усвоенные в живом общении* (родным языком человек овладевает именно так) и *выученные*, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно [1, с. 37].

В англоязычной социолингвистике подобная терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *first language,* а любой усвоенный после него – *second language;* коммуникативно наиболее важный язык – *primary language,* а более ограниченный в использовании – *secondary*

language. В англоязычной науке *second language acquisition* (в живом общении) противопоставляется *language learning* (через специальное изучение). *Second language acquisition* (усвоение второго языка) – отдельная языковедческая дисциплина на стыке психо- и социолингвистики [1, с. 38-41].

Таким образом, мы видим, что вопрос о том, какой язык и почему считать «родным языком», ученые рассматривают с разных точек зрения, и единого мнения о содержании понятия «родной язык» в современном языкознании на данный момент не существует.

Мы считаем, что есть все основания определить родной язык как язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого сохраняются и во взрослом возрасте, Из этого следует, что родных языков может быть более одного. Всякий язык, которым индивид овладел после родного, следует считать вторым языком. Конечно, при таком определении вторых языков тоже может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

Для очень многих людей оказывается крайне важно на законодательном уровне определить свой родной язык и защитить тем самым свои права на получение образования, культурные запросы, бытовой комфорт и т. д. Реалии современной языковой и политической ситуаций требуют уточнения содержания понятия «родной язык» и закрепления его на законодательном уровне.

Литература

1. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социолингвистика. Учебник для вузов / В. И Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2010. – 315 с.

2. Ибрагимов, Г. Х., Зачесов, К. Я. О понятии «родной язык»/ Г. Х. Ибрагимов, К. Я. Зачесов // РЯНШ. – 2014. – № 8. – С. 23 – 31.

3. Карасик, В. И. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2013. – С. 75 – 80.

4. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: СИэНТО, 2015. – 192 с.

5. Шахнарович, А. М. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 2013. – 239 с.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ

Т.А. Чеботникова
chebotnikoff2@ yandex.ru
Частное учреждение дополнительного образования «Просвещение»
(Оренбург)

Демократизация, дестандартизация и ослабление нормативности – революционно-эволюционные процессы, захватившие российское языковое пространство еще в 90-е годы XX века и продолжающиеся по настоящее время. Названные явления, будучи весьма существенными по своей масштабности, скорости и глубине проникновения, реализутся по-разному, в частности, как изменения в словарном запасе носителей языка, в его жаргонизации, наполненности иностранными словами, имеющими или не имеющими русских аналогов (стартап, мэйнстрим, тренд, хайп, брэнд, фэйспалм, фрик, хай-тек и пр.), в способах образования форм слов, особенностях построения и наполнения синтаксических конструкций и пр. [6]. Е.А. Земская, суммируя различные тенденции и процессы, считает основным их проявлением размывание границ между официальным публичным и неофициальным личным общением [2, с. 9–14].

Обращение к особенностям построения речевого общения и использования языковых единиц является одной из ведущих черт современных исследований, и идея «изучения языка в процессе языка», принадлежащая Л.В. Щербе, не только не устаревает, но и приобретает все большую актуальность и значимость [3, с. 48].

Предметом нашего описания стал активный процесс, при котором «одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов» [1, с 17]. Речь идет о семантических сдвигах, не получивших отражения в словарях и справочниках [7].

В рамках данной статьи наше внимание сосредоточено на «волшебном» слове «спасибо».

Обобщая данные словарей разных лет издания (Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова (1935-1940), Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова 1998, Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева. 2003, Большой энциклопедический словарь А.М. Прохорова 2004, Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой 2005, Словарь многих выраже-

ний 2014) и используя фактический материал из Национального корпуса русского языка [4], мы установили, что слово «спасибо» имеет следующие значения:

1. Выражение благодарности кому-чему, за: *Спасибо вам. Спасибо за одолжение. Спасибо на добром слове* (разг.); Спасибо и на том, спасибо и за то: *Отдыхает — стало быть, жив. И на том спасибо.* (о благодарности за что-нибудь очень малое, незначительное).

2. Существительное в значении «благодарность», «слова благодарности»: *Примите моё сердечное, искреннее спасибо. И спасиба не сказал. Из спасибо шубы не сошьёшь. Вы ему спасибо скажите! — За что же спасибо? Вот дадут наши шахты больше угля, и за это бойцы спасибо скажут. И надо ещё сказать спасибо, что всё это обошлось. Сердечное Вам спасибо за письмо. Спасибо за хлеб, за соль! Мы ей новые факты, а она нам вместо спасибо — не мешать!*

3. Наречие в значении «даром», «без всякой выгоды», «бесплатно», только за слова благодарности: *За спасибо водку не дают. Сделать за спасибо* (фразеологическое сочетание).

4. В значении вежливого согласия на что-л.: *Не хотите ли прилечь? — Спасибо. Почитаете? — Спасибо, буду изучать.*

5. Формула вежливого заключения доклада; формула речевого этикета: *Спасибо за внимание.*

6. В значении вводного слова, выражающего удовлетворение по поводу чего-л.; в значении «к счастью», «хорошо»: *За мной, спасибо, дочка смотрит. Спасибо, что вообще печатают, есть люди гораздо более одарённые. Я, спасибо, поняла, что нужно делать. А где видел – ума не приложу. Спасибо, вы напомнили. Скажи спасибо, было кому хлопотать.*

По нашим наблюдениям, в корпоративной культуре и повседневной речевой практике слово «спасибо» используется весьма нестандартно, в совершенно новых значениях, таких как: «достаточно», «хватит», «до свидания» или как способ прекращения нежелательного или бесперспективного общения, не выходя за рамки культурно-речевой традиции. Ср.:

1) На прослушивании в «Щепке» мне не давали двух фраз сказать. Я только начинала – мне «Спасибо!», я – два слова, мне опять: «Спасибо!». Я радуюсь, думаю: «Ну надо же! Как быстро

они меня раскусили!» Когда объявляли результат, всей нашей десятке сказали: «Всем спасибо!» Я опять радуюсь: меня так воспитывали, что «спасибо» — это вежливое слово, и оно может быть только со знаком плюс! На меня как-то странно смотрят… Человек (студент старшего курса), который объявлял результаты прослушивания, пошел и сказал мне: «Девочка! «Спасибо» в «Щепке» значит «До свидания!» (Из интервью Б. Корчевникова с Нэлли Уваровой, героиней сериала «Не родись красивой»,18 июня 2019 года);

2) Замечательный по необъяснимости диалог произошел только что. Трудолюбивые адвентисты (или иеговисты, или сандей-аделаджевцы, в общем, не знаю кто) парами фланируют по нашим магистралям и отлавливают одиноких болтливых старушек-бездельниц. Один адвентист или не знаю кто поймал меня и только вздумал обратиться: «Здра…», – как я немедленно прервала его. Совершенно не понимаю, что я хотела сказать, но получилось вот что: «Спасибо! Я верующая!» [6]

С нашей точки зрения, данные тексты интересны не только специфичностью использования слова «спасибо», но и реакцией на его употребления самих носителей языка, остро ощутивших особенное, нестандартное, «нечто замечательное по необъяснимости», то есть не норму.

Думается, что мы имеем дело с разновидностью энантиосемии, которая не может (да и не должна!) быть закреплена в толковых словарях и справочниках, поскольку проявляется не регулярно, а лишь в определенных контектстных условиях [5]. По сути энантиосемичность в данном случае заключается в изменении функции слова «спасибо», в переходе его из группы слов, служащих для выражения положительных чувств и эмоций (благодарность, признательность), в группу волевых побуждений, сигнализирующих об отказе от дальнейшего общения.

Вместе с тем нельзя не признать, что, несмотря на использование слова «спасибо» не в словарном его значении, оно не выходит за рамки традиционного речевого этикета, предназначением которого является прежде всего ограничение словесной зоны в общении, купирование встречной потенциально возможной агрессии, снижение градуса речевых реакций в спонтанных, не-

контролируемых и непредсказуемых коммуникативных ситуациях [8; 10].

Думается, что подобные семантические трансформации должны постоянно отслеживаться и внимательно изучаться специалистами-языковедами для того, чтобы оценивать их и вырабатывать практические рекомендации для культурно-речевых целей.

Литература

1.Виноградов. В.В. Русский язык/ Грамматическое учение о слове. — М. : Высшая школа, 1972. 616 с.

2. Земская. Е.А. Введение // Е.А. Земская (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

3. Колесов, В. В. Л.В. Щерба: кн. для учащихся / В. В. Колесов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

4. Национальный корпус русского языка http://www.ruscorpora.ru/

5. Романчук Ю. В. Что такое энантиосемия? // Молодой ученый. — 2016. — №1. — С. 904-907. — URL https://moluch.ru/archive/105/24550/ (дата обращения: 15.03.2020)

6. Спасибо – да или спасибо – нет. https://fizdipyushka.livejournal.com/84715.html

7. Чеботникова Т.А. Коммуникативная культура и речевое поведение личности // Ящик Пандоры: теория, практика, контрольно-измерительные материалы по культуре устной и письменной речи: сборник. Научн. Ред. д. филол.н. Т.А. Чеботникова; отв. Ред. к. пед.н. П.А. Якимов. –Оренбург: ГБУ РЦРО, 2014. – С. 35- 42.

8. Чеботникова Т.А. Культурно-речевая компетенция как фактор достижения вершин профессионализма Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ АРИАЛ», 2017 – С..321–324.

9.Чеботникова Т.А.Семантические приращения и трансформации как одна из тенденций развития современного русского языка//Русский язык в поликультурном мире: II межд. Симпозиум(8-12 июня 2018 г.): сб. научн. статей.В 2-х т. Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С..327-333.

10. Чеботникова Т.А. Объективные возможности русского языка и субъективные речевые предпочтения //Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.) / отв. ред.Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С 219-223

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

И. В. Бугаева
bugaevaiv@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет–МСХА имени К.А. Тимирязева»
(Москва)

Лингвокреативность ярче всего проявляется в публицистических и рекламных текстах, так как основными функциями данных типов текстов являются, помимо информативной, аттрактивная и воздействующая. Привлекать внимание целевой аудитории и воздействовать на чувства и эмоции искушенной публики в условиях высокой конкуренции становится с каждым годом всё сложнее. Этим объясняется креативный «взрыв» и появление разнообразных моделей и способов образования эргонимов и урбанонимов. Многие активные модели в современной номинации, например, такие, как использование языковой игры, дореволюционной орфографии, нарушение норм современной орфографии, различные словообразовательные модели, процесс онимизации и квазионимизации, гибридизация и другие, подробно описаны в работах современных исследователей [1, 3, 4, 5, 6].

Несколько лет назад Е. Н. Ремчукова справедливо писала о том, что «в сфере номинации преобладают названия, образованные по структурной схеме N_1», а «наиболее распространенным словообразовательным способом является суффиксация» [7, с. 134]. В настоящее время наблюдается новая тенденция: в качестве коммерческого названия использовать словосочетания и предложения.

В своих предыдущих работах мы писали о тенденции увеличения количества слов в урбанонимах, когда на смену привычным однокомпонентным или двухкомпонентным (ресторан «Прага», магазин «Тысяча мелочей»), пришли трехкомпонентных коммерческие наименования на кириллице, на латинице и графо-

гибриды («Humans Seafood Bar», «Shishas Sferum Bar», «Olive Yard Pizza», «Per se cafe», «Hops Craft Beer», «Twins Wine Space», «Casio Watch Factory»; «Хищnik Стейкs& Burgers», «New Dance Flight», «Craft Draft Local Bar») [1, с. 64].

Данное исследование посвящено описанию многокомпонентных коммерческих названий, а материалом послужила авторская коллекция московских урбанонимов.

Большинство коммерческих названий являются окказионализмами, обладающими ярко выраженной экспрессивностью. «Окказиональные новообразования привлекают своей нестандартностью, неожиданностью, оригинальностью. Они могут подчеркивать непринужденность “общения” автора речи с адресатом» [6, с. 123]. Совсем новый окказионализм, недавно появившийся в Москве, – «Заквартирия». Так называется новая рекламная кампания строительной фирмы ПИК. Необычные коммерческие названия ресторанов, кафе, баров, салонов красоты, магазинов привлекают внимание посетителей, как бы вступая с ними в разговор, приглашая, приветствуя, обещая, показывая пример. Например: кафе «Хелоу Пипл!»[13], лавка кулинара «Ем&ем», кафе «Лето близко» и др.

Первую группу составляют словосочетания двух видов: нормативных, то есть с пробелами между словами, входящих в словосочетание (“Простые радости”, “Хороший день”, “Руслан и Людмила”, “Тысяча мелочей”, “Донер Кебаб”), и окказионализма, состоящего из двух знаменательных слов, написанных без пробела. Нормативными словосочетания можно назвать условно, исходя только из факта, что между словами есть пробел. Но сами слова, составляющие словосочетания, могут быть русскими, иноязычными, составлять разные комбинации с использованием транслитерированных латинской графикой русских слов или транслитерированными кириллицей заимствованных слов. Например, фитнес-клуб “Wold Class”, “Pizza Hut”, бар “White Eagles Pub”, стадион “Yota Arena” парикмахерские “Main Point”, “Color Bar Colba”, “Petrovka Studio”, “Ivan Hostel”; кафе “One Teaspoon”, “Караван One”, “Grand Урюк”, ателье “Slava Concept”, магазины “Иль де Ботэ”, “Леруа Мерлен”.

[13] Орфография и пунктуация сохраняются без правки

Иногда границы между словами коммерческого окказионализма обозначает первая прописная буква второго слова (фестиваль “ЗдоровоеБудущее”, новогоднее шоу “РобоЁлка”, кафе “СюсиПуси“ кафе “Сушивёсла”, “ОбедБуфет”, “МастерОптик”, цветочные салоны “Восадули”, “ПростоЦветы”, , “ПолиШинель”, бар “МореPiva”, “Tornadoгриль”, магазин “ToBeBride”). Особенностью этого типа коммерческих названий является то, что дополнительно может использоваться приём графогибридизации, когда буква, несколько букв или одно из слов набраны латинской графикой.

В приведенных примерах лингвокреативных урбанонимов прописные буквы выполняют несколько функций. Во-первых, словоразделительную (кафе “КуулКлевер”, “КебабХаус”, “FoodArt”,); во-вторых, семантическую (кафе “АндерСон”, магазин “СиBEERяк”, “DiskАвери”); в-третьих, декоративную (магазин «NeViDiMcA», кафе «di PAOLO»); в-четвертых, словообразовательную при образовании сложносокращенных слов (аптека «ГорЗдрав», кафе «МосКальян», «ГлавПивТорг») [1, с. 67].

Чаще стали встречаться окказионализмы, образованные путем повтора слова. Например, кафе “LavkaLavka”, “Цыпа-цыпа”, “Зан-Зан”, продуктовый магазин “Тык-тык”.

Вторую значительную группу составляют законченные предложения разной структуры. Это абсолютно новое явление в нейминге. Такая же тенденция отмечается и при анализе заголовков публицистических текстов [2].

Чаще всего в функции коммерческого названия встречаются простые предложения, иногда осложненные: медицинские учреждения и аптеки “Доктор рядом”, “Будь здоров”, “Век живи”, “Лечим зубы”, кафе “Only You”, “Правда в тесте”, “Делюсь душой”, “Печем&Жарим”, “Лето близко”, “Дорогая, я перезвоню”, “Мама, я в лапшу”, “Мясо ели мужики”, “Рыбы нет”, медицинский салон “Отёковнет”, магазин “ToBeBride”, кальянная “I’m smoking”, ремонтная мастерская «iLikeService».

Стали появляться и сложные предложения, иногда с нарушением правил пунктуации. Например, рестораны «Страна которой нет»[14].

[14] Пунктуация оригинала

Вопросительные предложения типа “Kuda vezti” пока единичны. Но учитывая стремление номинаторов к оригинальности и необычности, можно предположить, что скоро подобные названия будут встречаться чаще.

Восклицательные предложения тоже пока редки, например, магазины “Ярче!”, “Да!”, кафе “Чай!”, “Шаурму Хачу![15]”, но у них большой эмоционально-экспрессивный потенциал. Возможности использования знаков препинания в коммерческих названиях ограничены. Но даже редкие случаи обращают на себя внимание именно своей необычностью и неожиданностью. Рассмотрим последний пример. Помимо того, что это экспрессивное предложение с оптативной модальностью, намеренная орфографическая ошибка передает произношение, стилизованное под кавказскую речь на русском языке. Есть в нашей коллекции и пример стилизации под китайское произношение русского слова «хорошо» в названии кафе «Халасё». Стилизация может касаться не только произношения, но и грамматики, например, нарушение категории падежа/рода в названии ресторана «Барashка на Арбате», либо речевых особенностей, как в названии кафе «Таки да».

Проанализируем название сети московских кафе «Сыто Пьяно». Запятой в названии нет. Перед нами словосочетание из двух наречий, по смыслу это перечисление с понятным значением сытости и достаточной порции алкоголя. В этом названии ярко выражена оценочность. Если раньше в названиях преобладали имена существительные и прилагательные, то теперь встречаются наречия, имена прилагательные в сравнительной форме («*Ярче!*»), глаголы в разных формах (1 лицо «*Лечим зубы*», повелительное наклонение «*Ешь и пей*»), междометия («*Ну и ну!*»), окказиональные причастия («Veганутые»).

Отметим последнюю тенденцию, активно появляющуюся в коммерческих названиях, а именно использование одиночных букв или цифр, а также только цифр. Например, ресторан «В», хостел «101», аптека «36,6», кафе «317». По мнению С.В. Ильясовой, «окказиональные инновации являются неиссякаемым источником экспрессии» [3, с. 212], часто являются результатом

[15] Орфография оригинала

языковой игры и «редко воспроизводятся и тиражируются в других текстах [3, с. 207].

Использование цифр, букв, гибридных окказионализмов, иноязычных слов, названий, оформленных как латинская кириллица («Хинкали Хаус») или кириллическая латиница (кафе «Valenok»), других приёмов языков игры требует от потребителя, адресата данной коммуникативной ситуации сотворчества с номинатором, креатором, создателем необычных эргонимов и урбанонимов, так как надо не только «определить новое идиоматичное значение, обогащенное обычно эмоционально-оценочными ‘приращениями’ смысла» [6, с. 126].

Как видим, урбанистический ландшафт Москвы очень разнообразен, ярок, постоянно обновляется при помощи использования разнообразных приёмов и способов языковой игры и окказионального словообразования. Следующая задача наших исследований заключается в изучении того, насколько необычные гибридные, многокомпонентные коммерческие названия удобны в различных коммуникативных ситуациях, как они употребляются в потоке речи и как оцениваются горожанами.

Литература

1. Бугаева, И. В. Лингвокреатив в городской коммерческой номинации / И. В. Бугаева // Творчество и креатив в коммуникациях: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практ. конф. - М. : МГУКИ, 2019. - С. 64-70.

2. Бугаева, И. В. Заголовки в интернет СМИ: приёмы привлечения внимания целевой аудитории / И. В. Бугаева // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение : сборник статей XXII Межд. научн. конф. – М. : Гос.ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 39-43.

3. Ильясова, С. В., Амири, Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. - М. : Флинта, 2009. – 296 с.

4. Новичихина, М. Е. Коммерческая номинация: монография / М., Новичихина. - Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 192 с.

5. Радбиль, Т. Б., Рацибургская Л. В. Лингвокультурологические особенности деривационных процессов в русском языке / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Русский язык за рубежом, 2018. - № 3 (268). - С. 43-49.

6. Рацибургская, Л. В. Специфика языковой игры в современных деривационных процессах / Л. В. Рацибурская // Вестник Нижегородского университета. Серия Филология, 2005. - № 1. - С. 122-127.

7. Ремчукова, Е. Н., Махиянова Л. Р. Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации / Е. Н. Ремчукова, Л. Р. Махиянова// Вестник РУДН. 2015. № 2. С. 132-141.

НОВОЕ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА: РЕКЛАМА ИЛИ ЭРГОНИМ

И.Н. Пономаренко, Т.О. Багдасарян
irnik20@mail.ru
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

Постоянно ускоряющийся темп жизни тесно связан с активизацией различных тенденций развития языковой системы. Важнейшая задача актуальной лингвистики – понять и проанализировать происходящие в современном русском языке процессы. Цель нашего исследования – увидеть то новое, что определяет языковой код города, попытаться описать сегодняшний этап развития эргонимикона, установить связи между внутренними законами развития языка и тенденциями социокультурного характера. Очевидно, что анализируемые языковые факты могут по-разному соотноситься с традиционной ономастикой, в любом случае расширяя ее потенциальные возможности.

Одним из основных положений классической ономастики является отнесение лексических единиц к именам собственным на основании их индивидуализации и идентификации. Являясь единицей номинации, эргоним должен удовлетворять главному требованию – обозначать, служить названием, выделять именуемое как отдельную сущность, т.е. осуществлять номинативную функцию, репрезентировать средствами языка выделенный в акте номинации объект и заменять этот объект его именем в речевой деятельности.

Следует отметить, что эффективность эргонима напрямую зависит от степени привлечения внимания адресата информации. Характерный признак этого вида онимов – сочетание маркетингового и номинативного компонентов как результата влияния двух сфер деятельности: прагматической, связанной с успешностью предлагаемого имени, и репрезентативной, соотнесенной с самим актом номинации.

Нет сомнения в том, что появление нового коммерческого

онима в значительной степени предопределено фактором экономической конкуренции: название объекта, как правило, содержит информацию, которая должна каким-либо образом привлечь потенциального клиента. Для эффективной реализации информативной и аттрактивной функций актуальные городские имена должны подчиняться и отвечать требованию рекламной коммуникации – обеспечению передачи маркетинговой информации через реализацию функции воздействия.

Графическая трансформация в современной эргонимике описана достаточно полно (Ф.Ф. Алистанова, О.В. Врублевская, В.А. Крыжановская, Т.О. Прокофьева, Е.Н. Ремчукова и др.), и перспективным, на наш взгляд, является исследование структурного аспекта городских имен.

В последнее время в языке современного города появляется все больше эргонимов со сложной структурой. К такому типу имен, в отличие от онимов-лексем, можно отнести единицы другого уровня языковой системы – словосочетания и предложения.

Так, в Краснодаре все чаще встречаются единицы с усложненной структурой: эргонимы-словосочетания, например, *Ателье паркета*, *Ленинградский ломбард*, сеть булочных *Хлебные истории,* чебуречная *Сеньор Чебурек* и мн. др. и эргонимы-предложения: ломбард *Деньги в руки*, кофейня *Зацепи кофе*, шашлычная *Время есть шашлык*, чебуречная *Чебурек человеку друг*, кафе *Не проходите мимо,* ресторан *Все дело в перце*, кафе *Я ЕМ*, сеть быстрого питания *Что-то с чем-то,* закусочная *ЕшьЧоДали* [2] и мн. др.

Известно, что среди правил создания рекламного текста, кроме направленности на целевую аудиторию, четкого выделения главной темы, наличия удачной идеи, способности привлечь и удержать внимание и т.п., выделяют еще и краткость, дистанцирование от негативных оценок, а также четкое позиционирование рыночной ценности.

Наиболее эффективным можно считать рекламный текст, который характеризуется цельностью, информативностью, пресуппозицией, открытостью для всевозможных интерпретаций и целевым характером сообщения.

Как особая форма коммуникации, реклама, помимо реализации информационной функции, создает заданные образы, убеж-

дает потребителя в необходимости рекламируемого товара. И самое главное – формирует у него желание приобрести и вообще приобретать товар. И это, видимо, ее основное свойство, если даже в условиях тоталитарного общества и вечного дефицита реклама все-таки выжила.

В формальном и функциональном аспекте эргонимы приобретают ряд рекламных свойств, в том числе информативность, завершенность, вторичность, открытость для многочисленных интерпретаций, коллективное авторство и поликодовость. Эргоним коррелирует с медиатекстом в общем поле коммуникации, одновременно являясь его видом.

В современной трактовке коммуникация – социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения посредством различных средств. Однако реклама представляет особый вид социальной коммуникации, осуществляемой посредством порождения и интерпретации созданных целевых текстов и визуальных знаков, и находится в поле реализации трех основных функций – информационной, экспрессивной и прагматической. Помещая сложные знаки в коммуникативное пространство, где одновременно присутствуют и рекламный материал, и адресат рекламы, создатель рекламного текста моделирует ожидаемое поведение потенциального потребителя. Следующий уровень взаимодействия создает новые формы не только воздействия, но и откровенной манипуляции. Так происходит формирование бесконечной цепи неограниченного потребления.

Как справедливо отмечает Т.В. Шмелева, поликодовый ономастикон современного российского города «возникает из коммуникативных потребностей» и «формируется рядом кодов», среди которых, кроме ретрокода и ксенокода, к самым значимым отнесены пространственный, предметный, растительный, анимальный и персонный коды [3, с. 54–57]. Поскольку ряд остается открытым, предлагаем включить в него маркетинговый код, имея в виду онимы, которые совмещают в себе усиленные признаки рекламы и эргонима: парикмахерская *Хорошо стригут*, кафе *Кофе для гурманов*, магазин *Элитные ткани*, и др. В такие структурно усложненные ономастические единицы включены единицы оценочного характера, которые выражают положительную

оценку как эксплицитно: сеть экологических кафе *Хорошая еда*, магазин *Великолепные штампы и печати*, кофейня *Best кофе* и мн. др., так и имплицитно: магазин светильников *Свет из Европы*, ювелирный магазин *Российское золото*, сеть *Фермерские продукты*, магазин полуфабрикатов *Кубанское мясо*, кафе *Домашние обеды* и т.п.

Не вызывает сомнения, что динамические процессы в языке происходят при комплексном воздействии экстралингвистических и внутриязыковых факторов, и важно, что механизм изменений составляет основу самой организации языка, которая задействует внутренние свои ресурсы и потенциал. Современная система городских имен как особая подсистема речевой коммуникации быстро фиксирует новые тенденции. С одной стороны, «процесс нейминга становится все более сложным: в попытках следовать языковой моде номинаторы стараются создать необычное название, при этом используя все способы слово- и формообразования, а также символику, заимствованную из различных социальных сфер» с включением компьютерных знаков и символов сети [1, с. 71]. С другой стороны, часть городских имен отходит от усложнения графической формы, поступаясь важным требованием к рекламной коммуникации: «Максимум информации минимумом знаков». Откровенное рекламирование качества услуг и товаров за счет включения лексем оценочного характера может оцениваться двояко: манипулятивное воздействие происходит за счет упрощения графической формы с одновременным усложнением структуры эргонима.

Таким образом, эргоним как вид рекламной коммуникации можно исследовать в нескольких аспектах. Во-первых, это имя городского объекта представления услуг, во-вторых, способ, инструмент манипулирования, новая форма воздействия на адресата информации.

Массив эргонимов современного города чрезвычайно созвучен диалогичности актуальной социокультурной ситуации. Новые городские имена не просто называют объекты, а вовлекают горожан в процесс коммуникации, навязчиво инициируя реакцию.

Для объективного описания данной тенденции, характерной для языковой ситуации Краснодара, перспективным представляется сопоставление материала, собранного в других городах.

Литература

1. Крыжановская В.А. Интернет-символы в современном нейминге // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 71–75.

2. Пономаренко И.Н. Современный эргоним: от слова к тексту // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума (8-12 июня 2019 г.) /от в. ред. Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Т.1. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. С.353–358.

3. Шмелёва Т.В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–66.

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: СТАНДАРТ И ЛИНГВОКРЕАТИВ

Е.Н.Ремчукова
Российский университет дружбы народов
(Москва)

Постоянное обновление – необходимое условие существования рекламного текста. Рекламный текст давно и плодотворно изучается на стыке разных наук – психологии и лингвистики, лингвистики и культурологии, лингвистики и теории коммуникации (в частности – теории речевого воздействия). Однако до сих пор в меньшей степени – в аспекте описания тех *конкретных* языковых средств, не только лексических, но и грамматических, с помощью которых достигается необходимый для рекламодателя эффект. Перечислим лишь некоторые работы по языку рекламы: наиболее значительные, уже классические, исследования по рекламной коммуникации [3; 8; 9]; а также значимые исследования последних лет по разным направлениям, например методологические ([4] и более ранние работы этого автора), сопоставительные [10]; кроме того, выделены новые разновидности рекламного текста (например, национально-ориентированная реклама [7]) и др.

С функционально-стилистической точки зрения рекламный текст сегодня рассматривается как медиатекст со своими разновидностями, которые зависят от канала передачи (телереклама,

радиореклама, печатная реклама и др.), и жанрами: заголовок, объявление, текст, слоган и др.

Слоган – один из самых важных и лингвистически интересных видов рекламного продукта. Это малоформатный жанр, что сближает его с заголовком и статьи, и новостной ленты, но в отличие от последнего он, будучи микротекстом, может существовать и как «текст в тексте», и как самостоятельная рекламная константа, т.е. изолированно от других рекламных текстов. Эти универсальные признаки слогана остаются неизменными, что показывает и подборка слоганов первого десятилетия двухтысячных годов, которые будут в основном в фокусе нашего рассмотрения.

Будь в форме (Reebok);

Пейте овощи (Соки Балтимор);

Пушкинъ – не ищите на книжной полке (Водка «Пушкинъ»);

Есть идея – есть IKEA;

HAMMER. Ничего подобного;

Напишите. Удивите. Победите (справочник офис-менеджеров).

Как и тексты художественной литературы, слоганы включаются в современный интертекстуальный контекст, запоминаются и цитируются, но не являются «стойкими культурными текстами» (Ю.М. Лотман) – не оказывают влияния на духовное развитие общества, являются средством корпоративного, а не личного выражения. Общей чертой слоганов является их информативная и экспрессивная насыщенность, которая требует высокой концентрации языковых средств разного уровня, что неизбежно приводит к антиномии информативной и экспрессивной функций языка. Её обострение, с одной стороны, обусловливает вызванный «производственной необходимостью» поиск неоднозначных и оригинальных средств выражения, с другой – приводит к иллокутивному конфликту «информативности» и «привлечения внимания»: продуцируется высказывание, основные интенции которого направлены на «коммуникативное обольщение» реципиента [5].

Лингвистическое «обеспечение» такого конфликта бывает различным, например, оно может опираться на такие ассоциативные связи, в основе которых лежат омонимия или полисемия: *Axe.* ***Грязными*** *останутся только твои мысли* (реклама дезодоранта); ***Положи*** *на футбол, поставь на лошадь* (реклама конно-

спортивного тотализатора ТАТТО); *Я так низко* ***пала****. Пользуйся. Твоя цена* (магазин электронной техники «Эльдорадо»); ***Ляжет****, как миленькая* (реклама плитки) и т.п. Подобные лингвокреативные «двусмысленности», разумеется, недопустимые с этической точки зрения, малоинформативны (например, слоган Axe наводит на мысль о моющем средстве, а не дезодоранте; «доступность» олицетворенной *Цены* не конкретизирована и т.д.), поскольку функционально нацелены на привлечение внимания реципиента любой ценой.

Неизменной остаётся востребованность в медиатекстах окказионального и потенциального словообразования (реже – формообразования), всегда обусловленная стремлением к гармонизации отношений между информативной и экспрессивной составляющей. Например, так выстраивала лингвистическую стратегию широко известная торговая марка пива «Три толстяка» в 2009 году: ***Толстости*** *от «Трех толстяков»*. Не вполне привлекательные с точки зрения лингвиста «*толстости*» – народные шутки-афоризмы на этикетке, пользующиеся большой популярностью у потребителей данного пива, оказались удачным рекламным ходом. С помощью простой словообразовательной аналогии выстраиваются антонимические отношения, усиленные не только ассоциативным противопоставлением лексем *толстый–тонкий*, но и оценочными приращениями («свое–чужое», «понятное–непонятное»). В слогане используется и корневой повтор (гомеоэоптон) – действенное средство усиления информативной составляющей, одновременно рассчитанной на эмоциональное заигрывание со «своим» реципиентом: *Три* ***толстяка****. Смотри на жизнь* ***толще***. Ср. со слоганом другой известной марки – пива «Толстяк»: *Новый «****Толстяк****»: вкуснее и* ***толще***. При этом интересно отметить, что в рекламных текстах предыдущего десятилетия гораздо реже встречались окказионализмы на иноязычной основе такого типа, как в рекламе Мегафона 2019 года: *Шерь. Стримь. Сторь*.

Рекламный текст предполагает серийность в рамках рекламной кампании – варьирование слогана в серии может обеспечиваться повтором с актуализацией частеречных значений слов. Так, в 2009 году появилась реклама проекта той же компании «Мегафон» – «Мегафон-Москва» (вид мобильной связи, основанный на низких внутрисетевых тарифах),

рассчитанная на людей, которым нужны «*просто* звонки» (prostozvoni.ru). Здесь обыгрывался частеречный потенциал слова «*просто*», которое может быть и наречием, и кратким прилагательным, и категорией состояния, и частицей.

В рекламных «мини-текстах» прошлого десятилетия часто актуализируется возможность перехода слов из знаменательной части речи в служебную. Например, наречие *просто* и частица *просто*: «***Просто*** *для общения» – это возможность общаться со своими близкими на очень выгодных условиях*; «***Просто*** *для общения*» *– это предложение для тех, кто* ***просто*** *хочет много общаться и не готов переплачивать*; «***Просто*** *звони» – это* ***просто***.

Очевидно, что базовый признак, формирующий слоган (как и рекламный текст вообще), – реализация функции **воздействия**: необходимость *активно навязывать* товар, услугу, образ и стиль жизни, в жанре политического и социального слогана – политический и социальный выбор и т.п. Реализация этой функции требует информативной насыщенности, которую в какой-то степени обеспечивает компрессия языковых средств, и в то же время – доходчивости и эффективности – для этого необходима их экспрессивность, которая, однако, не «обременяла» бы восприятие текста. Поэтому успешность слогана как микротекста во многом зависит от точного выбора языковых средств. Не случайно в различных определениях слогана в рекламных технологиях отмечаются как желательные такие признаки, как оригинальность, сжатость, эффектность, выразительность. Идеальный слоган даже позиционируется на различных сайтах для копирайтеров как некая концепция, доведенная до лингвистического совершенства. Но эта благородная задача в реальности трудно выполнима.

Язык рекламы подвержен неизбежной стандартизации – стереотипии, что часто заставляет и самих рекламистов усомниться в качестве своего продукта: так, немецкий рекламист Вальтер Шёнерт критически отмечает, что «для потребителя нет ничего скучнее слогана». В «оживлении» слогана и одновременно в усилении его информативной составляющей важную роль играют самые разнообразные невербальные средства, о которых мы уже упоминали выше: креативность современного слогана развивается в сторону мультимодальности и обеспечивается ею. Кроме того, «креативное использование графических и пиктографических

ресурсов выступает как средство концентрации смысла и выполняет роль текстообразующего фактора, уплотняя семантическое пространство рекламного текста» [2: 68–70].

В условиях предельного «синтаксического минимализма» наглядно актуализируется лексико-грамматический потенциал слова, например, субстантива: *Стелла Артуа:* ***Избранное*** (реклама марки пива, популярного в начале 2000-х). С лингвистической точки зрения, контаминация частеречных значений причастия (*избранного* именно вами), адъективированного причастия (*избранное* – ‘уникальное, неповторимое’) и существительного (*избранное* – ‘избранное собрание сочинений’ и *избранные* – ‘лучшие, наиболее достойные’) представляется удачным ходом. Именно субстантивация как тип частеречной транспозиции обеспечивает развитие «сюжета» в известной рекламной кампании газеты «Коммерсантъ», связанной со сменой президента в России. Серийность достигается при помощи варьирования в слогане субстантивированной формы прилагательного: *Не боимся* ***главного*** **(**первый вариант слогана) – *Не боимся* ***нового.*** Замена «*главного*» на «*нового*» произошла в марте 2008 года (выборы нового президента – Дмитрия Медведева) и позволила создать семантически неоднозначное высказывание, актуализирующее омонимию родительного падежа неодушевленного абстрактного субстанива (*новое*) и одушевленного субстантива со значением лица (*новый*). Такой лингвокреативный «шаг» позволил газете использовать выборы в своих рекламных целях: он был замечен общественностью – слоган широко обсуждался и оценивался как остроумный и удачный.

В рекламных императивных конструкциях преобладает клишированность: как правило, здесь нет места для полноценной реализации эстетической функции языкового знака ни в зоне самой модальности, ни в зоне комбинирования с образными средствами, хотя такие комбинации, безусловно, встречаются: (реклама шампуня) ***Подарите*** *Вашим волосам* ***глоток чистой мяты!*** (метафора); *Лада.* ***Заведи*** *надежного друга*! (актуализация лексической омонимии: *завести друга – завести машину*). Необходимую меру экспрессивности обеспечивает здесь сама форма императива: «в категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [1: 484]. Однако, с точки зрения

диахронии, любой современный рекламный слоган лингвистически изобретателен по сравнению с рекламным слоганом советской эпохи, который представлял собой однотипное императивное высказывание с глаголом в форме 2 лица мн. числа: ***Храните*** *деньги в сберегательной кассе*; ***Летайте*** *самолетами Аэрофлота;* ***Пейте*** *томатный сок* – изолированное от других модальных средств «нейтральное» множественное число глагола в форме повелительного наклонения обладает слабой контактоустанавливающей функцией. В постсоветском слогане, уже отчетливо социально дифференцированном, предполагающем целевую аудиторию, развитие категории модальности определялось, в частности, активной заменой множественного числа единственным, так как уже в первых рекламных текстах постсоветского периода используется обращение на «ты»: *Балтимор.* ***Взгляни*** *на мир с аппетитом!; Skittles.* ***Попробуй*** *радугу на вкус!*; *Twix.* ***Почувствуй*** *разницу – скушай твикс!*

Таким образом, само развитие русского слогана как жанра демонстрирует его стремление к лингвокреативности даже в жестких рамках прагматически заданных координат. Это можно видеть и в выборе разнообразных языковых средств, и в «продуманной» актуализации лексико-грамматических значений, и в различных комбинациях потенциальных и образных средств, и в концентрации в небольшом текстовом пространстве («синтаксический минимализм») необходимых лексических и грамматических компонентов. Однако в целом «борьба» между прагматикой и эстетикой в жанре рекламного слогана, как правило, заканчивается победой первой. Именно поэтому для самих рекламистов осуществление эстетической функции в рекламном тексте остается тем постоянно декларируемым базовым принципом, трудность реализации которого только усиливает его значимость. На деле же создание «литературной миниатюры», имеющей маркетинговую ценность, оказывается сложной задачей:

Если ***вещи*** *ваши сны* (слоган рекламы распродаж);

На веки *ваш* (реклама нового концентрата для век).

В основе этих удачных с точки зрения лингвокреативности слоганов лежат лексико-грамматические механизмы: омонимия грамматических форм – краткой формы архаичного прилагательного *вещий* и существительного во множественном числе *вещи*; омонимия существительного с предлогом *на веки* и функциональ-

ного омонима – наречия *навеки* в условиях «синтаксического минимализма». Орфография и синтаксическое устройство второго слогана находятся в явном противоречии: устойчивое выражение «***навеки*** *ваш*» предполагает слитное написание наречия, а раздельное (как в слогане) актуализирует именно существительное *веко* (Р. падеж – *веки*) в синтаксической конструкции, которая в этом случае представляется неполной – эллиптической. Отсутствие тире в первом слогане «подталкивает» реципиента к неординарному прочтению слогана как высказывания с архаичным прилагательным *вещий* в «поэтической» краткой форме. Интересно, что в этом случае «высокий» смысл высказывания находится в явном противоречии с атмосферой распродаж. Подобные противоречия могут быть охарактеризованы как «поэтические вольности», рассчитанные на эстетически чуткого потребителя, который в принципе может оказаться и любителем пива или соков, и заядлым шопоголиком, и «потребительницей» косметики.

Пристальный взгляд на слоган, в том числе в аспекте диахронии, позволяет, как нам представляется, признать лингвистическую самостоятельность этого жанра, его способность к развитию, тенденцию к лингвокреативности, которая выражается не только в комбинировании вербальных и невербальных средств при создании креолизованных текстов, но и в тонких и в некоторых случаях эстетически полноценных актуализациях лексико-грамматических значений и структурных трансформаций.

Литература

1. Виноградов, В.В. Русский язык. – М.: Русский язык. – 2001. – 720 с.
2. Высоцкая, И.В. Средства «уплотнения» семантического пространства рекламного текста. Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Ч.1. // Сб. материалов межд. научн. конф. 10–11 дек. 2009 г. – Н. Новгород. – 2010. – С. 68-70.
3. Зирка, В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2010. – 256 с.
4. Ксензенко, О.А. Тенденции развития и вопросы методологии современного лингвистического рекламоведения // Медиалингвистика. – Санкт-Петербург: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций. – 2018. – Т. 5. – № 4. – 445–457.
5. Михеева, Е.С., Ремчукова, Е.Н. Языковые антиномии в аспекте креативной речевой деятельности // Функциональная семантика: К 80-летию академика МАН ВШ профессора Льва Алексеевича Новикова: коллективная монография. – М.: Изд-во РУДН. – 2011. – С. 555–568.

6. Морозова, И.Г. Рекламный креатив: в поисках ненавязчивой идеи. – М. – 2003. – 224 с.

7. Омельяненко, В.А. Мультимодальные способы репрезентации имиджа России в текстах национально-ориентированной рекламы: диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.01 / В.А. Омельяненко. – М. – 2019. – 207 с.

8. Пирогова, Ю.К., Баранов, А.Н., Паршин, П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М. – 2000. – 270 с.

9. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативность рекламного слогана // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. II. Отв. ред. О. Н. Паликова. Тарту, 2011. – С. 192-206.

10. Ремчукова, Е.Н., Страхова, А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: Лингвокреативный и гендерный аспекты. – URSS: ЛЕНАНД. – 2016. – 208 с.

КНИЖНЫЕ ИНСКРИПТЫ В ЕДИНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

Л. П. Авдонина
Avdonina-LP@yandex.ru
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»
(Ялта)

Музей в Доме А. П. Чехова был официально учрежден в 1921 году, и в 1926 г, как известно, по постановлению Малого Совнаркома Дом-музей Чехова становится филиалом Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Весь литературный архив писателя М. П. Чехова передала в Библиотеку. Рукописи произведений Чехова, его обширная переписка с современниками, различные документы были представлены учёным-литературоведам, историкам, издательским работникам. С 1947 г. библиотека музея стала пополняться собраниями сочинений А. П. Чехова, книгами о писателе, его ближнем круге. Ежегодно сюда приходили все книги о А. П. Чехове, которые выходили в стране. Сейчас в книжном собрании научной библиотеки «Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника» представлено около 10000 книг, которые предоставляют научным сотрудникам музея возможность глубоко и серьезно анализировать литературное творчество А. С. Пушкина и А. П. Чехова и процессы, которые идут в пушкинистике и чеховиане. В первую очередь науч-

ные сотрудники рассматривают вопросы, связанные с литературными подходами к анализу произведений двух великих авторов, и, конечно же, вопросы, связанные с развитием русского языка и текстов на нем во времени, культурном и информационном пространстве. Ведь если слово с течением времени изменило свое значение естественным образом или по каким-то иным причинам, потребуется серьезная работа по сообщению читателям других поколений фоновой информации, позволяющей понять литературное произведение таким, каким его задумывал автор. Для примера вспомним реформу орфографии, когда из «Войны и міра», где «мір» - «люди», сделали «Войну и мир», т. е. «войну» и «не войну». В книжном собрании научной библиотеки достаточно много книг с инскриптами – дарственными или посвятительными надписями на книгах. Такие книги получают статус исторического или социокультурного артефакта и делают библиотечное собрание уникальным. Изучение инскриптов, находящихся в библиотеке, позволяет оценить во времени формирование и развитие речевого или литературного жанра, развитие значений слов русского языка, выявить важные тенденции в развитии языка.

В широком смысле слова инскрипт, как известно, просто надпись. В своем историческом значении это один из видов письменных памятников древности, ставший прообразом различного рода речевых (надписи на стенах, плитах, скалах, глоссы, инскрипт) и литературных (древнегреческая эпиграмма, книжный инскрипт, поздравительные надписи на открытках, «низовая» литература) жанров. Анализ текстов библиотечных инскриптов музея показал, что инскрипт как речевой жанр со временем прошел путь к лаконизму *(«В дар музею-заповеднику. С. Макуренкова. Конференция 2019»*), а инскрипт как литературный жанр приобрел форму особой лирической экспрессии *«Музею А. С. Пушкина в Гурзуфе с благодарностью за бережное отношение к памяти Поэта и нашей общей истории от художника этой книги. Ю. Н. Богачев. 2 октября 2008 г.»*).

Истоки инскрипта как исполнения надписей на книгах – в глубокой древности, в общемировой истории бытования слов. Греки и римляне сначала надписью на книге объясняли значение необщепонятного слова, и это была γλῶσσα, а затем глоссой стало само толкование слова, т. к. уже в македоно-римский период стало ясно, что со временем слова меняют свое значение или зна-

чение слова развивается до полисемии или омонимии. Затем глосса стала «чужой вставкой». В книге Ethymologicum magnum, в сочинениях Гесихия, Свиды, Поллукса, Плавта, слова, ставшие со временем непонятными, выписывались несведущими писцами на поля или в самый текст автора, с пояснением значения слова, как его понимал вписывающий. Писец, копировавший полученный текст, имел право изменять, добавлять, удалять и комментировать содержание произведения, не чувствуя себя обязанным сообщать об этих изменениях [3]. Веррий и Ноний собрали такие слова и расположили их в алфавитном порядке. Так появились многочисленные глоссарии, созданные глоссографами. Этот богатый материал затем успешно проанализировал G. Löwe в своем Prodromus corporis glossariorum latinorum (1876). Далее в XI веке в Болонье, как говорят, с почина Ирнерия возродился активный интерес к изучению римского права. К юридическим книгам читатели стали добавлять примечания, касающиеся и языка, и самого дела, и эти примечания назывались Glossae interlineares или Gl. marginales, в зависимости от формы записи: между строк или на полях. Кроме того, в юридической латыни комментарии к законам исполнялись в виде глосс, объяснявших, по мнению читателя, истинный смысл закона. Юстиниан запретил использование глосс, уничтожив единственный для юристов способ обновлять текст в соответствии с требованиями своего времени [2]. По сути, юридическая глосса была прообразом гипертекста, имевшего возможность реагировать на запросы в тот момент, когда пользователь их задает [5]. Несмотря на запреты, вплоть до эпохи Возрождения древние комментаторы продолжали вводить примечания к тексту и вносить произвольные изменения в его содержание.

С появлением рукописной книги содержание и место надписей на книгах изменилось. Сначала на книгах стали писать переплетчики, потом, с появлением печатного станка, – типографы, продавцы для своих чисто технических целей. Позднее, когда книга стала доступнее, появились оценочные надписи и инскрипты: «Сию книгу за разумну мнити ничто же»; «Свидетельствую, что не надобно чести»; «Сия повесть ложная», «Прочёл с вниманием и благоговением».

Авторы или дарители обычно оставляли на титульной странице дарственные или посвятительные тексты. Это повышало

самооценку, самоидентификацию автора или дарителя, а также и адресата, обеспечивало книге «вторичную авторизацию», интимизировало издание, делало его адресным. Лаконичные тексты инскриптов стали речевыми жанрами: «*Музею А. П. Чехова от автора. 13.01.2020. Н. С. Прокурова», «В библиотеку музея А. С. Пушкина в Гурзуфе. 20.12.93. Казарин», «В библиотеку дома-музея Пушкина от авторов.6 июня 1993 г. Казарин», «Дому-музею А. П. Чехова от В.Чеховой.12.XI.80», «Музею Пушкина в Гурзуфе. С любовью. Сергей Аксенов», «Дому-музею А. П. Чехова в Ялте со всем самым добрым. Ю. Гагарин. 5.07.1962. Гурзуф».*

Развернутых текстов, где инскрипт – литературный жанр, намного меньше, и это можно объяснить различными объективными причинами (деловым форматом общения, нехваткой времени и т. п.). Но даже и в достаточно коротком тексте, как, например, в коротких стихах А. Ахматовой, могут проявляться различные человеческие чувства, переживания, даваться перечень событий, планироваться будущие действия создателя инскрипта: *«Музею Чехова с душевной признательностью за прием, за встречу. Лийса Бюклинг. Helsinki – Ялта. 10.08.1992»; «В Библиотеку Дома-Музея А.П.Чехова. С глубоким уважением и преданной почтительностью. А. Скафтымов. 1962.11.VI»; «В день дождя и солнца! Присоединилась! Детский писатель Елена Усачева».*

Как показал анализ, инскрипты имеют разные формы. В них «проглядывают и мерцают решительно все виды и жанры литературы» [6]. А «вторичная авторизация» дает книге установку на диалог, в котором открывается большое культурное, информационное, историко-литературное пространство и в котором реализуется динамичная коммуникация адресанта с адресатом инскрипта. Через надпись на книге, если это требуется для решения изучаемой проблемы, можно проследить историю личных и творческих отношений автора и получателя инскрипта, выявить новые факты биографии и творческой лаборатории автора. Следовательно, инскрипт легко становится своеобразным репрезентантом культуры определенной эпохи и литературного этикета страны. Ю. Гагарин на своей книге «Дорога в космос», подаренной музею, по сути, рассказал в инскрипте об обычном чтении обычного человека 60-х годов XX в.: *«…читал трагедии Шекспира, рассказы Чехова, во второй раз перечиты-*

вал роман Виктора Гюго «Труженики моря». Гагарин. Гурзуф. 6.07.62».

Инскрипты многозначны: это факт книжной культуры; феномен бытовой культуры и литературного быта; историко-литературное явление; источник творческой лаборатории. Это, по В. А. Жуковскому, «посол души, внимаемый душой», т.к. дарственная надпись нередко проявляет вещественные доказательства невещественных отношений [6].

Несомненно, инскрипт – полноценный речевой жанр, что понимали великие российские филологи XX в. В. Виноградов, Л. Якубинский, В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум и М. Бахтин, который определил речевой жанр как законченный вопрос, восклицание, приказание, просьбу: «Вот типичнейшие цели жизненных высказываний...», «Об определенных типах жанровых завершений в жизненной речи можно говорить лишь там, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые, закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения» [1, с. 79]. Книжный инскрипт как речевой жанр письменной речи – это типовая модель построения речевого целого, которая делится на две группы: первичные (свойственные естественному языку) и вторичные (те, которые вырабатывает литература, наука, публицистика). Следовательно, книжный инскрипт – один из первичных этикетных речевых жанров. Анкета инскрипта соответствует представлениям о речевом жанре, в ней есть коммуникативная цель – посвящение или благодарность; концепция автора (интенция); концепция адресата (планируемое восприятие); событийное содержание (диктум); фактор прошлого; фактор будущего; языковое воплощение (с оригинальной подписью дарителя и датой подарка).

Особую ценность представляют авторские инскрипты. Широко известен инскрипт от В. А. Жуковского на его портрете, подаренном А. С. Пушкину в1820 году: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Развернутые авторские инскрипты представляют собой литературный жанр, т. е. группу литературных произведений,

объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств. Инскрипт – важный факт книжной культуры, который ярко характеризует литературный и общественный быт эпохи (см. инскрипт *М. Булгакова от 03.04.1930 г.*). В некоторых случаях дарители создавали замысловатый текст с рисунками и виньетками.

Только что выпущенная книга – всегда хороший повод поделиться радостью с коллегами, единомышленниками и почитателями творчества. Подаренная в библиотеку нашего музея книга с инскриптом быстрее найдет дорогу к своему читателю – научному сотруднику музея.

Библиотечные инскрипты чаще всего лаконичные, почтительные, уважительные. Однако есть и развернутые, авторские, веселые и непринужденные. Лаконичная форма инскриптов близка по функциям к возникшим позднее поздравительным адресам и открыткам. В XIX-XX вв. инскрипты также выполняли роль владельческой записи из-за отсутствия библиотечных штампов и экслибрисов и стали даже предметом коллекционирования филографами.

Инскрипты надо отличать от авторских посвящений, исполненных типографским способом и адресованных сразу всем читателям, т. к. инскрипты индивидуальны и уникальны. Но, тем не менее, в любом случае инскрипт пишется не только для адресата, но и для других потенциальных читателей. Факт надписания книги указывает, что надпись представлена взгляду обобщенного третьего [3]. Дарственные надписи объективируют существующие отношения, делают их публичными и тем самым закрепляют их. Привычку писать на книгах по любому поводу шутливо обыграл А. П. Чехов: один из его персонажей любил оставлять после себя на книгах глубокомысленные надписи: «Сия книга была прочитана мною» [4].

Итак, книжный инскрипт – важный элемент книги, придающий ей дополнительную ценность и показывающий, что деятельность музея поддерживается авторами. Иначе они не дарили бы музейной библиотеке свои труды.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин / М.: Искусство, 1979. – 423 с.

2..Гаспаров, М. Л.Древнегреческая эпиграмма. Избранные труды М. Л. Гаспаров. Т.1. О поэтах. - М.: Языки русской культуры, 1997. – 664 с.

3. Морева, О. В. Инскрипты в истории науки / О. В. Морева // Сибирь – Евразия. Т. 2 / Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. И. В. Лизунова. - Новосибирск, 2016. – С. 153–160.

4. Роскина, Н. А. Дарственные надписи на книгах и фотографиях Чехова / Н. А. Роскина // Литературное наследство. XIV. - М.: АН СССР, 1960. – 974 с.

5. Сантопаоло Л., Авдонина Л. П. Глоссы как вид динамической коммуникации / Л. Сантопаоло, Л. П. Авдонина / Становление экономики знаний в современной России: проблемы и перспективы. - Новокузнецк: НФ СПб. ИВЭСЭП, 2014. – С. 44-50.

6. Янушкевич, А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах его библиотеки / А. С. Янушкевич // Вестник Томского гос. университета. Сер. Филология. 2011. № 1 (13). – С. 103-120.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА ОСКОРБЛЕНИЯ В РЭП-БАТЛЕ: РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

В.М. Белова
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
(Тольятти)

Введение

Рэп-тексты имеют свою структуру, они могут быть исполнены под музыку с включением мелодических музыкальных фрагментов или просто остаться речитативом. Исполнители и Master of ceremony (MC), участвующие в рэп-батлах, то есть в «словесных битвах», придают своим текстовым заготовкам особую структуру. Это уже не только рифмованный текст, наделенный художественной идеей, но и новый жанр со своими лингвистическими и прагматическими особенностями. Кроме того, формат рэп-батла допускает обсценную лексику, а на многих площадках («КУБОК МЦ», «VERSUS», «SLOVO») даже приветствуют её использование.

Совсем другой исполнительский формат выбран на хип-хоп фестивале «Ялта. Лето. Джем» в Крыму, на котором проходят битвы у MC, диджеев, танцоров и т.д.: здесь заявлена форма фристайла, т.е. импровизации, речевого действия без подготовки. Участникам рэп-батла музыканты вживую наигрывают мелодию,

дают бит, под который они должны биться. Также политика этого фестиваля исключает употребление нецензурной лексики.

С какой целью все же используют оскорбления популярные рэп-батлеры?

Анализируя рэп-батлы, Л.А. Сомова отмечает, что «основным катализатором дискуссии» в типичном рэп-батле является речевой акт оскорбления: используются ненормативная лексика, зооскорбления, инвективы, просторечные, иностранные слова, а также конструкции предложений, свойственные жанру анекдота [4, с. 270]. Однако о речевых стратегиях и тактиках упоминается вскользь. Мы же считаем, что исследование рэп-батлов с помощью метода лингвопрагматического анализа позволит выявить коммуникативные намерения артистов, исполняющих рэп, и определить перспективы воздействия на адресата.

Выявление ключевых речевых стратегий и тактик рэп-исполнителей

В словесной битве рэперы или, как они сами себя называют, батл-МС (Master of ceremony) применяют различные стратегии и тактики.

Материалом исследования стали следующие коммуникативные события: рэп-батл «Oxxxymiron VS Слава КПСС» от 6 августа 2017 г., «Хованский VS Obe 1 Kanobe» от 14 октября 2019 г., а также батл «Orel vs Юля Kiwi» от 26 октября 2019 г.

Н.И. Формановская выделяет различные стратегии и тактики. Мы выявили, что в рамках рэп-батла осуществляются не только конфронтационные (дисгармонизирующие, конфликтные) стратегии, но ещё и кооперативные, т.е. гармонизирующие (что бывает редко). Одной из основных является стратегия дискредитации оппонента [5, с. 97]

Стратегия дискредитации у Э. Лассан [2, с. 135], например, обозначена термином «downplay» – что означает буквально «игра на понижение». Дискредитация представляет собой умышленные действия, направленные на подрыв имиджа, доверия, авторитета. Вербальная дискредитация может происходить по таким признакам, как гендерная принадлежность, этническое или расовое происхождение, религиозные убеждения, болезнь или сексуальная принадлежность.

Многие именно российские батлеры выбирают стратегию, с помощью которой превозносят себя не за счет возвышения и восхваления своего «Я», а путём дискредитации и унижения «Ты». Выбор этой стратегической цели характеризуется отбором определённых тактик.

Тактики и стратегии дискредитации могут быть следующими:

Тактика снижения «положительного образа» адресата: «Знаешь, что это было? Доказательство твоей вербальной нищеты», «Ведь ты белый, что слушать белых – у тебя нету свэга и грува» [7].

Тактика подрыва доверия: «Убедишь ли ты сплетнями эту толпу?»? «ST1M, в отличие от тебя, не выносит г*** наружу», «Корчить из себя на батлах этакого духовного сноба – это изрядно-таки лицемерный подход» [6].

Тактика умаления авторитета и значения оппонента: «Ты здесь не за победою, а за моим одобрением», «Клянчил фит, после вызвал на батл – вот уж «Метаморфозы» Овидия, но единственным местом, где наши имена будут стоять относительно тесно, станет название этого снафф-видео», «Не могу процитировать строчки его, потому что их просто не знаю», «Мой хлеб – фуагра, твой – отруби», «Все твои козыри – шестёрки, подкорки – дохлая муза, твоё актёрское мастерство на уровне сельского ТЮЗа» [7].

Тактика осуждения: «Он один из тех, кому понравился Интерстеллар» [6].

Тактика дискриминации по гендерному признаку: «Ты лишь тёлка со SLOVA с пузиком» (Огел Юле Kiwi), «Баба всегда готова, чтобы затеять спор с мужчиной» (Огел Юле Kiwi) [1].

Тактика унижения по этническому происхождению: «Тебя же вынудил за Родину стыд», … скрыл, что ты Эльдар-Газенфар-Оглы. В одни ворота голы», «Ты украинский араб или кто?», «Ты сказал – ты хохол, но ты также араб – это не ясно никак. Ты что, кладешь сало в кебаб, твоё сало – халяль?» [6].

Коммуникативной целью данных тактик является эмоциональная реакция зрителей, данные речевые ходы направлены в большей степени на публичное осуждение поступков конкурента, чем на деморализацию противника. Тактики дискредитации разрушают образ соперника, меняют мнение о нём, притом отрица-

тельная оценка деятельности оппонента при помощи эмоционального резонанса «передаётся» свидетелям «битвы». При тактических ходах в ходе дискредитации заметно обращение к толпе – взгляд направлен в сторону зрителей. Словесные выпады каждый раз поддерживаются невербаликой: мимикой, жестами, интонацией, ритмичностью и темпом исполнения, подачей (флоу) – что является одной из главных особенностей рэп-батла.

Дискредитация используется наряду со стратегиями инвективы, вербального насилия. Иллокуция данной стратегии заключается в уничижении образа соперника, понижении его статуса в глазах зрителей.

Мы исследовали и конкретные лингвистические способы реализации стратегии дискредитации в рэп-батле.

Во фразе участника батла: «Ведь ты белый, что слушать белых – у тебя нету свэга и грува» [7] мы наблюдаем амбивалентность в отношении лексемы «белый». В первом случае видно превознесение «белого» над остальными, которое намекает на времена рабства, во втором – пренебрежительное отношение к «белым» (по расовой принадлежности) рэп исполнителям и их творчеству. Тем самым рэпер усиливает дискредитирующий «панч».

В ходе словесной битвы возникают новые интересные словосочетания: «вербальная нищета», «духовный сноб», «лицемерный подход».

Субкультура хип-хопа преимущественно распространена у молодых людей, поэтому в рэп-батлах участники употребляют не только лексику хип-хопа, но и многие интернет-неологизмы: «снафф-видео», «стрим», «хайп» и т.п.

Синтаксис текстов, изобретенных для вербальной битвы, помогает создать так называемую игру слов: «Все твои козыри – шестёрки, подкорки – дохлая муза, твоё актёрское мастерство на уровне сельского ТЮЗа». В роли сказуемого в данных предложениях выступают определения. Такова лингвистика креатива при разворачивании рэп-дискурса.

Заключение

Исследуя функционирование речевых актов, активизирующих дискуссию в рэп-батлах, представляющих собой креативный

дискурс, построенный на молодежной субкультуре хип-хопа, мы выявили, что чаще всего исполнителями используется речевая стратегия дискредитации при помощи таких тактик, как снижение «положительного образа» адресата, подрыв доверия, умаление авторитета и значения оппонента, осуждение, дискриминация по гендерному признаку, унижение по этническому происхождению и т.п. Выбор таких стратегий и тактик обусловлен спецификой выбранного жанра, лингвокультурными составляющими хип-хопа, коммуникативными намерениями конкретного исполнителя, особенностями массовой, публичной коммуникации.

Литература

1. КУБОК МЦ: Orel vs Юля Kiwi | New era [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=pMOxbLoU10w (дата обращения: 9.11.2019)

2. Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен. Вильнюс: Вестник ВУ, 2018 – С. 129 –143

3. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор. Спб.: РГГУ им. А.И. Герцена, 2006 – 20 с.

4. Сомова Л.А. Конфликтогенность инвективной лексики в медиапространстве и в художественной речи / Studia Rusica XXVI Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность» (Будапешт, 20–21 октября 2017 г.). Будапешт: Будапештский университет им. Л.Этваша. 2017 С.266 –274.

5. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. – 214 с.

6. RBL: Хованский VS Obe 1 Kanobe (Shot battle, Russin Battle League) Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=5QM507LE4dU (дата обращения: 13.11.2019)

7. VERSUS #1 (сезон III): Oxxxymiron VS Слава КПСС [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=MVouMFKmaeI (дата обращения: 28.10.2019)

«НОВАЯ РАЗГОВОРНОСТЬ» КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ НОВИНКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

П. А. Боронкин; Е. Н. Вакулова
boronkin.pavel@gmail.com; vakulova@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ (СЗИУ РАНХиГС)
(Санкт-Петербург)

Серьезные изменения в системе русского языка, которыми ознаменовался рубеж веков и даже тысячелетий, не обошли стороной и сферу функционально-стилистическую (так, в настоящее время в языке происходит размывание границ стилей), сомнению стало подвергаться функционально-стилевое деление литературного языка, само наличие функциональных стилей.

Среди изменений, происходящих в стилистической сфере, особого внимания заслуживают трансформации разговорного функционального стиля. Длительное время в функциональной стилистике преобладало мнение о том, что у данного стиля есть только устная форма. Некоторые исследователи приводили примеры письменной формы, однако ни один из этих примеров не был в достаточной мере разговорным, все они отличались искусственностью, надуманностью, фальшивостью, что противоречит самой природе разговорного стиля: его спонтанности, неподготовленности, диалогичности и т. д.

Отсутствие единогласного мнения относительно существования письменной формы разговорного стиля выражалось в том, что одной из проблем описания стилей в учебных целях было нахождение типичных разговорных текстов, которые могли бы продемонстрировать стилеобразующие черты именно этой функциональной разновидности литературного языка. При этом в одних случаях отрицалась сама такая возможность, в других – приводились примеры, искусственный характер которых был очевиден, поскольку тексты либо специально создавались для того, чтобы служить примером [2, с. 32], либо подбирались из переписки известных личностей (тексты не спонтанны, монологичны, продуманны), произведений художественной литературы, прежде всего, драматургии, что также не было обусловлено конситуаци-

ей, фиксировалось в искусственной письменной форме, по сути являясь подражанием, имитацией естественной речи. Профессиональная запись естественной устной разговорной речи [1, с. 291–309] очень удобна для научного анализа и демонстрации типичных черт стиля, но по сути своей является не письменным текстом, а профессиональной фиксацией звучащей устной речи.

Возможность непринужденного обмена информацией в письменной форме возникает с появлением нового пространства коммуникации – интернета, – который, с одной стороны, служит средством передачи и хранения бесконечного количества информации в виде текстов – официально-деловых, публицистических, научных; с другой стороны, создает онлайн-общение в различных чатах, беседах, мессенджерах, форумах, блогах и пр. и дает примеры текстов нового типа, наделенных чертами разговорности.

В чем же состоит эта «новая разговорность» и каковы ее параметры? Анализ показал, что среди ее признаков можно отметить следующие общепризнанные характеристики разговорного стиля речи:

1. Неподготовленный характер, спонтанность и непродуманность речи, порождающие большее количество оговорок и нелитературных, в том числе просторечных единиц (ошибок и неточностей), обрывочность, неполные, незаконченные предложения, синтаксические «кентавры», когда предложение начато как конструкция одного типа, а продолжено или завершено как конструкция совершенно другого типа (автор изменил тактику построения фразы в момент ее создания).

2. Двусторонность коммуникации и, соответственно, преимущественно диалогическая форма речи, предполагающая наличие вопросительных предложений и ответных реплик в форме неполных предложений.

3. Невербальные средства общения, использующиеся в устной речи для усиления выразительности или в качестве средства общения (мимика, жестикуляция, пантомимика, кинесика, проксимика), заменяются графическими, письменными средствами общения – смайликами, эмодзи, вставками, знаками, выступающими в роли языковых единиц, несущих информацию, фотографиями, видеоклипами, GIFками – мемами с их прецедентностью и идиоматичностью – графическими, аудио- и видеомемами, ло-

кальными и общеинтернетными, – степень понятности которых зависит от их размещения, круга и условий общения. Мемы в значительной своей части недолговечны, как все, что относится к моде (это касается, например, молодежного жаргона).

4. Паравербальные средства общения, использующиеся в устной речи (темп, тембр, интонация, громкость, паузы, логическое ударение и пр.) и позволяющие выделить какую-либо единицу, привлечь к ней внимание, в письменной речи заменяются графическими средствами: заглавными буквами (CAPS LOCK), шрифтами и другими способами выделения графем (*курсив*, **полужирный**, кегль, р а з р я д к а, повтор гласных и согласных (*Гооооооооол! ВЕСНАААААА; Крррууто! Здорррррррово!*), особое использованием знаков препинания (*))), ((((, :-)(-:*).

5. Специфические способы реализации закона языковой экономии, среди которых необходимо отметить следующие:

5.1 неполный тип «произношения», оформляемого графически: на письме это редукция гласных, упрощение групп согласных – графическими средствами: *здрасти, Сан Саныч, грят, скока, много тыщ*;

5.2 сокращения как исконные, так и иноязычные: *ЛОЛ, КЕК, ИМХО, LOL, KEK, IMHO, СПС, ПЖЛСТ*.

6. Использование иноязычных (английских) междометий, вводных слов и слов-предложений, на письме оформляемых средствами латинской либо кириллической графики: *вау – wow, come on – камон, упс – ups, йес – yes, ноу – no, maybe, perhaps*.

7. Использование комических приемов, игры слов, юмора.

8. Неточность и приблизительность формулировок, опора и расчет на языковую догадку.

9. «*Ты*-общение», непринужденность коммуникации, участие в ней близко знакомых людей (не обязательно).

10. Дискретность, отрывочность, прерывистость коммуникации, которая может растягиваться на несколько часов и даже дней.

11. Использование единиц так называемого подонковского, или «олбанского», языка с принципиальным для него игнорированием, преднамеренным нарушением правил орфографии, фонематическим письмом (*Аффтар жжот, превед, многа букафф)* – также в роли готовых реплик-мемов.

12. Активное использование разговорной и экспрессивно окрашенной лексики с использованием нелитературных единиц (жаргонизмов и просторечия).

Фамильярность, дружественность, свойственные разговорному стилю, проявляются и в данном виде коммуникации. Это не значит, что на форумах царят мир, дружба и согласие во всем, этого нет и в устной разновидности разговорного стиля, однако по общей негласной договоренности установка на согласие и нейтралитет существует, а запрет на оскорбления в любом виде практически повсеместен, хотя нарушается с завидной регулярностью.

Наряду с этими несомненными чертами общности имеется и целый ряд серьезных отличий письменных разговорных текстов, текстов нового вида от текстов классического разговорного стиля – в его устной форме. Среди этих отличий можно назвать следующее:

1. Отсутствие непосредственного контакта, общение может быть реализовано удаленно, порой на значительном расстоянии (соцсети, мессенджеры).
2. Возможное (и частое) отсутствие знакомства, что приводит к размытости рамок прецедентности, не включающей в себя единицы более или менее личного, интимного плана (за исключением общения близких родственников и друзей, но не сетевых).
3. Часто – анонимность, маска, что, однако, не меняет сути и, соответственно, стилистической квалификации данного типа коммуникации.
4. Несмотря на негласную «договоренность» о дружеском, непринужденном характере общения, участники коммуникации (коммуниканты), провоцируемые анонимностью общения, могут проявлять несдержанность и переходить на личности и оскорбления.

Современное общение в интернете – вещь неоднородная и быстро меняющаяся. Оно осуществляется через чаты, форумы, комментарии к публикациям в блогах, новостях и соцсетях, мессенджеры (Instagram, Telegram, Viber, WhatsApp), так называемые имиджборды и различается по степени анонимности или знакомства коммуникантов, по степени жесткости правил, устанавлива-

емых администрацией ресурса, его традиций и внутренних правил (возможность/невозможность оскорблений, использования нецензурной лексики), по степени спонтанности или отсроченности коммуникации, по объему текстовых отрезков и т. д.

На сайте возможно существование особой внутренней прецедентности и интертекстуальности, когда участники общения используют понятные только им коды, текстовые, графические и музыкальные мемы, шутки, псевдоссылки, троллинг, дружеские (и не очень) подначки и ловушки. Степень распространенности и повсеместности узнавания варьируется от сайта к сайту. Несомненно однако, что при всем разнообразии прецедентных элементов, все они сформировались и функционируют в сфере молодежной субкультуры, подчиняясь общим неписаным правилам коммуникации, принятым в молодежной среде.

Влияние технического прогресса на эту форму общения значительно. Ведущие несколько лет назад сайты и мессенджеры *ICQ, MailRuAgent, Scype, Живой Журнал* сузили свою масштабность и популярность, не покинув интернета, но уступив место своим последователям, однако на описываемый нами тип общения все эти движения и трансформации не повлияли. Быстрые темпы развития и технического совершенствования ресурса пока не оказывают решающего воздействия на письменную форму разговорной речи.

Актуальные в сфере разговорности процессы детабуизации инвективной лексики пытаются найти свое место и в письменном общении в интернете, при этом попытки использовать такую лексику сталкиваются с правилами ведения диалога, установленными администрацией страницы, группы, сети. Но при всей строгости запретов и ограничений авторы находят способы их обойти, заменяя одну-две графемы в центральной части слова пробелом, точками, знаками @, %, цифрами и т. д. Начальная и конечная часть табуированного слова остаются нетронутыми как элементы, нагруженные максимальной информацией и обеспечивающие узнаваемость слова. Это весьма распространенный способ обойти запрет и дать адресату понять намерения автора.

Таким образом, наличие значительного количества общих с устной формой разговорного стиля средств позволяет сделать

вывод о функционально-стилевой отнесенности онлайн интернет-коммуникации к разговорному стилю.

Литература

1. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 560 с.

2. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика». – 5-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. – 399 с.

РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ-ИМИТАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ

С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина
lanastar@bk.ru, alyar2015@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

Вторичные тексты достаточно часто функционируют в разного вида дискурсах, имитируя известный источник в лексическом, грамматическом, структурном, стилистическом, прагматическом и других аспектах. Такие несамостоятельные тексты характеризуются намеренным подражанием протослову (художественному произведению, песне, кинофильму, телепрограмме, речи прецедентной личности и др.) при помощи сохранения типичного(-ых) отличительного(-ых) признака(-ов) в зависимости от характеристики первоосновы (например, для стихотворения – структура, размер, стопность, рифма, особые языковые предпочтения того или иного поэта и др.) и обладают *текстово-стилистической вторичностью*. Сохранение специфических элементов источника позволяет распознать имитацию исходного материала при изменении лексическо-содержательных, грамматических и сюжетно-образных компонентов.

Изучением категории вторичности в текстах разного вида занимались многие исследователи. В качестве основных свойств были выделены следующие: коммуникативно-когнитивные особенности [1], аппроксимация содержания [3], лексико-деривационная структура [5], стилистическая несамостоятельность [2], интенция автора [4] и др.

Многие рекламные тексты характеризуются подражанием целому ряду близких источников по типичному для него признаку и не предполагают возможности конкретной идентификации. На основании жанровой специфики протослова и особенностей средств создания стилизации были выделены следующие группы *рекламных текстов-имитаций неопределенного множества однородных произведений*: *1) имитация русских народных сказок и былин, 2) имитация песен, 3) имитация архаичных текстов, 4) имитация речевок, 5) имитация детских страшилок, 6) имитация клятв, 7) имитация текстов, характерных для наивной детской картины мира.*

В основе *имитации русских народных сказок и былин* лежит использование стереотипных для неопределенного количества источников устного народного творчества устойчивых конструкций, находящихся, как правило, в сильной позиции текста, инверсивного порядка слов, первичных номинаций героев по социальной принадлежности или имени и их образов, подразумеваемых или реально функционирующих в видеоматериале, а также типичного, но переосмысленного сюжета.

Так, текст рекламы-анонса популярнорго кинофильма «Гарри Поттер и Принц-Полукровка» напоминает известные русские народные сказки и былины: *«Ой ты гой еси, Русь Россиюшка. Уж ни день, ни два как пожаловал добрый молодец к нам отчаянный. Заморским именем величаемый. Поразил уже змия поганого, все воюет с Кощеем, ой, с Воландом. Надо в жены теперь красну деву взять али рыжию, али темную».* Инициальное предложение является архаичной приветственной формулой в ряде фольклорных текстов, а использование стилистически окрашенной лексемы «Русь» (высок. поэт.) и последующая редубликация «Россиюшка» особенно свойственны устному народному творчеству (ср.: Жили-были, чудо чудное, диво дивное и др.). Указание на неопределенный и продолжительный временной отрезок (*«ни день, ни два»*), номинация главного героя (*«добрый молодец»*), приехавшего с целью сразиться со злодеем, одержать победу и жениться на красавице, а также включение дополнительных узнаваемых персонажей (змий, кощей, красны девы) отсылает к типичному хронотопу и композиции большинства сказок и былин. Такая имитация становится возможной и благодаря исполь-

зованию постоянных эпитетов (*добрый молодец, змия поганого, красну деву*), инверсии, устаревших лексических единиц с традиционно-народной семантикой (*пожаловал, величаемый)* и сочинительного разделительного союза (*али*). Обратим внимание, что эпизоды анонсируемого кинофильма не изменены, функционируют в исходном виде, но сюжетная линия ролика выстроена таким образом, что Гарри Поттер и второстепенные герои воспринимаются как типичные персонажи сказок или былин, хотя внешне таковыми не является.

Подражание текстам определенного музыкального направления при помощи просодических средств, интонации, мелодии при минимальном сохранении отличительных лексических элементов, а также при соответствии формально-структурных особенностей (количество строк, рифмы, рефренов и др.), свойственных однородным текстам-источникам, образует *имитацию песен*. Кроме того, иногда в видеоматериал могут быть введены соответствующие персонажи-исполнители с учетом их внешнего вида, поведения, жестов.

Проиллюстрируем специфику данного подвида вторичных текстов на примере рекламы такси «Альянс», восходящей к песни в стиле джаз: *«В любое время, в любой час / К вашим услугам такси «Альянс», / Куда пожелаете Вас довезет, / Такси "Альянс" никогда не подведет»*. Узнаваемость подобного рода источников достигается на просодическом уровне, чему способствует использование музыкальных инструментов (саксофоны, трубы, ударные), разговорная интонация, свободный ритм и тембр. С точки зрения сюжетно-образной организации видеоролика наблюдается включение солиста, подпевающих артистов и слаженной игры оркестра.

Исследование показало, что данный подвид текстово-стилистической вторичности является самым распространенным и часто применяемым в медиадискурсе. В большинстве случаев встречается подражание поп-музыке, рэпу, року, рок-н-роллу, шансону, оперному пению. Кроме того, не исключительно и использование латиноамериканского, классического, народного стиля.

При *имитации архаичных текстов* рекламный лингвистический материал насыщен устаревшими лексическими единицами, этикетными формулами обращения и приветствия и грамматиче-

скими конструкциями, характерными для высокого стиля речи. Сюжетно-образная система (детали интерьера, внешний вид, поведение героев и др.) и используемые фонетико-орфоэпические нормы в таких роликах, как правило, воссоздает ту эпоху, стилизации которой создатели рекламы в тексте и хотят добиться.

Например, радиореклама строительной компании «Девелопмент-Юг» представляет собой подражание возможному диалогу людей, живших в прошлых столетиях: «– *Сударыня, имею желание хоромы купить, залы и опочивальню просторную. // – Не извольте сомневаться. У нас и зодчий проверенный, и кошелек не оскудеет».* В качестве маркеров рассматриваемого вида вторичности можно выделить следующие языковые особенности: использование вышедшей из употребления формы вежливого обращения к незнакомой женщине (*сударыня*), устаревших слов (*хоромы, залы, опочивальню, извольте*), синтаксических конструкций (*имею желание, не извольте сомневаться*), инверсивного порядка слов (*опочивальню просторную, зодчий проверенный*), общего высокого стиля общения. Орфоэпические нормы звучащего текста тоже архаичны: полное оканье (*х[о]ромы, [о]п[о]чивальню, пр[о]сторную, с[о]мневаться, пр[о]веренный, к[о]шелек, не [о]скудеет*) указывает на функционирование старой фонетической традиции.

Включение во вторичный рекламный текст типичных лексических единиц и формально-синтаксических моделей, свойственных прототексту, а также сохранение общей содержательно-смысловой основы, иронически интерпретируемой создателями медиатекста, характерно для аудио- и видеороликов, *имитирующих речевки, детские страшилки, клятвы и тексты, относящиеся к наивной детской картине мира*. Сюжетная организация подобного рода реклам обычно сохраняет типичную фабулу первичных текстов и при необходимости подкрепляется просодическими средствами.

Текст радиорекламы торгового центра «Галерея», по нашим наблюдениям, имитирует пионерские речевки: *«Кто шагает дружно в ряд? // Шопоголиков отряд! // Этой ночью ты не спи, // В "Галерею" приходи! // Все со скидкой покупай, // Модный велик получай!».* Рассматриваемое речевое произведение апеллирует к ритмически организованному тексту, который обычно читает

наизусть группа лиц в процессе строевой ходьбы. Необходимо заметить, что во вторичном рекламном тексте на просодическом уровне это учитывается, а подражание реализуется посредством громкого и четкого произнесения речевки хором. Сохранение ритмической организации стихотворного текста, типичного для речевок инициального предложения (*«Кто шагает дружно в ряд?»*), вопросительных и восклицательных синтаксических конструкций, вопросно-ответной формы изложения и некоторых типичных лексических единиц (например, "отряд") являются основными средствами создания стилизации в анализируемой рекламе.

Подражание текстам детских страшилок наблюдается в рекламном ролике жилого комплекса «Квартал А 101: *«– Тех, кто плохо себя ведет, забирают в заколдованный город, где все живут в темных коморках, и вместо парка там паркинг, и каждый день во двор приходят… // – Кто?! // – Чужие!».* Анализируемый материал напоминает короткий детский рассказ с постепенно нарастающим эмоциональным напряжением, которое достигается при помощи введения типичных лексико-семантических конструкций («плохо себя ведет», «заколдованный город», «темных коморках»), а также использования градации и умолчания. Выдуманный текст, имеющий фольклорное начало, произносит ребенок с целью испугать собеседника. Об этом свидетельствует заключительное восклицательное предложение, передающее устрашающий финал, интонационно-просодические особенности речи участников общения (вкрадчивый голос, медленный темп, шепот) и фоновое музыкальное сопровождение. Сюжет и хронотоп ролика также подчеркивают вторичную природу рекламного текста, являясь типичными для большинства первооснов: действие происходит вечером в темной комнате, дети накрываются покрывалом и рассказывают друг другу страшные истории.

Имитацию типичных *клятв* в любви и верности содержит текст рекламы компании «Rehau»: *«Обещаю всегда быть у твоих ног, исполнять твои желания системой интеллектуального управления Neo. Гарантирую, что тебе всегда будет тепло и комфортно как минимум пятьдесят лет. Обещаю нести свет, беречь твое тепло и сохранять тишину в доме всей системной глубиной своего профиля как минимум пятьдесят лет. Союз теплых полов и окон»*. Подражание множеству источников осуществ-

ляется с помощью использования исходных синтаксических моделей (определенно-личные предложения, ряды однородных членов), типичных слов (*«союз», «беречь», «сохранять»)* и лексических выражений («*Обещаю всегда быть у твоих ног», «исполнять твои желания»).* Структура и фабула текста в целом совпадает с протословом, однако изменение субъекта речи, дающего клятву в любви и верности, а также переосмысление содержания источника с учетом особенностей рекламируемого объекта создают общее пародийное звучание текста. Возвышенно-торжественный голос за кадром, а также спокойная мелодия и изображение сердец поддерживают имитацию протослова.

Особенности организации реклам, *имитирующих тексты*, характерные для *наивной детской картины мира,* можно выявить, проанализировав сюжетно-языковую специфику рекламного ролика продукции «Агуша»: *«Мама говорит: "Для сока "Агуша" нужны только фрукты. И больше ничего лишнего". Когда фрукты приходят в сок, они принимают душ, снимают хвостики и кожуру. Одетыми их в баночку не пускают. И с косточками не пускают»*. Типичные рассуждения ребенка и его метафорическое восприятие мира передаются благодаря созданию вымышленного рассказа посредством олицетворения увиденного. Главным персонажем видеоматериала поэтому является маленький мальчик, размышляющий о реальности сообразно возрасту. В качестве собственно языковых признаков подобных вторичных рекламных произведений можно выделить введение лексемы *«мама»*, прямой речи и олицетворений (*«фрукты приходят», «принимаю душ», «снимают хвостики и кожуру»*).

Таким образом, рекламные тексты-имитации неопределенного множества однородных произведений достаточно активно используются в медиадискурсе, имеют разные источники построения, воссоздают типичные для него сюжетные и языковые особенности.

Литература

1. Агранович Н.Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. – 23 с.

2. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов: (на материале современного английского языка): дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. – 219 с.

3. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: ВолГУ, 2006. – 380 с.

4. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура / под ред. Н.А Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. – С. 81.

5. Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. – 39 с.

ЭРГОУРБАНИМИКОН СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

И. А. Герасименко
iragerasimenko@mail.ru
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

Эргоурбонимия любого населённого пункта, выступая уникальной подсистемой ономастического пространства, имеет свои особенности формирования, развития и функционирования. Эргоурбонимы (термин Р. И. Козлова) как названия корпораций, предприятий, фабрик и подобных объектов, а также названия торговых центров и жилых комплексов выступают в качестве номинации топографического (адресного) объекта и в качестве средства привлечения внимания.

Цель работы – рассмотреть средства номинации деловых предприятий современной Горловки сквозь призму экологии языка.

Эргоурбонимы как названия локализованных предприятий **торговли, сферы услуг** и **общественного питания** современной Горловки, сохраняя сведения об исторических фактах, политических предпочтениях, эстетических вкусах и отображая традиции населяющих регион народов и народностей, подвержены языковой моде и орфографическим вкусам эпохи. В связи с этим ореол модности и современности продолжают сохранять эргоурбонимы, образованные с помощью иноязычной лексики. Использование иностранных слов в **эргоурбоним**ии современного Донбасса приобрело широкий охват и универсальных характер. Это проявляется в том, что иноязычные названия используются во всех городах Донбасса для всех типов рассматриваемых объектов, неза-

висимо от сферы деятельности. Такие **эргоурбонимы** существуют как в исконном, так и в транслитерированном виде. Ср.: магазин автозапчастей *«Inter Car»*, магазин спортивного питания *«Centurion»*, предприятие по установке и настройке систем видеонаблюдения *«SmartLine»,* кофейня *«One love coffee»*, магазин детских товаров *«Baby boom»*, магазин детской одежды *«Top Shop»*, магазин электроники *«SteelSmart»*, магазин одежды, обуви и аксессуаров *«Red Wall»*, магазин ногтевой эстетики *«Nail. store»*, магазины одежды *«Modern»* и *«Europa»*, пиццерия *«Sun city»*, салоны красоты *«Exclusive»* и *«Killian»*, маркет электроники *«Фокс»* (от *Fox*)*,* кафе *«Трэвэлерс Кофе»* (от *Travelers*), ресторан *«Суши Таун»* (от *Town*) и др. Иноязычные заимствования занимают значительное место в эргоурбанимиконе Горловки. Это объясняется тем, что понятие «иностранный», как правило, «ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними разработками» [4, с. 54].

На наш взгляд, номинации типа магазины *«Obyvnoy»*, *«Tuffelka»*, *«Piramida», «Ваша Para»* и под., формируя у молодого поколения восприятие иноязычных слов как «модных», «престижных», «повышающих статус» коммерческого предприятия, крайне отрицательно сказываются на экологии родного языка. Как справедливо замечает В. Г. Костомаров, «громадную роль в определении нынешнего орфографического вкуса следует приписать рекламе и в целом масс-медиа. Формируясь на рубеже лингвистических и графических, точнее – всех изохудожественных средств (вплоть до цвета и звука), они принципиально переплетают языковую и внеязыковую стороны, что и вызывает органическую потребность в новых типах письменного оформления текста» [5, с. 281-282].

Как показывают примеры, номинаторы не просто черпают номинативные ресурсы из английского языка, они активно и «даже с азартом создают новые русские слова на иноязычном материале, причем не только в виде слов, но и в виде морфем» [8, с. 46]. Такими популярными морфемами остаются *land / лэнд, market / маркет, shop,* а также появившиеся в последнее десятилетие компоненты *art* и *store.* Ср. следующие названия Горловки: магазины *«Стройленд», «Zoo Land», «Спортмаркет», «Алкомаркет», «Аквамаркет»,* магазин бытовой техники *«Tezza. shop»*, ма-

газин бытовой и климатической техники *«Клим Art»*, магазин духов «*Parf Store»* и др. В последнее время в эргоурбонимах стали использоваться словообразовательные элементы *byte* и *байт*: магазины бытовой техники *«Don byte», «Мегабайт».* При этом модным продолжает оставаться и словообразовательный элемент *евро*: магазины *Евростройй», «Европа», «Евромода»* Л. З. Подберезкина, исследуя языковую ситуацию еще 1990-х, отмечает, что «евроцентричность» является преобладающей тенденцией ономастического сознания имядателей в современном обществе. Здесь информативный компонент значения «относящийся к Европе, происходящий из Европы» отступает на задний план, более значимыми оказываются компоненты значения «престижность и причастность к общему экономическому пространству» [7, с. 43]. Однако такие названия несут реальную опасность в поликультурном мире, так как смещаются ценности, формируется новый образ престижности.

По мнению Ю. В. Вайрах, продуктивность заимствований при образовании эргоурбонимов свидетельствует об активном процессе глобализации и ориентации горожан на западную культуру [2, с. 81]. Л.В. Виноградова, Н. А. Преснякова, помимо глобализации, объясняют популярность названий на иностранном языке тем, что «необычность графического облика слова привлекает внимание, звучит величественнее и дороже, кроме того, считается модным, оригинальным, стильным» [3, с. 65].

К модным тенденциям эргоурбонимикона современной Горловки относятся номинации с хэштегами. Как известно, хэштег – это метка, которая используется для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах. Помечая свои сообщения хэштегом, пользователи сети маркируют их и дают возможность другим пользователям найти тематическую информацию с помощью поиска. Такой способ маркировки пришел из Твиттера и быстро распространился по другим социальным сетям. Если знать, как пользоваться хэштегами, они помогут структурировать информацию по конкретному запросу и потенциально увеличить посещаемость ваших страниц. Однако заимствованный из социальных сетей хэштег стал использоваться с эргоурбонимиконе Горловки. Ср.: салон красоты *«#ВсемБрови»*. Его эффективность

проявляется в том, что эргоурбоним становится коротким, уникальным и запоминающимся.

Продолжают оставаться популярными ретро-номинации – эргоурбонимы, включающие элементы дореволюционой орфографии (магазины *«Ажуръ»* и *«Булкинъ»,* ресторан *«Трактиръ»,* закусочная *«Бургеръная»*), а также номинации, сочетающие довеволюционную графику и современную латиницу (магазин *«Провиантъ Perfect»*). Использование буквы **Ъ** вызвано воссозданием колорита старины и ассоциируется со стабильностью, традициями и историей Российской империи. Как пишет В. Г. Костомаров, «любование упразднёнными буквами старой азбуки есть, конечно же, проявление крайности моды на книжность» [5, с. 280].

С целью привлечения внимания номинатор часто прибегает к орфографической игре, что приводит к нарушению целостности слова. Так, в названии кафе с кальяном *«Дунь ка»* разделение слова на две отдельные единицы создаёт эффект языковой игры со смыслами ‘Дунька’ и ‘Дуть’ и, на наш взгляд, препятствует восприятию языкового знака как цельнооформленного элемента. Другая тенденция – включение в русскоязычные названия букв латинского алфавита. Ср. необоснованное чередование кириллицы и латиницы в одной лексической единице» [9, с. 121]: *сеть магазинов «Геркулес – MoLoko».* Эти и подобные примеры показывают, что процесс номинации локализованных предприятий торговли, сферы услуг **и** общественного питания современной Горловки, с одной стороны, находится в контексте влияния вкуса эпохи на языковую жизнь общества, а с другой, – расшатывает графические нормы русского языка.

Эргоурбонимикон современной Горловки также наполнен неоднородной лексикой с минимумом нормативных ограничений. Видимо, непринуждённость и неофициальность общения современного носителя языка порождает лексическую свободу, которая проявляет себя в лексемах жаргонного характера типа одобр. *класс* ‘отлично’ от *классный* [6, с. 172] и *хочуха* от глагола *хотеть*. Ср.: пассажирские перевозки *«Доедем классно»,* магазин игрушек *«Хочуха»* и под. Эти примеры демонстрируют насаждение речевой раскованности, допуская свободное использование жаргонной лексики. Возможно, привлечение этих и близких к ним единиц обусловлено осознанным снижением регистра речи

для обеспечения достоверности и выразительности сказанного, так как эргоурбанимикон современной Горловки, снабжённый такими лексемами, копирует неофициальное общение современных носителей языка. Однако включение жаргонизмов логично приводит к формированию небрежного отношения «к языку и речи, к соблюдению правил этикета и этикетных норм, возникают привычки, которые переносятся на другие виды общения» [1, с. 23]. Поэтому данные слова должны более взвешенно вводиться в речевую матрицу эргоурбанимикона.

Итак, как показывает материал исследования, эргоурбонимы современной Горловки функционально, семантически, структурно и орфографически находятся в контексте влияния вкуса эпохи на языковую жизнь общества. Считаем, что включение иноязычной лексики, элементов дореволюционной графики и современного латинского алфавита в коммерческую номинацию, хотя и подвержено языковому вкусу эпохи, является неоправданным проявлением языковой свободы. На наш взгляд, коммерческая номинация внутригородских объектов должна быть более взвешенной и оправданной. Данная проблема требует дальнейшего рассмотрения и анализа, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Литература

1. Байкулова, А. Н. Основные тенденции развития официального и неофициального общения / А. Н. Байкулова // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика.- 2014. - Т. 14. - Вып. 3. - С. 22-25.

2. Вайрах, Ю. В. Эргоурбонимия города Иркутска : структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ю. В. Вайрах. - Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2011.- 24 с.

3. Виноградова, Л. В., Преснякова Н. А. Языковое лицо современного Пскова и области / Л. В. Виноградова, Н. А. Преснякова // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. – Псков : Логос Плюс, 2015. - С. 62-67.

4. Герасименко, И. А. Лингвокультурная полифония эргонимов современного Донбасса сквозь призму экологии языка / И. А. Герасименко // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия : «Социальные и гуманитарные науки».- 2 (22). - 2019. - С. 52-60.

5. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа; изд. 3-е, испр. и доп. / В. Г. Костомаров. - СПб. : Златоуст, 1999. - 320 с.

6. Никитина, Т. Г. Ключевые концепты молодёжной культуры: тематический словарь сленга / Т. Г. Никитина. - СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. - 864 с.
7. Подберезкина, Л. З. Городская среда в фокусе лингвокультурологии / Л. З. Подберезкина // Языковая ситуация в России конца XX века: тез. докл. Междунар. симпозиума. - Кемерово: Прима, 1997. - С. 43-45.
8. Шмелёва, Т. В. Ономастикон городской среды: приметы современности / Т. В. Шмелева. // Ономастикон с позиции саморегуляции текста. - Славянск-на-Кубани: Изд-во КГУ, 2013. - С. 32-54.
9. Юдина, Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография] / Н. В. Юдина. - М. : Гнозис, 2010. - 293 с.

ГОРОД В ДИХОТОМИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ ЯЗЫКА И АРХИТЕКТУРЫ

Г.А. Задонская
gzadonskaia@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Санкт-Петербург)

Поиски эффективных лингвометодических форм обучения русскому языку иностранных студентов архитектурно-строительных специальностей направлены на формирование профессиональной компетентной личности специалиста.

Сегодня это выпускник вуза, осознающий, что динамика развития архитектурно-градостроительного творчества отражает интеграционные процессы многих сфер жизни, что это уникальная модель системы, сочетающей мировое и отечественное культурное наследие с современными наднациональными практиками в градостроительстве и зодчестве.

Подготовка иностранных специалистов архитектурно-строительного профиля в российских вузах (опираемся на систему подготовки бакалавров и магистров в СПбГАСУ) отвечает требованиям интегрированности в международное образовательное пространство, «вооружает» студентов пониманием того, что ускоряются процессы устаревания знаний, обновляются пути и формы их получения. Интернет-ресурсы, лекции приглашенных архитекторов-практиков как российских, так и иностранных, по-

сещение архитектурных биеннале и выставок, академический обмен, практики в странах с вузами-партнерами университета становятся необходимым дополнением к традиционному архитектурно-творческому образованию.

Степень и динамика овладевания знаниями проявляется в участии студентов в совместных проектах, конкурсах (иногда неожиданных – «макаронное строительство»), научных конференциях. Качество получаемого образования отражается в качестве приобретаемых умений: для строителей – обязательное владение BIM-технологиями; для архитекторов, реставраторов, градостроителей – 3-D проектирование; для всех специалистов как возможность проявить профессиональные навыки на практике – участие в конкурсах проектов на застройку конкретных участков городских территорий, идеи и способы реновации «серого пояса» Санкт-Петербурга, проектирование дорожных развязок, пешеходных зон и многое другое.

Такая стратегия образования закладывает основы инновационного мировоззрения специалиста-архитектора, строителя, формирует культуру его мышления, готовность к постоянному обновлению знаний, к самосовершенствованию и саморазвитию. Она же определяет вектор поиска новых лингвометодических форм обучения русскому языку как иностранному, который, по справедливому замечанию В. Г. Костомарова, уже не лежит в русле классического когда-то пособия «Русский язык для всех». И дело не только в том, что «обойтись одним пособием … уже не получится» [1, с. 105]. Активные исследования лингвистических особенностей научной речи в 1960-70-х годах, в следующих десятилетиях – структурно-семантических характеристик научного текста (Г. Н. Золотова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, Е. И. Мотина, Л. И. Клобукова) обосновали закономерное внедрение в высшее профессиональное образование практико-ориентированных профессионально-коммуникативных технологий.

Дальнейшее повышение требований к профессиональной компетентности выпускаемых специалистов с учетом ожиданий мирового рынка труда объясняет появление интегративной модели профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных учащихся-нефилологов. Ее эффективность, по мнению И. А. Пугачева, определяет «весь процесс организации пре-

подавания русского языка в неязыковом вузе», где обучение русскому языку рассматривается «и как средство получения специальности, и как средство общения в диалоге культур, и как средство гуманистического развития учащихся средствами русского языка» [7, с. 17].

В этом тезисе находим своего рода лингводидактический потенциал наиболее эффективных профессионально-коммуникативных технологий изучения русского языка, необходимых для становления современной личности специалиста-архитектора, градостроителя, реставратора, строителя.

Целостность лингводидактической системы профессионально ориентированного обучения иностранных студентов указанного профиля обеспечивается несколькими принципами, важнейшими из которых являются

- принцип преемственности довузовской подготовки и основного этапа обучения;

- принцип совершенствования мотивационного аспекта изучения русского языка и речевой практики;

- принцип профессионально-коммуникативной целостности и последовательности в подаче лексико-грамматического языкового материала;

- принцип текстоцентричности и в соответствии со степенью овладения русским языком динамично развивающейся гипертекстовой технологии.

Определяя актуальные векторы архитектурного образования и выявляя современные тенденции зодчества, известный исследователь-искусствовед В. И. Наумова отмечает необходимость формирования культуры получения знаний и развития нового контекстуального мышления в архитектурно-художественной сфере деятельности . Успех интеграции в международное образовательное пространство, как считает автор, зависит от следования идее преемственности и непрерывности в архитектурном образовании, в практике архитектурно-градостроительного творчества, основанных «на принципах передачи культурных ценностей, в сохранении национальных традиций, познании интернациональных тенденций в искусстве» [6, с. 55].

Город как культурное пространство всесторонне изучался многими исследователями (Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, В.

Л. Глазычев, А. В. Иконников, Ю. И. Курбатов). Своего рода обобщенным тезисом становится высказывание М.С. Кагана: «Изучение города – путь познания нашей культуры» [4, с. 11].

Рассматриваемый как порождение культуры, город становится универсальным расширенным образовательным пространством, удовлетворяющим требованиям профессионального архитектурно-градостроительного образования. Для формирования зодчего как личности креативной, концептуальная картина мира которой складывается во многом из опыта мировых архитектурных практик, изучение города – это изучение его целостности, понимания того, насколько он представляет «сложную живую самоорганизующуюся систему, в процессе освоения которой личность приобретает опыт существования в пространстве культуры, культурную компетентность» [5, с.143].

Таким образом, Санкт-Петербург – город, выбранный иностранными учащимися как место проживания и обучения, в культуре и зодчестве которого по-настоящему переплетено национальное и интернациональное, закономерно становится и объектом профессионального интереса и изучения. Он вызывает желание понять его душу и «прочитать» его как целостный сложно структурированный текст, в котором «через знаки невербальной коммуникации автор транслирует большие объемы социокультурной информации» [8, с. 186].

Включенный в список ЮНЕСКО как объект мирового архитектурно-культурного достояния, Санкт-Петербург дает безграничный фактуальный материал, использование которого в лингводидактических целях делает изучение русского языка интересным и мотивированным даже для прагматичных студентов-нефилологов.

Принцип текстоцентричности уже на начальном этапе обучения позволяет представить лексико-грамматический аспект на материале, максимально приближенном к будущей специальности учащихся, а непродолжительные учебные экскурсии обеспечивают его наглядно-образное чувственное восприятие, что важно для накопления эстетического опыта профессиональной творческой личности зодчего-градостроителя [2; 3]. Кроме того, анализируя объекты архитектуры (формы, объемы, детали здания, их размеры, пропорции, материалы, используемые при строитель-

стве дворцов, набережных), учащиеся формируют не только общекоммуникативный, но и профессиональный тезаурус; очевидной становится интегрированность русского языка с другими дисциплинами, активизируется речевая практика студентов.

Реализация принципа преемственности обучения и использование в дальнейшем гипертекстовых технологии (интернет-ресурсы, профессиональные сайты) позволяют с помощью текстов о современных проблемах мегаполисов, достижениях в архитектурно-строительной отрасли формировать умения трансформировать информацию в соответствии с целями профессионально-учебного, профессионально-делового общения, представлять ее в форме презентаций, докладов; участвовать в ее обсуждении и оценке.

Таким образом, город как расширенное образовательное пространство расширяет лингводидактические возможности профессионально направленного обучения русскому языку, а «исследование и интерпретация его многогранной жизни во всех проявлениях и взаимосвязях может стать мощным стимулом интеллектуального и нравственного становления и развития личности» [5, с.147].

Литература

1. Аннушкин В. И. Юбилей академика В. Г. Костомарова как всеобщий научный праздник // Мир русского слова №1, 2015. – С.104-106.

2. Задонская Г. А. Терминологическая лексика на занятиях по РКИ в аспекте профессиональной подготовки и социокультурной адаптации иностранных учащихся архитектурно-строительных специальностей // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум. Специальность. Сб. статей 1-ого Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов в 2 частях. М.: РУДН, 19-21 октября 2017. – С 316-319

3. Задонская Г. А. Гуманитарные технологии в контексте обучения языку специальности иностранных студентов архитектурного профиля. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ» (Западный филиал) г. Калининград. 30 мая -1 июня 2019. Стр.302- 304

4. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018 – 515 с.

5. Мастеница Е. Н. Культурное пространство города как объект исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования. 2011. №3. – С. 128-147.

6. Наумова В. И. Современные тенденции архитектурно-художественного творчества и актуальные векторы архитектурного образования. Автореф. …доктора искусствоведения. Барнаул. 2011. – 69 с.

7. Пугачев И. А. Интегративная модель профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных бакалавров технического и естественнонаучного профилей. Автореф. …доктора педагогических наук. М. 2016. – 50 с.

8. Стукалова С. Т. О расширении инструментария в семиотических исследованиях «текста культуры» // Вестник МГЛУ. Выпуск 22 (707) / 2014. – С. 183-190.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ЧАСТЬ РЕГИОЛЕКТА[16]

Ю.Ю. Магерамова
mager.u@bk.ru
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
(Магадан)

Термин регионолект (региональный язык, региональный вариант национального языка, территориальный вариант литературного языка, локально окрашенный вариант литературного языка) имеет сравнительно недавнюю традицию употребления в лингвистике: лишь с 90-х годов XX века понятие регионолекта стало активно разрабатываться и применяться в исследованиях преимущественно городской речи жителей периферийных в территориальном отношении регионов России. Наиболее пристальному вниманию ученых подверглись дальневосточные районы нашей страны: Амурской области (работы Е.А. Оглезневой), Бурятии (работы А.П. Майорова), отчасти – Магаданской области (работы Н.Н. Соколянской, Ю.А. Резвухиной и др.). В связи с этим Е.А. Оглезневой даже предложено использовать термин *дальневосточный регионолект* [5, с. 65]. Присоединяясь к аргументам экстралингвистического и собственно лингвистического плана в пользу существования этого понятия (отнесенность к Дальнево-

[16] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00266.

сточному региону с точки зрения административно-территориального деления, относительно позднее время заселения, плотные контакты с автохтонным населением, зачастую отмечаемое исследователями отсутствие диалектной базы при формировании регионалектных особенностей и др.), необходимо подчеркнуть, что Магаданская область занимает особое положение своей особой автономностью, закрытостью от языковых контактов (в частности, мы говорим об отсутствии непосредственных границ с иностранными государствами, что практически исключает возможность прямых заимствований, к примеру, из китайского или корейского языков). Однако в целом термин *дальневосточный регионалект* может быть вполне применим и к языковым особенностям Магаданской области.

Рассматриваемый нами локально окрашенный вариант русского литературного языка состоит, как и прочие регионалекты, из ряда заметных черт, которые можно отнести, в первую очередь, к явлениям лексического характера (наличие лексических единиц, отсутствующих в литературном языке), реже – фонетические явления, которые обычно отражаются на уровне просодики (мелодики или темпа речи). Менее заметными на первый взгляд, но не менее распространенными в кругу регионально окрашенных слов выявляются лексические единицы, которые можно отнести по аналогии с семантическими диалектизмами к семантическим регионализмам. В эту группу входят слова, полностью совпадающие с лексемами литературного языка и обычно активно используемые в значениях, свойственных литературному языку, при этом имеющие лексико-семантический вариант, употребительный жителями определенном территории, но неизвестный носителям литературного языка, проживающим в других регионах. Назвать такие слова диалектными не представляется возможным, так как, во-первых, они распространены преимущественно в речи городских жителей, и, во-вторых, не обнаруживают связи с какой бы то ни было диалектной основой. К примеру, к семантическим регионализмам относится лексема *трасса*, которая используется жителями г. Магадана и Магаданской области как в общеизвестном, так и в сугубо локализированном значении: *трасса – территория, по которой проходит бывшая Колымская трасса*.

Особую подсистему регионолекта составляют, по нашему мнению, так называемые неофициальные топонимы – слова или словосочетания, отличающиеся от номенклатурных наименований, но бытующие в речи городских жителей и называющие различные урбанонимы. Подобные названия для внутри- и окологородских объектов не являются специфической чертой именно дальневосточного регионолекта – аналогичные лексемы существуют фактически в каждом более или менее крупном населенном пункте. Данные подсистемы отдельных городов достаточно детально описаны исследователями, однако в подобных работах неофициальные топонимы рассматриваются как элементы *языка города*. Эта точка зрения представлена, например, в трудах Т.С. Борейко и Е.А. Шпак [1], О.Н. Евсюковой [2], О.А. Шариповой [6] и др. Мы же склонны отграничивать это близкое, но не идентичное понятие от понятия *регионолект*. Безусловно, *язык города* составляет ядерную часть регионального варианта русского литературного языка, однако *регионолект* распространяется за городские пределы, захватывая зачастую не только близлежащие окрестности, но и довольно отдаленные в пространственном отношении населенные пункты. Регионализмы, в том числе и неофициальные топонимы, встречаются и в речи жителей поселков, расположенных в Магаданской области, и также включены в общую систему *регионолекта*. К примеру, в п. Хасын, отдаленном от Магадана восьмьюдесятью километрами, функционируют собственные наименования топообъектов, не являющиеся официальными: *Распадок* (название лощины, напротив центра поселка), *Маркизиха* (ручей, протекающий в центральной части Хасына), *Долговка* (историческая часть поселка, название которой имеет отношение к одному из руководителей геологоразведывательной организации А.Н. Долгову), *Голубой гусь* (ныне не сохранившийся дом, на стене которого, по свидетельствам старожилов, был нарисован крупный гусь голубого цвета) и т. п. Безусловно, названные и им подобные территориально маркированные лексемы являются частью общего локально ограниченного варианта русского литературного языка.

В нашей статье, тем не менее, мы рассмотрим ту часть неофициальной топонимики регионолекта Крайнего Северо-Востока России, которая непосредственно связана с г. Магаданом. Необ-

ходимо отметить, что в основе региональной неофициальной топонимической системы лежат принципы, характерные для общероссийской топонимии, а сами урбанонимы построены по типичным моделям. В самом общем смысле с точки зрения формирования данных лексических единиц чаще всего прослеживается три основных пути: деривационный, метафорический и метонимический.

К словообразовательно мотивированным топонимам можно отнести такие наименования, как *Антенка, Инвалидка, Колбаска, Молодежка, Снежка, Старуха, Транзитка, Швейка* и др., образованные проявляющим сегодня активность способом универбации от словосочетаний соответственно *Антенное поле, Инвалидный дом, Колбасная фабрика, Молодежный центр, Снежная долина, Старая Веселая, Транзитная улица, Швейная фабрика.* Множество аналогичных примеров компрессионного словообразования можно наблюдать в современной разговорной речи. К слову сказать, некоторые из этих топонимов постепенно устаревают и сохраняются лишь в памяти более старшего поколения жителей Магадана. Например, такое наименование как *Антенка*, по результатам опроса населения города, неизвестно молодым информантам (они предпочитают использовать по отношению к данному топообъекту официальное название – *сквер (парк) имени Болдырева*). Наименования *Колбаска, Швейка* постепенно также выходят из активного употребления в связи с закрытием в Магадане Колбасной и Швейной фабрик.

Еще один распространенный способ образования неофициального топонима – усечение компонента словосочетания, обычно включающего в состав слова с количественным значением: *31-й* (без *квартал*), *Торговый* (без *центр* или *комплекс*), *третий* (без *микрорайон*), *14-ый* (без *километр*), *23-ий* (без *километр*), *56-ой* (без *километр*) и др. Три названных последними в списке топонима обременены дополнительными значениями, являющимися «говорящими» для жителей города. На 14-м километре расположено городское кладбище, на 23-м километре – психоневрологический диспансер, в районе 56-го километра действует магаданский аэропорт Сокол. В связи с этим данные топонимы приобретают новые лексико-семантические варианты: это уже не просто обозначение определенного места, а наименование совершенно

конкретных объектов. В речи магаданцев возможны речения типа *«отвезут на 14-ый»* (в значении *похоронят*), *«сбежал с 23-го»* (в значении *из сумасшедшего дома*), *«еду на 56-ой»* (в значении *в аэропорт*).

Существенную долю неофициальных топонимов имеют метонимические по способу образования лексемы: то или иное место в городе именуется посредством использования заметного, всем известного объекта, там располагающегося. Чаще всего это названия магазинов и торговых центров: *Мегамаг* (гипермаркет), *Идея* (торговый центр), *Восход* (крупный магазин в центре города), *Полярный* (уже не действующий магазин, наименование которого иногда по-прежнему используется магаданцами в качестве топографического ориентира), *Пингвин* (сокращенное название района, где расположен магазин «33 пингвина»), *Звезда* (ныне не действующий кинотеатр, ставший в речи жителей города неофициальным обозначением отдаленного от центра района), *Телевышка,* или просто *Вышка* (один из центральных районов Магадана с возвышающейся Телевизионной башней), *Пединститут* или *Университет* (с конкурирующими неофициальными топонимами *Пед* или *Универ*) и мн. др.

Метафорических по происхождению неофициальных топонимов отмечено небольшое количество – *Яма* (район города, находящийся в низине)*, Простоквашино* (отдаленный от центра район города Магадана)*, Шанхай* (несколько окраинных районов, для которых характерна стихийная застройка частными домами) и некоторые другие.

Значительная часть неофициальных топонимов относится к семантическим регионализмам в связи с их существенным смысловым расхождением с аналогичными лексемами литературного языка.

На основе анализа неофициальных городских урбанонимов и их употребления носителями языка мы пришли к выводу о том, что данная группа лексики является неотъемлемой и активно используемой частью локально ограниченной разновидности русского литературного языка. К сожалению, эта часть колымского региолекта пока не нашла отражения в лексикографических источниках, посвященных данному языковому феномену. Изданные магаданскими исследователями словари посвящены другим ас-

пектам описания лексического фонда: «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова [3] является по своей сути все же словарем диалектным, краткий словарь Ю.А. Резвухиной «Колымские регионализмы переходной эпохи…» [6] включает в словник некоторые регионализмы лишь начала XX века. Безусловно, оба названных словаря при всей их научной ценности не отражают современного состояния регионолекта данной территории. Создание такого словаря – своевременный и необходимый шаг, который должен быть сделан языковедами в ближайшее время.

Литература

1. Борейко Т.С., Шпак Е.А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска) // Гуманитарные исследования, 2013, № 1. – С. 62-64.

2. Евсюкова О.Н. Неофициальные топонимы г. Магадана (к постановке вопроса) // Колымский гуманитарный альманах / под ред. А.И. Широкова. Магадан: изд-во «Кордис», 2009. Вып. 4. – С. 138 – 144.

3. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во Сев.-Вост. гос. ун-та, 2010.

4. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.

5. Оглезнева Е.А. К вопросу о границах дальневосточного регионолекта // Вестник бурятского государственного университета, 2014. № 10. – С. 65-68.

6. Резвухина Ю.А. (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века). Магадан: СВГУ, 2014.

7. Шарипова О.А. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник, 2012, № 4. Том I (Гуманитарные науки) – С. 203 – 206.

АСПЕКТЫ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

СОСТАВНЫЕ СОЮЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИНЦИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

О.И.Глазунова
o.i.glazunpva@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

Особую группу в языке составляют указательные местоименные наречия со значением причины, следствия и цели *потому, оттого, затем*. Пребывая в главной части сложноподчинённого предложения, указательные местоименные наречия соотносятся с союзами или союзными словами в придаточной части. «Составные (неоднословные) союзы по своему строению представляют нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово» [2, с. 715].

Морфологическое строение указательных местоименных наречий *потому, оттого, затем* включает пространственные предлоги **по**, **от**, **за** и указательные местоимения, которые в составе сложноподчинённого предложения употребляются в сочетании с союзами *что*, *чтобы*, *как*. Слитный характер написания указательных местоименных наречий отличал их от предложно-падежных форм, давая возможность использовать их не в прямом, а в переносном значении в качестве средств выражения причинно-следственных отношений.

Сравним предложения: Он оценивает благополучие хозяйства *по тому, что* в нём выращивают. — Он оценивает благополучие хозяйства *потому, что* знает его. В первом предложении указательное местоимение *то* с предлогом **по** взаимодействует с союзным словом *что* в составе придаточного предложения, во втором — указательное местоименное наречие *потому* соотносится с союзом.

Причинно-следственные и целевые отношения между главной и придаточной частями сложноподчинённого предложения строятся на взаимодействии ситуаций, взаимной связи двух событий в пространстве и времени, которые устанавливаются умо-

зрительно, на основе логической связи явлений. Следовательно, указательное местоименное наречие может соотноситься только с союзом, а не с союзным словом, которое присоединяет придаточную часть не ко всей главной части, а лишь к отдельному её члену. При употреблении в главном предложении указательного слова, придаточное предложения со значением следствия оформляется с помощью союза *что*, который соотносит с указательным словом всю ситуацию: Он это сделал *потому*, *что* хотел всех удивить.

Употребление в причинно-следственных и целевых конструкциях, связывающих две конкретные ситуации, парных местоименных наречий *потому — почему, оттого — отчего, затем — зачем* невозможно, так как *почему, отчего, зачем* являются не союзами, а союзными словами, выступающими в качестве члена придаточного предложения. Однако если в качестве придаточного предложения выступает обобщённо-иллюстративная структура, указывающая на общепринятый характер действия, принцип равновесия между главной частью, включающей указательные слова *потому, оттого, затем*, и придаточной частью с союзными словами *почему, отчего, зачем* будет восстановлен: Он это сделал *потому, почему* все так делают; Он это сказал *затем, зачем* все говорят. Если все так поступают, то это само по себе уже имеет обоснование; следовательно, использование местоимения *почему* в позиции союзного слова в данном случае является правомерным.

Включение конкретной ситуации в более широкий контекст традиционных представлений присутствует в конструкциях с парными местоименными наречиями *потому — почему, оттого — отчего, затем — зачем*, выражающими причинно-следственное соответствие. Союзы — это «средства, предназначенные не для описания мира, а для маркировки каких-то аспектов деятельности сознания при восприятии и передаче информации» [4, с. 9]. Умозрительный статус причинно-следственных, целевых, временны́х, условных, уступительных, метафорических, а также основанных на глагольном действии заместительных отношений, которые складываются между частями сложноподчинённого предложения, т. е. невозможность привязать конструк-

ции с этими значениями к реальным объектам действительности, нивелирует роль указательного слова в главной части.

По этой причине указательное слово обретает способность переходить в придаточную часть предложения, образуя составные союзы *потому что, затем что, оттого что, затем чтобы, так как*: Он это сделал, *потому что* хотел всех удивить. Стоит отметить, что в случае присоединения придаточной части к главной с помощью союзного слова (а не союза) формирование такого рода составных конструкций было бы невозможно: союзное слово является самостоятельным членом придаточного предложения и не может сочетаться с дублирующей его указательной структурой.

Синтаксическая модель совмещения указательного слова с союзами оказалась чрезвычайно востребованной и привела к созданию в языке целого ряда средств, предназначенных для связи частей сложноподчинённого предложения: *для того чтобы, с тем чтобы, до того как, перед тем как, после того как, между тем как, при том что*. Устойчивость такого рода сочетаний[17] позволила выделить эти средства в качестве класса составных подчинительных союзов.

Продуктивность данной модели способствовала тому, что в состав союзов стали включаться не только непроизводные предлоги, указательные слова и союзы, но и предлоги производные, а также предложно-падежные формы существительных, прилагательные и деепричастия; и каждая лексема дополняла союз свойственными ей значениями: *мало того что, в то время как, с тех пор как, по мере того как, вместо того чтобы, ввиду того что, подобно тому как, несмотря на то что, вследствие* (*из-за*) *того что, вплоть до того что, независимо от того что, на основании того что, на том основании что.* Даже в том случае, если союзы не содержали указательные слова (например, союзы *в случае если* (*когда*)*, на случай если*), они входили в них имплицитно: *в* ***том*** *случае если* (*когда*), *на* ***тот*** *случай если*.

[17] В. В. Виноградов называл их «союзными речениями» [1, с. 31]. Ю. В. Лядова пишет о том, что «семантика межфразовых связей маркируется через союзные скрепы», при этом «усложненное слово будет являться по своей сути речеумственным заключением» [3, с. 55-56].

Очевидно, что основу приведённых выше составных союзов составляют указательные слова с предлогами, которые соотносятся с ситуацией, выраженной в придаточной части. Функция предлога в данном случае состоит в уточнении ракурса восприятия обстоятельственных значений (времени, причины, следствия, условия, уступки, цели) в контексте предложения: *После его приезда* дети успокоились. — *После того как он приехал*, дети успокоились; *При хороших оценках* он мог бы поступить в вуз. — *При том что оценки у него хорошие*, он мог бы поступить в вуз.

Аналитическое строение составных союзов приводит к тому, что написание некоторых из них до сих пор остаётся под вопросом. Например, в союзе *при том что* указательное местоимение с предлогом может писаться как слитно, так и раздельно. В «Русском орфографическом словаре РАН» рекомендуется слитное написание — *притом что* (по аналогии с простым союзом), в других словарях — раздельное.

Союз *при том что* вводит в сложноподчинённое предложение сопутствующее обстоятельство, выражающее условие, которое должно было оказать влияние на развитие ситуации в главной части, но не оказало. На уровне синтаксиса данное противоречие может быть выражено несколькими способами: 1) грамматически — с помощью сослагательного наклонения в главной части сложноподчинённого предложения, указывающей на неосуществимость действия (*При том что* правящая лейбористская партия обладает большинством в парламенте, принять соответствующий закон *не составило бы* труда); 2) семантически — с помощью противоречий, заложенных в семантике главной и придаточной частей предложения (*При том что* банки не работали, курс продолжал обваливаться, приходилось менять ценники по несколько раз в день). В первом случае союз вносит в предложение значение условия; во втором — уступки.

Множественность возможных ракурсов восприятия обстоятельственных значений, сопутствующих развитию ситуации, выраженной в главной части сложноподчинённого предложения, обусловливает широкий выбор языковых средств, которые предназначены не только для семантической, но и для

стилистической их градации. Например, в разговорной речи широко используются союзы *из-за того что; благодаря тому что,* а в официально-деловой — союзы *ввиду того что; в связи с тем, что; в силу того, что* с теми же значениями.

В той части составного союза, которая относится к придаточной части, используются союзы *что, чтобы, как, когда, если*, которые вводят ситуацию, выраженную придаточным предложением. Союз *что* при вхождении в составной союз предваряет ситуацию, связь которой с главной частью сложноподчинённого предложения определяется указательными словами и предлогами (*при том* что), а также лексемами, мотивированными предложно-падежными формами существительных (*в сравнении* с тем что), прилагательными (*мало* того что, *независимо от* того что), деепричастиями (*несмотря* на то что).

Союз *чтобы* указывает на целевое или модальное значение придаточной части; союз *как* вводит в сложноподчинённое предложение ситуацию со значением времени или соотносящуюся с предикатом сопоставительную конструкцию, как, например, в предложении: Концентрированная серная кислота при нагревании реагирует с ртутью и серебром, *подобно тому как* она реагирует с медью. В составе составного союза *что, чтобы, как, когда*, в отличие от соотносящихся с ними союзных слов, обладают служебными функциями, указывая на соотнесённость в пространстве и времени ситуаций, выраженных главной и придаточной частью.

Например, в составе сложноподчинённого предложения в автономной позиции союз *когда* традиционно вводит придаточную часть со значением времени: *Когда* он вошёл, все замолчали. В составном союзе, мотивированном предложно-падежной формой *в случае*, использование *когда* указывает на потенциально возможные варианты осуществления действия: *В случае когда* правые колеса автомобиля наезжают на неукреплённую влажную обочину, рекомендуется затормозить и полностью остановиться.

Если в составном союзе используется союз *если*, придаточная часть в большей степени выражает условие: *В случае если* они не выполнят наши условия, договор будет расторгнут. В составе

сложноподчинённого предложения могут быть использованы и придаточное предложение со значением времени, и придаточное со значением условия: *В случае когда* (*если*) цены на нефть скорректируются и баррель начнет дорожать, акции таких компаний вырастут.

Стоит отметить, что в составном союзе *на случай если* такая замена невозможна. В отличие от предлога **в**, предлог **на** в сочетании с существительным вводит значение состояния — положения, в которое переходит объект. Так, в предложении: Форма страховой защиты, применяемой при страховании корпуса судна (каско), обеспечивает покрытие расходов по аренде или лизингу временно заменяющего судна *на случай, если* застрахованное судно повреждено в результате наступления застрахованной опасности. В этом случае в составном союзе заменить союз *если* союзом *когда* нельзя.

Значение перехода, обусловленное составным союзом *на случай если*, может рассматриваться как потенциально возможное условие осуществления действия (*на случай обморожения, на случай войны*) и не может быть выражено союзом со значением времени. Сравните: *В случае обморожения* необходимо обратиться за помощью. — *В случае когда* (*если*) *человек получил обморожение*, ему необходимо обратиться к врачу; *На случай обморожения* у нас имеются все необходимые препараты. — *На случай если кто-то получит обморожение*, у нас имеются все необходимые препараты.

В составных союзах, указывающих на время, вместо союза *когда*, обладающего широким спектром временны́х значений, может использоваться союз *как* с более точным указанием на характер отношений между ситуациями: *в то время как, с тех пор как, по мере того как, до того как, перед тем как, после того как, между тем как.* При автономном употреблении союз *как* даёт возможность совмещать ситуации, непосредственно примыкающие друг к другу: *Как войдёшь*, поверни налево; *Как он придёт*, я тебе позвоню.

Значение времени закрепилось за сравнительным союзом *как* благодаря возможному его сочетанию с союзом *так*. Двойной союз *как… так…* указывает на то, что действия, выраженные главным и придаточным предложениями, непосредственно следуют друг за другом: *Как* аукнется, *так* и откликнется; *Как*

войдёт, *так* и выйдет. В примерах с одиночным союзом *как* мы имеем дело с усечённой синтаксической моделью предложения, однако отсутствующий союз *так* без труда может быть в них восстановлен: *Как войдёшь*, *так* поверни налево; *Как он придёт*, *так* я тебе позвоню.

Итак, значение одновременности или минимальной разницы во времени осуществления действий, выраженных в главной и придаточной частях, закрепилось за составными союзами, которые вводят в сложноподчинённое предложение придаточные со значением времени. Если союз *когда* в составе составного союза указывает на общее временно́е значение соотнесённости действий или состояний в главном и придаточном предложениях, то *как* позволяет эту соотнесённость выразить более точно: *Когда* спектакль закончился, зрители покинули зал. — *После того как* (*перед тем как, до того как*) спектакль закончился, зрители покинули зал.

Таким образом, указательные местоимения в составных союзах *в то время как, с тех пор как, по мере того как, до того как, перед тем как, после того как, между тем как* уточняют последовательность развития событий во времени, указывая на ситуацию, выступающую в качестве временно́й точки отсчёта, к которой непосредственно примыкает другая ситуация, выраженная главной частью сложноподчинённого предложения.

В составе сложноподчинённого предложения составные союзы могут целиком входить в придаточную часть или разделяться на указательные и союзные структуры. В современном русском языке этот вопрос до конца не проработан. В ряде случаев разделение составных союзов на части и использование их в главном и придаточном предложениях или, наоборот, объединение в составе придаточной части зависит от отправителя речи — от того, каким образом он определяет смысл высказывания, какой из его частей придаёт большее значение и т. д. К таким союзам относятся *вместо того (,) чтобы; в случае (,) если/когда; в то время (,) как; для того (,) чтобы; до того (,) как; мало того (,) что; на случай (,) если; несмотря на то (,) что; оттого (,) что; перед тем (,) как; подобно тому (,) как; по мере того (,) как; после того (,) как; потому (,) что; прежде (,) чем; при том (,) что; с тем (,) чтобы; с тех пор (,) как; ввиду того (,) что;*

на случай (,) если. Предложно-падежная форма указательного местоимения используется в составном союзе для замещения существительного, синтаксическое значение которого определяется предлогом.

Включение в составной союз лексем, мотивированных знаменательными частями речи, приводит к тому, что в составе предложения он может использоваться только в расчленённом виде: *благодаря тому, что; во имя того, чтобы; в отношении того, что; вплоть до того, что; в связи с тем, что; в силу того, что; вследствие того, что; в сравнении с тем, что; до тех пор, пока; за счёт того, что; затем, чтобы / чтоб; за то, что; из-за того, что; на основании того, что; насчёт того, что; на том основании, что; независимо от того, что; под видом того, что; под предлогом того, что; под тем предлогом, что; по поводу того, что; по причине того, что; по той причине, что; при всём том, что; при условии, что/если; ради того, чтобы; раньше, чем; с той целью, чтобы.*

Относительно небольшая группа составных союзов *как если бы; словно как; меж/между тем как; потому как; так что* (в значении следствия); *тем более что; тогда как* не расчленяются в составе сложноподчинённого предложения. Нерасчленяемые составные союзы вводят в предложение придаточные с уточняющим значением образа действия; они не соотносятся с указательными местоимениями в объектном значении и, соответственно, не соотносятся с союзными словами, которые могут быть использованы в сложноподчинённом предложении.

Очевидно, что данные составные союзы присоединяют придаточные, включающие добавочный, иллюстративно-наглядный материал, который без ущерба для содержания главной части может быть изъят из структуры сложного предложения. Например, в предложении *Они всё говорили и говорили, не замечая времени,* ***меж тем как на улице начало смеркаться*** придаточная часть не является обязательной структурой главного предложения: она лишь дублирует входящий в её состав деепричастный оборот *не замечая времени*.

В отличие от указательного местоимения *так* с союзом *что*, которое расчленяется в сложном предложении, составной союз *так что* со значением следствия может стоять только в

придаточной его части: Он стукнулся об оглоблю *так, что искры из глаз посыпались*. — Он с разбегу налетел на оглоблю, *так что искры из глаз посыпались*. В первом предложении придаточная структура указывает на интенсивность признака, выраженного в главной части: стукнулся как? *искры из глаз посыпались*. Во втором предложении присутствующие в главной части лексемы (*с разбегу, налетел*) уже содержит информацию о силе удара, а потому придаточная часть служит лишь для её иллюстрации. Предложение с составным союзом *так что* в придаточном следствия можно трансформироваться в структуру с придаточным образа действия, и наоборот: Он это сделал *так* быстро, *что* никто не заметил. — Он это сделал быстро, *так что* никто не заметил.

Выбор приоритетов при формировании синтаксической структуры предложения остаётся за отправителем речи. Постановка запятой, расчленяющей составной союз, позволяет сместить акценты, отобразив ситуацию с позиций субъекта восприятия и в соответствии с контекстом её развития в структурах, более объёмных по содержанию.

Литература

1. Виноградов *В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

2. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. – 783 с.

3. Лядова Ю. В. К вопросу о союзах как скрепах синтаксических последовательностей // Филологические науки в МГИМО. Сб. научн. трудов. № 9(24). М.: МГИМО, 2002. – С. 52-58.

4. Урысон *Е. В.* Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА

Н.А. Герасименко
ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»
(*Москва*)

Введение. Состояние лица является одной из востребованных характеристик человека в современном обществе, поэтому

исследователи неоднократно обращались к этой проблеме [1, 2, 6, 8, 9]. Внимание прежде всего приковывало эмоциональное состояние, описанию которого посвящено большинство работ [3, 7]. Социальное состояние изучено меньше [4, 10]. Разнообразие значений социального состояния отражается во множестве документов, анкет, резюме, которые приходится заполнять в течение жизни каждому, что определяет актуальность изучения языковых средств выражения социального состояния. Цель данной работы – описать особенности синтаксических средств выражения значения социального состояния на примере бисубстантивных предложений.

Одним из наиболее активных средств выражения семантики социального состояния в русском языке являются лексические единицы, в семантическую структуру которых входят семы ‘положение’, ‘состояние’: *плен* – ‘положение человека, которого захватил противник во время войны’ [11, с. 683]. Такая лексика характеризует жизнь и взаимоотношения людей в обществе: *отпуск, командировка; плен, изгнание, эмиграция; заговор, вражда, ссора; переписка, соседство* и т.п.: ***Под наблюдением*** *были все, их повязывали нагло, без стеснения* (Д. Быков); *Но она* [Галя] ***была на государственной службе*** *и должна была соблюдать финансовую дисциплину* (В. Токарева); *Дидро* ***был под угрозой ареста*** (В Аксенов); *Все они были знакомы, все* ***в заговоре*** (Д. Быков). К лексическим средствам также относятся прилагательные, наполняющие семантикой конкретного состояния единицы отвлечённого характера (*состояние, положение* и под.) [5, с. 71].

Синтаксические средства. Обращает на себя внимание, что лексические средства реализуют семантику социального состояния преимущественно в предложении. При этом наиболее активны в русском языке для выражения этого значения бисубстантивные предложения (БП), в которых связочно-субстантивное сказуемое, принимающее падежные и предложно-падежные формы существительных в качестве основного компонента, способствует реализации значения социального состояния [4]: *Катя всё это понимала, но она давно* ***в бизнесе*** *и знала: бизнес по недвижимости – это стадо, бегущее к корыту* (В. Токарева).

Связки. В бисубстантивных предложениях с семантикой социального состояния используется ограниченная группа связок:

быть, находиться, оказаться и некоторые другие. Ограничения связаны с выражаемой семантикой. Специализированная связка *быть* в русском языке сочетается с любыми формами разных частей речи, что позволяет ей свободно функционировать и в бисубстантивных предложениях со значением социального состояния, однако для выражения этой семантики язык избирает нулевую форму связки *быть*: *Они у него все* ***в дружках*** (Д. Быков); *Впрочем, уж ты-то точно* ***не в проигрыше*** (М. Фрай); *Пришлось лично, все помощники* ***в разъездах*** (С. Андреев). Нулевая форма связки *быть* подчёркивает статичность, непроцессность, характерную для бисубстантивных предложений с такой семантикой. Форма прошедшего времени используется редко: *Она* [Надька] ***была вне стаи*** (В. Токарева). Значение социального состояния часто совмещается со значением рода деятельности: *Я* ***был бандит****. Теперь перестал* (Н. Дубовицкий). Форма будущего времени используется в единичных случаях. Это происходит тогда, когда значение социального состояния тесно переплетается с семантикой эмоционального состояния: *Что ж, великий человек пера может приходить даже после августейших персон, никто* ***не будет в обиде*** (В. Аксенов).

Связка *оказаться* вносит в предложение оттенок значения неожиданности для говорящего того состояния, в которое попадает субъект: *Но тетка* ***оказалась при разводе*** *– и была им не в помощь* (А. Иличевский); *Так я* ***оказался под домашним арестом*** (М. Фрай); *Они с Тургеневым* ***оказались почти соседи****, жили в нескольких кварталах друг от друга* (Л. Юзефович).

Связка *находиться* преимущественно употребляется в БП со значением временного социального состояния: *Сергей в это время* ***находился в отпуске*** (В. Токарева); *До сих пор наши моряки* ***находятся в плену*** (Комсомольская правда). Подчёркивается временность состояния лексическими элементами с темпоральным значением (*в это время, до сих пор* и под.). Собственная семантика связки позволяет ей сочетаться со словами, выражающими разные виды состояния (*находиться в сознании* – физиологическое состояние; *находиться в тоске* – эмоциональное состояние и др.).

Падежные и предложно-падежные формы в динамике. Особый интерес представляет сравнение уходящих и актуальных

падежных и предложно-падежных форм существительного в позиции основной части связочно-субстантивного сказуемого. Это удобно наблюдать на материале текстов Б. Акунина, так как многие из них стилизованы под язык 19 века и позволяют видеть, какие конструкции стали менее употребительными в современном русском языке. Так, высокой степенью активности характеризовались формы дательного падежа существительного с предлогом *по*. Они имели значение социального состояния лица – ‘выполнять обязанности в определённой сфере деятельности’: *С батюшкой-покойником они* ***по дипломатической части состояли****, но до того, я слыхал, он* ***числился*** *не то* ***по полицейскому департаменту****, не то* ***по Жандармскому корпусу*** (Алмазная колесница); *Батюшка рассказывал, что Эраст Петрович и в посольстве* ***по секретной части состоял****!* (Алмазная колесница). Опорным компонентом сказуемого является существительное с общим лексическим значением (*часть, департамент, корпус*), которое требует конкретизации. В состав основной части связочно-субстантивного сказуемого в этом случае включается имя прилагательное, обозначающее сферу деятельности. В качестве связки обычно используются лексемы *состоять* и *числиться*. В современном русском языке описываемая конструкция не употребляется, относится к устаревшим. Связка *числиться* сохранила более тесные связи со значением ‘выполнять обязанности в определённой сфере деятельности’. В современном русском языке она используется с этим значением при описании характеристики лица по его профессиональной деятельности: *Но все работы был неофициальные, а официально она теперь* ***числилась секретарём****, как Илья* (Л. Улицкая). Как видно из примеров, изменилась сочетаемость связки, и описываемое значение реализуется в сочетании с творительным падежом существительного без предлога. Близкое значение реализуется в бисубстантивном предложении с предложным падежом существительного с предлогом *в* в основном компоненте сказуемого: *Во время Второй мировой войны он* [Густавас], *разумеется,* ***числился в составе литовской дивизии*** *Красной армии…* (В. Аксёнов).

Связка *состоять* используется Б. Акуниным в БП со значением ‘выражение межличностных отношений’ в сочетании с предложным падежом существительного с предлогом *в*: *Власти*

специально следят, чтоб писец был для экипажа чужаком и, желательно, ***состоял в неприязненных отношениях*** *с капитаном* (Сокол и Ласточка); *Я знаю, что она* [ворона] ***состояла*** *с Селёдкой* ***в непримиримой вражде*** <...> (Сокол и Ласточка). Бисубстантивные предложения со связкой *состоять*, выражающие межличностные отношения (в последнем примере – отношения между животными представлены как интерперсональные, что характерно для художественного текста), также являются в современном русском языке малопродуктивными. Для этой связки характерно выражение семантики отождествления в нескольких разновидностях, прежде всего, в значении ‘выявление сущности понятия’: *Причина* ***состояла в отсутствии внимания*** (О. Славникова).

Выводы. Приведённый краткий анализ бисубстантивных предложений как средства выражения социального состояния в русском языке показал, что это продуктивный языковой способ обозначения социального состояния. Лексика, обозначающая социальные отношения, отвлечённые имена в сочетании с прилагательными, выражающими отношения, в составе связочно-субстантивного сказуемого бисубстантивных предложений реализует семантику социального состояния. В БП с таким значением употребляется ограниченный круг связок, что связано с восприятием социального состояния как статического, стабильного. Поэтому преимуществом пользуется нулевая форма связки *быть*. Временность некоторых видов социального состояния может подчёркиваться лексическими единицами с темпоральным значением. В процессе развития русского языка синтаксические формы выражения разных видов состояния изменяются, что приводит к устареванию одних форм выражения и актуализации других. Развитие языковых средств выражения социального состояния в диахронии требует специального исследования.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. – 575 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. – 614 с.

3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных прагматических контекстов. М., 1989. – С. 55-75.

4. Герасименко Н.А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. 2017. № 1. С. 14-20.

5. Герасименко Н.А. Связочно-субстантивное сказуемое со значением состояния лица как отражение актуальных процессов в современной русской речи // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, 1 марта 2018 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова; ред. колл. В. В. Леденёва, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 68-72.

6. Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. – С. 53-87.

7. Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Muenchen, 1992. – 201 с.

8. Золотова Г.А. К вопросу о типах падежных значений // Русский язык в национальной школе. 1970. №4. – С. 74-76.

9. Золотова Г.А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. – С. 275-302.

10.Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. – 440 с.

11. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. – 1129 с.

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУР В СЛОВАРЯХ СОКРАЩЕНИЙ

В. И. Теркулов
terkulov@rambler.ru
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(*Донецк*)

Цель предлагаемой статьи состоит в определении новых принципов подачи аббревиатурного материала в словарях сокращений и аббревиатур. Работа над «Толково-эквивалентностным словарём сложносокращённых слов русского языка», осуществляемая Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонНУ, показала, что традиционные модели описания аббревиатур, представленные во всех словарях сокращений, являются малоинформативными и не учитывают неоднородности аббревиации как языково-

го явления. Они настроены на единообразную трактовку разных с ономасиологической точки зрения типов сокращений (усечений, инициальных онимов и апеллятивов, сложносокращённых онимов и сложносокращённых апеллятивов) на основе абсолютизации методики описания ономасиологически самых простых единиц – усечений и инициальных онимов. Именно это и является причиной «неуспешности» аббревиатурных словарей.

Во-первых, для усечений и инициальных онимов характерно наличие только одного эквивалентного словосочетания или слова. Например, *КФУ* может быть трактовано только как *Крымский федеральный университет*, а *член-корр* – как *член-корреспондент*. Такая же идентичность традиционно предполагается и для остальных типов аббревиатур. Например, для инициального апеллятива *АА* в словаре «Новые сокращения в русском языке» даётся только один эквивалент «*Анонимные алкоголики*» с пометой (*общественная организация*), а для сложносокращённого апеллятива *автообслуживание* – только *обслуживание автомобилей* [4, с. 6]. Однако анализ эквивалентных текстов, то есть текстов, в которых аббревиатура и коррелирующее с ним словосочетание употребляются в тождественном значении, показывает, что:

1) *АА* может быть эквивалентно ещё и словосочетанию *анонимных алкоголиков* с генерализаторами *содружество*, *группа*, *общество* и под., например *Многие помнят опубликованные результаты опроса групп* ***АА*** (*групп* ***анонимных алкоголиков***)*, которые однозначно показали, что подавляющее большинство членов Содружества* ***АА*** (*Содружества* ***анонимных алкоголиков***. – В. Т.) *хотят единства*, а также может поглощать генерализаторы, например *Члены* ***АА*** (невозможно дешифровать как *******члены* ***анонимных алкоголиков***; только *члены* ***Содружества***, ***общества***, ***группы*** и т. д. ***анонимных алкоголиков***) *не платят ни вступительных, ни членских взносов* (http://www.aarus.ru/);

2) для *автообслуживания* в эквивалентных текстах обнаруживается 9 эквивалентов: *обслуживание автомобилей*, *обслуживание автомобиля*, *обслуживание авто*, *обслуживание автотранспорта*, *обслуживание автотранспортных средств, обслуживание автомашин*, *автомобильное обслуживание*,

обслуживание автомашины, *обслуживание автотранспортного средства.*

Новый подход предполагает, что все эквиваленты аббревиатуры должны быть приведены в словаре, поскольку, с одной стороны, их употребление отражает живые речевые практики, а с другой - выбор того или иного эквивалента чаще всего семантически или стилистически обусловлен (см. об этом: [1; 3]).

Во-вторых, во всех словарях сокращений составители ограничиваются только приведением текстового эквивалента аббревиатуры, считая, что этого вполне достаточно для того, чтобы пользователю словаря стало понятно, какое значение она имеет. При работе с усечениями и инициальными онимами это правило в большинстве случаев работает. Например, эквивалент инициального эргонима *АВР* (*Ассоциация врачей России*) даёт для читателя достаточно информации о том, что обозначает данное слово. Однако для апеллятивов эта методика чаще всего не работает. Например, словосочетание *гуманитарный коридор* мало что объясняет в значении слова *гумкоридор*, которое обозначает «контролируемый миротворческими силами путь, по которому мирные жители могут покинуть территорию боевых действий». Иначе говоря, у инициальных и сложносокращённых апеллятивов отмечается такая же идиоматичность словообразовательного значения, как и у слов, образованных морфологическим способом. Это значит, что в словаре сокращений должен быть представлены толкования аббревиатур.

Итак, новыми общими требованиями к словарю аббревиатур должны стать:

1)необходимость приведения всех обнаруживаемых в текстах дескриптивных эквивалентов сокращений;

2)необходимость приведения толкований значений аббревиатур.

Это не единственные новые требования к словарю аббревиатур. Наши исследования показали, что для работы над задуманным «Толковым словарём аббревиатур русского языка» необходимо внедрение в практику описания аббревиатур целого ряда новых лексикографических параметров, самым главным из которых является **использование разных моделей описания для**

разных ономасиологических типов сокращений. Разграничение этих типов сокращений является двухуровневым.

Первый уровень: усечения, то есть сокращённые эквиваленты простых или сложных слов, например *препод* (< *преподаватель*), *член-корр* (< *член-корреспондент*) и под. Противопоставлен аббревиатурам, то есть словам, возникшим в результате сокращения словосочетания, например *ФСБ* (< *Федеральная служба безопасности*), *комдив* (< *командир дивизии*) и под.

На первый взгляд, у усечений и аббревиатур больше сходств, чем различий. Во-первых, как первые, так и вторые находятся в эквивалентных мотивационных отношениях с производящими единицами, при которых «значение производящего и производного совпадают» [6, с. 112]. Во-вторых, как усечения, так и аббревиатуры возникают в результате действия одного **механизма формального преобразования производящей единицы** – её сокращения.

Однако со структурной и ономасиологической точек зрения перед нами все-таки разные явления: усечения и сложные аббревиатуры различаются принципами формирования эквивалентности. Если при усечении структурный статус и значение полной и сокращённой единиц совпадают (слово[1] трансформируется в слово[2]), что позволяет трактовать его как процесс образования фонетических вариантов слов, то при аббревиации отношения эквивалентности устанавливаются между структурно различающимися единицами – словосочетанием и словом. Данный процесс определяется как универбализация – **образование новой однословной номинативной единицы** из многословной, дескриптивной единицы. Здесь происходит абсолютизация номинативности устойчивого словосочетания (см. подробнее об этом [5]).

Таким образом, **усечения**, во-первых, должны быть приведены как варианты слов в традиционных толковых словарях, а во-вторых, в словарях сокращений должны быть представлены следующим образом:

Кг [кэгэ́] (кило́), нескл, м.: *Килограмм* ■ Мера веса, равная 1000 граммов.

Кило́, нескл, м. и с. Разг.: *Килограмм* ■ То же, что *кг*.

Для **аббревиатур** используются свои модели описания, отражающие ономасиологические модели второго уровня разграничения.

Второй уровень: инициальные апеллятивы – сложносокращённые апеллятивы.

Традиционно все формальные разновидности аббревиатур, и инициальные (*вуз*, *МГУ*), и слоговые (*горсад*, *завхоз*), и частично сокращённые (*электрогитара*, *виброустановка*), рассматриваются как однотипные явления. Наши исследования показали, что инициальные аббревиатуры, с одной стороны, и слоговые и частично сокращённые лексемы (сложносокращённые слова), с другой, представляют собой разные структурно-ономасиологические явления.

При образовании сложносокращённых апеллятивов реализуется наиболее естественный вид универбализации – «стихийный»: данные единицы создаются путём **стереотипного замещения** абброконструктом, то есть сокращённым неинициальным эквивалентом какой-либо лексемы, мотивационно связанного с ним слова в словосочетании. Например, потенциально в любом словосочетании слово *автомобильный* может быть заменено абброконструктом ***авто-***, а слово *пограничный* – абброконструктом ***погран*.** Именно в этом случае аббревиация происходит автоматически, вследствие обычно неосознанного стремления носителя языка к преодолению асимметричного дуализма дескриптивного наименования. Абброконструкты при этом имеют специализированное значение: у каждого из них есть своя понятийная сфера, формируемая семантикой регулярных развёрнутых эквивалентов.

Вышесказанное мотивирует внесение в толковый словарь аббревиатур приложения (словаря абброконструктов), в котором должны быть представлены все отмеченные в текстах модели дешифровки (дешифровальные стимулы) приведённых в словаре неинициальных абброконструктов, как в леммном, так и в токенном виде. Например, для абброконструкта ***деп*** в словаре абброконструктов предлагается такое описание:

Деп

Депута́т, ***-а***, м. Выборный представитель, член выборного государственного учреждения: *депутата* (*депцентр – центр депутата*), *депутатов* (*депкорпус – корпус депутатов*), *от депу-*

тата (*депзапрос – запрос от депутата*), *от депутатов* (*депзапрос – запрос от депутатов*).

Депута́тский, ***-ая***, ***-ое***. Связанный с депутатом, *депутатами*: *депутатский* (*депконтроль – депутатский контроль*), *-ая* (*депгруппа – депутатская группа*).

В основе универбализации при создании **инициальных аббревиатур** лежит **осознанное сокращение** слова, входящего в коллокативное словосочетание, до его первого звука или первой буквы, не имеющих семантической определённости воспроизводимого средства замещения слова. Например, конструкт *Б* может заменить любое слово, начинающееся с Б: *бронхиальный* (*БА – бронхиальная астма*), *блок* (*ББ – блок безопасности*) и т. д. Аббревиатуры данного типа создаются **искусственно** по разным причинам: для графической замены повторяющегося наименования в тексте, для маркировки изделия, как официальное сокращение названия предприятия и т. д., но не «стихийно».

Словарные статьи для инициальных и сложносокращённых апеллятивов в Словаре аббревиатур имеют следующий вид:

ААС [а-а́с] и [а-аэ́с], мн, нескл.: *Анаболическо-андрогенные стероиды,* Разг. *Анаболически-андрогенные стероиды* (*Анаболически андрогенные стероиды*), *Анаболические андрогенные стероиды* ■ Группа фармакологических препаратов – синтетических производных тестостерона, оказывающего анаболическое (провоцирует ускорение роста мышечной массы) и андрогенное (определяет в мужском организме развитие вторичных половых признаков) действие.

Жѝлдепарта́мент, ***-а***, м.: *департамент жилищной политики*, *департамент жилищной политики и жилищного фонда*, *жилищный депаратмент*, *департамент жилищного хозяйства*, *департамент жилищного фонда*, *департамент жилполитики*, *департамент жилфонда* ■ Отраслевой орган, разрабатывающий и реализующий государственную политику в жилищной сфере.

Следует обратить внимание ещё на одну особенность сложносокращённых слов, отличающую их от инициальных аббревиатур. Абброконструкт сложносокращённого апеллятива может, в силу своей стереотипности, **морфематизироваться**, превращаться в абброморфему и использоваться как формант при создании новых лексем без участия в этом процессе словосочетаний.

Например, сложносокращённый апеллятив *зоотехник* возник путём непосредственного присоединения абброконструкта (абброморфемы) *зоо* к слову *техник*. Слова, содержащие абброморфему и не имеющие актуальных синтаксических эквивалентов, мы называем квазиаббревиатурами. Квазиаббревиатуры также должны войти в словарь, поскольку, как показали исследования К.Ю. Емельяновой [2], они потенциально могут развивать на своей основе псевдоунивербализационные вторичные эквиваленты. Словарная статья для квазиаббревиатуры имеет следующий вид:

Àвиафóбия, ***-и***, ед. (*авиационная фобия*) ■ Боязнь полётов на летательных аппаратах.

Третий уровень: инициальные и сложносокращённые онимы.

Инициальные онимы (в основном, эргонимы) наиболее просты в дешифровке, поскольку создаются, как и инициальные апеллятивы, путём сокращения компонентов реально производящего словосочетания – обычно названия предприятия, объединения и т.д. Единичность обозначаемого объекта позволяет использовать при описании инициальных онимов традиционный для словарей сокращений метод описания, например:

ДòнНÝ, нескл., м. *Донецкий национальной университет*.

Проблема состоит только в определении словника: какие эргонимы следует вносить в словарь.

Сложносокращённые онимы создаются путём осознанной коррелятивной универбализации. Среди них иногда отмечаются слова, имеющие релевантную эквивалентным словосочетаниям структуру, например *Госкомрыбхоз* – ***Гос****ударственный* ***ком****итет* ***рыб****ного* ***хоз****яйства*. Однако чаще всего между развёрнутым и сокращённым наименованиями нет изоморфизма. Например, *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки* имеет сложносокращённый эквивалент *Рособрнадзор*, в котором отмечаются только эквиваленты слов *надзор* и *образования*, при этом их положение в слове не релевантно положению соответствующих лексем в словосочетании. Восстановить на базе такой аббревиатуры исходное словосочетание невозможно. Это и позволяет предположить, что сложносокращённые онимы образуются не в результате стереотипного замещения словосочетания словом, а путём искусственного конструирования. Нерелевантность структур аббревиатуры и дескриптивного эргонима часто приво-

дит к тому, что в текстах появляются вторичные псевдоуниверба-лизационные дешифровки слов. Например, стереотип, опреде-лённый моделями дешифровки сложносокращённых апелляти-вов, провоцирует покомпонентную псевдоунивербализацию аб-бревиатуры в словосочетание *Российский образовательный надзор*: *Работы выпускников, набравшие на ЕГЭ по 100 баллов, начал перепроверять* ***Российский образовательный надзор*** (http://www.edurh.ru/pripiski-v-obrazovanie-i-nakazanie-za-nih.html), и даже в *Российский обрнадзор*: *Рейтинг годового дохода среди всех должностных лиц всех государственных вузов состави-л* ***российский обрнадзор*** (https://perm.aif.ru/society/details/1330692). Учёт этого позволяет предложить такую модель описа-ния сложносокращённых онимов в Словаре:

Рòсòбрнадзо́р, ***-а***, ед. *Российский образовательный надзор*, *Российский обрнадзор* ■ Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки.

Итак, в «Толковом словаре аббревиатур русского языка» предполагается толкование значений и приведение перечня всех обнаруженных в текстах эквивалентов рассматриваемых слов, а также использование семи близких, но всё же различающихся моделей описания: для усечений, для неинициальных абброкон-структов, для инициальных апеллятивов, для сложносокращён-ных апеллятивов, для квазиаббревиатур, для инициальных они-мов, для сложносокращённых онимов.

Литература

1. Бровец, А. И. Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире. В 2-х т. - Том 1. - Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – с. 244–251

2. Емельянова К. Ю. Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструктов аббревиатур / К. Ю. Емельянова // Русский язык в поликультурном мире. В 2-х т. - Том 2. - Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 207–213

3. Михайлова Е. Н Соотношение «презентатив – релятив» в рамках гнезда эквивалентности сложносокращённого слова / Е. Н. Михайлова // Русский язык в поликультурном мире. В 2-х т. - Том 2. - Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 266-270.

4. Новые сокращения в русском языке: 1996–1999 / П од ред. И. В.Фаградянца. - М.: ЭТС., 1999. – 160 с.

5. Теркулов В. И. Аббревиатура, усечение, сложносокращённое слово / В. И. Теркулов // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. - Ереван, 2019. – С. 116–121.

6. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. / Л. С. Филиппова. - М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК МЕТАТЕКСТОВЫЙ ЗНАК

И.И.Чумак-Жунь
chumak@bsu.edu.ru
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(Белгород)

Антропоцентризм определил ключевые узлы гуманитарных исследований, которые изменили образ современной лингвистики в целом: коммуникация (прагматика), когниция, лингвокультура – относительно именно этих координат представлены изыскания языка сегодня. Так же, как в недавнем прошлом обязательным объектом лингвистических описаний являлась традиционная соссюровская триада langue, langage и parole, так в настоящее время – *сознание,* исследуемое в разных его лингвоантропоцентрических вариантах – коммуникативное, когнитивное, языковое и т.д.

В ряду актуальных лингвистических терминов широко употребляется и термин *прецедент* с рядом конкретизаторов – *прецедентность, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст*.

Детально прецедент как феномен описан в работах Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, В.В. Красных, Д.В Багаевой [2; 3; 6]. Существуя в коммуникативном сознании как устойчивая когнитивная единица, прецедент воспроизводится при необходимости в разнообразных вариантах, трансформируясь в зависимости от коммуникативной задачи. Реализация этой коммуникативной задачи, то есть форма репрезентации прецедента, во многом зависит от дискурсивной формации, в которой он представлен. Особый интерес представляет существование прецедентных фе-

номенов в поэтическом дискурсе – как в особом литературно-художественном страте.

Обратимся к тем случаям, когда прецедентные единицы однозначно занимают в многослойном дискурсивном пространстве поэтического текста позицию метатекстового знака, указывая на важность для поэта описываемого в основном «слое» текста. Здесь стоит вспомнить слова Т.И. Сильман о том, что «для поэта чрезвычайно важен выбор той вершинной точки жизни лирического героя, с которой бы в наиболее существенном плане просматривались наиболее значительные стороны какого-либо явления, процесса, события душевной жизни» [5, с. 9]. И в том случае, когда прецедентная единица вынесена в заглавие, она, несомненно, связана с этой вершинной точкой жизни лирического героя. В поэтическом тексте заглавие не является облигаторным элементом, оно подчеркивает важность описываемого для поэта, его отношение, необходимость сформулировать основную идею, как бы банально она для читателя, не звучала, – поэт утверждает: я буду описывать *своё* утро или *свою* осень, пусть даже утро или осень были описаны до меня сто раз, – в этом и заключается прагматика поэтической речи. Если учесть при этом возможность формирования факультативных субъективно-модальных оценок, локализуемых в «любом информативно значимом фрагменте сообщаемого», с имитацией дополнительного предикативного «локуса» [4, с. 303], то для автора художественного текста заглавие представляется особенно значимым в плане подачи метатекстовой модальности и выражения оценок. Потенциальный ресурс, обусловленный доминантной позицией заглавия, предполагает гибкость прецедента, динамику, варьирование в соответствии с индивидуальными, субъективно ощущаемыми, имманентными авторскими интенциями и квалификационно-характеризующими и оценочными решениями.

Самыми яркими в поэтическом дискурсивном измерении примерами метатекстовых единиц являются репрезентанты концепта «Поэзия», выступающие в сильных позициях, – в таком случае поэт декларирует, *что* представляет собой именно *его* поэзия. В данном случае несомненна поэтическая рефлексия, возможно, самоотчет. Прагматикон языковой личности автора здесь

обнаруживает очевидную связь с проявлением категории авторской модальности.

Одним из наиболее выразительных атрибутов поэзии в русском поэтическом дискурсе является Муза.

Это образ программный – практически у каждого русского классика есть стихотворение с названием «Муза» или упоминание музы. Это прецедентное имя, инвариантом которого можно считать приведенное в толковых словарях переносное значение: ‘источник поэтического вдохновения, а также само вдохновение, творчество’. Национальный корпус русского языка дает возможность проследить, с одной стороны, как изменяется прецедентный феномен, с другой, как этот образ представляет идиостиль писателя.

Если говорить об эволюции русского поэтического дискурса, в описании музы отражаются приметы языковой эпохи. Обращение к двум этапам русской поэзии – сравнение поэтических текстов первой и второй половины XIX века дает яркое представление о том, как трансформируется прецедентное имя в эти периоды.

Первый период – начало XIX века. За прецедентным именем стоит предельно обобщенный концепт: «Муза» – богиня, издающая прекрасные звуки, раждающие поэтическое вдохновение, причем образ этот сохраняет черты древнегреческого прототипа – и имеет соответствующие атрибуты: *Даруй мне,* ***муза, тон согласный*** *С унынием души моей, А ты, о добрый иль несчастный, Склони свой слух и пожалей!* (Дмитриев 1803); *Что ты,* ***Муза,*** *так печальна, Пригорюнившись, сидишь? Сквозь окошечка хрустальна, Склоча волосы, глядишь;* ***Цитры, флейты и скрыпицы, В белы руки не берешь****;* ***Ни божественной Фелицы, Ни Плениры не поешь?*** (Державин (1803-1804)); ***Муза Эллады, пылкая Сафа,*** *Северных стран Полигимния!* ***Твоя ли сладкозвучная арфа? Твои ли то струны златые,*** *Что, молнии в души бросая, Что, громами тихо гремя, Грудь раздробляют мою!* (Державин 1816); *Скажи же об этом Что-нибудь нам,* ***о Зевесова дочь, благосклонная Муза*** (Жуковский 1849).

В этот период русской литературы муза преимущественно прекрасно-безлика, классически однообразна и далека от поэта.

Метатекстовые нити порождают смысл: 'Источник поэтического вдохновения – прекрасная чужая женщина’.

Одухотворяется, оживает Муза в поэзии А.С. Пушкина, в описаниях которого появляется стилистически маркированная – разговорная и эмоционально окрашенная – лексика: *Вот Муза, **резвая болтунья**, Которую ты столь любил. Раскаялась моя **шалунья**, Придворный тон ее пленил* (Пушкин 1821); *И, радуя меня наградою случайной, Откинув **локоны от милого чела**, Сама из рук моих свирель она брала. Тростник был оживлен божественным дыханьем И сердце наполнял святым **очарованьем*** (Пушкин 1821). В его творчестве муза из древнегреческих декораций впервые перемещается в личное пространство поэта. Метатекстовый смысл прецедента – ‘ источник поэтического вдохновенья – близкая ветреная, но прекрасная и мудрая женщина’.

Можно сказать, что муза в русской поэзии второй половины XIX века – антимуза по отношению к веку предыдущему. Это подтверждается активным использованием в описаниях музы отрицательных конструкций: ***Не в сумрачный чертог** наяды говорливой Пришла она пленять мой слух самолюбивый <…> **О нет!** Под дымкою ревнивой покрывала Мне музу молодость иную указала* (Фет), ***Не целомудренной весталкою, бывало**, От головы до ног увитой в покрывало, Она являлась мне в полночные часы* (Кроль), *Вечный твой Парнас, о муза, **Далеко не тот**, где боги Наслаждались и ревниво К бедным смертным были строги* (Полонский).

В основе некрасовского стихотворения «Муза» также ситуация отрицания – по отношению к пушкинской «Музе». У Некрасова это муза такая же страдающая, как и сам поэт. Ср. практически прямой диалог поэтов:

В младенчестве моем она меня любила И семиствольную цевницу мне вручила Она внимала мне с улыбкой (Пушкин) – *Нет, Музы ласково поющей и прекрасной Не помню над собой я песни сладкогласной! В небесной красоте, неслышимо, как дух, Слетая с высоты, младенческий мой слух Она гармонии волшебной не учила* (Некрасов).

И, радуя меня наградою случайной, Откинув локоны от милого чела, Сама из рук моих свирель она брала (Пушкин) – *В пеленках у меня свирели не забыла, Среди забав моих и отроческих дум Мечтой неясною не волновала ум* (Некрасов).

Модальность отрицания доминирует и в «Музе» А.А. Фета. Прецедентное имя – метатекстовый элемент, который представ-

ляет идеал женщины – не холодной греческой богини: *О нет! Под дымкою ревнивой покрывала Мне музу молодость иную указала: Отягощала прядь душистая волос Головку дивную узлом тяжелых кос; Цветы последние в руке ее дрожали; Отрывистая речь была полна печали, И женской прихоти, и серебристых грез.*

Несмотря на индивидуальные различия, в целом во второй половине XIX века – источник вдохновения – антипод музы начала века – неклассическая, но близкая и честная героиня.

За прецедентным именем стоит поэтический концепт, который в сильных текстовых позициях предстает как элемент метатекста. Трансформация поэтического концепта – медленный, непрерывный, диффузный процесс, который происходит в вертикальном контексте в границах макроконцепта. В поэтическом дискурсе происходит изменение составляющих концепта, следовательно, меняются и его когнитивные смыслы. В нашем примере изменению подвергаются составляющие поэтического концепта: сначала высказывается сомнение в их положительной культурной коннотации, характерной для «золотого века» русской поэзии, затем они перемещаются из положительно в отрицательно коннотированную концептуальную зону.

Литература

1. Буров А.А., Бурова Г.П. Метатекст в интерьере художественного текста. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2016. 183 с.

2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М.: Филология, 1997. – С. 82–103

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

4. Ляпон М.В. Модальность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.303-304.

5. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л., 1977. – С. 217–222.

6. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. – 128 с.

ФРАЗЕОКОНЦЕПТОСФЕРА «ТРУД» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

О. И. Андрейченко
oksana1_24.ua@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

На современном этапе развития науки особенно актуален интерес исследователей к разработке новых теоретических направлений фразеологии, механизмов создания фразеологических единиц (далее ФЕ), проблем фразеологического моделирования, фразеологической концептуализации фрагментов действительности и др.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокогнитивного ментального пространства и особенностей его языковой реализации с помощью фразеологизмов – «микротекстов, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [16, с. 8].

По мнению Н. Ф. Алефиренко, ФЕ «как знак непрямого наименования обладает особой аурой, семиотическим репрезентантом народного духа, если под таковым понимать когнитивно-прагматическое проявление этнокультуры» [2, с. 3]. Изучение и обобщение стереотипных фразеологических моделей, с помощью которых рационально или образно закодирован человеческий опыт, обеспечит более глубокое понимание особенностей взаимосвязи языка и сознания в контексте исследования целостного процесса познания мира.

Метод когнитивного моделирования денотативного аспекта значения идиом в отечественной фразеологии разрабатывался А. Б. Феоктистовой, полагающей, что в процессе коммуникации денотативный аспект значения ФЕ всегда имплицитно взаимодействует с фоновым знанием об обозначаемом [20]. По мнению исследователя, концепт фразеологизма тесно связан с концептом описываемого ФЕ объекта, явления или ситуации, т.е. фразеологизм хранит в виде свернутого фрейма базовую информацию,

выступающую как фоновое знание значения ФЕ, от которой и отталкивается употребляющий и воспринимающий идиому человек [20, с. 17].

И. Б. Иванова предлагает термин «фразеологизированный стереотип» – коммуникативную единицу, фиксированную матрицу сознания в ментальном фрагменте, представленную как лингвальный фразеологизированный комплекс, схематизированный стандарт, целостно воспроизводимый, репрезентирующий традиционные представления народа [13, с. 14]. Выявление и анализ таких стереотипных составляющих фразеологии должно происходить «в единстве когнитивного (отображение модели фиксации опыта фразеологизмами) и собственно лингвистического (роль языковых средств в построении фразеологической модели) аспектов исследования» [3, с. 67].

Цель статьи – рассмотреть донорские зоны фразеоконцептосферы «Труд» в рамках когнитивной парадигмы.

В когнитивном аспекте фразеологизм – структура знания, вовлекающая в себя все типы информации [6, с. 160]. Дж. Лакофф назвал такие структуры идеальными когнитивными моделями [22, с. 68], пытаясь объяснить процесс мотивации фразеологизмов взаимосвязью с традиционными представлениями и ассоциативными знаниями, закодированными в ФЕ. Человек может активизировать богатые концептуальные знания с помощью наложения буквального значения ФЕ на фразеологическое; такой процесс свойствен концептуальным метафорам [22]. Процессы формирования фразеологического значения в рамках теории когнитивной (концептуальной) метафоры изучают многие отечественные и зарубежные лингвисты (Н. Ф. Алефиренко [1; 2], Д. О. Добровольский [7], Е. П. Левченко [15], Ю. В. Жевайкина [9] и др.). Как отмечает Е. Е. Чикина, когнитивный подход предоставляет большие возможности в области лингвистического моделирования актуального значения фразеологизмов [21, с. 4].

Таким образом, когнитивная фразеология – это способ репрезентации знаний, ассоциативно-образного отражения в человеческом сознании окружающего мира и «оязыковления» возникших таким способом образных структур знаками косвенно-производной номинации [2, с. 120].

Такое понимание фразеологии связано с анализом регулярного использования в языке одной концептуальной сферы для обозначения другой: первая квалифицируется как донорская, а другая – как реципиентная [22, с. 41]. Донорскую зону определяют как буквальное значение фразеологизма, или же внешнюю форму выражения, а реципиентную – как значение фразеологизма, т.е. названный ФЕ фрагмент действительности [23, с. 66]. Отношение между этими двумя сферами реализуют особенности мировосприятия и специфика категоризации и кодификации знаний носителями языка.

Исследованию концепта «Труд» в русском языке посвящены диссертации и монографические работы Л. В. Басовой [4], Т. В. Гонновой [5], М. А. Ереминой [8], К. А. Жукова [12], Г. В. Токарева [17], О. Е. Черновой [19] и др. Следует отметить, что большинство лингвистов для параметризации концепта «Труд» и его вербальной репрезентации обращаются преимущественно к паремийному фонду.

Когнитивный анализ фразеологизмов, конструирующих концептосферу «Труд», предполагает выборку ФЕ, обобщенно обозначающих фрагменты действительности; выделение семантических особенностей таких фразеологизмов; выявление и характеристику типичных моделей корреляции внешняя форма – семантика фразеологизма, т. е. специфики соотношения между донорской зоной и реципиентной зоной; установление национально-культурных стереотипов представления трудолюбивого человека средствами фразеологии.

Фразеоконцептосфера «Труд» представлена тремя продуктивными донорскими зонами.

Соматическая донорская зона. Части тела человека репрезентируют представления о целях, мере, видах трудовой деятельности, орудиях труда и др. [17, с. 90]. В основе ФЕ с компонентами-соматизмами лежит образное представление о потере физических сил, здоровья после тяжелой работы. Повреждены могут быть внутренние органы, в основном сердечно-сосудистая *(вытягивать (тянуть, выматывать)* ***жилы*** *из кого-то, рвать* ***жилы)*** и пищеварительная *(надрывать* ***пуп (пупок), пупок*** *развязывается / развяжется у кого-то, рвать / порвать* ***кишки)*** системы; руки, т.е. само орудие труда: ***руки*** *не отвалятся* – ‘не соста-

вит для кого-либо большого труда сделать что-либо; ничего не произойдет с кем-либо, если он сделает что-либо' [18, с. 400].

Зооморфная донорская зона стала источником для фразеологизмов *работать как* ***вол,*** *работать (трудится, вкалывать, пахать) как* ***ишак*** – 'трудится до изнеможения' [18, с. 379]; *брать* ***быка*** *за рога* – 'решительно приступать к какой-либо работе' [14, с. 27]; *вертеться (кружится) как* ***белка*** *в колесе* – 'быть в беспрестанных хлопотах, заботах, занятиях' [18, с. 60]; *биться как* ***рыба*** *об лед* – 'настойчивые, но напрасные усилия (безрезультатная деятельность)' [14, с. 120]; *тянуть* ***кота за хвост*** – 'нарочито затягивать дело, оттягивать время' [14, с. 312]; ***комар*** *носа не подточит* – 'сделать работу отлично' [14, с. 278]; *работать (трудиться) как* ***пчелка*** – 'интенсивно работать' [14, с. 379].

Пространственно-временная донорская зона. Такие фразеологизмы устанавливают закономерность: место труда – это своя территория, место в жизни. ФЕ объединены по общему признаку – выполнение чего-либо, несмотря на трудности, например: *воротить* ***горы*** *(своротить* ***горы****)*, *перевернуть весь* ***мир***; *грудью проложить (прокладывать) себе* ***дорогу***.

В исследованиях по когнитивной лингвистике одним из первых (вместе с концептами «пространство» и «движение») выделен концепт «время», который относится к базовым в концептуальной и языковой картинах мира. Человек, осмысливая различные типы временных моделей и руководствуясь собственным опытом, создает в сознании индивидуальное видение времени. Трудовая деятельность может измеряться астрономическими циклами: днем необходимо работать, ночью – спать; весной – сеять и сажать различные хозяйственные культуры, осенью – собирать урожай и т.д. Компонентный состав таких устойчивых выражений репрезентируется оппозициями ***день (утро) – ночь (вечер), рано – поздно, лето – зима***, ср.: ***лето*** *– припасиха,* ***зима*** *– подберихa* – [11, с. 358]; *хвали* ***утро вечером*** [11, с. 340].

Таким образом, фразеологизм в когнитивном аспекте рассматривается как микротекст, включающий в себя все типы информации. Концептосфера «Труд» – это сложное ментальное образование, частично репрезентированное в языковой картине мира фразеологизмами. Структура фразеоконцептосферы представлена соматической, зооморфной и пространственно-временной

донорскими зонами. Характеристика типичных когнитивных моделей ФЕ с семантикой труда является лишь частью общего описания фразеологической макромодели «Деятельность человека», которая даст возможность детально представить особенности стереотипизации действительности в русской лингвокультуре.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматические истоки фразеосемиозиса. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. – 192 с.

3. Андрейченко О. И., Щербачук Л. Ф. Фразеологическая репрезентация концептосферы «Деятельность человека» в русском и украинском языках: когнитивный аспект // Фразеология в языковой картине мира: когнитивнопрагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года) / Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова и др. Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 66–71.

4. Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык». М., 2005. – 20 с.

5. Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «Труд» в русском языковом сознании: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка». Волгоград, 2003. – 216 с.

6. Гусельникова О. В. Когнитивный аспект изучения фразеологии // Актуальные вопросы современной науки. № 5–2. 2009. – С. 155–162.

7. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопр. языкознания. 1996. № 1. – С. 71–83.

8. Еремина М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск, 2014. – 204 с.

9. Жевайкина Ю. В. Когнитивные аспекты идиоматики (на материале семантического поля «безумие» в русском и английском языках): автореферат дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2004. – 24 с.

10. Жуйкова М. В. Разбить в пух и прах: когнитивная история идиомы // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 63–70.

11. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. – 537 с.

12. Жуков К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка». Великий Новгород, 2004. – 27 с.

13. Іванова І. Б. Фразеосемантичне поле «життя / смерть»: національні стереотипи та їх кореляції : автореферат дис. … канд. філол. наук: 10.02.01. К., 2008. – 22 с.

14. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. – 512 с.

15. Левченко Е. Метафорические принципы во фразеологии // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. А. М. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. – С. 242–249.

16. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.

17. Токарев В. Г. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке: автореферат дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук: 10.02.01 «Русский язык». Волгоград, 2003. – 46 с.

18. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А. Н. Тихонов. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.

19. Чернова О. Е. Концепт «Труд» как объект идеологизации: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык». Екатеринбург, 2004. – 163 с.

20. Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 1996. – 18 с.

21. Чикина Е. Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы [Электронный ресурс] // Международный научно-практический (электронный) журнал «INTERCULTUR@L-NET». 2004. Вып. 3. Режим доступа: vfnglu.wladimir.ru/ Rus/Staff/kaf_lingv_id.htm.

22. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago, L., 1987. – 632 p.

23. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. Amsterdam-Philadelphia, 2006. – 325 p.

КОНЦЕПТ «СМИРЕНИЕ» В ПИСЬМАХ ИГУМЕНА НИКОНА ВОРОБЬЕВА

О. Л. Арискина
ariskina@list.ru
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
(Саранск)

Современная гуманитарная наука антропоцентрична: ядром любых исследований становится человек и его свойства. Языко-

знание не стало исключением: развитие когнитивной лингвистики (Богданович Г. Ю., Тарасюк Д. В. [2], Попова З. Д., Стернин И. А. [10], Болдырев Н. Н. [4] и др.), дискурс-анализа (Карасик В. И. [6], Макаров М. Л. [8], Чернявская В. Е. [11] и др.), учения о языковой личности (Караулов Ю. Н. [8], Богин Г. И. [3], Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. [1], Карасик В. И. [6] и др.) подтверждает это.

Данное исследование тоже выполнено в рамках антропоцентрической парадигмы и посвящено реализации концепта «Смирение» в дискурсе игумена Никона Воробьева (1894–1963 гг.). В перспективе вслед за исследователями, изучающими языковую личность священника (Огнева Е. А. [9], Чиковани Т. В. [12] и др.), планируется проанализировать все уровни языковой личности [8] игумена Никона. В рамках настоящей статьи мы ограничимся анализом только одного концепта, который, однако, «высвечивает» особенности лингвокогнитивного уровня данной языковой личности.

Традиционно мы будем рассматривать концепт в единстве трех его компонентов – понятийного, образного и ценностного [6].

В русской языковой картине мира (по данным толковых словарей) смирение включает в себя следующие когнитивные характеристики: 1) действие по глаголу «смирять», 2) сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия, 3) кротость, покорность. Рассмотрим, какие сигнификативные характеристики есть у концепта «Смирение» в картине мира игумена Никона.

Четкой дефиниции понятия «смирения» мы в письмах священника не находим, зато можем увидеть определение-описание: *Самым основным свойством «нового» человека является* ***смирение****, без которого исполнение даже всех заповедей не только не приближает человека к Богу, но делает врагом Божиим, ибо если не будет смирения, то обязательно будет гордость* [5, с. 95]. Как видим из этого фрагмента, смирение – главная характеристика христианина, ибо «новый» человек – это человек Нового Завета, человек, знающий Христа. В это описание сразу вводится концепт-оппозиция, концепт «Гордость»: гордость и смирение – это две стороны одной медали, поэтому рассмотрение концепта «Смирения» мы часто будем осуществлять через анализ его оппозиции. Проанализируем эти антонимы: *А* ***гордости*** *у нас хоть*

отбавляй. Словами нас ***не смирить****. Вот Господь и попускает впадать во всякий срам, чтоб невольно человек пришел в сознание своей* ***ничтожности*** *и* ***безобразия*** [5, с. 75]; *...а особенно если возгордишься и понадеешься на свои силы, – то падешь падением великим и отяготишь себе жизнь безмерно* [5, с. 100]. Из этого отрывка можно выделить еще сигнификативные компоненты концепта «Смирение»: сознание собственной ничтожности и безобразия. У этих понятий тоже есть оппозиции: *У всех непочатый край высокоумия и самонадеянности* [5, с. 120], которые, безусловно должны вести человека к погибели [5, с. 14], потому что *…Господь самонадеянному и гордому не поможет, и тот неминуемо впадает в разные сети врага* [5, с. 23].

Составляющие понятийного компонента данного концепта можно выявить из следующего фрагмента: *Демоны* ***горды*** *и овладевают гордецами, значит, надо нам* ***смириться****. Демоны* ***гневливы****, значит, надо нам приобретать* ***кротость****, чтобы они не овладевали нами, как своими по душе. Демоны* ***злопамятны, немилосердны****, значит, надо нам скорее* ***прощать*** *и* ***мириться*** *с обидевшими и быть ко всем* ***милостивыми****. Надо подавлять в своей душе бесовские свойства, а насаждать ангельские, которые указаны в святом Евангелии* [5, с. 27]. Таким образом, к смирению будут относиться дополнительные характеристики: кротость, прощение, милосердие. Этот список можно продолжить: сознание немощи, нищеты, греховности, неоплатной задолженности перед Богом, плач сердечный [5, с. 56].

Размышляя о человеке, автор пишет: «Есть два периода в душевной жизни христианина: 1) осознание своей испорченности, падения, греховности, 2) постепенное исцеление душевных язв» [5, с. 67]. Первый этап вполне можно назвать одним словом – смирение.

Чтобы воздействовать на читателя, священник оформляет свои мысли в призывы-рекомендации: *Считай себя* ***недостойным*** *никаких дарований* [5, с. 90]; *Всегда* ***обвиняй себя****…* [5, с. 91]; ***Смиряйся*** *перед Богом и перед людьми* [5, с. 88]; *…****не унывай, не ропщи и не придавайся неверию****…* [5, с. 109]; ***Терпением*** *вашим стяжите души ваши* [5, с. 9]; *Опирайтесь на* ***Евангелие*** *и на пример самого Господа Иисуса Христа* ***в борьбе с тщеславием*** *и в приобретении* ***смирения*** [5, с. 58]. Эти призывы-

рекомендации помогут нам дополнить понятийную составляющую концепта «Смирение»: сознание себя недостойным, самообвинение / самобичевание, терпение, борьба с тщеславием, опора на Евангелие.

Таким образом, понятийный компонент концепта «Смирение» в картине мира игумена Никона Воробьева можно определить так: главная характеристика христианина, которая проявляется в осознании им собственных «недостоинств», безобразия, испорченности, падения, ничтожности, нищеты, греховности, неоплатного долга перед Богом, а также в стремлении к прощению, кротости, милосердию, терпению, самообвинению и самобичеванию и в постоянной борьбе с тщеславием, самонадеянностью, высокоумием, гордостью. Безусловно, данное понятие гораздо шире словарного представления.

На втором этапе рассмотрим образную составляющую концепта «Смирение». Так, по мнению священника, человек без смирения в душе подобен Иуде: *...Господь обнаруживает в свое время скрытых* ***иуд*** *и выкидывает их из Церкви* [5, с. 103]. И здесь возникает образ гордеца, подлеца, предателя.

Как мы видим, смирение опять изображается через гордость, которая должна восприниматься человеком как страшная болезнь: *…пока наконец духовным зрением не увидит себя всего во грехе, в* ***проказе душевной*** [5, с. 13]; *Когда человек сердцем почувствует, что душа его* ***прокажена*** *грехом, вся в язвах, что он был силен сам себя исцелять…* [5, с. 40], – или как плен: ***Смиряйся*** *перед Богом и перед людьми, тогда будешь низлагать исполинов одного за другим и освободишься от* ***плена*** *греховного* [5, с. 33]; *…когда человек придет в состояние* ***мытаря*** *(в* ***смирение****) – тогда в нем будет совершаться сила Божия и* ***выводить из Египта*** *в землю обетованную* [5, с. 55]. Мытарь – яркий образ смирения, как и Иуда – образ гордыни.

Также интересны образы плевел – недостатков, грехов, пороков и пшеницы-смирения: *Вот почему Господь не велел выдергивать плевелы из пшеницы: без плевел легко возникла бы* ***гордость****, а Бог гордости противится* [5, с. 14], – также образы овец (смиренных христиан) и волков: *Уповая на Него, апостолы все претерпели, но победили мир – небольшое количество овец победило несметные стада волков* [5, с. 108]. Такое чудо возможно только,

если человек смиряет себя и уповает на Господа, ибо «надеющийся на свои дела строит свой дом на песке» [5, с. 43] (еще один яркий библейский образ).

Конечно, образный компонент концепта «Смирения» выстраивается в основном с помощью образов из Писания. Так, очень частотен образ змеи, или змея-искусителя, из-за которого первые люди лишились рая: *Берегись при этом* ***тщеславия****, как самой* ***ядовитой змеи****, которая может убить и уничтожить все духовное, что ты приобрел* [5, с. 133]; *Как* ***змеи ядовитой*** *нужно остерегаться* ***ропота. Неблагоразумный разбойник*** *ропотом и бранью не только усилил свои муки, но и погиб навеки, а* ***благоразумный*** *– сознанием, что достойное по делам приемлет, и страдания облегчил и Царствие Божие наследовал* [5, с. 21]. В последнем примере возникают еще два образа – разбойники, распятые вместе с Иисусом на кресте.

С помощью создания образов Бога и дьявола тоже «рисуется» яркая картина того, что происходит с душой человека. Священник моделирует процесс дьявольского манипулирования сознанием: *Как Господь старается спасти человека, так дьявол – погубить. Дьявол дает человеку видимость победы над собой и вводит через это в самодовольство и гордость; дает успехи в покорении сил природы и внушает мысль: «Через знание (науку) вы победите природу, будете бессмертны и станете богами. Вы и теперь уже можете гордиться своими достижениями»* [5, с. 107].

Последний компонент в структуре концепта «Смирения» – ценностный. Самой высокой оценки удостаивается «глубина смирения», то есть ценно не простое признание грехов, а раскаяние: *Успех духовной жизни измеряется не духовными утешениями, которые могут быть и от лукавого, а* ***глубиною смирения*** [5, с. 56]; *Самый успех в духовной жизни измеряется* ***глубиной смирения****. Нужна постоянная борьба самого человека для приобретения* ***смирения*** *и великая помощь от Бога* [5, с. 121]. В доказательство своих мыслей игумен ссылается на авторитетные высказывания: на слова Исаака Сирина, пишущего, что «плачущий о грехах выше словом воскрешающего мертвых» [5, с. 123]; на слова Антония Великого, аввы Исхириона, утверждающих, что «спасающиеся в последнее время безропотным терпением скорбей своих будут прославлены выше древних отцов» [5, с. 9].

При анализе ценностного компонента можно выявить несколько иную оппозицию: молитвы смиренного сердца, святые, благоговейные молитвы и фарисейские: *Те молитвы святы, которые исходят из благоговейного сокрушенного и* ***смиренного сердца****, а* ***фарисейские (гордые и тщеславные)*** *молитвы не только не святы, но* ***мерзость*** *перед Богом* [5, с. 58]. Интересны также оценки «подвиг» и «спасение»: *Не будет никаких собственных подвигов у ищущих Царствие Божие. Спасаться же будут только терпением скорбей и болезней* [5, с. 8].

Проведенный анализ показал, насколько расширен понятийный компонент концепта «Смирение» в дискурсе игумена Никона Воробьева по сравнению со словарными дефинициями, а также выявил образные (они чаще всего проявляются при помощи оппозиции: *Бог – дьявол; мытарь – иуда, овцы – волки, благоразумный разбойник – неблагоразумный разбойник*; кроме того, очень ярки образы гордости и самонадеянности, то есть обратной стороны смирения: *проказа, плен, дом на песке, змея, яд*) и ценностные (*глубина смирения, подвиг, спасение*; «антиценность»: *фарисейская молитва – мерзость перед Богом*) составляющие одного из самых значимых в православном мировоззрении концептов.

Литература

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 25 (240). – С. 15–18.

2. Богданович Г. Ю., Тарасюк Д. В. Картина мира сквозь призму языкового сознания крымской молодёжи (на примере русского, украинского, польского языков) // Межкультурные коммуникации: Русский язык в современном измерении. Симферополь, 2018. – С. 15–17.

3. Богин Г. И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки. Тверь : Просвещение, 1998. – 164 с.

4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.

5. Игумен Никон (Воробьев). Письма духовным детям / Сост. А. И. Осипов. М.: Стихира, 2014. – 136 с.

6. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С.3–16.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гносиз, 2003. – 280 с.
9. Огнева Е. А. Концептуализация пространства в дискурсивной модели языковой личности священника (на материале статьи иерея Антония Блума «"LONG LIVE THE QUEEN!"!») // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. – С. 239–247.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСИ, 2007. – 314 с.
11. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
12. Чиковани Т. В. Языковая личность православного проповедника как значимый лингвоформат религиозного дискурса (на материале проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская») // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Том 2. Вып. 1 (7). – С. 72–77.

ФАЗОВАЯ ПАРАДИГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА *‘ИГРАТЬ НА СТРУНАХ (НА КЛАВИШАХ) ДУШИ’*

Ю.Ю. Балацкая
balackaja.y@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь)

Фазовость как аспектуальная категория была объектом исследования в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, О. М. Соколова, Т. В. Лариной, В. А. Плунгяна, С. О. Соколовой, Е. Я. Титаренко, В. С. Храковского и др. ученых. В своей работе мы опираемся на теорию фазовости О. М. Соколова [4] и теорию фазовой парадигматики русского глагола Е. Я. Титаренко [5, 6].

«Фазовость – понятие универсальное, отражающее объективное развитие процессов в материальном мире, где все имеет начало, продолжение (развитие) и конец, а затем повторяется в том же порядке. Фазовость имеет свои средства выражения во всех языках. В русском языке фазовость может выражаться синтетически и аналитически, эксплицитно и имплицитно» [5, с. 105–106].

По мнению Е.Я.Титаренко, аспектуальная категория фазовости эксплицитно выражается у глаголов несовершенного вида (НСВ) аналитическими формами «фазовый глагол + инфинитив», а имплицитно проявляется в парадигмах фазовости, включающих дериваты и корреляты совершенного вида (СВ), находящиеся в отношениях прямой мотивации (см. об этом в [5; 6]). Например, у глагола ***играть*** есть аналитическая фазовая парадигма (*начал, стал играть → продолжает играть → перестал, кончил, закончил играть*) и синтетическая фазовая парадигма: *заиграл →* ***играл*** *→ поиграл → сыграл*, *доиграл, отыграл* и т. д.

Целью нашего исследования является функциональное описание глагольных фразеологических единиц (ГФЕ), построение их фазовых парадигм в соответствии с основными типами фазовых отношений [1] и сопоставление фазово-аспектуальной валентности глагола – стержневого слова и ГФЕ в целом.

В статье проанализирована ГФЕ ***«играть на струнах (на клавишах) души / сыграть на струнах души»***, которая имеет значение «действовать на чувства, волновать» [7, с. 266].

Глагол ***играть*** имеет полную аналитическую фазовую парадигму (как сказано выше). ГФЕ ***«играть на струнах (на клавишах) души»*** также имеет полную фазовую парадигму, в которой **аналитически** выражаются все фазовые значения – начала, продолжения и завершения процесса, что проявляется в употреблении ГФЕ с фазовыми глаголами: *начать, стать, продолжать, прекратить, перестать, закончить* и под. Например, **начало процесса**: *Рынок* ***начинает*** *тонко* ***играть на струнах души*** *человека.* (Д. Черемушкин); *Когда Печорин задумал украсть Бэлу, он* ***стал играть на*** *самых тонких* ***струнах души*** *ее брата Азамата, мечтавшего о коне Казбича.* **Продолжение процесса**: *А таинственный гитарист* ***продолжал играть на струнах души***; ***Продолжай играть на струнах*** *моей* ***души*** *всё быстрее и быстрее*. З**авершение процесса**: ***Перестань играть на струнах*** *моей* ***души*** [twitter.com›vi_milashka].

О.М. Соколов представил лексико-грамматическую категорию фазовости как «отношение неограниченного пределом процесса к его началу или завершенности» [4, с. 104]. Выделяются начинательно-процессные, процессно-ограничительные, процессно-результативные (финитивные) и однократно-/ многократ-

ные типы фазовых отношений (см. [1; 4; 5; 6]). Т.В. Ларина описала фазовые отношения устойчивых глагольно-именных словосочетаний [2]. Фазовые отношения показываем стрелками, строим фазовые парадигмы. По Е.Я.Титаренко, «фазовая парадигма может быть полной (четырехсторонняя) либо неполной (одно-, двух-, трехсторонняя). Полная фазовая парадигма включает как минимум 5 членов (лексем), считая исходный глагол, и все направления фазовости. Минимальная парадигма состоит из двух лексем» [5, с. 172]. Фазовая парадигма глагольного фразеологизма имеет такую же структуру.

Для определения фазовости глагольного стержневого компонента ГФЕ, вслед за О. М. Соколовым и Е. Я. Титаренко, «прибегаем к семантическому толкованию, используя приемы подстановки «семантических формул» типа «делал, делал и наконец сделал» – для финитивно-результативных глаголов; «сделал и теперь делаю (продолжаю делать)» или «начать быть в состоянии – быть в состоянии» – для начинательно-процессных отношений; «делал (был в состоянии) какое-то время» – для процессно-ограничительных отношений. Если же толкование семантических отношений не укладывается в рамки этих трех формул, следует констатировать выражение единичности / повторяемости действия» [5, с. 119-120].

Глагол ***играть*** обладает высокой словообразовательной и фазовой валентностью. Однако не все его дериваты (*взыграть, переиграть, доиграть, проиграть* и др.) функционируют в речи как стержневые глагольные компоненты ГФЕ ***«играть на струнах (на клавишах) души»***. В нашей картотеке собраны примеры употребления данного фразеологизма только с глаголами СВ *заиграть, сыграть, поиграть, отыграть.*

Глагол ***заиграть -2*** имеет значение ‘начать играть’ [3, т. 1, с. 522], следовательно, между глаголами ***заиграть – играть*** возникают начинательно → процессные отношения. Так же и ГФЕ ***«заиграть на струнах души»*** называет начало процесса, а ГФЕ ***«играть на струнах души»*** сам процесс. Рассмотрим примеры: *Я **на струнах души заиграю*** (=‘начну играть’) *И согрею всем сердцем тебя.* (Т. Рудная); *На **струнах души заиграла*** (=‘начала играть’), *И сердце согрела теплом* (Доктор скрипка) [zolotoe-

pero.net›comm]. Значит, между ГФЕ ***заиграть → играть на струнах души*** начинательно → процессные фазовые отношения.

Глагол ***играть*** в значении: «*перен. на чем*. Воздействовать на инстинкты, чувства и т.п. для достижения намеченных целей» [3, т. 1, с. 629] имеет видовую пару СВ ***сыграть***. Между глаголами ***играть – сыграть***, как и между ГФЕ со стержневым компонентом-глаголом НСВ (*играть*) и ГФЕ с *сыграть* (СВ) возникают отношения одно-/многократности действия: ***играть на струнах (клавишах) души*** (всегда) ↔ ***сыграть на струнах (клавишах) души*** (один раз). Ср.: *Каждый маг – настоящий маг – часто (и даже очень часто)* ***играет на*** *тех или иных* ***струнах души*** *человека* (‘многократное действие’); *Мещанство многолико. Оно умело* ***играет на клавишах души*** *неустойчивых, падких на шикарную жизнь людей* (‘всегда’) (Г. Киселёва) [6, с. 266] ↔ *– Ах, это неуёмное стремление* ***сыграть на*** *чувствительных* ***струнах*** («один раз») *податливой кинозрительской* ***души****!* (А. Праздников) [6, с. 266]; ***Сыграй на клавишах души*** («один раз») *дразнящий ритм импровизаций, и в дебрях приторной тиши сорви внезапный хор оваций* (К. Левская).

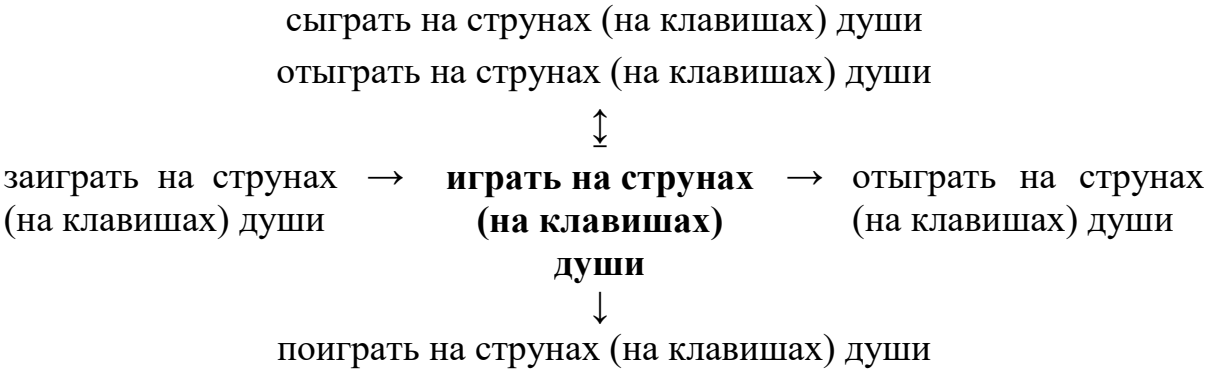
Глагол ***поиграть*** (СВ) имеет значение ‘играть некоторое время’ [3, т. 3, с. 241]. Между глаголами ***играть – поиграть*** проявляются процессно-ограничительные отношения. ГФЕ ***«играть на струнах (на клавишах) души»*** тоже называет процесс, а ГФЕ ***«поиграть на струнах (на клавишах) души»*** – ограничение этого процесса, т. е. его завершение, не связанное с результатом. Ср.: *– Да, но я* ***играла на*** *прекрасных* ***струнах*** *человеческой* ***души****...* (‘процесс’) (Г. Демыкина). *Как всегда Коэн виртуозно* ***играет на струнах души*** *слушателя, заставляя в каждой песне почувствовать всю гамму эмоций* (‘процесс’) → ***Поиграйте на струнах души*** *осторожно и нежно* (‘какое-то время’). *Привнесите в неё теплоту своей тонкой души*; ***Поиграйте на струнах души****, я прошу, поиграйте, Отряхните с неё мимолётно осевшую грусть* (‘ограничение во времени’) (В. Кубышкин).

Глагол ***отыграть*** во 2-м значении семантизируется как ‘кончить играть’ [3, т. 2, с. 725]. ГФЕ со стержневым компонентом-глаголом СВ *отыграть* может обозначать финитивность процесса, т.е. между этой ГФЕ и исходным фразеологизмом возникают процессно → завершительные отношения, но чаще про-

являются отношения одно-/многократности действия. Ср.: *Он **играет** колыбельную **на струнах души*** (‘процесс длится’)*, и печаль уступает место любви и свету* (М. Кузнецова); → *Этот парень **отыграл** свою мелодию **на струнах** моей **души*** (=‘закончил играть’) [https://www.picuki.com/media/ 18506241967762626 08]; либо: *Они **всегда играют на струнах души**. А вот какую из них задели вокалисты конкурса, известно только зрителям* (‘много раз’) [gov.cap.ru›info] ↔ *И на самарской земле нашлись те, кто решил **отыграть** польку **на** эмоциональных **струнах души** материнского комьюнити* (‘один раз’). *Ты **на струнах души** моей **Отыграл** похоронный марш* (‘один раз’). В этих контекстах глагол *отыграть* синонимичен глаголу (видовой паре) *сыграть*.

Таким образом, ГФЕ ***«играть на струнах (на клавишах) души»*** имеет полную четырехстороннюю парадигму, включающую все направления фазовости. В нашей картотеке собраны варианты данного фразеологизма с глаголами СВ *заиграть, сыграть, поиграть, отыграть* (более 200 фразеоупотреблений). Отношения фазовости между глаголами-стержневыми компонентами и в целом ГФЕ совпадают, т.е. глагол во фразеологизме и глагол в свободном словосочетании реализует одинаковую фазовую валентность. Однако в качестве стрежневого компонента выступают далеко не все дериваты глагола ***играть***. Кроме того, описываемая ГФЕ имеет полную аналитическую фазовую парадигму, в которой все виды фазовости (начало, продолжение, конец) переданы сочетанием инфинитива НСВ (*играть*) с фазовыми глаголами.

Схема фазовой парадигмы ГФЕ:



Следует отметить, что в фразеологических словарях [7] не фиксируются варианты ГФЕ с глаголами *заиграть, отыграть, поиграть*. Языковой материал показывает, что их наличие выяв-

ляет фазовую парадигматику ГФЕ «***играть на струнах (на клавишах) души»*** и позволяет носителям языка усилить выразительность своей речи.

Литература

1. Балацкая Ю.Ю. Фазовая валентность русских глагольных фразеологизмов / Ю.Ю. Балацкая // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 147–153.

2. Ларина Т. В. Устойчивые глагольно-именные словосочетания, выражающие фазовые значения : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык». М., 1990. – 16 с.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985 – 1988.

4. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского языка : монография / отв. ред. С. О. Соколова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нежин: ООО «Гідромакс», 2010. – 184 с.

5. Титаренко Е.Я. Имплицитная аспектология русского глагола : монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 324 с.

6. Титаренко Е.Я. Категория фазовости и вид русского глагола: монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Доля, 2011. – 368 с.

7. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка :ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

СИНХРОННАЯ ДЕШИФРОВКА СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ

А. И. Бровец
brovec@mail.ua
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В работах представителей Экспериментальной лаборатории исследований аббревиации под руководством В. И. Теркулова разграничиваются синхронный и диахронный подходы к выделению сложносокращённых слов. При диахронном анализе определяются отношения реальной производности между словом и словосочетанием. При синхронном подходе описываются отношения текстовой эквивалентности между аббревиатурой и соответству-

ющими ей словосочетаниями, которые: а) часто представлены в большем количестве, чем одно; б) связаны с аббревиатурой мотивационными отношениями и способны взаимозаменяться с ней в эквивалентных текстах в качестве абсолютных синонимов; в) составляют гнездо эквивалентности данной аббревиатуры [5, с. 86]. Существование на актуальном срезе языка аббревиатурных гнёзд эквивалентности, включающих, кроме самой аббревиатуры, как правило, несколько соответствующих ей словосочетаний, обосновывает понятие дешифровального стимула, под которым понимается способ представления сокращённого компонента аббревиатуры в эквивалентном ей словосочетании.

Базовая типология, разработанная Лабораторией, предусматривает «разграничение презентативных и интерпретативных дешифровальных стимулов» [3, с. 489]. Презентативные дешифровальные стимулы «реализуются в относительных прилагательных с квалификативной семантикой и являются наиболее предсказуемыми при дешифровке аббревиатуры (*драмтеатр — **драматический** театр*). Интерпретативные дешифровальные стимулы разделяются на релятивные, которые представлены предложно-падежными формами существительных (*драмтеатр — театр **драмы***), и модификативные, которые представлены словосочетаниями с дополнительным ономасиологическим признаком, отсутствующим в самой аббревиатуре (*агроиндустрия — агро**промышленная** индустрия*).

Немаркированными членами привативной оппозиции являются эквивалентные словосочетания именно с презентативным дешифровальным стимулом, в то время как «словосочетания с интерпретативными дешифровальными стимулами, реализующими формальную и семантическую интерпретацию сокращённого компонента аббревиатуры, выступают маркированными членами оппозиции» [Бровец 2017: 105]. Таким образом, презентативный дешифровальный стимул является семантически универсальным в том смысле, что может заменять интерпретативный в текстах, тогда как противоположная замена не всегда возможна.

Взаимозаменяемость дешифровальных стимулов в тексте позволяет оценивать их как грамматические синонимы, которые в Словаре лингвистических терминов понимаются как «слова с синонимичными грамматическими показателями», а также «равно-

значные грамматические конструкции» [1, с. 407]. Е. И. Шендельс при описании явлений грамматической синонимии на материале немецкого языка определяет грамматические синонимы как «разные грамматические формы, обладающие сходным грамматическим значением в системе языка (системные синонимы) или сближающиеся в своем грамматическом значении под влиянием речевых условий (контекстуальные синонимы)» (Цит. по: [2, с. 194]).

В своей работе Е. И. Шендельс выделяет признаки грамматических синонимов, которые релевантны также для дешифровальных стимулов сложносокращённых слов:

Во-первых, «грамматические синонимы имеют сходное, но не одинаковое значение» (Цит. по: [2, с. 194]). Это условие очевидно для гнёзд эквивалентности, включающих несколько релятивных дешифровальных стимулов. Например, для гнезда *автоаксессуары* приводятся релятивные дешифровальные стимулы *аксессуары автомобиля*, *аксессуары для автомобилей*, *аксессуары к автомобилям*, *аксессуары на автомобили*, *аксессуары в автомобиль*, имеющие посессивную, дестинативную, квалификативную и локативную семантику, но в сущности обозначающие один денотат.

Концептуальное тождество приведённых дешифровальных стимулов, их соотнесённость с аббревиатурой *автоаксессуары* подтверждается фактами текстовой эквивалентности, т. е. параллельным употреблением в текстах самой аббревиатуры и эквивалентных ей словосочетаний, взаимозаменяемых друг другом. Текстовая эквивалентность согласуется с другим критерием грамматических синонимов, которые «характеризуются возможностью взаимозамены» (Цит. по: [2, с. 194]).

На примере приведённого гнезда эквивалентности подтверждаются и приводимые в работе Е. И. Шендельс характеристики, согласно которым «грамматическая синонимия полностью проявляется на тождественном лексическом материале», а «грамматические синонимы представляют собой разные морфологические формы и разные синтаксические конструкции, которые сближаются в одних значениях и расходятся в других» (Цит. по: [2, с. 194]). Как видно, эквивалентные словосочетания отличаются друг от друга лишь словоизменительной семантикой, выража-

емой разными предложно-падежными морфологическими формами, тогда как две лексические единицы (*аксессуар*, *автомобиль*) представлены во всех пяти примерах.

Все четыре приведённых параметра грамматических синонимов характерны для релятивных дешифровальных стимулов, в то время как модификативные характеризуются сходным, но не одинаковым значением, а также возможностью взаимозамены.

Модификативные дешифровальные стимулы выделяются на основании двух критериев: формального, который предполагает наличие дополнительного ономасиологического признака в структуре эквивалентного словосочетания, и семантического, который предполагает уточнение лексической семантики аббревиатуры и различие значений с релятивным дешифровальным стимулом. Напр., аббревиатура *автозаправка* имеет эквивалентные словосочетания как с релятивным (*заправка* ***для автомобилей***), так и с модификативным дешифровальными стимулами (*заправка* ***для автотранспорта***). Если релятивная интерпретация трактует слово как предприятие по обслуживанию автомобилей, то модификативная указывает на то, что на заправке обслуживаются не только автомобили, но и мотоциклы, тягачи и т. д.

Впрочем, реализация формального и семантического критериев не взаимообусловлена, поскольку в результате исследования нами обнаружены модификативные дешифровальные стимулы, демонстрирующие лишь структурное усложнение, но в содержательном отношении являющиеся плеонастическими (*авиаспециалист — специалист* ***в области*** *авиации*; *автосервис — сервис* ***по обслуживанию*** *автомобилей*; *автоправа — авто****водительские*** *права*).

Таким образом, сложносокращённые слова в русском языке имеют более широкий дешифровальный потенциал, чем это понимается в традиционных лексикографических и теоретических трудах, которые фиксируют, как правило, аббревиатурные пары, а не синхронно обоснованные гнёзда эквивалентности. Последние включают мотивационно связанные с аббревиатурой словосочетания разных типов, различаемые способом представления сокращённого компонента аббревиатуры. Основных способов три: адъективная трактовка сокращённого компонента аббревиатуры (презентативный дешифровальный стимул), субстантивная

трактовка сокращённого компонента аббревиатуры (релятивный дешифровальный стимул), лексическая трактовка сокращённого компонента аббревиатуры (модификативный дешифровальный стимул). В результате исследования определено, что дешифровальные стимулы (в особенности релятивные) обладают признаками грамматических синонимов.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 607 с

2. Абдулхакова Л. Р. Некоторые аспекты изучения синонимических отношений в системе языка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. №6. С. 191–198.

3. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 2017. No. 6. С. 98–107.

4. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17. № 4. С. 487–501.

5. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 2017. No. 6. С. 73–97.

6. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2018. – Т. 1. А–Ж. – 277 с.

7. Шендельс Е. И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1964. – 51 с.

СОБИРАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Л. В. Валеева
lv_valeeva@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Собирательность формируется на основе способности человека регистрировать бытие, устанавливая концептуальное сход-

ство некоторого класса. Когнитивное обоснование современных лингвистических исследований данной категории связано с осознанием нечеткости человеческого мышления и интересом к системам, не поддающимся точному количественному анализу. В языке эти разработки повлияли на исследования собирательности в сфере номинаций со значением неопределенного количества, что предопределяет широту подходов к изучению рассматриваемой категории.

Категория собирательности, являясь уникальной, не всегда чётко ограничивается от близких семантических категорий количества, числа. В отечественной лингвистике активно разрабатываются несколько направлений определения и описания внутренней структуры категории собирательности, в основе которых сопоставление числа, собирательности, количества. Согласно одной точке зрения категория числа определяется в своих функциях лишь по соотнесенности единственного и множественного числа, а категория собирательности включает только имена, лишенные формы множественного числа (Н. М. Шанский, Л. В. Щерба и др.). Согласно второй [2] – категория числа интерпретационна и отражает количественные отношения предметов только на первый взгляд, а категория собирательности не зависит от оформления единственного и множественного числа.

Представленное исследование выполнено в рамках семантико-функционального подхода к языковой собирательности. Функциональная сущность собирательности определяется её способностью передавать значение неделимого качества [1], недискретного (нечленимого) множества [2], качественной однородности [3]. Семантические признаки верифицируют указание на целостный характер и количественную неопределённость множества элементов, что является «мотивирующей базой» для грамматического и функционального своеобразия субстантивов с собирательным значением. Формально собирательность не привязана к грамматическим параметрам, хотя и не может рассматриваться в отдалении от них. Таким образом, параметризация собирательных слов учитывает грамматическую маркированность, которая выражается в наличии формальных показателей (аффиксов) собирательности, и немаркированность. К немаркированным именам относятся как слова непроизводного типа, так и слова, обра-

зованные с помощью морфемы, не включенной в список показателей собирательности.

Востребованность и активность лексики со значением собирательности обусловлены, по мнению Н.К. Рябцевой, рациональностью человека и его стремлением к контролю любых множеств, в том числе и неупорядоченных: *гурьба, орава, сброд, ворох, куча, кипа* и под. [7]. В языке существуют самостоятельные единицы (*много, мало, небольшой, огромный*) для обозначения большего или меньшего неопределённого количества. Алеш Бранднер выделяет особую группу собирательных существительных pluralia tantum, в которую, помимо существительных *алименты, деньги, финансы, мощи, письмена, всходы, недра, джунгли* и под., включаются субстантивы *командировочные, суточные, наличные, наградные, сверхурочные*, образованные от имен прилагательных [1, с. 102].

Объектом представленного исследования являются субстантивированные имена существительные с семантикой собирательности, образованные от имён прилагательных. Целью исследования является систематизация и моделирование лексикографического описания собирательных слов русского языка, образованных посредством перехода из имён прилагательных.

Анализ лексикографических источников показал, что список лексем с пометой «*собир*.» варьируется и зависит от того, насколько полно авторы словаря описывают заданный массив лексем. Критериями отбора для утверждения собирательной семантики являются общепринятые, устоявшиеся признаки, как-то: лексическое значение совокупности; отсутствие числовой парадигмы; продуктивные и распространённые суффиксы, служащие для выражения субстантивной собирательности (*кустарник, беднота, деканат, профессура, студенчество* и под.).

Было отмечено, что помета собирательности не фиксируется последовательно в многозначных словах, в которых отсутствует формально выраженный маркёр собирательности. Например, субстантив *агентура* имеет ярко выраженный формант собирательности –***ур***-, поэтому сема совокупности является ядерной для лексического значения данного слова и помета «собир.» сохраняется во всех представленных лексических значениях: «Агентура, ы, ж, 1. Собир. То же. что агенты (в 1-м знач.). 2. Собир. То же

что агенты (во 2-м знач.)» [4]; «Агентура, ы, ж, Собир. Агенты (1.Агент во 2–4 знач.)» [8, с. 79]. Производный субстантив *администрация* не характеризуется регулярным маркёром собирательности, поэтому собирательное значение исключается при лексикографическом представлении слова [8, с. 92] или подаётся в словаре в собирательном значении только в третьем ЛСВ: «Администрация, и, ж. 3. Собир. Лица, ведающие управлением учреждений, предприятий» [6]. Лексемы непроизводного типа *транспорт, деньги, финансы* и под. не сопровождаются в словарях пометой «собир.» из-за отсутствия грамматического показателя. При этом словарное описание, например, одного из значений лексической единицы *транспорт* проводится с помощью указания на «совокупность каких-либо перевозочных средств специального назначения» [4] или слов с семантикой неопределённого количества «колонна, партия» [6].

Особую группу составляют производные имена, образованные вследствие субстантивации имён прилагательных. Семантическая уникальность данных слов заключается в расширении и преобразовании семантической структуры производящего слова за счёт объединения семантических признаков элементов словосочетания. К примеру, лексема *родные,* которая обозначает близкий круг людей по отношению к субъекту, семантически тождественна словосочетанию «*родные люди*», и сформировалась посредством перехода имени прилагательного в имя существительное, при этом получив значение, эквивалентное значению субстантива *родня* [6]. Например: *Кроме того, уточнила прокурор,* ***родные*** *Соловьева «владеют зарубежной недвижимостью», а по месту жительства и по месту работы бывшего главы Удмуртии были проведены обыски, во время которых удалось обнаружить заграничный паспорт*» [РБК] и *Дальняя* ***родня****. Почему отдаляются близкие люди?* [АИФ, 14.07.2016]. Контекстуальная выраженность собирательной семантики *родня* подтверждается комплексом грамматических маркёров.

Семантически смежными собирательной словоформе *родные* являются лексемы *близкие, домашние, чужие*, формирующие лексико-семантическую группу «совокупность людей». Собирательность этих существительных не закреплена в словарях, однако она подтверждается контекстами их употребления и общей

моделью формирования семантической структуры субстантива (ср.: *близкие люди, домашние люди, чужие люди*). В лексикографических источниках существительное *домашние* отмечено стилистической пометой *разг.* и сопровождается синонимическим комментарием «члены семьи» [6]. В современном русском языке словоформа характеризуется указанием на целостный характер и количественную неопределённость группы людей. Например: *На этот раз их застанут все* ***домашние****: войдут и встанут на месте, пока Серебряков, наконец, не скажет, глядя прямо на этих двоих, с некоторой угрозой: «Кто старое помянет, тому глаз вон»* [Экран и сцена, 06.05.2004]; *Однако* ***близкие*** *программиста не могут припомнить, чтобы Владимир когда-либо сотрудничал с этой фирмой»* [Известия, 12.01.2003].

Существительное *чужие* в современном русском языке составляет бином с лексемой *свои*, для которой производящим словом послужило местоимение и которая также контекстуально выражает целостно-неопределённое множество. Например: *После первой команды залпа не последовало: «Как стрелять-то, ведь там* ***свои****», – говорили артиллеристы* [Л.К. Чуковская. Декабристы (1950-1951)].

В современном русском языке выявлено регулярное употребление субстантивов, обозначающих совокупность денежных средств: *командировочные, отпускные, наличные*. Менее востребованы формы *наградные, суточные*. Например: *Обычно в конце декабря у большинства из нас вполне благополучное финансовое положение – мы получаем премии, бонусы, «тринадцатые зарплаты» или* ***отпускные****, если собираемся посвятить большую часть января отдыху* [Русский репортер, 2012]; ***Командировочные*** *ей никто не выплачивал, деньги на поездки иной раз приходилось занимать у подруги, – но что поделаешь!* [Наука и жизнь, 2007]. Стилистически обозначена и активна в современном языке лексема *декретные* с собирательной семантикой: *И получилось, что я почти полгода не появлялась на работе, получила дважды отпускные, затем* ***декретные*** [коллективный форум: Выход на работу (2012)]. Лексемы этой группы также объединяет способность к синонимической замене словосочетанием, включающим имя–модель *расходы (командировочные расходы, отпускные расходы* и под.).

Самую большую группу собирательных существительных, образованных при помощи субстантивации, представляют лексемы, которые обозначают отряды и подотряды живых существ: *парнокопытные*, *жвачные*, *млекопитающие, насекомые, ракообразные* и подобное. Лексикографическое описание данной группы проводится с помощью собирательной словоформы *отряд*: «Парнокопытные, -ых, ед. –ое, -ого, ср. Отряд млекопитающих с двумя одинаково развитыми пальцами (с раздвоенным копытом)» [6]. Названия видов представителей фауны формируют целостные, качественно неделимые семантические комплексы: *Некоторые* ***жвачные****, как верблюды и олени, живут долее рогатого скота* [И. И. Мечников. Этюды оптимизма (1907-1913)]; *Но могут ли в принципе существовать крупные* ***позвоночные*** *в этом озере и других подобных водоемах?* [Техника – молодежи, 1975].

Аналогичный способ классификации востребован в группе наименований видов и подвидов флоры: *озимые, яровые, бахчевые, масличные* и под. Закрепившиеся в русском языке субстантивы, обозначающие неопределённое множество с качественно однородным признаком растительной идентификации, равнозначны мотивирующей модели словосочетания, подобной «*озимые культуры»: Власти республики ожидают недобор урожая* ***озимых****, поскольку большая часть из них пока не дала всходов* [Севастопольская газета, 14.11.2019] – сравним с: *Продолжается уборка поздних* ***зерновых и технических культур****, площадь которых превышает 200 тысяч га, в том числе подсолнечника, кориандра, льна, горчицы* [Севастопольская газета, 04.10.2016]. .

В современной лингвистике тематические группы собирательной лексики, способствующие биологической систематике животного и растительного мира, вызывают непрекращающиеся споры. Одной из причин являются грамматические показатели числа (*овощная культура – овощные культуры*), вступающие в противоречие с собирательной семантикой языковой единицы. Языковая категория собирательности формирует в русском языке два направления наименований биологических видов – метаязыковую (*отряд, класс, отара, стадо, стая, косяк, табун* и под.) и научную (*китообразные, членистоногие, зернобобовые* и под.).

В лексикографическом представлении собирательные существительные, образованные от прилагательных, должны опирать-

ся на семантическое родство с именем, входящим в общую тематическую группу собирательных номинаций. Например, в предлагаемой лексикографической модели собирательные имена немаркированного типа *алименты* и *командировочные* в словарном описании опираются на ключевое слово с более общей собирательной семантикой «средства (денежные средства)» или «расходы»:

АЛИМЕНТЫ, Pl.t. Средства, выдаваемые на содержание отдельно живущих нетрудоспособных членов настоящей или прежней семьи. *При этом в заявлении не утверждается, что алименты на несовершеннолетнего ребенка идут на оплату судебных расходов Потаниной* [РБК Дейли, 19.06.2014];

КОМАНДИРОВОЧНЫЕ, Pl.t., субст. Денежные средства, предназначенные на расходы по командировке. *На прежней работе материальным подспорьем были командировочные, хорошие надбавки, если работал на полигоне* [Дело (Самара), 03.05.2002].

Таким образом, лексикографическое описание субстантивов с собирательным значением, образованных путём перехода из прилагательных, учитывает основной критерий семантики целостности и количественной неопределенности множества элементов, сопутствующие критерии формальной и грамматической выраженности, тематической принадлежности и контекстуального варьирования.

Литература

1. Бранднер А. Способы выражения категории числа у имен существительных в русском языке [Электронный ресурс] // LINGUISTICA BRUNENSIA 57, 2009, 1–2 Режим доступа:https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/115142/1_LinguisticaBrunensia_10-2009-1_10.pdf?

2. Волощенко В. Г. Грамматическая категория числа в русском и японском языках: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. № 2. – С. 176–181.

3. Лешкова О.О. К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках : автореф. дис. … канд. фил. наук: спец. 10.02.03, «Славянские языки». М., 1984. –246 с.

4. Малый академический словарь: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/

6. Русский семантический словарь. IV. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2007. – 924 с. Режим доступа: https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235

7. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: языки пространств: сб. науч. тр. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 109–116.

8. Словарь современного русского литературного языка : В 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. И доп. – М. : Рус. яз., Т. 1 : А–Б. 1991. – 864 с.

ОСОБЕННОСТИ НЕРЕФЕРЕНТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ 1 ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

И.Ю. Гранева, Л.И. Жуковская
irina.graneva@mail.ru
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В работе освещается проблема непрямой экспликации культурно-значимой информации как отражения национального менталитета в особенностях языковой реализации единиц дейктического типа — русских личных и притяжательных местоимений I лица.

Целью исследования является демонстрация возможностей указанных групп местоимений реализовывать в своих нереферентных употреблениях, в том числе в составе устойчивых сочетаний фразеологизованного типа, определенную «конфигурацию смыслов» [5], присущую неким константным представлениям, которые входят в национальную ментальность и обладают существенной этнокультурной спецификой.

Методологическую основу исследования представляют теоретические положения об облигаторном отражении базовых культурных смыслов этноса в категориях лексики и грамматики национального языка, изложенные в трудах А. Вежбицкой, А.А.

Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева [2; 5], идеи языковой концептуализации мира [1; 6; 7] и принципы лингвокогнитивного анализа концептов культуры [8; 9; 10]. Материалом исследования выступают текстовые данные Национального корпуса русского языка.

Под **нереферентными употреблениями** местоимений понимаются контексты, когда, утрачивая свою первичную референтную функцию, т.е. дейктическую функцию указания на непосредственных участников коммуникации (для личных) или на принадлежность им называемых объектов (для личных-притяжательных), интересующие нас местоимения становятся выразителями культурно-значимой семантики в плане национально-обусловленных речевых стратегий говорящих по-русски.

В наших предыдущих работах [3; 4] был выявлен значительный потенциал русских личных и притяжательных местоимений в плане выражения ключевых идей и ценностей русской ментальности на материале лексикографических источников. В данной работе мы демонстрируем возможности дискурсивного варьирования данных местоимений в нереферентных ценностно окрашенных контекстах в рамках функционирования текстах разных типов.

Прежде всего нас интересуют возможности нереферентного употребления местоимений МЫ, НАШ и ВЫ, ВАШ, которые, согласно нашим наблюдениям, обладают повышенной идеологической, ценностной, культурной нагруженностью в плане выражения национального менталитета, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости. Еще Ю.С. Степанов утверждал, что идея ‘мира’ посредством представления о ‘порядке, устроенности, ладе’ коррелирует с ‘мы’ и ‘наши’: именно эти местоимения маркируют ‘свое’, которое противостоит ‘чужому’ [10, с. 95].

Так, косвенная предложно-падежная форма от МЫ выражает значимую для русских людей идею объединения людей по общности духа или по другим, существенно важным признакам — выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п.’. Очень часто эта конструкция употребляется в оценочном или ироническом ключе, включая представление о некой норме, конвенции, об ориентации на некий идеал, по умол-

чанию разделяемых говорящим и теми, кого он включает в свой круг: (1) *Следует отметить, что* ***у нас*** *в России нового клиента поначалу относят к низшей категории, а ведь он вполне может оказаться перспективным и со временем войти в VIP-категорию, если на начальном этапе его не отпугнёт процедура самообслуживания* [Валерий Коржов. Банк с роботизированным лицом // «Computerworld», 2004]; (2) *И сразу ситуация резко изменилась. Интересно, когда* ***у нас*** *расшибут лбы о нечто подобное?! — Надежда на это есть? — Боюсь, что много еще времени пройдет прежде, чем такое случится, а мы все больше позиций в науке теряем* [Владимир Губарев, Геннадий Месяц. Академик Геннадий Месяц: интеллект в России по-прежнему надо защищать! // «Наука и жизнь», 2006]. — В данных случаях эксплуатируется образный потенциал МЫ как носителя идеи ценностно-маркированной общности людей по заданному говорящим параметру, значимой для русского менталитета.

Также МЫ может отражать определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда МЫ употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении ʻЯ’ (Я как один человек условно равен по значимости многим): *Я очень вежливо ответил, что еду оттуда-то и туда-то, и ничего противозаконного не делаю. Знаем,* ***знаем мы вас****, волосатых. Все говорят: ничего противозаконного, а сами только и думаете, небось, где бы марихуаны найти …* [Ю. Баженов. Земля людей. В Гватемалу с черного хода // «Вокруг света», 1995]

В употреблениях лично-притяжательного НАШ также отражается специфически русская национально обусловленная культурная установка на предпочтение коллективных ценностей над индивидуальными, «соборность», выраженная в таких фразеологизованных конструкциях, как *наше дело, наш долг, наша обязанность* и пр.: *А где же остальные? Что, не хватает бойцовского характера постоять за* ***наше дело****? К* ***нам****, коммунистам-руководителям, люди относятся строже, чем к другим. То, что прощают кому-то,* ***нашим*** *не прощают* [Владимир Федоткин. Власть и оппозиция // «Советская Россия», 2003.07.03]

Идея общности людей на основе духовной близости также выражена в фразеологизме *наш парень* — в значении ʻблизкий,

свой, которому можно доверять’: *Сулили аспирантуру: «Поможем». Логика была очевидна: парень вроде бы ничего, «**наш**» **парень**, русский, и биография в порядке — погибший отец-фронтовик, мать была на партийной работе, на целину — среди первых, и т. д. , и т.п. …* [С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004-2008)]

Аналогично — в просторечном фразеологизме *Наш брат* выражается представление о человеке или группе людей, имеющих что-либо общее (с точки зрения говорящего лица): *Очень уж мне это было непонятно. Знаете, **наш брат**, проклятый интеллигент, родится с любовью к законности. Ему непременно надо быть прописанным, зарегистрированным, куда-то причисленным, иначе ему не жизнь…* [И. Грекова. Хозяева жизни (1960)]

Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших! —* выражает гордость за поступки или действия представителей нашей общности людей: *Да. Были люди в наше время **— знай наших**!! Я на всех парах неслась по Ленинградке. За победу демократии — ура!!* [Кира Сурикова. Страсти по Ботичелли (2003)]

Аналогично в выражении *Наша взяла* отражено ценностно-значимое представление о том, что представители нашей группы (в социальной психологии это именуется «ингруппа», в противоположность «другим», чужим — «аутгруппе») одерживают верх в чем-л.: *Танки уходят из столицы… А когда объявили, что путчистов арестовали, люди бросились обнимать друг друга — это было такое счастье! **Наша взяла**! Мы отстояли свою свободу. Вместе мы это смогли!* [Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013]

Позитивно-оценочное утверждение ценностей и приоритетов своего круга отражено также в фразеологизме *Это по-нашему*, т.е. ‘так, как у нас, как мы думаем, считаем нужным’: *Россия на смелые программы, призванные улучшить жизнь народа, пожаловаться не может. Громадье планов **— это по-нашему**. Только большинство из них почему-то не обрастает плотью и кровью, оставаясь в основном на бумаге. Но вот пример иного порядка* [На реке Белой – прекрасной и скандальной, или Башкирский «план ГОЭЛРО» // «Сельская новь», 2003.11.11]

Высшей ценностью является родной язык, потому и говорение на родном языке маркируется через идею НАШЕГО: *гово-*

рить по-нашему — в разговорной речи употребляется в значении ʻговорить на языке говорящегоʼ: *Просто милиционеры на службе за маленькую зарплату, которые после работы сами бы вышли вместе с вами. И там где-то, за экраном глянцевой власти, люди, которые даже* ***говорят*** *не* ***по-нашему****, канцеляризмами: «подготовить меры по дальнейшему улучшению успехов…»* [Виталий Лейбин. Кто на площадь? // «Русский репортер», № 4 (132), 4-11 февраля 2010]

Признание приоритетной значимости своих ценностей вызывает негативное отношение, неприятие установки на безразличие, ценностный релятивизм, нежелание сделать выбор. Это выражается, например, в фразеологизме и *нашим и вашим*, который имплицирует представление о поведении лиц, старающихся угодить двум сторонам, разделенным противоположностью мнений, интересов и т.п.: *Объект космополитический.* ***И нашим, и вашим****. И ласкает Турцию, и стопы омоет Константе, и лечебным йодом обдаст открытую грузино-абхазскую рану. Поэтому море безразмерное, а земля малая* [Игорь Мартынов. Большие русские на маленькой земле // «Октябрь», 2002].

В целом проанализированный материал демонстрирует значительный потенциал употреблений русских местоимений I лица в выражении значимых для национального менталитета идей и представлений, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим». Можно даже предположить наличие особых лингвокультурных моделей выражения указанного комплекса смыслов посредством данных местоимений, что подтверждается идиоматизацией некоторых предложно-падежных форм и сочетаний знаменательных слов с местоимениями МЫ и НАШ в речевой практике носителей русского языка.

Значительная культурная разработанность [2; 8] языковых механизмов специфической ценностной реакции русского человека на лица, объекты, события и явления окружающей действительности посредством нереферентных употреблений местоимений МЫ и НАШИ также находит свое выражение в возможности иронического употребления проанализированных конструкций в функции своего рода «снижения», «отстранения» псевдо-

ценностей «своего мира», которые маскируются под истинные, но по каким-то параметрам не соответствуют норме.

Как позитивно-оценочные, так и иронически-сниженные употребления МЫ и НАШ для выражения значимых для национального менталитета представлений имеют и существенный манипулятивный потенциал, связанный с априорным навязыванием говорящим адресату некоторых ценностей, которые тот, возможно, и не разделяет.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. М.: Наука, 1986. Вып. 28. – – С. 5–33.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В Падучевой. М.: Русские словари, 1997. — 416 с.

3. Гранева И.Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №4. — С. 206-210.

4. Гранева И.Ю. Субстантивация и лексикализация местоимения НАШИ в аспекте языковой концептуализации мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-2. — С. 58-60.

5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.

6. Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. №3-4. 1999. — С. 66–83.

7. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. — С. 50–58.

8. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. № 3. — С. 54–60.

9. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. — С. 33–39.

10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Академпроект, 1997. — 989 с.

СЕМАНТИКА АББРОКОНСТРУКТОВ ОДНОЙ АББРОГРУППЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ

К. Ю. Емельянова
ksyu_emelyanova@mail.ua
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Цель данной статьи – сравнение разных типов абброконструктов (далее – АК) по семантическому признаку на примере абброгруппы «гидро». Для достижения поставленной цели необходимо: 1) дать общую характеристику трём типам АК: абброэквиваленту, абброморфеме и абброаффиксоиду (далее – АЭ, АМ и АА); 2) сопоставить семантику данных типов АК в пределах абброгруппы «гидро»; 3) определить дифференциальные признаки значений АЭ, АМ и АА; 4) обосновать выделение псевдоэквивалентов в рамках семантической интерпретационной методики.

Под **абброконструктом** мы понимаем «часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [2, с. 16]. Тождественный АК объединяет аббревиатурные слова в группу гнёзд эквивалентности (гнездо эквивалентности – «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [2, с. 17]), которая определяется как абброгруппа.

В работах Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА») обосновывается необходимость выделения трёх типов АК: абброэквивалента, абброморфемы и абброаффиксоида.

Определение статуса АК – сложная процедура, так как в сложносокращённых словах (далее – ССС), взятых изолированно, нет каких-либо маркёров, позволяющих отнести сокращённый компонент к тому или иному типу. Например, в абброгруппу «гидро» входят слова *гидродавление*, *гидроуровень* и *гидробаланс*, где АК *гидро-* представлен во всех трёх разновидностях. Установление типа АК возможно только на основе рассмотрения ССС в сопоставлении с эквивалентными им словосочетаниями (далее – СС). При этом главной задачей в определении статуса АК является установление отношений производности между аббревиатурой и её дублетом, так как сама классификация сокращённых компо-

нентов базируется на мотивационных отношениях: выделение АМ обусловлено тем, что в процессе работы над Словарём был опровергнут устоявшийся тезис, утверждавший, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания» [5, с. 8]. В. И. Теркулов доказывает, что существует и другой способ образования ССС – по моделям, имеющимся в языке: «ССС, следовательно, может и не быть произведено от структурно и семантически эквивалентного словосочетания, может и не «выступать сначала как вариант» этого словосочетания. Наоборот, в ряде случаев такое словосочетание само разворачивается на базе ССС и является не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему» [1, с. 128].

Разграничение АЭ, АМ и АА связано именно с констатацией различия статуса АК в процессе формирования аббревиатур.

Абброэквивалент – это сокращённый элемент аббревиатуры, появившийся в результате трансформации первичного СС и использующийся при **универбализации**, под которой понимается «процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [2, с. 21]). Аббревиатура, имеющая в своём составе АЭ, получает статус абброэквивалентной аббревиатуры. Например, *гидравлическое давление → гидродавление*, *гидравлический насос → гидронасос*, *гидравлический пресс → гидропресс* и т. д.

Абброморфема – это морфематизированный АК, используемый вне связи с каким-либо СС, а только по аналогии. Первичным при этом выступает слово, а СС – производный элемент. Процесс образования таких аббревиатур получил название **квазиуниверБализации** («образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [2, с. 18]), а процесс трансформации ССС в СС – **псевдоуниверБализации**. Аббревиатура, содержащая АМ, определяется как абброморфемная квазиаббревиатура. Например, *гидро- + уровень → гидроуровень → гидравлический уровень*, *гидро- + формовка → гидроформовка → гидравлическая формовка*, *гидро- + цилиндр → гидроцилиндр → гидравлический цилиндр* и т. д.

Абброаффиксоид определяется так же, как и АМ. Различие между этими типами АК заключается в том, что АА не трансформируется в эквивалентный атрибут, то есть на него не рас-

пространяется процесс псевдоунивербализации. Аббревиатура, содержащая АА, получает статус абброаффиксоидной квазиаббревиатуры. Например, *гидро-* + *баланс* → *гидробаланс* (в абброгруппе «гидро» была найдена только одна абброаффиксоидная квазиаббревиатура).

В диахронном аспекте (отношения производности) АЭ находится в оппозиции к АМ и АА: АЭ выступает вторичной единицей по отношению к компоненту СС, а АМ и АА – первичной. В синхронном аспекте (отношения эквивалентности) различие между АЭ и АМ стирается, так как АМ вследствие действия процесса псевдоунивербализации разворачивается во вторичный атрибут, в результате чего появляются СС, эквивалентные аббро-морфемной квазиаббревиатуре. Именно в синхронии АЭ и АМ противопоставляются АА, так как этот тип АК не разворачивается во вторичные эквиваленты.

Для определения статуса АК В. И. Теркуловым были разработаны четыре методики: хронологическая, квантитативная, семантическая интерпретационная и ономасиологическая. Эти методики формируют диахронный подход к изучению ССС. Данная работа базируется на одной из перечисленных методик – семантической интерпретационной: «Семантическая интерпретационная методика определяет конкретность / размытость семантики абброконструкта и эквивалентного словосочетания: если в этом словосочетании реализуется регулярное для эквивалента абброконструкта значение, оно может быть определено как производящее для аббревиатуры. И наоборот: если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным» значением компонентов, мы можем предположить, что это словосочетание возникло в результате псевдоунивербализации» [3, с. 82].

Абброгруппа «гидро» насчитывает 95 ССС. Семантика атрибута *гидравлический* в словарях описывается следующим образом: 1) то же, что водяной; 2) использующий механическую энергию воды; 3) использующий при производстве воду, как химический реагент; 4) то же, что гидротехнический; 5) свойственный гидравлике, характерный для нее; 6) действующий на основе использования давления жидкости, участвующий в обеспечении работы гидросистем (https://ru.wiktionary.org/wiki/ гидравличе-

ский). Опираясь на эти значения, проанализируем уже упомянутые нами аббревиатуры: *гидродавление*, *гидроуровень* и *гидробаланс*.

Гидродавление – «давление, создаваемое массой столба воды и пропорциональное высоте этого столба» [4, с. 251]. Данная аббревиатура имеет два эквивалента – *гидравлическое давление* и *гидростатическое давление*, имеющие тождественную с аббревиатурой семантику.

Идентичность значений двух СС доказывается эквивалентными текстами, то есть текстами, в которых «подтверждается эквивалентность аббревиатурного слова деривационно или лексически связанными с ним единицам» [2, с. 22]: «*Гидравлическое давление* в каждой точке замкнутых циркуляционных колец системы отопления непрерывно изменяется в течение отопительного сезона... При установившемся движении воды *гидростатическое давление* изменяется во всех точках системы...» (http://engineeringsystems.ru/d/dinamika-davlenia-v-sistemah-otoplenia.php).

В данном случае АК *гидро-* имеет конкретное (словарное) значение, которое является регулярным как для аббревиатуры, так и для СС. Следовательно, АК *гидро-* – АЭ, а ССС *гидродавление* – абброэквивалентная аббревиатура, появившаяся в результате трансформации СС *гидравлическое давление* и *гидростатическое давление*.

Гидроуровень – «прибор для проверки горизонтальности плоскостей, употребляемый при плотничьих, земляных и т. п. работах» [4, с. 254]. Текстовый эквивалент *гидравлический уровень* определяется как «приспособление, предназначенное для обнаружения и измерения уровня горизонтальности в процессе строительства зданий, фундаментов, монтаже конструкций и т. п.» (https://timestroy.moscow/product/biber/ts-145325/). Семантика аббревиатуры и СС совпадает, но значение АК *гидро-*, в отличие от предыдущего случая, расплывчато: «нечто, использующее воду в измерительном приборе». Здесь отмечается нерегулярное значение АК, так как в данном случае вода не является средством, с помощью которого работает прибор, а лишь используется самим прибором для определённых целей. Основная сема в АК *гидро-* аббревиатуры *гидроуровень* – «жидкость». Расплывчатость АК и нерегулярность его значения свидетельствует о том, что: 1) АК *гидро-* в данном случае является АМ; 2) ССС *гидроуровень* – абб-

роморфемная квазиаббревиатура, появившаяся в результате присоединения сокращённого компонента *гидро-* к слову *уровень*; 3) СС *гидравлический уровень* возникло вследствие псевдоунивербализации.

Гидробаланс – «соотношение жидкости, попавшей в организм, и жидкости, выделенной организмом за определённый промежуток времени (3 часа, 5 часов, сутки, время тренировки, марафона и т. д.)» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидробаланс). Иными словами, это «нечто, определяющее пропорцию жидкости». Здесь семантика АК также имеет расплывчатое значение, так как, во-первых, свойства воды не являются ключевыми, а во-вторых, вода не служит средством для работы каких-либо механизмов. В данном случае *гидро* имеет значение каузатива, то есть указывает на то, что жидкость является причиной определения баланса. При работе с абброгруппой «гидро» с помощью регулярных стереотипов расшифровки АК, то есть дешифровальных стимулов, было обнаружено СС *гидравлический баланс*, которое структурно совпадает с возможным текстовым эквивалентом ССС *гидробаланс*, однако именно семантическая интерпретационная методика доказывает, что это две разные единицы, не связанные между собой. Так, *гидравлический баланс* определяется как «необходимое условие нормальной работы систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха» (http://saves.ucoz.com/publ/b/1-1-0-1), то есть это «нечто, способствующее нормальной работе различных систем». Результатом анализа ССС *гидробаланс* и СС *гидравлический баланс* является следующее: 1) АК *гидро-* в аббревиатуре *гидробаланс* имеет статус АА, так как не разворачивается во вторичный эквивалент; 2) ССС *гидробаланс* определяется как абброаффиксоидная квазиаббревиатура; 3) СС *гидравлический баланс* является **псевдоэквивалентом**, то есть фиктивным эквивалентом формально соответствующему ССС.

Таким образом, в семантическом аспекте АЭ противопоставляется АМ и АА, так как в нём реализуется конкретное и регулярное значение как для аббревиатуры, так и для связанного с ним мотивационными отношениями СС. Для АМ и АА свойственно расплывчатое, нерегулярное значение. Важность семантической интерпретационной методики заключается в том, что только благодаря ей стало возможным выделение псевдоэквивалентов.

Литература
1. Теркулов В. И. Типология сокращённых компонентов аббревиатур / В.И.Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.
2. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. - 2016. № 3. – С. 13–25.
3. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология : Научный журнал .— М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Издательский Дом). – 2017. – № 6. – С. 73–97.
4. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др : Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2018. – Т. 1. А–В. – 277 с.
5. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. А. Ярмашевич. Саратов, 2004.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. А. Ковалева, Л. Ф. Щербачук
Lidiya_shch1@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

В последние десятилетия отмечается повышенный интерес представителей разных научных направлений к Библии как источнику отечественной и мировой культуры. «Библию справедливо называют книгой книг: едва ли другой источник даровал мировой культуре столь же внушительное количество сюжетов, а языкам – лексических и фразеологических единиц» [5, с. 143]. За это время появились словари-справочники [2, 3, 7, 9, 11], где объясняется происхождение некоторых библеизмов, а также работы, посвящённые исследованию языковых единиц библейского происхождения в разных аспектах, в том числе и контрастивном.

Несмотря на то, что сегодня в отечественной и зарубежной лингвистике известно много изысканий, посвященных исследованию языка Священного Писания (см. работы Д. Балаковой, Е. М. Бетехиной, Х. Вальтера, В. Г. Гака, С. Георгиевой, Ю. А. Гвоздарёва, К. Н. Дубровиной, Н. И. Комковой, О. В. Ломакиной, А. С. Макаровой, П. В. Мацькив, В. М. Мокиенко, Н. А. Сегал, Н. В. Скаб, Л. И. Степановой, Е. С. Худяковой, С. Г. Шулежковой и др.), фразеологические единицы библейского происхождения (БФЕ) требуют постоянного и дополнительного внимания. БФЕ представляют особый интерес, благодаря их определенной специфике: с одной стороны, они обладают всеми свойствами фразеологизмов, а с другой – представляют собой определённую языковую микросистему на базе генетического источника – Библии. «Являясь одним из средств создания выразительности и экспрессивности, – подчёркивает О. В. Ломакина, – библейская фразеология частотна и в современных текстах» [6, с. 48].

Цель исследования – охарактеризовать особенности узуального функционирования фразеологизмов русского языка с компонентами-антропонимами и компонентами-топонимами библейского происхождения в интернет-дискурсе.

Существуют разные подходы к осмыслению сущности и типологии библейских фразеологизмов. Автором одной из первых классификаций библеизмов является В. Г. Гак, который классифицирует их в зависимости от пути проникновения в язык, выделяя непосредственные и опосредованные библеизмы [1]. Позже исследователи расширили аспекты классификации в зависимости от подходов к предмету анализа: семантический аспект (Е. В. Каминская), темпоральный, хронологический (Е. Ю. Кислякова, Н. П. Матвеева), прототипический (А. А. Меликян), семантический (К. Н. Дубровина, О. В. Ломакина), структурно-семантический (Я. С. Зайцева), семантико-грамматический (О. Б. Качановская) и др.

Интернет-дискурс является самым активным и постоянно меняющимся типом дискурса. Он отражает реальные события и явления, происходящие в жизни общества. Безусловно, фразеология связана с культурно-исторической составляющей жизни народа, поэтому неудивительно, что БФЕ активно репрезентированы в интернет-дискурсе. Анализ функционирования узуальных

БФЕ в языковом пространстве интернет-дискурса даёт возможность раскрыть их лингвопрагматические особенности, национально-специфические характеристики, механизмы использования в контексте и новые стилистические функции. По мнению Н. А. Сегал, «полифония смыслов, заключенных в религиозных текстах, находит свою неоднозначную интерпретацию в языке газет, создавая насыщенные и яркие образы, формируя прагматические установки адресанта и субъективную интерпретацию адресата» [8, с. 144].

В современной фразеологической науке (см. раб. И. М. Абрамович, О. И. Андрейченко, Э. Д. Головиной, В. В. Горлова, Т. С. Гусейновой, О. В. Ломакиной, Ю. А. Маркитантова, А. И. Молоткова, И. Ю. Третьяковой, Н. М. Шанского, Л. Ф. Щербачук, А. М. Эмировой и др.) выделяют разные способы репрезентации фразеологических единиц в дискурсе. Традиционные БФЕ употребляются в массмедийных текстах с целью создания определённого стилистического эффекта, при этом сохраняются их кодифицированные во фразеографических источниках семантика и структура.

Рассмотрим примеры функционирования БФЕ в массмедийных текстах. *«Вернёмся к Франции. У неё есть два пути: путь Франсуа Олланда, насильственно прививающего стране небывалые формы бытия, очень смахивающие на те, от которых, по преданию, погибли Содом и Гоморра и уж точно погибли Помпеи»* (Эдуард Лимонов. Не убивайте принесшего дурную весть // Известия, 2013.05.29). Во фразеологических словарях компоненты-топонимы **Содом и Гоморра** зафиксированы в составе трёх БФЕ: ***Содом и Гоморра*** – ‘падшее, растленное, развращённое общество, погрязшее в тяжких грехах и наказанное за это; кутёж, пьянство, разврат и т.п., царящие где-либо; крайний беспорядок, хаос, суматоха, неразбериха; сильный шум, гам, крик’[2, с. 612-613]; ***содомский грех*** – ‘половые извращения (гомосексуализм, скотоложство (зоофилия), инцест и др.)’[2, с. 615]; ***такой содом, что дым коромыслом*** – ‘о толкотне, драке, беспорядке’ [7, с. 539]. Как видим, значения БФЕ с компонентами-топонимами **Содом и Гоморра** коннотированы отрицательно. Согласно христианской традиции названия данных городов – **Содома** и **Гоморры** – символизируют самые тяжкие грехи человечества. Выражения

восходят к библейскому преданию «о двух городах, погрязших в распутстве и уничтоженных за это огнём и серным дождём, посланными с неба Господом. Содом и Гоморра, входившие вместе с городами Адма, Севоим и Сигор в пятиградье земли Ханаанской, были расположены в долине Сиддим. По преданию жители Содомские были злые и грешные. Разврату и блудодеянию были подвержены также и обитатели Гоморры и близлежащих городов». За это покарал их Господь, стерев Содом и Гоморру с лица земли [2, с. 614–615].

Как свидетельствует вышеупомянутый пример, автор текста Э. Лимонов метафорически сравнивает «насильственные формы бытия» Франции времён президентства Франсуа Олланда с грехопадением. «Понятие *грех* было и остается одним из важнейших для обыденного сознания человека. Оно регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и социума, задавая нравственные ориентиры. Оно личностно и социально, применимо к отдельному этносу и к человечеству в целом. Это понятие выступает одновременно как морально-этическая и социо-оценочная категория, которая осмысливается в разных культурах и имеет вербальное воплощение в разных языках» [10, с. 115]. Компоненты-топонимы, номинирующие отдельные библейские города, транслируются на образ всей страны.

Традиционные БФЕ в массмедийном тексте могут выполнять заглавную стилистическую функцию. Последующий за заголовком контекст раскрывает семантику фразеологизма и усиливает коннотативный фон повествования: *«Валтасаров ПИР. В Ираке есть ценности посерьёзнее нефти. Транснациональные криминальные группировки, занимающиеся контрабандой древних сокровищ, дождались своего часа. Направо – сверкает и пенится Тигр, Налево – зеленые воды Евфрата, Долина серебряным блеском объята, Тенистые отмели манят для игр ...»* (Владимир Абаринов. Валтасаров пир // Совершенно секретно, 2003.05.05). Фразеографические источники фиксируют компонент-антропоним **Валтасар (Балтасар)** в двух БФЕ: ***жить Валтасаром*** – ‘беспечно роскошествовать, вкушать полноту бытия, находясь в неведении относительно своего будущего – неизбежного скорого воздаяния за грехи’[2, с. 201]; ***валтасаров пир*** – ‘беспечно весёлое, легкомысленное препровождение времени нака-

нуне или во время какого-либо бедствия, неминуемой гибели’ [2, с. 73]. Валтасар – халдейский царь. Его имя связано с библейским рассказом о том, как он устроил пиршество в то время, как враги осаждали Халдею – его страну. Во время пиршества Валтасар приказал своим слугам принести ему золотые и серебряные сосуды из святилища Дома Божьего в Иерусалиме. Он и его поданные пили из этих сосудов, тем самым оскверняя их. За это Господь наказал его, и той же ночью Валтасар был убит.

Положительная культурно-историческая коннотация в дискурсе возникает в результате проецирования ассоциативно-образного основания БФЕ не на конкретное лицо, а на группу лиц или описываемую общественную ситуацию в целом: *«Наконец, возможно и истинное нравственное преображение, то самое превращение Савла в Павла, о котором люди недаром помнят 2000 лет»* (Бандиты: изгои общества или его часть. По закону // Известия, 2002.01.11). Так, антропонимы-компоненты **Савл** и **Павел** во фразеологических источниках зафиксированы в составе БФЕ ***превращение Савла в Павла*** в значении ‘резкое изменение чьих-либо принципов, убеждений, взглядов и т.п. на диаметрально противоположные’[2, с. 527]. Эти имена относятся к одному человеку и связаны с библейским рассказом об апостоле Павле. Первоначально Павел носил имя Савл и принадлежал к религиозно-политической секте фарисеев, был одним из самых яростных гонителей Иисуса Христа. Но однажды Савл отправился в Дамаск, чтобы там найти новых последователей своей веры. Когда он уже приближался к Дамаску, его ослепил яркий свет, льющийся с неба, и Савл услышал голос Христа, который вопрошал, почему тот гонит его и последователей христианской веры. Савл в изумлении пал на колени. После этого он три дня был слеп, пока к нему не пришел один из учеников Иисуса, который возложил на голову Савла свои руки и исцелил его – Савл снова обрел зрение. После этого чуда Савл преобразился духовно и физически и стал страстным последователем веры Христа. Крестившись, он принял имя Павел [2, с. 528].

Таким образом, использование традиционных БФЕ в интернет-дискурсе предполагает определенный стилистический эффект: усиливает коннотативный фон языковой единицы и всего контекста, создает для адресанта яркие образы авторской интер-

претации происходящего, придает высказыванию эмоциональности и выразительности.

Литература

1. Гак В. Г. Особенности библейской фразеологии в русском языке (в сопоставлении с французским) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. – С. 55–59.

2. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.

3. Жуковская Н. П. Библеизмы французского языка. Заимствования, фразеологизмы, цитаты, персонажи, аллюзии. Опыт французско-русского комментированного словаря терминов и выражений, имеющих библейский источник. М.: Правосл. Свято-Тихоновский гум. ун., 2006. – 284 с.

4. Кочедыков Л. Г., Жильцова Л. В. Краткий словарь библейских фразеологизмов. М.: Бахрар-М, 2006. – 176 с.

5. Комкова Н. И., Ломакина О. В. Функционирование фразеологических библеизмов в художественной прозе Б. В. Шергина // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика Международная конференция (VII Бодуэновские чтения): Труды и материалы. Том 2 / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань, 2019. – С. 143–148.

6. Ломакина О. В. Особенности употребления библейских фразеологических единиц в языке Л. Н.Толстого // Anuari de filologia. Llengües i Literatures Modernes (Anu. Filol. Lleng. Lit. Mod.). 2012. No 2. – Pp.45-54.

7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.*:* Олма Медиа Групп/Просвещение, 2008. – 784 с.

8. Сегал Н. А. Прецедентная ситуация *Всемирный потоп* в масс-медийных политических текстах // Вестник славянских культур. 2017. № 44. – С. 144–149.

9. Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

10. Щербачук Л. Ф. Образ греха во фразеологическом пространстве русского, украинского и польского языков // Коммуникативные аспекты грамматики и текста I. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. – С. 113–119.

11. Godyń J. Od Adama i Ewy zaczynać. Mały słownik biblizmów języka polskiego. Warszawa-Kraków, 2006. – 216 s.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ» В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Е. И. Пляскина
Забайкальский государственный университет
(Чита)

Появление заимствованной лексики как в литературном языке, так и в говорах – естественное следствие различных отношений (экономических, политических, культурных и др.) одного народа (или части народа) с другими народами, когда вместе с реалиями, вошедшими в быт, в язык или его территориальную разновидность приходят обозначающие эти реалии слова. В забайкальских русских говорах, формировавшихся и развивавшихся более трёхсот лет в иноязычном окружении (аборигены края – буряты и тунгусы), достаточно заметен пласт заимствованной лексики, пришедшей вследствие тесного взаимодействия с инородцами, как называли до революции аборигенов, а именно: совместной службы по охране границы России с Китаем (на юго-востоке Забайкалья, который назывался Даурией или Даурской украиной). Историк А. П. Васильев в работе «Забайкальские казаки: исторический очерк», вышедшей в 1916 в Чите, приводит такие статистические данные для 70-х годов XVIII века: «Всей пограничной стражи, нёсшей непосредственно службу, было 1700 человек: 800 русских, 500 нерчинских тунгусских казаков и 400 селенгинских бурятских казаков» [1, с. 207]. И эта совместная деятельность, а порой и смешанные браки в связи с малочисленностью русских женщин в Сибири не могла не привести к взаимному культурному и языковому влиянию.

В первую очередь быт аборигенов края оказывал воздействие на быт русских. Историк и этнограф А.Н. Пыпин, определяя причины этого влияния, писал: «Едва ли сомнительно, что главным основанием было слабое культурное развитие самих русских, которые из своего прежнего быта не вынесли крепких задатков культуры. С другой стороны, многое зависело от того особенного положения, в каком оказывалось русское население в известных областях Сибири. Заброшенные судьбой в такую местность, где встречался совершенно новый характер природы и климата, лишенные опоры в русском соседстве, эти поселенцы

поневоле прибегали к тем средствам существования и к тому складу быта, который находили у туземцев, и если при том инородческий элемент проникал в саму семью, то потеря старого русского обычая и даже языка совершалась очень легко» [4, с. 432]. И высказывания носителей центральных и юго-восточных забайкальских говоров, записанные автором в 80-х годах XX века подтверждают, что многое взято у бурят: «*Как у бурят скот сам пасётся, так и у нас пасся; Буряты же иманов не доят, и мы ни доили; Как буряты, мяса кусками наварим и едим, да чаем карымским запивам»* [4].

Область питания, конечно же, не осталась исключением: русские с удовольствием ели и пили бурятские блюда и напитки, некоторые перенимали, адаптируя к русской кухне; многие из них широко распространены не только среди сельских жителей – носителей забайкальских говоров, но и среди горожан. К номинациям этой группы относятся следующие лексические единицы (ЛЕ) с фонетическими вариантами, наличие которых обусловлено устным путём заимствования: ***по́зы, бузы, бухлёр, бухулёр, шиля́, шуля́, шеля́, шулюга́, у́рок, бурду́к, затура́н, мангы́р, мангу́р.***

ЛЕ ***по́зы, бу́зы*** (от бур. *бууза* – «большие пельмени, сваренные на пару» [5, с. 117] обозначают самое распространённое и любимое в Забайкалье блюдо бурятской кухни, приготовленное из рубленого мяса, завёрнутого в небольшие лепёшки из пресного (пельменного) теста; позы делают в виде колобков, сплющенных с одной стороны (это дно), и с отверстием для выхода пара – с другой, и варят на пару в специальных двухъярусных пароварках – *по́зницах* – для праздничного обеда (русские используют мясной фарш, как, впрочем, часто и буряты)), или едят в бурятских кафе, которые обычно называются *по́зными* (в ед. ч. *по́зная*, ср. *пельменная*). Кроме этих двух родственных слов, у ЛЕ *позы* есть ещё два производных: уменьшительно-ласкательная ЛЕ *по́зка* со значением «небольшая поза», и ЛЕ *по́зник*, обозначающая человека, готовящего позы в кафе (в объявлении на дверях: *Требуются по́зники*).

Вариант *позы* широко распространён в забайкальских говорах, освоен во всех отношениях, что подтверждается и

достаточно большим словообразовательным гнездом; возможно, потому что появился значительно раньше варианта *бузы*, более близкого по произношению к бурятскому слову.

ЛЕ ***бухлёр, бухулёр*** (от бур. *бухлэ/р/* – «целиком, полностью» [5, с. 128] обозначает другое, не менее вкусное и потому тоже широко распространённое мясное блюдо – суп из мяса, сваренного большими кусками (весом 400 – 500 г) и картофеля с добавлением лука и моркови (в некоторых районах). У бурят традиционный *бухлёр* – это куски мяса (буряты мясную тушу, обычно баранью, не рубят, а разделяют по суставам, то есть кость варят целиком), подаваемые в большой миске или на доске, и бульон, который каждый пьёт из пиалы. Русские тоже так готовят, но редко, и в некоторых говорах, например, в борзинских, это блюдо ни супом, ни *бухулёром* не называется: *Мясо наварят кусками, буряты зовут бухулёром, а мы-то просто мясо. Они бульон из пиал пьют, а мы-то из тарелок хлебам, луку туды положим* (здесь и далее записи автора). Для русских суп – это всё-таки кушанье, хотя и жидкое, но с *гущей*, как называют забайкальцы картофель (и не только картофель, а всё, что добавлено) в супе: *Тебе с гущей или одной шили?* ЛЕ ***шиля́, шуля́, шеля́*** (от бур. *шҮлэ/н/* – «суп, бульон, мясной отвар» [5, с. 738], обозначают мясной бульон (от супа), но в некоторых говорах – и рыбный, и овощной (там произошло расширение значения слова). Русские обычно вынимают кусок мяса из бухулёра и разрезают на тарелке или кухонной доске (называют *до́сточкой*), а буряты огрызают кости, помогая себе ножом (называется *есть мясо с ножа*: захватив мясо зубами, отрезают ножом около губ), и кость потом разрубают ножом, держа её на весу, чтобы высосать мозг, хотя и русские мужчины иногда тоже так едят, но мозг чаще вытряхивают на ложку. У этих ЛЕ есть ласкательные производные *бухулёрчик, бухлёрчик*, как и у ЛЕ *шиля, шуля, шеля – шилю́шка, шулю́шка, шелю́шка; шилю́шечка, шулю́шечка, шелю́шечка.*

В некоторых забайкальских говорах бульон называют другим бурятским словом – ***шулюга́*** (от бур. *шҮлэгуй* – «постный, не дающий навара (о мясе)» [5, с. 738]), созвучным с *шуля*, хотя, как видим, значение его в языке-источнике другое; например, в

акшинских говорах: *Шулюга́-то кака вкусна, навариста, подбавь-ка ишо, гуши не надо.*

ЛЕ ***у́рок*** (от бур. *уураг* – «молоко коровы после отёла, молозиво» [5, с. 481]) в русских говорах Забайкалья расширило свою семантическую структуру (обозначает не только молозиво, но и кушанье из него), так как это молоко не употребляют в пищу в сыром виде, а готовят на сковороде или в небольшой кастрюльке (где-то, например, в акшинских говорах, говорят, что жарят; где-то, в читинских, карымских, борзинских и др. – варят, хотя сковороду или кастрюлю смазывают сливочным маслом или жиром свиным или *скотским*, как называют говяжий жир) до загустения; по виду и вкусу он напоминает плавленый сливочный сыр. Затем его нарезают на кусочки и подают к чаю, как лакомство (например, в селе Елизаветино Читинского района); если же урок подсаливают, то едят, как в селе Тыргетуй Карымского района, ложкой с хлебом или положив ломтик на хлеб или разрезанный огурец (помидор): *Мои дак ребятишки урок ложат на огурец и едят, как бутерброд; а бабушка недовариват, любит его пожиже.* Замешивают на уроке и тесто, русские – для пирогов и булочек, то есть дрожжевое; буряты же – только пресное, добавляя соду, соль и сахар, и пекут (жарят) лепёшки или блины, но в их культуре питания это заимствованный сегмент.

ЛЕ ***бурдук*** (от эвенк. *бурдук, бурдука* – «хлеб, тесто, мука,» [6, с. 25] в начале XIX, по данным словаря В.И. Даля, была известна русским как «любимое якутское блюдо: кисель из квашеного раствора ржаной муки»; в этой же словарной статье говорится, что «в *сиб*. и *арх*. *бурдуком* зовут ржаную и ячную саламату» [2, т. 1, с. 142]; а ЛЕ *соломáт* с территориальной пометой *сиб*. толкуется как «завариха, калужка, пресная вскипячённая болтушка; жидкий киселёк, мучная кашица, пожиже размазни; её варят из всякой муки, едят с солью и маслом» [2, т. 4, с. 130]. Очевидно, сибиряки, в том числе и забайкальцы, предпочли тунгусское название этой каши, а русские номинации *завариха, заваруха* утратили, как и татарскую *саламата* (хотя в некоторых говорах (например, в акшинских) вариант *саломат* сохранился в составе фразеологизма *делать саломат* – «праздновать окончание какой-

либо работы»: *А завтра картошку докопам и саломат делать будем* [3, с. 106].

И уже в забайкальских говорах у слова *бурдук* появилось второе значение – «корм для домашних животных из дроблёной или молотой пшеницы, комбикорма, отрубей, залитых кипящей или горячей водой». В этом значении оно активно используется носителями говоров: *Надо чушкам [свиньям] бурдук наладить* (Борзинский район); *В зимовьé бурдук в ведре, сходи помешай, чтоб скоре разопрел, а то свинни орут, некормлены дак* (Александрово-Заводский район). Первое же значение («жидкая каша, приготовленная из мелкой крупы (дроблёной или толчёной пшеницы, пшена и др.) или муки на воде) в наше время устаревает, так как денотат не актуален, а в голодные годы Великой Отечественной войны *бурдýчили* не только крупу или муку, но и молотые луковицы съедобных растений: *В войну-ту голодали, в степь ходили добывать чё-нить. Натáкались на якшý, это колокольчики таки, растут на закрайках, у их корни белы, толсты. «Вымошь их, разберёшь на волокна, высушишь, потом толкёшь в ступе, добавишь мангырки головки; потом просеишь и забурдучишь. Ну как? Засыпешь в кипящу воду, вот и бурдушка. Ели, ничё, вкусно; можно молока добавить, можно из этой муки лепёшки испечь»* (Приаргунский район)[6]; «*Отец на фронте погиб, а тут маму придавило лесиной, мы тогда в Красноярово жили, её на лесозаготовки забрали. Ну и остались мы, ребятишки, одне. Колосков насбирам, натолкём да бурдушку сварим – вот как в войну-то худо жили* (Александрово-Заводский район) [5]. Родственная ЛЕ *бурдушка* является абсолютным синонимом (и в первом значении тоже устаревает); кроме неё и глагола *бурдучить*, есть ещё и ласкательное производное *бурдучок*: *В бурдучок-то жир скотский клали али свиной* (Борзинский район) [5].

В значении ЛЕ ***затуран*** «(от бур. *зутараан* – поджаренная мука, которую кладут в чай)», [5, с. 248], и, возможно, от *зутан* – «похлёбка, болтушка (из молока, сваренного с мукой)» [5, с.264]) в забайкальских говорах появилась сема «заваренная кипятком», то есть прежде чем добавить поджаренную муку в чай, её заваривали кипятком, видимо, чтобы избежать появления комочков, и такая мука могла быть самостоятельным кушаньем

для детей: *Муку нагреть на сковородке до коричневого цвету, потом посолить, добавить жир али сало, поджарить ишо, потом залить кипятком – получатся вкусно, как халва; ребятишки так едят* (Борзинский район) [5], а также её повсеместно добавляли в зелёный чай, который обычно назывался *чаем-сливáном, чаем-сливанчиком* или *сливáнчиком* (хозяйка его переливала (*сливала*) разливательной ложкой): *На покосе-то обязательно чай-сливан варили; и жажду утолят, и сытный, в его же затуран добавляли* [6]. В некоторых говорах, например, могочинских, такой чай так и называют *затуран*: *У нас чай-сливанчик чашше затураном зовут,* то есть у слова появилось переносное метонимическое значение, как и у ЛЕ *урок*.

ЛЕ ***мангыр, мангир*** (от бур. *мангир* – «лук (дикий)» [5, с. 292]) называют повсеместно растущий в забайкальских степях дикий лук (*Тот же лук, тольки поширше листья-то и плоски*), который летом рвут в больших количествах, приправляя различные блюда, или нарезанный едят со сметаной (как салат): *Со сметаной-то мангыр ох и вкусный* (Борзинский район), на зиму засаливают или сушат. У них появились русские производные – *мангырка, мангирка*.

Заимствованные ЛЕ, пополнившие тематическую группу «Лексика питания», в забайкальских русских говорах полностью освоены: подчиняются законам и фонетической системы (удвоенные гласные в словах *бууза, ууpаг, зутараан* стянулись; слоги с твёрдым согласным перед [э], не возможные в русском языке, в словах *бухлэр, шулэн, шулэгуй* преобразовались; гласные в безударных слогах подвергаются редукции; звонкий согласный на конце слова *ууpаг* стал глухим), и грамматической (наречие *бухлэр* и прилагательное *шулэгуй* перешли в разряд существительных, так как обозначают предмет, они, как и другие заимствования, обрели все грамматические признаки русского существительного).

Лексическое освоение заключается в следующем: каждая ЛЕ стала элементом лексико-семантических систем говоров, так как обозначаемое (денотат) прекрасно известно носителям говоров, вошло в их быт (например, *позы, мангыр, мангир*), что-то видоизменилось в соответствии со вкусами и представлениями носителей говоров (например, *бухлёр, бухулёр, затуран*) или у

известного денотата появилась новая номинация (например, мясной отвар стал называться *шилёй, шулёй, шелёй*, жидкая каша из муки или молотого зерна – *бурдуком*; возможно, что и блюдо из молозива коровы тоже получило бурятское название); в исходном значении сохранились только ЛЕ *позы, бузы, мангир, мангыр*, ЛЕ *шиля, шуля, шеля*, с одной стороны, сузили лексическое значение (ЛЗ): не обозначают суп, с другой – расширили его в некоторых говорах: называют не только мясной бульон; ЛЕ *бухлёр, бухулёр* расширили ЛЗ; у ЛЕ *шулюга* оно изменилось; у ЛЕ *урок, бурдук, затуран* расширилась их семантическая структура: появились новые значения. Все ЛЕ вступают в различные семантические отношения с другими словами говоров: *шиля, шуля, шеля – шилюшка, шулюшка, шелюшка* (при нейтрализации коннотативной семы), *шулюга, бульон* (синонимические), *каша – бурдук* (гипер-гипонимические), *позы – пельмени* (гипонимические), *у́рок – уро́к* (омонимические (омографы)). Деривационные отношения с русскими диалектными производными, которые названы выше, имеют ЛЕ *позы, бухулёр, бухлёр, шиля, шуля, шеля, бурдук, мангыр, мангир*.

Степень актуальности рассматриваемых ЛЕ различна: устаревают и постепенно переходят в разряд историзмов слова *бурдук*$_1$ и *затуран* вслед за уходом денотатов из жизни забайкальцев, остальные входят в активный словарный запас говоров; ЛЕ *бузы, мангир* распространены в тех немногочисленных по сравнению с другими говорах, которые контактируют с говорами бурят, ЛЕ *шулюга* тоже менее распространена по сравнению с синонимами *шиля, шуля, шеля*. Если обратиться к причинам заимствования, то надо заметить, что ЛЕ *шиля, шуля, шеля*, и *шулюга* придя когда-то в говоры, заполнили лакуну: в русском языке того времени не было названия для мясного отвара (слово *бульон* было заимствовано литературным языком из французского языка позже); возможно, что и ЛЕ *урок* появилась по этой же причине; ЛЕ *бурдук* вытеснила русскую номинацию, остальные слова заимствованы вместе с денотатами, которые стали элементами регионального (забайкальского) варианта русской культуры.

Литература
1. Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита, 1916. Т. 1. – 232 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М: Русский язык, 1981. – 699 с.
3. Пляскина Е. И. Фразеологизмы со значением действия лица в оройском говоре // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы XI международной научной конференции. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 104 – 108.
4. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. – СПб., 1892. Том 4.
5. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973. – 804 с.
6. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. Составила Г. М. Василевич. М., 1940. –208 с.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ РУССКО-РУМЫНСКОМ / МОЛДАВСКОМ БИЛИНГВИЗМЕ

А.А. Позднякова
apozdnyakova@live.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина»
(Москва)

Процесс сближения молдавской и румынской языковых норм, начавшийся в 50-х годах XX века, привел к тому, что к концу 80-х годов языки практически перестали различаться. Перевод молдавского языка на латинскую графику в 1989 г. должен был, по мнению румынских лингвистов и политиков, успешно завершить своеобразную конъюгацию языков. Отчасти это так и произошло, но лишь отчасти, поскольку значительная доля населения современной Молдовы не может определить, какой язык она использует в общении (молдавский или румынский), и употребляет эти термины в соответствии с политической конъюнктурой. «Мы живем в Республике Молдова, и для построения нашего независимого, настоящего, крепкого суверенного государства у нас должен быть свой язык – молдавский, который будет подчеркивать нашу идентичность, который будет подчеркивать, что мы не часть Румынии, что мы развиваемся как независимая страна. Но я не могу этого сделать,

потому что, если я буду говорить, что я говорю на молдавском языке, – меня сразу же отнесут к определенной политической категории, в которой я себя не нахожу и не ощущаю» (из интервью Ксении Турковой с журналистом, телеведущей Марией Левченко; сайт телеканала «Громадское», 2017 г.). Излишняя политизированность вопроса способствует появлению крайне радикальных взглядов и на чисто лингвистические и лингвометодические проблемы, касающиеся возможностей (скорости, качества, уровня) освоения молдаванами и румынами иностранных языков; в их числе мнение о существовании неких специфических системных ошибок, допускаемых билингвами (молдаванами и румынами) при общении на русском языке.

Все это натолкнуло на мысль о целесообразности сравнения продуктов речевой деятельности (письменных и устных высказываний) на русском языке студентов-билингвов – носителей молдавского и носителей румынского языков. Предметом исследования стала естественная и так называемая «учебная» речь обозначенных категорий учащихся, объектом – интерференция на уровне морфологии, проявляющаяся в виде ошибок в устной и письменной речи. Выбор морфологической системы языков объясняется частотностью морфологических нарушений и возможностью их более точного отображения по сравнению, например, с нарушениями фонологического и просодического характера.

Преобладание в речи билингвов случаев морфологической интерференции, очевидно, обусловлено большей устойчивостью, непроницаемостью морфологической системы языка. По этому поводу Б.А. Серебренников писал: «…из чужого языка заимствуется лишь то, что связано с конкретной предметностью, качественностью. И, наоборот, нельзя заимствовать то, что не имеет никакой предметности, качественности. Можно заимствовать такие слова, как *трактор, экскаватор*, даже прилагательные типа *добрый, хороший, красный* и т.п. Но ни один язык не может заимствовать окончания родительного, дательного, винительного или творительного падежей, поскольку сами эти окончания не содержат ни грамма субстанции, признака, качества» [4, с. 207].

Морфологическая интерференция в речи билингвов-молдаван отражает области грамматического управления, согласования слов в словосочетаниях и предложениях; склонения имен числительных; употребления личных и возвратного местоимений и др. Оценка по шкале частотности позволяет выделить: 1) нарушения, связанные с отсутствием грамматической категории в румынском (молдавском) языке; 2) нарушения, связанные с несовпадением компонентов грамматических категорий в сопоставляемых языках; 3) нарушения, связанные с наличием грамматической категории в румынском (молдавском) языке. Ввиду ограниченности объема статьи мы остановимся на нарушениях второй группы и кратко охарактеризуем лишь некоторые из них.

Ошибки, связанные с определением рода русского существительного и последующим согласованием, достаточно частотны и являются системными для лиц, относящих себя к носителям как румынского, так и молдавского языка. Интерферентное влияние прослеживается в стремлении учащихся отнести существительные среднего рода на *–о/-е* типа *слово, дело, окно, море* к женскому роду по аналогии с существительными на гласный *-ă* или *-е* в румынском (молдавском) языке (типа casă / касэ «дом», masă / масэ «стол», limbă / лимбэ «язык», tăbliţă «таблица», marcă «марка», mască «маска», masă «масса», tămîie / smirnă *молд.* «ладан»): *чистая окно, наша дело* и т.п. [см. подр. 5]. Кроме того, «с рядом существительных (*небо, яблоко, тетрадь, масло, кровать, пальто, погода* и т.д.) учащиеся согласуют имена прилагательные в мужском роде (*лазурный, голубой, темный небо; красный, румяный, сладкий яблоко; чистый тетрадь; хороший масло; деревянный кровать; мокрый пальто; туманный погода*) в связи с тем, что указанные существительные соотносятся с формой "амбиженэ" в молдавском языке» [1, с. 69]. Встречается (редко) и обратное, когда учащийся относит существительное с безударным конечным *-а (-я)* к среднему роду (*мое группа, свое фамилия*). Здесь, очевидно, на ложную морфологическую аналогию накладывается недостаточная сформированность у учащихся аудитивных навыков.

При образовании форм множественного числа среднему роду в румынском языке не характерно окончание *–і*, свойственное

мужскому и в значительной степени женскому роду (*un copac / doi copaci, un student / doi studenţi* (t + i > ţi), *un metru / doi metri, o carte / două cărţi, o femeie / femei, o situaţie / situaţii, o întrebare / două întrebări*), отсюда, очевидно, появление ошибок при образовании форм множественного числа существительных среднего рода типа *эти здание* (*edificiu* рум., ср. род / *clădire* рум.-молд., жен. род) и мужского рода типа *новые автобусе* (*un autobuz – două autobuze*), *старые калькуляторе, телевизоре* (*un calculator – două calculatoare, un televizor – două televizoare*): слова *здание, автобус, калькулятор, телевизор* в румынском относятся к среднему роду.

Кроме ошибок, вызванных неопределенностью категории среднего рода, учащиеся допускают ошибки, обусловленные несоответствием между категорией рода у неодушевленных существительных русского и молдавского (румынского) языков: *абрикос – каисэ, блин – блиние, бутерброд – тартинэ, венок – короанэ, зонт – умбрелэ, колодец – фынтынэ, помидор – пэтлэжя, мёд – льере*. Существительным женского рода с выраженными формальными показателями рода в русском языке соответствуют в молдавском (румынском) существительные мужского рода: *кукуруза – пэпушой, змея – шарпе, почка – мугуре, сосна – пин, стрекоза – либелулэ, чайка – пескэруш, береза – местякэн*.

Интересны также устойчивые формулы, сформированные на базе интерференции, встречающиеся в разговорной речи билингвов-молдаван: *Не ломай постеля!* (Не мни постель!), *иметь возможностя* (иметь возможность) и под.

Категория падежа для румынского языка является аналитической, для русского – парадигмальной. Наиболее частая ошибка – употребление формы именительного падежа вместо косвенного. В румынском языке именительный и винительный падежи существительных морфологически одинаковы (так же, как родительный и дательный) и обладают общими формами (хотя эти пары различаются в личных местоимениях). В результате частотны ошибки в субстантивно-субстантивных сочетаниях типа *подарок Петра* (в значении «для Петра»), *помощь маме* (в притяжательном значении), *в гостях у Ирине* и под.

Также в молдавском (румынском) языке часто не ощущается дифференциация между винительным и предложным падежами (по своим функциям молдавский аккузатив гораздо шире русского винительного падежа), поэтому в устной и письменной речи билингвов встречаются случаи употребления винительного падежа вместо предложного, и наоборот. Русскому творительному падежу также в ряде случаев соответствует молдавский винительный (аккузатив), отсюда ошибки на их недодифференциацию в русском [см. подр. 1].

Различия в категории одушевленности-неодушевленности также способствуют появлению интерференции. Для русского языка данная категория является грамматической и обнаруживает изменения в формах существительных мужского рода и множественного числа, для румынского категория по большей части семантическая. В результате частотны стандартные для всех групп иностранцев ошибки на грамматическое оформление одушевленных и неодушевленных существительных: *Я встретил мой новый преподаватель; Я люблю слушать эти певцы* и под.

Ошибки, связанные со склонением существительных, и системное нарушение глагольного управления заметны в устной и письменной речи билингвов более, чем другие искажения. Для их предупреждения рекомендуется разграничивать ошибки в предложно-падежных формах и ошибки в падежных значениях. Даже при устойчивом навыке склонения существительного ошибки, спровоцированные наложением грамматического значения румынского языка, достаточно типичны. Они проявляются, например, в парных конструкциях с глаголами движения и местоположения: *пойти в школе, магазине* (ср. *быть в школе, магазине*); *пойти у друга, у подруги* (ср. *быть у друга, у подруги*) и под.

Кроме ошибочного употребления падежных форм имен существительных и согласованных с ними имен прилагательных, наблюдаются частые случаи неправильного согласования внутри самого словосочетания "прилагательное + существительное". Подобного рода ошибки можно объяснить тем фактом, что «в молдавском языке в атрибутивной группе "прилагательное + существительное" падеж выражается только один раз: либо при существительном, либо при прилагательном, в зависимости от

места расположения того или иного слова. Если существительные выражаются каким-либо косвенным падежом, то согласуемые с ними прилагательные, как правило, ставятся учащимися в именительном падеже: *весенний днем, в синий платке* и под.» [1, с. 105].

Во избежание подобных ошибок молдавские педагоги советуют обращать особое внимание на выражение значений отдельных типов субстантивных сочетаний молдавского языка относительными и притяжательными прилагательными в русском языке и активнее использовать в процессе обучения русскому языку метод буквального перевода, подкрепленный формантным анализом, – например, перевод сочетаний с предлогом *de* типа *semănatul de primăvară* / *семэнатул де примэварэ* (весенний сев/посев), *o grădină de fructe* / *о грэдинэ де помь* (плодовый сад), *casă de piatră* / *касэ дин пятрэ* (каменный дом), *cercul de cor* / *черкул де кор* (хоровой кружок), *timpul de toamnă* / *тимпул де тоамнэ* (осенняя погода), *o ziua de vară* / *о зи де варэ* (летний день), *cântecul de dimineaţă* / *кынтекул де диминяцэ* (утренняя песня), *elevul de serviciu* (дежурный студент), *doctor de familie* (семейный врач) и т.п. [5, с. 42].

Местоимения являются сложным классом румынского языка и провоцируют появление существенных ошибок в русском языке билингвов. Так, особенности румынских возвратных местоимений (возвратные местоимения винительного и дательного падежей) затрудняют усвоение и употребление русского возвратного местоимения *себя* и притяжательного *свой* и способствуют возникновению ошибок на уровне морфологии и синтаксиса. Например: *Он нашел его тетрадь* (в значении «свою тетрадь»); *Я пригласил своего друга ко мне; Я пригласил своего друга мне* (в значении «к себе»); *Я пригласил моего друга к себе; Ты пригласишь твоего друга к нам?* и под.

Кроме того, возвратные местоимения в румынском языке служат для образования возвратных глаголов (аналогично русскому постфиксу *–ся*), что вызывает ошибки и в образовании глагольных форм, например, *Я вспомнился* по аналогии с *Я появился*, так как в румынском языке оба глагола формируют возвратные значения (см.: *Eu mi-am amintit; Eu m-am ivit*).

В качестве интересной черты, иллюстрирующей морфологическую интерференцию в речи румынских и молдавских студентов, отметим ошибки в образовании наречий. Будучи неизменяемыми словами и обладая сходным образовательным потенциалом, наречия дают наименьший процент ошибок и в русской речи билингвов, а возникающие ошибки связаны в большей степени с неразличением семантики и структуры мотивирующих слов. Отсюда появление ошибок типа *держать себя главно* (в значении «важно»), *говорить вредно* о ком-либо (в значении «плохо»), *в лесу было дремуче* (в значении «глухо, темно») и т.п.

Нужно отметить, что количество словообразовательных моделей наречий в русском языке больше, чем в румынском (молдавском). Очевидно, с этим можно связать тенденцию билингвов к «усеченному» образованию наречий в русской речи, сокращению их до нескольких наиболее распространенных моделей, например: *говорить английски* (вместо «по-английски»), *идти двоем* (вместо «вдвоем»).

По наблюдению исследователей, «особенностью речи жителей Молдавии является употребление наречий *тудой, сюдой* (туда, сюда): *Не иди тудой, иди сюдой. Пошли тудой*. Здесь при образовании этих слов вместо суффикса *-а* используется суффикс *-ой*» [6, с. 173]. Очевидно, данное становится возможным не только под влиянием русских наречий типа *домой*, но и на основании румынских аналогий: *домой, дома – acasă, туда, там – acolo, сюда, здесь – aici.*

Эти и другие ошибки интерферентного характера описываются в учебной и методической литературе, однако количество работ по данной тематике незначительно и многие важные аспекты проблемы остаются неохваченными. Изучение механизма морфологической интерференции, специфики ее проявления при русско-румынском/молдавском билингвизме остается актуальной задачей современной лингводидактики.

Литература

1. Дрозд Г.Д. Учет специфики родного языка при изучении русских имен прилагательных в 6-7 классах молдавской школы: Диссертация на соискание ученой степени канд. пед. наук. – М., 2006. – 252 с.

2. Евдошенко А.П. Сопоставительная фонология и морфология молдавского и русского языков. – Кишинев: Штиинца, 1977. – 208 с.

3. Настасенко О.А. Грамматика румынского языка в таблицах. Gramatica limbii române în tabele: для учащихся русских школ, в помощь учителям и репетиторам. – Кишинэу: VIRT, 1997. – 80 с.

4. Серебренников Б.А. Об устойчивости морфологической системы языка // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию: Сборник статей / АН СССР, Ин-т языкознания, Ин-т философии; Редкол.: Г.Ф. Александров, В.В. Виноградов, Г.Д. Саджиев и др. – М.: АН СССР, 1952. – 494 с.

5. Сопоставительная грамматика русского и молдавского языков: Учебно-методическое пособие / Сост. А.И. Ватаманюк, О.В. Литвин, В.А. Романенко. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2016. – 136 с.

6. Тудосе В.И. Особенности русской разговорной речи жителей Молдавии // Русин. – Кишинев, 2006. – № 2 (4). – С. 168–184.

ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИИ АББРЕВИАТУРНЫХ ГРУПП

В. А. Рязанова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(*Донецк*)

Работа посвящена описанию аббревиатурных групп, которые вошли в I том «Толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь»). **Аббревиатурная группа** – это совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт. Например, все сложносокращённые слова, имеющие в абсолютном начале конструкт био-, объединены в абброгруппу «био». В ходе работы над I томом «Словаря» было собрано более двухсот аббревиатурных групп. Изучение функционирования входящих в них гнезд эквивалентности привело к обнаружению целого комплекса признаков, которые могут быть использованы при характеризации группы. Назрела необходимость в создании типологии отобранного языкового материала с целью систематизировать имеющиеся знания об образовании и функционировании аббревиатурных групп.

В ходе анализа аббревиатурных групп были выделены два принципа, по которым может быть проведена типологизация аб-

бревиатурных групп русского языка – квантитативный и структурно-формальный. Принципы основаны на синхронно-эквивалентностном подходе к аббревиации, разработанном Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория).

Квантитативный принцип описания абброгрупп предполагает учет количественных характеристик, выявленных благодаря разработанной квантитативной методике поиска языкового материала для «Словаря». Используемая методика предполагает подсчёт употребления языковых единиц в электронных текстах поисковой системы Google. Применение методики дает представление, с одной стороны, о регулярности использования анализируемых языковых единиц, а с другой – о частоте использования сокращений по отношению к их расчлененным эквивалентам. На основе квантитативного анализа сформированы следующие типологии.

• По соотношению частотности употреблений выделяем **универбализационные** («арм», «звуко»), **псевдоунивербализационные** («дизайн», «диско») и **комбинированные** («астро», «агло») **группы**. Типология базируется на учете баланса индексов (БИ; частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений эквивалентного словосочетания). БИ < 1 свидетельствует в пользу большей частоты употребления словосочетания, а значит, и об универбализационной природе появления аббревиатуры. БИ > 1 свидетельствует о вторичном развёртывании сложного слова в словосочетание или о процессе псевдоунивербализации [3]. «Словарь» представлен в основном универбализационными и комбинированными группами.

• По количеству употреблений выделены **регулярные** («афро», «бензо») и **окказиональные** («атом», «венч») **группы**. При работе над сбором словника был утвержден критерий частотности, в соответствии с которым для частотных аббревиатур минимально допустимое количество употреблений в поисковой системе Google равняется 500. Регулярные группы являются объектом описания «Словаря», поэтому к типу регулярных относятся все рассмотренные нами группы. Тем не менее, существуют множество абброгрупп, компоненты которых набирают небольшое количество употреблений.

Структурно-формальный принцип основан на формальной соотнесенности минимальных смысловых единиц в гнезде эквивалентности – компонентов сложного слова (базиса и признака) и компонентов эквивалентных словосочетаний (составляющих словосочетание слов) и на структурном изменении этих компонентов, происходящем в процессе дешифровки. Исходя из этого, были определены принципы типологии абброгрупп.

• По возможностям трактовки начального компонента сложного слова различаются **аббревиатурные** («академ», «бак») и **гибридные** – **аббревиатурно-композитные** («банд», «ветро») или **аббревиатурно-юкстапозитные** («диско», «кино») – **группы**. Множественная дешифровка сложного слова приводит к тому, что его начальный конструкт в результате развертывания может представлять разные типы деривационной трактовки: *как аббревиатурный* (то есть является равным части основы эквивалента); одновременно *как аббревиатурный* (то есть равный части основы слова) и *композитный* (то есть равный целому слову); одновременно *как аббревиатурный* и *юкстапозитный* (то есть полностью дублирующий эквивалентное слово) [2]. Абсолютное большинство групп сложных слов, вошедших в первый том разрабатываемого «Словаря», представлено аббревиатурным типом.

• По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов выделены: а) группы слов с сокращенным признаковым компонентом («агит», «канц»); б) группы слов с сокращенным базисным компонентом («зам», «зав»); в) группы слов с сокращёнными базисным и признаковым компонентами («каб», «лик»); г) группы слов с вариативностью способов репрезентации компонентов («авиа», «арт»). В качестве объекта описания в «Словаре» выступают сложносокращенные единицы, включающие в себя частично сокращенные слова (*информбюллетень*), слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры (*завкаф*, *агитАБ*). Разные типы сложносокращённых единиц по-разному репрезентируют слова, которые в эквивалентном словосочетании занимают базисную и признаковую позицию. В большинстве аббревиатурные группы «Словаря» соответствуют первому типу.

• По структуре дешифровальных матриц нами различаются: а) группы с презентативной дешифровальной матрицей («академ», «бот»); б) группы с релятивной дешифровальной матрицей

(«зам», «каб»); в) группы с комбинированной дешифровальной матрицей («асбо», «бак»). Появление множественности синтаксических эквивалентов обусловлено влиянием дешифровальных стимулов – стереотипных моделей расшифровки сложного слова. Совокупность всех дешифровальных стимулов группы (собственно моделей, по которым возможно развертывание всех сложных слов одной абброгруппы) составляет ее дешифровальную матрицу. Ранее Лабораторией была разработана структурно-семантическая типология дешифровальных стимулов: в зависимости от того, в какой степени происходит репрезентация структуры и семантики сложного слова в образованном эквиваленте. Исследователи выделяют презентативные, релятивные и модификационные дешифровальные стимулы [1]. Данная типология применима и для описания дешифровальных матриц группы, согласно которой тип группы соответствует типу представленных во всех гнездах эквивалентности дешифровальных матриц.

• По объёму дешифровальных матриц различаем: а) группы с простой дешифовальной матрицей («авар», «грен»); б) группы с составной дешифровальной матрицей («абон», «гор»); в) группы со множественной дешифровальной матрицей («адм», «алко»). Анализируемые группы демонстрируют разнообразный состав дешифровальных матриц. Как правило, чем сложнее по структуре дешифровальная матрица, тем больше в ней отмечается возможных дешифровальных стимулов. К первому типу относятся группы, имеющие всего один дешифровальный стимул. Ко второму типу относим группы, в дешифровальных матрицах которых обнаруживается несколько (от 2 до 10) возможных дешифровальных стимулов; именно этот тип составляет большую часть среди словарных групп. В третьем типе групп количество дешифровальных стимулов, составляющих дешифровальную матрицу, превышает 10.

• По типу семантической коррелятивности выделяются однозначные («альп», «броне») и симультанные («авто», «астро») группы. Синтаксические эквиваленты имеют различающуюся семантику, поскольку дешифровальные стимулы мотивируют разную интерпретацию сложного слова. При сопоставлении вариантов интерпретации обнаруживается, что степень их семантиче-

ского различия колеблется от незначительного до весомого. В первом типе конструкт в сопоставлении с компонентами словосочетаний сохраняет тождественную семантику. В ряде случаев абброконструкт имеет параллельно существующие семантические корелляты – симультанты (разные объекты действительности, которые в языковом пространстве имеют омонимичные средства выражения).

Ранее аббревиатурные группы иногда становились объектом исследования учёных, однако с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода описание абброгрупп вышло на новый уровень.

Квантитативный и структурно-формальный принципы, лежащие в основе типологизации, освещают разносторонние аспекты образования и функционирования аббревиатурных групп. На основании представленной типологии в дальнейшем предстоит работа по составлению подробного типологического реестра нескольких сотен аббревиатурных групп, собранных в ходе составления «Словаря».

Литература

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко и др. Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 51–57.

2. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композитные группы в словообразовательной системе языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. – С. 108–116.

3. Теркулов В. И. О разновидностях абброконструктов : аброэквивалент и абброморфема // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.

О НЕКОТОРЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Д. Стрельникова
tashastrel@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

Отражение активных языковых процессов, актуальных для современной русской речи, и усиление тенденций демократизации речи можно заметить во многих произведениях русской литературы XXI века. Так, на грамматическом уровне, и в этом существенное отличие современной русской прозы от классики XIX века, наблюдается доминирование простых и бессоюзных предложений, использование более коротких предложений в целом, парцелляция, увеличение количества абзацев за счет сокращения предложений в каждом из них, т.е. более частотное абзацное членение. Эти факты свидетельствуют о появлении нового типа прозы, являющемся, как думается, результатом влияния разговорной речи на письменный язык и связанном с изменившейся интонацией разговорной речи.

Увеличение скорости жизни в целом, изменение самой природы современного письма, трансформация эпистолярного жанра в короткие сообщения СМС – всё это повлияло на стилистику русской прозы XXI века. Как процессы демократизации речи, грамматические изменения и тенденции в области синтаксиса сказались на языке современной художественной прозы, рассмотрим на примере одного из последних романов, вышедших в 2019 году. «Романом больших расстояний» назвали Андрей Рубанов и Василий Авченко небольшой по объёму результат совместного творчества – роман «Штормовое предупреждение». Это своеобразный творческий эксперимент, в котором, как нам кажется, указанные выше тенденции отразились наиболее ярко.

В центре повествования – простая история встречи и любви двух молодых людей, наших современников. Место действия – город Владивосток, куда Варя прилетела из Петербурга, Виктор – коренной житель Приморья. Две полярные точки – Петербург и Владивосток – сформировали разные личности, два мировоззрения, два непохожих образа жизни. В многочисленных диалогах романа разнообразно и сочно представлена речь поколения два-

дцатилетних, речь их отцов и дедов. Таким образом, зафиксирована новая языковая реальность. Здесь наблюдается неразличение и смешение функциональных стилей, часто сознательное сталкивание разнородных и разностильных элементов языка, характерных для настоящей языковой ситуации эпохи перемен. « – Ладно, – сказал папа. – Спасибо, молодой человек. Имейте в виду, у меня к вам нет претензий. Что случилось – то случилось, и слава богу, что обошлось» [2, с. 202]. «Я ощущал себя преступником, злодеем, сидел, молчал, зырил в окно» [2, с. 187]; «Концы срастим, всё наладим. Нормальных ребят не так много. В стране кадровый голод. Ты, короче, нужен» [2, с. 199].

Конечно, речь стала раскрепощённее, свободнее, «живее». Доминирование живой разговорной речи над литературным письменным языком часто связывают с возникновением Интернет-языка, общением в сетях.

Аналитическая тенденция в грамматике, в синтаксисе русского языка стремительно развивается. Об этом свидетельствует, например, большое количество номинативных конструкций, возникающих как в виде нескольких отдельных, так и в составе одного предложения. Приведём лишь некоторые примеры, оговорившись, что количество номинативных цепочек, т.е. ряда существительных, стоящих в именительном падеже, в тексте романа велико и констатирует об активизации безглагольных синтаксических конструкций. «Сопки! Тайга! Заливы! Бухты! Мосты!» [2, с. 9]; «Длина, ширина, высота – и море, его сила, его энергия, его запах» [2, с. 77]; «Ребята были отовсюду. Сахалин, Магадан, Благовещенск, Биробиджан» [2, с. 84]; «Школа, больница, магазины» [2, с. 131]; «Заезды в Находку и в Краскино, к китайской границе. Взрослая жизнь. Девчонки. Сто восемьдесят по пустой ночной трассе. Музыка. Панф. “Мумий Тролль”. “Депеш Мод”. Самоутверждение. Повышение самооценки. Шесть фар, сверкающих ночью. Реактивное ускорение. Дрифт: это мы тоже умеем. Сладкое ощущение полноты жизни» [2, с. 121-122]. «Камни, прибой, запах. <…> Амурский бархат, виноград, лианы, лимонник» [2, с. 16]. Современные тенденции затронули все уровни языка, коснувшись и структуры сложного предложения, которое всё чаще распадается на два и более простых. Расчленение сложного предложения на простые происходит и со сложносочинёнными, и со

сложноподчинёнными предложениями. «И, несмотря на то, что отмечается, что без использования сложных предложений нельзя построить аргументированной речи – процесс дезинтеграции сложного предложения на данный момент представляется очевидным» [3, с. 189]. Приведём примеры вариантов трансформации сложносочинённых предложений с соединительными, разделительными и противительными союзами. «Мусор я ненавидел. И меня бесило, что мои собственные собратья-сограждане так легкомысленно и стремительно загаживают землю, на которой живут» [2, с. 141]; «… да, тот самый Старцев, боковая ветвь легендарной фамилии. Или даже не боковая» [2, с. 31]; «Своя комната, компьютер. Но я слился. И хорошо себя чувствую» [2, с. 146].

Многие сложноподчинённые предложения, в основном, с придаточными изъяснительными и обстоятельственными причины и следствия превращаются в бессоюзные. «По всей видимости, в этих предложениях актуализация причины или следствия настолько важны и очевидны, что вычленяются в нашем сознании (а также интонацией в разговорной речи) в отдельный сегмент речи» [3, с. 190]. Например, «Несколько раз бывало: приезжали мои друзья по универу» [2, с. 84]; «Очень умные преподаватели: невозможно переспорить» [84]; «Но сейчас прибавлять нельзя: туман сгущается» [2, с. 8]; «Локти и запястья до сих пор болели: я примерно двадцать часов не выпускал из рук румпель» [2, с. 194]; «После такой отповеди я зауважал мою спутницу: она явно имела твёрдые принципы» [2, с. 62]: «он меня так застращал, что я приходил на суд с битком набитой сумкой: готовился заехать на тюрьму» [2, с. 208]; «Прожил там недолго: продал недвижимость и перебрался на остров Путятина» [2, с. 207].

Интонация русской речи, по преимуществу плавная, со свойственным ей мелодичным темпом с выделением значимых частей за последнюю четверть века претерпела значительные изменения. Отрывочный, “рваный” ритм с резкими тональными переходами, искусственным дроблением фразы на отдельные фрагменты и слова. В текстах художественной литературы это явление проявилось не только на уровне предложения, но и на уровне абзаца. В новейшей литературе абзацы могут начинаться с союзов И, А или Но. Абзацы включают в себя одно, реже – два предложения. Эти отдельно оформленные сегменты дробят текст

и имитируют интонацию современной разговорной речи. Обратимся к тексту. «Что бы я делал без моря? / Оно делало меня счастливым. / И отца моего. / И всех нас, тут живущих» [2, с. 138]; «И клеймо на кирпичах – моё. / И дом в центре Владивостока, на Лазо, – мой. / И завод на острове Путятина – тоже мой. / Хотя завода <…> / А кирпичи, куски или даже целые, клеймёные – везде» [2, с. 31]; «….а про фильмы, про книги и про музыку. /А когда надоедало говорить – целовались. / Но это никого не касается» [2, с. 79]; «Или машина моя понравилась. С шестью парами./ Или музыка. Или всё вместе» [2, с. 11]; «Я понял, что влюбился. Сильно. Никогда раньше так не влюблялся. / И у меня были все шансы рассчитывать на взаимность» [2, с. 82]; «Технику надо драить. Тогда она служит долго, верой и правдой. / Машину, лодку, лодочный мотор, атомный ракетный крейсер» [2, с. 56]; «Она объяснила мне <…> всегда и всюду холодная вода, Нева, каналы, Балтика. /А я объяснил ей, что нельзя так думать про воду < …> / И еще хотел добавить <…> / Но не добавил» [2, с. 80]; «Что делает весной человек, имеющий автомобиль?/ Он меняет резину. / Снимает зимнюю, ставит летнюю»[2, с. 82]; «Утром проснулся: где я? Дома, в гостинке. /А что не так?/А всё не так: машины нет. / Как будто часть меня отрубили и ликвидировали» [2, с. 122].

Конечно, в свете изложенного выше, невозможно обойти особый синтаксический приём речи, именуемый *парцелляция*, который намеренно нарушает целостность предложения и простое предложение разбивается на несколько коротких, отрывочных фрагментов с целью усиления какой-либо эмоции или мысли. Приведём примеры. «Мне как раз и нужно на паром. Последний» [2, с. 6]; «Нравится всем. И девчонкам, и мне самому» [2, с. 8]; «… всякие есть. Интеллигенты. Приезжие. Много студентов» [2, с. 36]; «Дождь. И ветер усилился. Гонит капли по лобовому стеклу» [2, с. 10]. Более того, фрагментарность усиливается, когда подобный приём применяется не только в пределах предложения, но и при абзацном членении: «…хорошо воспитанный. / Положительный» [2, с. 6]. «Красивая очень. Большие глаза. Лицо бледное. Улыбка осторожная. Боится» [2, с. 6]; «Ты – специалист по лысой резине. И хуже того, интеллигент. Студент, блин, историк. Ты, блин, ничего в этом не рубишь» [2, с. 43]. «Я вот – оторвался.

Взял и съехал. Сепарировался. Хотя тоже – всё было хорошо. Своя комната, компьютер. Но я слился. И хорошо себя чувствую. Уверенно. Лучше, чем когда у родителей жил» [2, с. 146].

Среди художественных средств создания образности и выразительности авторы часто прибегают к таким фигурам речи, как градация и анафора. Приведём несколько иллюстраций градации: «Несколько конфликтов на трассе, несколько разборок и даже одна драка» [2, с. 122]; «Лодка, спущенная на воду, выглядела так серьёзно, так мощно, так сердито» [2, с. 132]; «Всем всё объяснил, всё срастил и разрулил» [2, с. 196]; «Худые, старые, серые, седые, жалкие» [2, с. 185]; «в жёсткого, собранного, уставшего» [2, с. 202**];** «Очень древняя практика, шаманская, магическая» [2, с. 20]; «Бурлила, бесилась жизнь» [2, с. 102]; «Конечно, она была столичная, западная, европейская девушка»[2, с. 63]; «Ещё один длинный день, хлопотный, бешеный, изнурительный …» [2, с. 20].

Излюбленным приёмом авторов служит анафора. На одной из страниц герой рассказывает про Владивосток, и читатель сначала в пределах одного абзаца замечает анафорическое *для*: «Для китайца – это залив трепанга. Для корейца – место, где можно дёшево поесть краба. Для военного моряка …..» [2, с. 60], а затем каждый из шести последующих абзацев начинается с предлога *для*: «Для бизнесмена <…> / Для любителей экзотики, дикой природы <…> / Для любителей кино <…> / Для меня Владивосток <…> / Для моего отца Владивосток <…> / Для моего друга Димаса <…>» [2, с. 60]. Можно привести и другие примеры: «… море заряжает энергией, море – это свобода. Море – это обещание дальнего странствия» [2, с. 80]; «Я знал, что Петербург – морская столица страны. Я знал, что там – огромные торговые и военные порты и ещё более огромные кораблестроительные заводы. Я знал, что …» [2, с. 80]. В этой незаконченной цитате единоначатие *Я знал* будет повторено ещё 4 раза.

Впрочем, авторы последовательны и пунктуальны: можно заметить и примеры эпифоры: ««Молодость – это круто. Незнакомая девушка рядом – это круто. “Тойота-целика” – это круто. Полный бак – это круто. Панф – это круто» [2, с. 8].

Последнее здесь замечание относится к популярности и востребованности актуального явления, называемого *креолизован-*

ный текст, элементы которого также зафиксированы в романе А. Рубанова и В. Авченко. «Начало XXI века со всей очевидностью свидетельствует, что мы возвращаемся, разумеется, на новой основе к более естественному, чем письмо, “миру рисунка и звука”. Точнее было бы определение: мир становится знаково-символическим, что, конечно, связано с изменением места языка в жизни и труде людей, в которых и ради которых и создаются тексты» [1, с. 62]. Авторы обращаются к простейшим графическим средствам креолизации: это изменение размера шрифта. Данный приём используется дважды. Первый раз читатель видит текст рекламы, которая должна сразу броситься в глаза: «РЕЗИНА ИЗ ЯПОНИИ. ЛЮБАЯ НЕПАРКА. ДЁШЕВО» [2, с. 34]. Вторично текст, набранный прописными буквами, воспроизводит запись на экране айфона, поясняющую номер телефона: «ВИТЯ ШТОРМ ДРУГ ВАРИ ВЛАДИВОСТОК [2, с. 206]. Главный герой не может не прокомментировать: «Без запятых; запятые ставить ему было неохота, наверное. / Может, у них, у инопланетян, так было принято» [2, с. 206].

В заключение подчеркнём, что в качестве иллюстраций к обозначенным выше активным процессам, трансформациям, тенденциям в сфере синтаксиса русского языка и их отражению в текстах современной художественной литературы, можно привести в пример произведения Р. Сенчина, Г. Яхиной, А. Николаенко, Е. Водолазкина, З. Прилепина, Д. Драгунского, А. Илличевского, М. Петросян, Д. Рубиной, например, но, повторимся, именно в «Штормовом предупреждении» А. Рубанова и В. Авченко они получили наиболее яркое воплощение.

Литература

1. Костомаров В.Г. О дисплейных текстах // Русский язык за рубежом. 2019. № 1. – С. 61– 64.

2. Рубанов А., Авченко В. Штормовое предупреждение. Роман больших расстояний. М.: Молодая гвардия, 2019. – 212 с.

3. Степаненко В.А. Некоторые аспекты современного состояния русского языка и их отражение в методике : Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы. Сборник научных трудов. Тайвань: Тамканский университет, 2017. – С. 187–192.

ЗАГАДКА ВОСЬМЁРКИ: ПРОТЕЗА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В.И. Супрун
suprun@vspu.ru
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград)

Преподавателю русского языка на любом уровне обучения приходится объяснять учащимся, почему слова *восемь* и *осьмушка* имеют разные звуки в анлауте (инициали). При изучении диалектных и терминологических лексем студенты и школьники обнаруживают однокорневые слова *аржанец* и *ржаной*, имеющими по-разному оформленное начало. Пытливый учащийся может найти в этимологическом словаре, что слова *гусеница* и *ус* являются родственными. Возникает необходимость объяснения правил и причин протезы (греческое πρόθεσις ‘выставление, присоединение’) в языке. Существует обширная литература о протетических звуках в языках различных семей и групп [4; 7; 11; 12; 14, с. 74]. Различается консонантная и вокалическая протеза, у каждой из них, видимо, разные причины появления.

Консонантная протеза связана со структурой слога в языке. Учёные отмечают, что уже в ностратическом праязыке слоги были прикрытыми: CV(C)CV [8]. В случае возникновения слога с начальным гласным проявляется тенденция к анлаутному добавлению консонанта. В славянских языках такими согласными становились [j], [v] и [h/g]. У истоков объяснения происхождения этих инициальных звуков стоят выдающиеся русские учёные Филипп Фёдорович Фортунатов (1848–1914) и Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). Ф. Ф. Фортунатов в своих «Лекциях по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» отмечал, что в индоевропейском языке в эпоху его распадения существовало придыхание h в качестве отдельной согласной [11, с. 81]. Это придыхание сохранялось и в эпоху распадения общеславянского единства, проявившись затем в западнославянских, украинском и белорусском языках [11, с. 218]. Его мысль продолжил А. А. Шахматов, который в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» писал: «В известную эпоху жизни общеслав<янского> праязыка все начальные его гласные стали произноситься с придыхательным приступом, переходившим за-

тем при известных условиях в h, i̯, u̯», при этом u̯ встречался перед гласными среднего ряда, i̯ – перед гласными переднего ряда, а h – перед гласными заднего ряда [13, с. 54]. Фр. Рамовш одной из причин появления протезы считает устранение хиата на стыке слов [17, с. 3].

Вероятно, протетические звуки постепенно получили распространение в разных фонетических условиях. Первыми испытали анлаутные добавки гласные звуки, восходящие к *ŭ (> ъ) и *ū (> ы), *ĭ (> ь) и *ī (> и). Перед первыми всегда стояла протеза *v, перед вторыми – *j. Ю. В. Шевелёв считал, что эти два процесса были уже в праславянский период [19, с. 251]. Примеров с протетическим *v немного, но они убедительны, представлены во всех славянских языках: *ūdrā > рус., белор. *выдра*, болг., серб. *видра*, хорв., словен. vidra, чеш., словац. vydra, польск. wydra; *ūpso- > рус. *высокий*, укр. *високий*, белор. *высокі*, болг., серб. *висок*, хорв., словен. visok, чеш., словац. vysokýˊ, польск. wysoki. Современный славянский предлог в/v/w является фактически протезой, оставшейся от праславянского *ŭn- после падения редуцированного и отпадения -n (ср.: *внимать, внушать, в него, в ней, в нём, в них*). Только вокализованная форма этого предлога сохраняет рефлекс бывшего начального гласного *ŭ (рус. *во мне*, белор. *ўва мне*, чеш. ve mně, словац. vo mne), однако она в ходе развития славянской фонетики в разных языках получила новые условия существования, употребляется в не оправданных этимологически местах (рус. *во фразе, во Франции, во владении, во главе*, *во избежание, во исполнение*, чеш. ve перед любым словом с начальными v/f).

Все слова с начальным *ĭ (> ь) и *ī (> и) также уже в праславянский период получили протетический *j. Сочетания *jī слились в один звук [и] [8, с. 55]. Иногда можно встретить сомнение в наличии протезы перед *ī, тем более что таких случаев немного: рус., болг., серб. *ива*, белор., укр. *іва*, чеш. jíva, словац., словен. iva, польск. iwa, в.-луж. jiwa. Примеры с начальным *jĭ > *ī многочисленны и убедительны, они имеют в инициали *и/і* < *jь, иногда je и j/й как результат падения редуцированного: рус. *игла, иго, игра, иду, иметь, имя*, белор. *іголка, іду, імя*, укр. *йду, ім'я*, болг. *игла, иго, игра, иду, има, име*, макед. *игла, игра, име*, серб. *игла, иго, игра, имати, име, хорв*. igla, igra, idem, imati, ime, сло-

вен. igla, igra, ime, чеш. jehla, jho, jdu, jméno, словац. ihla, польск. igła, idę, imię, кашуб., в.-луж., н.-луж. jegła.

В праславянскую эпоху или в первые века распада славянской общности произошло присоединение протезы *j к начальному *e. Поскольку процесс был регулярным, все начальные *e изменились в *je, постепенно в церковнославянской письменности буквы ѣ, ю заменились буквами ѧ, є, что отражается в современном использовании в русском и белорусском языках буквы *е* как йотированной. Результаты развития анлаута с начальным *jě/jē/jen были различны для разных славянских языков.

Начальное *ě, вероятно, ещё в праславянском языке получило протезу *j, которая хорошо представлена в западно- и южнославянских языках: чеш. jelen, словац. jeleň, польск. jeleń, серб. јелен, хорв., словен., босн. jelen. В болгарском и македонском языках протеза утратилась: *елен*. В восточнославянских диалектах, лёгших в основу древнерусского языка, начальный j, видимо, тоже исчез [13, с. 55], после чего *e > o (первая лабиализация): рус., укр. *озеро, олень, один*, белор. *алень, адзін*. В истории древнерусской фонетики развернулась обширная дискуссия о причинах и условиях этого перехода. Традиционно предполагается, что произошла межслоговая вокалическая диссимиляция, передвижение начального гласного переднего ряда в задний. Казанский лингвист В. М. Марков высказал предположение, что здесь проходила ассимиляция с последующим закономерным «“нарастанием” йота» [6, с. 36; 1, с. 23–24]. Думается, что следует рассматривать судьбу начального *ě на более широком фоне. Кроме того, ассимиляцией невозможно объяснить переход е > о в заимствованных именах: Helga > Elga > *Ольга*, Helgi > Elgi > *Олег*, Ἑλενη > *Олена* > *Алёна*, Εὐδοκία > *Овдотия* > *Авдотья*.

Протетический j перед *ē (ѣ) вызвал, как и в других позициях после мягкого согласного, преобразование этого сочетания в *jā, однако этот процесс проявился только в южнославянских языках (кроме словенского): болг. *яд, ядвам, яден, ядиво, язда, ясли*; макед. *јадам, јадење*, серб. *јад, јадан, јадера, јадич, јаслице, хорв. jad, jadan, jaslice*, словен. jasli (заимствование из церковнославянского), но jed, jedača, jedec, jedilo. В восточнославянских языках рефлекс *jē совпал с *jě: рус. *еда, есть, ехать*, белор. *ежа, есці, яда* (результат яканья). В украинском языке произошёл законо-

мерный переход ѣ > i, *jē отражается буквой ї: *їжа, їда, їсти*. Слова с начальным *я-* у восточных славян заимствованы из церковнославянского языка: рус. *яд, ясли*, белор. *яд, яслі*, укр. *яд, ясли, ясла*. В чешском языке *jē > jí: jídlo, jíst, в словацком – je: jedlo, jesť, в польском – ja перед твёрдыми согласными и je перед мягкими, как и в других случаях с рефлексом ѣ: jadło, jedzenie, jeść.

С. Б. Бернштейн считал, что протетический j появился перед любым [e] до появления юсов [2, с. 186], следовательно, ещё в общеславянскую эпоху, поскольку образование носовых гласных относят ко времени распада славянского единства, к VII–VIII векам и даже к началу IX века [18, с. 256; 16, с. 147]. Рефлексы *jen не отличаются от вариантов преобразования юса малого в славянских языках в других позициях: рус. *язык, ячмень, (вз)ять*, укр. *язик, ячмінь, (вз)яти, (уз)яти*, белор. *язык, ячмень, (уз)яць*, болг. *ечемик, език* (с отпадением j), макед. *јазик, јачмен*, серб. *језик, јечмен, (уз)ети*, хорв. jezik, ječmen, (uz)eti, словен. jezik, ječmenček, (vz)eti, чеш. jazyk, ječmen, vzít, словац. jazyk, jačmeň, (vz)iať, польск. język, jęczmień, (wz)iąć (u)jąć.

Незакономерный протетический звук появляется в чеш. vejce, словац. vajce. Судя по переходу a > e в чешском языке, первичной была форма с протетическим мягким j, который затем по неясным причинам перешёл в твёрдый v, но чередование гласного сохранилось.

Перед гласным заднего ряда [a] в праславянскую эпоху в славянских языках добавлялась протеза j, что связано, вероятно, с нелабиализованным характером инициального звука и его близостью к гласному такого же нижнего подъёма ѣ, который регулярно переходит в [a] после мягкого: рус. *ягнёнок, яблоко, ягода*, белор. *ягня, яблык, ягада*, укр. *ягня, яблуко, ягода*, чеш. jehně, jablko, jahoda, словац. jahňa, jablko, jahoda, польск. jagnię, jabłko, jagoda, словен. jagnje, jabolko, jagoda, серб. јагње, јабука, јагоде, хорв. janje, jabuka, jagode, босн. jagnje, jabuka, jagoda, болг. *ябълка, ягода*, макед. *јас, јагне, јаболкница, јагода*. В древнецерковнославянском языке протеза в этой инициали отсутствовала: *агнецъ, агница, агодичина* ‘смоковница’, *азбука, азбуковникъ, алкати, алкота* ‘голод’ [21]. Слова с начальным а- были заимствованы русским

языком: *азбука, агнец, алкать*. Встречаются такие слова и в болгарском языке: *аз, азбука, агне* (и *ягне*), *алчен*.

Для анлаутных огубленных гласных заднего ряда регулярным протетическим звуком был [v], близкий им по месту образования. Видимо, на его закрепление повлияло предшествующее использование такой же протезы перед *ŭ/ū. Эта протеза встречается и перед *у-* из юса большого, что может свидетельствовать о том, что она появилась после исчезновения носовых гласных (X–XI века). Дополнительным аргументом в пользу позднего появления v-протезы в этой позиции является её слабая представленность в литературных языках, особенно в южнославянских. Зато в просторечье и диалектной речи число примеров с протетическим v- значительно. В чешском обиходно-разговорном стиле (obecná čeština) практически все слова с начальным o- имеют v-протезу. Эта протеза встречается перед *o и *u разного происхождения практически во всех славянских языках: рус. *восемь*, укр. *вогонь, вуста, вугіль, вухо, вуса, вулиця, вікно, вітчизна* (с чередованием o > i в закрытом слоге), белор. *вока, вуха, вугаль, вуста, вуліца*, словен. vogal, vogelni, vogelnik, в.-луж. woheń, wusta, wuhl. Широко представлен протетический в- в русских народных говорах: *вотчим, вострый, воспа, вумный, вутка, вумный, вотруби, вокны*. В чирских донских говорах все слова с начальным o и y имеют v-протезу [10, с. 11]. В болгарском языке юс перешёл в ъ: *въглища*. В польском языке произошла мена юсов, но протеза сохранилась прежняя: *węgiel*.

Перед возникшим в результате монофтонгизации заднеязычным *u в древнецерковнославянском языке появлялся незакономерная j-протеза. Слова с начальным ю- были заимствованы русским языком: *юг, юдоль, юноша, юродивый*. А. А. Шахматов полагает, что в древнерусском языке в этой позиции произошла утрата общеславянского протетического *j [13, с. 142].

Сложным является вопрос о происхождении г/h-протезы в славянских языках. А. А. Шахматов считал, что этот протетический звук в общеславянском языке употреблялся в начале всех слов с лабиализованным гласным в анлауте, но был неустойчивым, заменился в-протезой [13, с. 57]. По мнению этимологов, г/h-протеза, возможно, встречается в словах общеславянского происхождения: *гусеница, гуж*. Сейчас она регулярно представ-

лена в нижнелужицком языке: *husta, hugel, hogeń*. Спорадически этот протетический звук отмечен в белорусском языке (*гарэх, гэта, гэй*) и украинском (*гострий, горіх*) языках. Попытки связать эту протезу с гортанной смычкой (кнаклаутом) не вполне убедительны, поскольку это фонетическое явление из славянских языков представлено только в чешском (ráz), проявляется в нём факультативно, отсутствует в моравских говорах [15, с. 25–26], вероятно, на его функционирование оказал влияние немецкий язык.

Вокалические протезы *о* (в результате аканья *а*) и *и* встречаются в восточнославянских языках перед сонорными звуками. Некоторые единицы вошли в литературные языки: рус. *аржанец*, укр. *імла, іржа*, белор. *аржаны*, *імгла*. Но большинство примеров встречается в диалектной речи. В холмогорском говоре отмечены формы с о-протезой: *оржаной* [5, с. 17]. В донских говорах достаточно регулярным является протетическое *а-* перед [л] и [р]: *алевада, алилея, алиман, алимон, арепей, аржанище*. Изредка встречается и-протеза: *ираина*. В медведицком диалекте отмечено чередование инициальных а/и: *агурцы – игурцы, атапри – итапри* [10, с. 11]. Видимо, в прошлом это чередование было более широко распространено в народном языке, оно отражается в заимствованной единице *арьян/ирьян*. На этом же фонетическом процессе строится появление в русском языке слова *известь* < греч. ἄσβεστος. Протетический и- может находиться в дистантной позиции от плавного: *ишла*.

Итак, история появления протетических звуков в славянских языках показывает сходства и различия между разными языками, причины появления и закономерности функционирования различных протез в них, обнаруживает глубинные процессы славянской фонологии.

Литература

1. Абдулхакова Л. Р. Древнерусский язык: фонетика: учебно-методическое пособие. Казань: Изд-во Казан. федер. ун-та, 2015. – 59 с.

2. Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. 352 с.

3. Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь. Репринт. изд. 1900 г. М.: Терра, 1998. XXXVIII – 1120 с.

4. Изместьева И. А. Согласный [ʔ] как результат праславянского наследия // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. №4(14). – С. 14–19.

5. Лопухина А. А. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в.: автореф. дис. <...> канд. филол. наук. М., 2011. – 22 с.

6. Марков В. М. Начальные о и е восточнославянских языках // Учён. зап. Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина. 1998. Т. 135: Языковая семантика и образ мира / 200-летию Казан. ун-та посвящ. – С. 34–39.

7. Мартынов В. В. Славянские протезы и этимологическая эвристика // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986. – С. 128–132.

8. Пейрос И. И., Дыбо В. А. Проблемы изучения отдалённого родства языков // Вестник Российской академии наук. 1985. № 2. – С. 55–66.

9. Сергеева О. М. Концепции «протетических» гласных и подвижных согласных в истории индоевропейского языкознания: автореф. дис. <...> канд. филол. наук. М., 2013. – 21 с.

10. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.

11. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1957. – 472 с.

12. Чекман В. Н. К типологии славянской протезы // Советское славяноведение. 1979. № 6. – С. 92–99.

13. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии / Изд-е отдел. рус. яз. и словесн. ИАН / Под ред. И. В. Ягича. Вып. 11.1. Пг.: Тип. ИАН, 1915. XXVIII + L + 369 с.

14. Calleman B. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950. – 174 S. (Publications de l’Institut slave d’Upsal).

15. Hůrková J. Česká výslovnostní norma. 1. vyd. Praha: Scientia, 1995. – 74 s.

16. Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebě. Lingvistika. Praha 1978. – S. 141–150.

17. Ramovš Fr. O splošnih slovenskih pojavih pri protezi in hiatus // Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede (Ljubljana). – 1954, letnik V-VII, št. 1. S. 3-8.

18. Šekli M. Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov. T. 1: Od praindoevropščine do praslovanščine. – Lubljana: Znanstvena založba Filoz. fakultete, 2016. 431 s.

19. Shevelov G. Y. Prothetic Consonants in Common Slavic: An historical approach // American Contribution to the Fifth International Congress of Slavists. — The Hague: Mouton & Co, 1963. — 662 p.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ БАХУВРИХИ

Л. В. Соснина
ludmilasosnina@gmail.com
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Структурные типы бахуврихи были рассмотрены в ряде исследований Донецкой школы композитологии, в частности, в статьях «Бахуврихи в русском языке» [6] и «Структурные типы бахуврихи» [5]. В современной лингвистике существуют весьма противоречивые взгляды на семантику прилагательных-бахуврихи, что объясняется вполне объективными причинами и определяет **актуальность** нашей статьи. Во-первых, в разноструктурных языках существуют различные определения номинативного статуса бахуврихи. Во-вторых, существуют сложности в структурно-семантическом разграничении имен прилагательных в целом и выделении композитов в отдельный пласт лексики. **Цель** нашей работы заключается в систематизации имеющихся научных подходов к данному языковому явлению и описании композитов с точки зрения их ономасиологического статуса с последующим выделением ономасиологического базиса и ономасиологического признака, что релевантно ономасиологической структуре наименования.

В качестве рабочего можно взять определение Э. Бенвениста, относящего бахуврихи к классу сложных имен, в котором «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [1, с. 250]. Согласимся с его утверждением о том, что «это сложное имя основывается на атрибутивной конструкции» [там же, с. 251], при этом на атрибутивность бахуврихи указывает суффикс. Э. Бенвенист трактует бахуврихи как двуплановую номинативную единицу, манифестирующую сочетание синтаксической и семантической функций [там же, с. 253].

Обратимся к пониманию номинативной сущности бахуврихи. По мнению М. М. Михалевич, ономасиологическая структура композита «включает не менее двух полнозначных семантических маркеров, соотносящихся с определенными ономасиологическими категориями и находящих выражение в виде соответ-

ствующих отдельных лексических единиц номинативного суждения» [3, с. 3].

Л. Н. Роженцова, изучая синонимические ряды прилагательных, выводит оппозитивную пару бахуврихи- хабитивы, например, *толстощекий – щекастый*, *широколобый – лобастый, большеглазый – глазастый.* Вслед за Е. А. Кукушкиной ученый определяет бахуврихи как «посессивные композиты, – продуктивные экзоцентрические метонимические композиты с опорным компонентом, обозначающим часть целого (pars pro toto)» [4, с. 107]. Напомним, что хабитивом называется прилагательное, семантическое значение которого сводится к обладанию, владению чем-то. Сравнивая бахуврихи с хабитивами, можно провести параллель между первыми компонентами адъективов и суффиксами хабитивов. Интенсивность выраженного внешнего признака, закрепленная за суффиксами хабитива (-аст-, -ат-, -ист-), проясняется и конкретизируется первыми компонентами бахуврихи: *широкий, большой, толстый, длинный, острый, полный, пышный, густой*. Ученый полагает, что суффикс становится носителем абстрактной интенсивности, а первый компонент бахуврихи – своеобразным экспликатором и конкретизатором этой интенсивности. Если хабитивы «свернуто и компактно характеризуют то, чем обладает носитель», то бахуврихи «раскрывают, развернуто характеризуют то, что в сжатом виде представлено в хабитивах» [там же, с. 159]

Е. А. Кукушкина полагает, что бахуврихи немецкого языка «внешне ничем не отличаются от детерминативных композитов, которые по своей смысловой структуре соответствуют обозначению принадлежности или свойства человека, животного или растения» [2, с. 107], при этом данная характеристика «употребляется в качестве наименования самого носителя данного признака, оставляя денотат вне содержания композита» [там же, с. 108]. Бахуврихи, главными признаками которых являются экспрессивно-оценочная окраска, эмоциональная тональность и стилевая маркированность, возникают в условиях номинативной избыточности информации, при этом происходит переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления [там же, с. 107].

Многие современные лингвисты сходятся во мнении, что бахуврихи русского языка могут быть рассмотрены только как фразеологические единицы, состоящие из нескольких компонентов и реализующие модель атрибут+существительное, например, *белая кость, золотые руки, ясная голова.* Как и всем фразеологизмам, им присущи устойчивость, идиоматичность и воспроизводимость. При этом бахуврихи отдельных языков (в частности, немецкого языка) рассматриваются как посессивные композиты, в которых номинация производится по характеризующим человека признакам путем метонимического переноса с части на целое.

Опираясь на данные нашего исследования, полагаем, что в русском языке существует две разновидности бахуврихи – посессивное словосочетание и образованный на его базе композит, например, синеглазый – с синими глазами, рыжеволосый – с рыжими волосами [5, с. 178]. Комплексное описание бахуврихи основано на методах лингвистического анализа, который позволяет рассматривать данные языковые единицы в двух аспектах – структурном и ономасиологическом. Если говорить о структуре адъективов, мы принимаем существующие правила описания моделей образования композитов универбализационного типа, которые предполагают описание моделей формального преобразования словосочетания в слово с абсолютно идентичной семантикой базового словосочетания и композита. В любой исходной конструкции мы выделяем количество ее компонентов, тип связи и порядок следования, а также грамматические характеристики. По количеству компонентов выделяем двух- и трехкомпонентные модели, образованные большей частью на базе подчинительных конструкций.

В современных коммуникативных практиках определяются одиннадцать основных структурных типов бахуврихи, реализующих универбализацию по компонентному, метатезному, компонентно-метатезному типу и являющихся полностью тождественными исходным словосочетаниям. Так, например, конструкция *с **круглым лицом*** / ***круглолицый*** представляет модель **предл + Прил5ед + Сущ5ед**. Это посессивная конструкция, преобразующая элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа единственного числа, универбализуется по модели **осн-**

Прил5ед + инт + оснСущ5ед + парПрил,, например: ***с круглым лицом*** / ***круглолицый***: *И без того он походил на пингвина: приземистый,* ***с круглым лицом*** *в круглых очках* (Николай Климонтович. Дорога в Рим (1991-1994); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Круглолицый мальчик с большими глазами смотрит прямо перед собой* (https://books. google.com.ua/ books?id).

Физический признак человека, социальный признак человека и характеристика предмета или явления – таковы названия трех ономасиологических классов бахуврихи. Дальнейшее деление данных номинативных единиц осуществляется путем выделения ономасиологического базиса и признака, составляющих ономасиологическую модель любого композита, в нашем случае – бахуврихи, которые могут быть описаны в пределах семи базисов (орган, темпоратив, физический параметр, квалитатив, состояние, статус, количественный статус) и восьми признаков (цвет, форма, размер, интенсив, коррелятив, нумератив, трансгрессив, фактитив).

В отдельную часть нашего исследования (помимо прилагательных с качественным значением) вошли конструкции с нумеративным значением, в которых семантическим распространителем имени является числительное. Они представлены большим количеством атрибутивных конструкций и преобразуются в нумеративные бахуврихи, например: *Свежему ветру в 5 баллов по силам раскачать тонкие стволы* (https://nlo-mir.ru/kataclizm/ 53348-osnovnye-vetra-raznoj.html); *Российские корабли попали в пятибалльный шторм в Норвежском море* (https://www.mk.ru/social/2019/12/08/).

В центре пересечения интересов современных ученых находится проблема идиоматичности бахуврихи. Мы стоим на позициях Э. Бенвениста, который рассматривал бахуврихи как неидиоматичные единицы. Например, бахуврихи *двухэтажный* имеет три тождественных синтаксических конструкции – *на два этажа, в два этажа, с двумя этажами*, что позволяет говорить о возможности рассмотрения отдельных составляющих частей композита. Однако не существует вполне определенного мнения о статусе композита *чернорото*. С одной стороны, прилагательное *чернорото* можно рассматривать как производное от существительного *черноротость, с* другой

стороны, данный композит может быть описан как деривационный композит, образованный на базе словосочетания *черный рот*, о чем свидетельстствуют весьма многочисленные примеры. В данном случае композит реализуется по модели *орган+колоратив* и не демонстрирует признаков идиоматичности. Своеобразие прилагательного *черноротый* заключается в том, что композит реализует себя в трех направлениях – как универбализационный композит (*черноротый – с черным ртом*), как деривационный композит (*черноротый – черный рот*), наконец, как сложнопроизводное прилагательное, уже образованное от сложного слова *черноротость*. Используя метод квантитативного анализа, приходим к заключению, что 78% словоупотреблений приходится на долю прилагательного *черноротый*, демонстрирующего признак идиоматичности в значении грубый, скандальный, завистливый человек, например: *«Черноротый» может запросто навредить другим людям, при этом особо не напрягаясь. Многих интересует, существует ли защита от таких «глазливых» и «черноротых» людей* (https://zen.yandex.ru/media/creepy_room/). В связи с вышесказанным полагаем, что существует необходимость различать ономасиологический статус данного композита.

Таким образом, бахуврихи русского языка представляют собой две разновидности – посессивное словосочетание и образованный на его базе композит. Существуют модели комплексного описания указанных конструкций с учетом ономасиологического подхода к изучению частей речи. Бахуврихи существуют в пределах трех заявленных ономасиологических классов, при этом дальнейшее деление происходит с учетом выделения ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Структурный аспект в изучении данного класса композитов предполагает описание модели исходного словосочетания и модели образованного композита. Перспективы исследования видятся нам в изучении моделей отфраземной деривации с позиций ономасиологического подхода к изучению частей речи.

Литература
1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Кукушкина Е. А. Бахуврихи как один из видов детерминативных композитов в немецком языке / Е. А.Кукушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. - №12 (30): в 2-х ч. - Ч 2. – С. 107-109.
3. Михалевич М. М. Типы композитных предметных наименований в русском и английском языках: ономасиологический аспект / Автореф. дисс….канд.филол.наук: 10.02.20 / М. М.Михалевич. – Минск, 2017. – 27 с.
4. Роженцова Л.Н. Компоненты композитов как актуализаторы элементов семантики синонимических единиц / Л. Н. Роженцова// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. - №7 (61): в 3-х ч. - Ч 2. – С. 158-162.
5. Соснина Л. В. Структурные типы бахуврихи в русском языке / Л. В. Соснина. // Материалы научно-практической конференции / Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одесса: Астропринт. – 2013. – С. 177-181.
6. Теркулов В. И. Бахуврихи в русском языке / В. И.Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2008. - № 2 (8). – С. 185-190.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ – НЕКОРЕННЫЕ / ПРИЕЗЖИЕ» КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В РУССКИХ ГОВОРАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

А.Г. Тимченко
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»
(Красноярск)

В современных исследованиях постепенно утверждается понимание, что «сибирский регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция с трудно определимыми и динамичными границами» [5, с. 13]. Сибирь издревле воспринималась многими как символ народной вольницы, неуправляемой стихии. Люди, перекочевавшие сюда, освоившиеся в непростом климате, стали воспринимать себя как некую обособленную группу.

Любая культура, как отмечает Ю.М. Лотман, «начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их»). Граница может отделять живых от мёртвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [6, с. 175]. Устанавливается чёткое разделение «между «своим» («хорошим») и «чужим» («плохим»), то есть граница, которая радикально указывает приемлемое и одобряемое, с одной стороны, а с другой – препятствует проникновению враждебного и пагубного для данной социокультурной модели не только в материальной, но прежде всего в духовной сфере бытия» [3, с. 18].

Если обратиться к русским говорам Красноярского края, можно выделить лексемы, указывающие на подобного рода противопоставление, которое было важным для русских сибиряков: ***«коренные жители-некоренные/приезжие».*** Словари русских говоров Красноярского края («Словарь русских говоров северных районов Красноярского края» (ССГ), «Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края» (СЦГ); «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» (СЮГ)) фиксируют такие лексические единицы, которые именуют **коренных жителей:** ***желторОтый*** *– пренебр. прозвище коренных жителей Сибири; чалдонов (СЦГ);* ***чалдОн (в 1 знач.), чалдОнец, чалдОнка, чалдОночка****,* ***чалдоньё****,* ***чалдОн желторОтый*** *– русский житель Сибири, старожил (СЦГ);* ***вЕчный сибирЯк*** *– старожил Сибири (СЦГ);* ***полорОтый*** *– бран. прозвище* ***коренных сибиряков, бытующее в среде переселенцев*** *(СЦГ);* ***закалЁнный****,* ***закалЯнный, закоренЕлый*** *– коренной, исконный (Этот чалдон* ***закалЁнный****… Тс.: Тас., Она* ***закоренЕла*** *уж сибирячка… Тс.: Тас.) (СЦГ);* ***синепУпый*** *– устар., бран. прозвище сибиряков-старожилов (СЦГ);* ***здЕшный, здешнОй, издЕшный, тУтошний*** *– здешний, местный (Они не* ***издешние*** *жители. Откуда-то с Мурманску ли чё ли приехали. Бз.: Бер.) (СЦГ);* ***Истинный*** *– в знач. сущ. настоящий, действительный (о старожиле Сибири) (СЦГ);* ***мЕстный-здЕшный*** *– неприезжий (Я-то из* ***ссыльного*** *роду, дедушка и отец* ***ссыльные****, а мама –* ***местна-здешна****. Тс.: Тас.) (СЦГ);* ***природный, старожИтель*** *– коренной житель старожил (СЦГ);* ***кержАк, кержАчка*** *– коренной житель Сибири (ССГ);* ***чалдОнка*** *– 1. коренная жительница Ангары (ССГ);*

юрАт юрАточка, юрАтка *– название коренного аборигенного населения (ССГ).*

В связи с неясностью мотивировок особое место среди данных именований занимает лексема *чалдОн* как обозначение коренного сибиряка. А.И. Федоров отмечал, что некоторые слова, вошедшие в язык из аборигенных языков, переосмысливались, что и произошло со словом *чалдон*: *«В монгольских языках оно имело значение: «бродяга, каторжник» [22], в сибирских русских говорах: «коренной сибиряк, русский, старожил» [23, 20]. Судя по тому, что слово это заимствовано в XIX в., можно полагать: в XIX в. значительную часть сибирского населения стали составлять люди, сосланные в Сибирь царским правительством и оставленные там на вечное поселение»* [10, с. 85]. В говорах сохранились оба значения, но мотивирующее (если его можно считать таковым) ушло на второй план. В говорах Красноярского края встречаем: ***чалдОн*** *– 1. русский житель Сибири, старожил; 2. отчаянный, разбойник (СЦГ)*. Существует также интерпретация этой лексемы местным населением: *«Что такое чалдон? Плыл Урмак по Енисею на чалу. Чалдон и называется. Тс.: Тас. и повсем. в центр. р-нах КК.» (СЦГ)*. *Урмак* – здесь, вероятно, фонетическое искажение *Ермак*, *чал* – небольшая лодка, Енисей сравнивается с другой крупной рекой – Доном: потому и *чалдон*.

В ряду именований местных жителей метафоризованными являются следующие: *закалЁнный* (в связи с суровыми климатическими условиями так стали именовать местное население), *старожИтель*, *вЕчный сибирЯк* (отнюдь не обязательно этот человек должен был быть старым по возрасту; старый, вечный – имеющий давние корни на этой земле). Пейоративные лексические единицы также встречаются: *желторОтый* (вероятно ничем не мотивированное, связанное с переносным значением – «малоопытный человек»: «*Желторотый, когда чё-нибудь говорят и неразвито так, ну, обзовут: «Эй, желторотый!». Это еслиф чалдон опеть. «Культурный» – «некультурный» слов не было, а желторотый. Это оне (переселенцы) сами вздумали так и вот оскорбят еслиф»*. Тс.: Тас. (СЦГ)), *синепУпый* (от основ синий+пуп, что может быть отсылкой к сибирским морозам, либо связью с бледным цветом кожи), *полорОтый* (в словаре Даля: «разиня, ротозей, вислоухий, глуповатый» [4, с. 274]). У некото-

рых лексем можно отметить случаи изменения значений: *кержАк, кержАчка* – изначально эти именования обозначали отнесенность к старообрядцам, проживающим на территории реки Керженец в Нижегородской губернии и впоследствии расселившимся по Сибири («Кержаками в Западной Сибири в XIX- начале XX века было принято называть всех сторонников старой дониконовской веры, однако только часть их относилась к старожилам» [11, с. 46]); факт их давнего расселения позволяет именовать *кержаками* коренных жителей. *Юратами* называли коренное аборигенное население, лексема сопоставляется с манс. *jorin* «самоед», коми *jaran* «самоед; население к северу от Вычегды» [2, с. 717].

К отдельной группе лексем относятся именования **приезжих в Сибирь:** ***вЫслатый*** *– высланный (В тем краю адне* ***выслатыя*** *жили. Бз: Бер) (СЦГ);* ***лапотнЯ, лапотОн****,* ***лапотОнка*** *– переселенцы в Сибирь из европейской части России (СЦГ);* ***лапотОнский*** *– принадлежащий, свойственный крестьянам, переселившимся в Сибирь из европейской части России, лапотонам (СЦГ);* ***подбегАло*** *– переселенец (СЦГ);* ***понаЕзжий, понаЕханный*** *– приезжий, не коренной (СЦГ);* ***поселЕнский*** *– относящийся к ссыльному переселенцу (СЦГ);* ***россЕйский, россИйский*** *– не сибиряк, приезжий из европейской части России (СЦГ);* ***самоход1, самоходка[2], самоходня*** *– переселенцы из европейской части России (СЦГ);* ***посельгА*** *– 1. добровольный переселенец (ср.: поселюга (в 1 знач.), приселенец) 2. ссыльный (СЦГ);* ***себлОнец*** *– переселенец из западной части России* (фонетическое искажение *сиблОнец,* возникшее в 1929 году от СибЛОН («СИБирские Лагеря Особого Назначения»)); *(СЦГ);* ***скобАрь*** *– бран. переселенец (СЦГ);* ***толстопЯтый*** *– обидное прозвище переселенцев из европейской части России* («имеющий толстые пятки», поскольку по представлениям коренных народов, необходимо было иметь толстую кожу на ногах, чтобы ходить в такой тонкой обуви, как лапти, в столь суровом климате) *(СЦГ);* ***хохОл*** *– пересенец (СЦГ);* ***бредЯги*** *– бродяги, переселенцы, беженцы (ССГ);* ***кИровка*** *– ссыльная из Ленинграда по делу об убийстве С.М. Кирова (ССГ);* ***лишЕнец*** *– ссыльный, поселенец (ССГ);* ***трактовОй*** *– ссыльный переселенец (ССГ);* ***шабУрник*** *– переселенец, небогатый человек (ССГ).*

Сибирские территории – это не только необозримые вольные просторы, заселяемые безземельными крестьянами, но и место лишения свободы. Этот факт обусловливает бытование именований *обычных поселенцев*, *пришлых* и *каторжан, ссыльных*. Среди именований приезжих широко распространены лексемы с корнем лапот- (*лапотОн, лопотАнка, лапотнЯ, лапотОнский*), возникшие в связи с отсылкой к названию рода обуви, в которой ходили западные крестьяне-переселенцы (в отличие от коренных народов Сибири) и первое время не желали менять своих традиций на новом месте. Переселенцев также именовали *россЕйский, россИйский (Россейские люди (говорили сибиряки) – приехавшие из России. Нз.: Сах. Мы-то чалдоны, а они россейские, пришлые. Ач.: Тим. (СЦГ).* Это подчеркивает обособленность восприятия субэтноса, невключенность территории проживания (в сознании населяющих ее русских) в общегосударственную структуру. Традиции и речь приезжих стали обозначать наречием *по-россейски*, что вновь показывает чуждость того мировоззрения сибирскому: *А вот по-нашему овца объягнилась (говорили сибиряки), по-россейски – окотилась. Вот будто кошка кака. Тс.: Тас. (СЦГ)*. Сему «добровольный переселенец» реализуют лексемы *самохОд, самохОдня* (пришедшие сами) и полисемантичное *посельгА* (в 1 знач.), *поселЮга* (в 1 знач.), *приселЕнец*: *Чалдоны нам земли не давали. Мой свёкор дрался с ними. Шли посыльные мотреть местность, а потом шли домой и брали семью, если место понравилось. Добровольно шли – они самоходы. Дз.: Дзер. (СЦГ); Самоходы, они гнались за землей. Кн.: Бош. (СЦГ).*

Следует отметить здесь, что возникает также пограничное понятие – ***мЕженец, мЕженка*** *– человек, рожденный в браке коренного жителя Сибири (чалдона) и переселенца из европейской части России (СЦГ)*.

В целом семантическое поле «приезжие» характеризуется наличием пейоративных лексем. Не только каторжане, *варнаки* ассоциировались у коренного населения с «чужими», недобрыми людьми. В начале XX века реформы Столыпина предполагали насильное массовое переселение безземельных крестьян на свободные территории (Сибирь, Дальний Восток). Как отмечает историк Б.Е. Андюсев, большинство переселенцев были склонны к пьянству, не имели желания работать, имели низкие нравствен-

ные качества, при расселении и обустройстве на новом месте еле сводили концы с концами (*Самые бедные люди, в лаптях ходили. Дз.: Дзер. (СЦГ)*), в их среде была высокая смертность: «Приходится констатировать, что хозяйства их (новоселов) производят впечатление какого-то развала, грязи (резко бьющей в глаза при сопоставлении с чистотой и порядком в доме и дворе сибиряка), нищеты, соседнего раздора и влияния водки» [1]. В говорах находим тому подтверждение: *Чалдоны – они **чисты** люди, а лапотоны – оне **грязные**, я таить не буду. Тс.: Сив. (СЦГ); Тут час вся лапотня собралася, самоходня. Все **пьяницы** приехали. Тут на краю живут. Тс.: Тас (СЦГ); Когда населяли Сибирь российским, у их **речь друга, обряды**. Лапотня оне **грязнули** были Тс.: Тас (СЦГ).*

Полюса оппозиции *свой* и *чужой* могут меняться в зависимости от речедеятеля по отношению к обозначаемому, поэтому встречаются бранные и экспрессивно сниженные именования коренных, рождённых на сибирской территории, данные им пришлыми людьми (*желторОтый, полорОтый, синепУпый* и т.п.), и, соответственно, приезжих, данные им коренными жителями (*толстопЯтый, скобАрь* и т.п.). Таким образом, язык подтверждает негативность изначального восприятия при необходимости соприкосновения разных лиц на одной территории.

Литература

1. Андюсев, Б.Е. Мир старожилов Сибири. – URL: http://andjusev.narod.ru/index2.htm (дата обращения: 11.02.2020).

2. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

3. Васильев, А.Д. Лексико-фразеологические представления своего и чужого в посланиях В.В. Путина Федеральному собранию (2012–2014 гг.) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (52). – Екатеринбург, 2015. – С. 17–24.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 3. П. Изд.: Тип. М.О. Вольфа, СПб.–М, 1882. – 584 с.

5. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. и др. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368. с.

6. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

7. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во КГПИ, 1992. – 348 с.

8. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003–2011.

9. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 488 с.

10. Федоров, А.И. Русский язык в Сибири // Вопросы языкознания. М., 1982. № 2. – С. 81–89.

11. Фурсова, Е. Ф. Восточные славяне в Западной Сибири: создание этно-экологических систем развития // Музей и общество на пороге XXI в.: Мат-лы Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во Комитета по культуре администрации Омской обл., 1998. – С. 46–48.

ИДЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ С АТРИБУТОМ *РУССКИЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[18]

С.Е. Тимофеев, С.Н. Стародубец

drumliker@mail.ru, starodubets.madam@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского»

(Брянск)

Языковое содержание лексических единиц современного русского языка максимально динамично.

Идеологемы советской эпохи, с одной стороны, подверглись деидеологизации (например, *крестьянин, рабочий*), с другой стороны, идеологическая оценочность стала многомерной, произошло развитие «разнополярных модусных смыслов, наметилась тенденция к оценочной нейтрализации идеологем (*идеология, пропаганда, агитация*)» [4 с.7].

Кроме того, «идеологический плюрализм перестроечного и постперестроечного периодов обусловил возможность идеологических антиномий – разноречивого осмысления и толкования идеологических понятий, что проявилось в двуоценочности собственно идеологем, обозначающих идеологические понятия: ср.: *коммунизм – будущее человечества и крах идей мирового коммунизма*» [3 с. 24].

В нашей работе «Русский дух» и «русский характер» в современном русском языке» мы рассмотрели фразеологизм-идеологему *«русский дух»* и составное наименование–идеологему «*русский характер»* (СН) как амбивалентные языковые единицы

[18] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90031

с идеологически-оценочным компонентом значения мелиоративного и пейоративного типа, этнокультурной коннотацией, оценочностью *(«русский дух»*) и коннотацией «духовность» (*русский характер*) [8]. Выполненный анализ фиксирует современные аксиологические ориентиры социума, являющиеся фундаментом концептуальной и языковой картины мира, его категоризации.

Считаем целесообразным рассмотреть продуктивные идеологизированные составные наименования с атрибутом *русский*, являющиеся маркером современного политического дискурса, както: *русский мир, русское оружие, русские хакеры.*

Идеологизированными называем такие СН, «денотация которых осложнена идеологическим микрокомпонентом, отражающим субъективное отношение определённой идеологии к обозначаемому понятию в виде квалификации свой/чужой», при этом подчёркиваем, что идеологизированные слова и СН являются одной из разновидностей идеологем [3 с.24].

Составные наименования имеют следующие базовые характеристики: неразрывность фразовой структуры, устойчивость по составу и порядку следования лексических единиц, образование по определенным структурно-семантическим моделям русского языка, формальную, но не семантическую эквивалентность слову, в ряде случаев способствуют возникновению новых слов языка, что проявляется в особенности СН трансформироваться в слово, сохраняя исходный смысл, возможное употребление одного из его членов в переносно-образном значении.

В политическом контексте *русский мир* – культурный феномен, цивилизационное пространство людей, называющих себя русскими и объединенных общей историей и христианской верой.

Составное наименование *русский мир* интерпретируется как «глобальное сообщество, охватывающее сотни миллионов русскоязычных людей, чувствующих свою связь с русской культурой и Россией» [6].

В основном корпусе НКРЯ [5] было зафиксировано 154 документа и 275 вхождений СН *русский мир*, в газетном – 253 документа и 450 вхождений.

Проанализировав выборку, фиксируем семантическое поле СН *русский мир:*

1) гиперсема – «культурно-историческая общность, объединяющая людей, чувствующих свою связь с Россией, ее культурой и традиционным укладом»;

2) дифференциальные семы – «Д/духовный», «православный», «великий», «культурный», «многонациональный», «хранимый Господом», «особый», «Толстой», «Достоевский», «Пушкин».

Проанализировав выборку контекстов газетного корпуса НКРЯ, фиксируем, что семантическое поле СН *русский мир* расширяется за счёт дифференциальных сем – «Донецк», «Луганск», «Славянск», «Новороссия», «Краматорск», «Беларусь», «Казахстан», «Приднестровье», «Крым», «Дагестан».

Считаем целесообразным рассматривать СН *русский мир* как персонифицированный концепт, продуктивно репрезентированный посредством культурно маркированных онимов. В первую очередь, *русский мир* – это великие представители литературной классики, науки, живописи, искусства, посвятившие жизнь служению России во имя сохранения русской самобытности и достижений русского народа, с другой стороны, *русский мир* – это пространственный маркер идеологизированного характера, называющий государства и территории, ориентированные пророссийски, большая часть населения которых говорит на русском языке, привержено русской идее и русской культуре.

Считаем, что СН *русский мир* представляет собой лингвокультурему (термин Воробьёва В. В [2], пояснение наше – Тимофеев С. Е., Стародубец С. Н.) с культурно-идеологическим оценочным компонентом значения, «причем культурный элемент содержания является принадлежностью коннотата, а идеологический инвариант оценочности – денотата. Дополнительной дифференциальной семой лексического значения <…> является «национальное», т.е. «этнически ориентированное как имеющее собственные, отличные от других, своеобразные, определенные традицией черты» [7 с. 36–37].

Рассмотрим семантическое поле СН *русское оружие*.

Первичное значение СН *русское оружие* определяем как сумму значений входящих компонентов.

БТС русского языка под ред. С. А. Кузнецова [1] дает следующие формулировки:

«РУССКИЙ, -ая, -ое. Принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским».

«ОРУЖИЕ, -я; ср. Орудие для нападения или защиты».

Результатом исследования основного и газетного корпусов НКРЯ на предмет контекстов с ключевым выражением «*русское оружие*» стала выборка, состоящая из 216 документов, 280 вхождений в основном корпусе и 87 документов, 94 вхождения – в газетном.

Проанализировав выборку контекстов основного корпуса НКРЯ, фиксируем семантическое поле СН *русское оружие:*

1) гиперсема – «направленное на противодействие»;

2) дифференциальные семы – «Д/духовное», «священное», «великое», «могучее», «национальное», «непобедимое», «несломленное», «благословенное Господом», «прославленное героями».

Констатируем, что в составном наименовании *русское оружие* атрибут *русский* обозначает не просто принадлежность по национальному и культурному признаку, но в большей степени духовную связь с русской историей, ментальностью и мировосприятием русского народа.

Русское оружие определяем как ценностную реликвию, которая хранит память о великих событиях и людях Отечества. *Русское оружие* символизирует отвагу и честность, святость, духовность и веру русского народа.

Проанализировав выборку контекстов газетного корпуса НКРЯ, фиксируем расширение состава дифференциальных сем СН *русское оружие*, как-то – «надежное», «качественное», «самое лучшее в мире».

Обобщая полученные результаты, констатируем двуединое понимание идеологемы *русского оружия.*

В основном корпусе СН *русское оружие* – это оружие, ориентированное на исключительное мужество и стремление к справедливости, духовное, священное, благословенное Духом. В газетном корпусе СН обладает иным идеологическим значением: это военное оружие, произведенное в России, известное и уважаемое во всем мире за надежность. Идеологическое значение первого определяется в понятиях духовности, второго – с материальной точки зрения. Таким образом, имеем расширение первичного смысла идеологемы за счет выявленных дифференциальных сем.

Первичное значение СН *русские хакеры* определяем как сумму значений входящих компонентов.

БТС русского языка под ред. С. А. Кузнецова дает следующие формулировки:

«РУССКИЙ, -ая, -ое. Принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским».

«ХАКЕР, -а; м. Компьютерный хулиган, проникающий в чужие информационные системы из озорства, с целью овладения информацией, введения в них ложных данных и т.п.».

На момент проведения исследования СН *русские хакеры* в основном корпусе был выявлен 1 документ, 1 вхождение, в газетном – 10 документов, 11 вхождений.

Проанализировав выборку контекстов основного и газетного корпуса НКРЯ, фиксируем семантическое поле СН *русское хакеры:*

1) гиперсемы – «киберпреступность», «криминал», «угроза национальной безопасности», «русские», «Россия»;

2) дифференциальные семы – «русскоговорящие», «лучшие в мире», «программисты с мозгами», «наши», «бывший Советский Союз».

Русские хакеры – это русскоговорящие программисты, выходцы из бывшего Советского Союза, действующие с территории Российской Федерации и представляющие собой угрозу национальной безопасности.

Итак, методами семантического и контекстуального анализа установлено, что СН *русский мир, русское оружие* и *русские хакеры* репрезентируют сложный план содержания. В лексическом значении СН фиксируется идеологически-оценочный компонент, определяющий возможность безоценочностного, мелиоративно оценочностного и пейоративно оценочностного употребления идеологемы, этнокультурная коннотация, эксплицированная атрибутом *русский*, а также коннотация «духовность» (*русский мир, русское оружие*).

Литература

1. БТС русского языка под ред. С.А. Кузнецова [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://gramota.ru (дата обращения: 13.01.2020).

2. Воробьёв, В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.

3. Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): автореферат диссертации доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Уфа, 2013. – С. 24.

4. Кутенева, Т. А. Смысловая динамика идеологем советской эпохи: автореферат диссертации кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Екатеринбург, 2008. – С. 7.

5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 12.01.2020).

6. Островский Е. Новые границы мира: геокультура [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472 (дата обращения: 01.01.2020).

7. Стародубец, С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина. Известия Смол. гос. университета. 2017. № 3(39). – С. 36 – 37.

8. Стародубец, С.Н., Тимофеев С.Е. «Русский дух» и «русский характер» в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 239 – 247.

КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ КВАЗИСИМВОЛОВ[19]

Г.В. Токарев, Н. Чернева
grig72@mail.ru, cherneva@uni-plovdiv.bg
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
Пловдивский университет им. П. Хилендарского
(Тула – Пловдив, Республика Болгария)

Целью данной статьи является изучение культурной семантики квазисимвола – единицы лингвокультурного уровня, указывающей на особенности общепринятой интерпретации фрагментов действительности (идеи) и моделирующей отношение к ним. В лингвокультурологии параллельно используется несколько терминов, обозначающих процесс вплетения культуры в состав значения единицы. К наиболее распространённым относятся *культурная коннотация* (В. Н. Телия), *культурная значимость* (Г. В. Токарев), *культурные смыслы* (В. Н. Телия, Т. Б. Радбиль) и др. М. Л. Ковшова,

[19] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008)

перефразируя В. Н. Телия, указывает, что «культурные смыслы – одна из форм проявления результатов взаимодействия языка и культуры, входящая в семантику языкового знака в виде культурного компонента. Культурный компонент включает в себя культурные семы, культурные коннотации, контексты культуры и культурные концепты» [1, с. 56–57]. Полагаем, что данное утверждение нуждается в некоторой конкретизации. Во-первых, необходима чёткость понимания в том, что *культурное* воплощается в значении любой, в том числе и невербальной, единицы в виде обозначенных элементов. Концепты представляют собой упорядоченные знания, являются элементами ментального уровня. Их признаки могут быть включены в значение посредством знаковой объективации знания. Во-вторых, культура может наполнять или маркировать любой компонент значения, в структуралистской интерпретации – любую из сем в составе семемы. Коннотация представляет собой одну из разновидностей сем. В-третьих, по семиотическому закону гомогенности знаковых систем модель значения, разработанная для вербальных единиц, может быть применена для единиц иной природы. Из этого следует, что модель значения слова или фразеологической единицы в общем и целом может быть перенесена на модель значения квазисимвола как лингвокультурной единицы.

Квазисимвол относится к типу промежуточных единиц, поскольку генетически он связан со словом, а функционально – с элементами культуры. Культурная функция выражается в том, что слово становится заместителем некой ситуации и формирует определённую модель поведения. Так, квазисимвол *копейка* связан с ситуацией зарабатывания и накопления денег. Квазисимвол воплощает национальную аксиологию. Указанный выше квазисимвол воплощает русский взгляд на достаток, складывающийся постепенно, из малого. Безусловно, данный аспект определяет его культурную маркированность. Культурная специфика заключается в традиции употребления данного вербального знака в новой функции. Для описания культурной функции квазисимвола перспективно использовать понятие культурной импликатуры – «тип культурной информации, имплицирующей область речевого взаимодействия, модели коммуникации, мотивационно-прагматическую сферу этноса (национальный характер) [1, с. 57–58]. Культурные импликатуры включают информацию о том, как в какой лингвокультурной

ситуации можно использовать лингвокультурную единицу, какие цели ставит адресант и что может испытать адресат при декодировании её значения. Так, употребления квазисимвола *крест* в выражениях *русский народ не боится креста, а боится песта; это твой крест* выражает культурные импликатуры призыва к подчинению, смирению. Адекватное употребление и кодирование квазиэталонов основано на культурной идентичности кооперации коммуникантов.

Означает ли это, что квазисимволы обладают только функциональной культурной спецификой? Рассмотрим значение квазисимвола.

В современной семантике широко используется модель значения, сформированная с учётом основных принципов структурализма. Первый блок значения – денотативно-сигнификативный – заключает информацию о категории, с которой соотносится данная единица, а также о её дифференциальных признаках. Соотнесение квазисимвола с той или иной категорией (денотативный аспект значения) отражается в валентности единицы по вопросу родительного падежа: *(квазисимвол) чего? – наказания, дела, своего или чужого пространства* и т.д. Как видим, в отличие от лексического значения, семантика символа указывает на тот или иной фрагмент концептосферы.

Сигнификативное содержание квазисимвола составляет императивный сценарий. Приведём несколько примеров.

Базар: ожидай шума, неразберихи, беспорядка.

Баня: ожидай интенсивного физического или психического воздействия.

Первый блин: ожидай неудачи в начале дела.

Виселица: ожидай безысходной, тупиковой ситуации.

Горб: ожидай физически калечащего тяжёлого труда.

Сигнификативный компонент значения квазисимвола специфичен. Он отличается от соответствующего компонента коррелирующего слова. Содержание данного компонента значения квазисимвола составляет сценарий прочтения символа. Очевидно, что данный сценарий понятен только членам одной лингвокультурной общности в культурном контексте.

Сценарий прочтения квазисимвола в значении представлен образным основанием, выбор которого определён культурной рефлексией на действительность. Культурно-языковое сознание вы-

бирает наиболее значимые для себя образы и объясняет их сложившимися в культуре представлениями, эталонами, стереотипами и т.п. Так, образ звезды связан с представлениями о случае, судьбе, роке, бессилии человека перед небом. Калач обращен к представлениям о приманке, вознаграждении и т.п. Каторга апеллирует к представлениям о тяжёлом, изнурительном, подневольном труде. Каша связана с представлениями о каком-либо деле.

Как и в лексическом и фразеологическом значении, образ является основанием для оценочности, эмотивности и интенсивности.

Так, образ может быть соотнесён со шкалой «хорошо – плохо», что влияет на характер императивности квазисимвола. Кнут выступает символом наказания. Прочтение образа актуализирует в сознании сценарий битья кнутом, что оценивается отрицательно и связано с неодобрением. Масленица символизирует сытость, довольство, веселье. Прочтение образа в сознании актуализирует сценарий праздника, что оценивается положительно и одобряется. Как видим, процедура оценивания связана с культурными факторами: интерпретацией образа в контексте сложившихся в лингвокультурном пространстве стереотипов. Безусловно, не все символы характеризуются оценочной семантикой. Так, квазисимволы *полоса, копейка* и др. не включают в своё значение оценочный компонент. Тем не менее, большинство квазисимволов характеризуется оценочной окрашенностью.

Таким образом, культурная маркированность значения затрагивает как его структурный (содержание компонентов), так и динамический (особенности употребления) аспект.

Литература

Ковшова, М., Гудков, Д. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.

АНТИПОСЛОВИЦЫ И ПСЕВДОПОСЛОВИЦЫ В ЖАРГОННОМ ДИСКУРСЕ

О.Б.Трубина
olga.palladio@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
(Москва)

Паремические единицы русского литературного языка – «богатый», интересный материал для пародирования и/или подражания, при этом творческое нетрадиционное понимание современной реальности позволяет носителям жаргона наделять их при трансформации новым когнитивным содержанием, «неожиданным и свежим». Важной чертой современного жаргонного дискурса является создание анти– и псевдопословиц. Под **антипословицами** мы будем понимать *паремические единицы, созданные на основе прецедентных пословиц и поговорок литературного языка для получения особого прагматического эффекта.* В. Мидером был предложен термин «антипословица» для обозначения «аллюзийного искажения, пародии, нетрадиционного использования («misapplication») или неожиданной контекстуализации узнаваемой пословицы обычно для создания комедийного или сатирического эффекта» [8, с.115]. По наблюдениям О.С. Ефимовой, модифицированные пословицы сохраняют структурированность, форму традиционных пословиц, но приобретают иной смысл [5]. Пословицы, претерпевая различного рода модификации, адаптируются к новым задачам и условиям функционирования в жаргонном дискурсе. Необходимость такого рода «приспособления» вызвана тем, что даже «устойчивые» к различного рода «воздействиям» паремические языковые единицы вынуждены реагировать на изменения современной действительности.

Антипословицы часто рассматриваются в качестве обратной реакции на нормы, представленные в прецедентной пословице литературного языка. [1,5,7] И эта их прагматическая функция актуальна для жаргонного дискурса. В то же время антипословицы помогают формировать «языковые маркеры» разговорной и жаргонной речи.

В «Словаре русских антипословиц» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко широко представлены трансформы известных русских

пословиц. Авторы словаря подчеркивают, что частотность использования антипословиц обеспечивает идентификацию паремических единиц, «повышает искус сопротивления ... стоящей за нею хрестоматийной мудрости, что и является экстралингвистической мотивацией «стеба» [3]. Безусловно, антипословицы в жаргонном дискурсе являются способом создания так называемого «стеба» как выражения иронии и формируют при этом специфический подстиль речевого поведения, выполняют текстообразующую функцию [7, с.5].

Под ***псевдопословицами*** обычно понимают новообразования, построенные по традиционным паремическим моделям, с не подтвержденным массовым использованием, близкие к окказиональным языковым единицам; их опора на прецедентные тексты или неочевидна, или отсутствует.

Антипословицы – это трансформированные прецедентные тексты, вид такой трансформации может быть разным. Под трансформацией мы понимаем способ «порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей» [2, с. 480]. Трансформация прецедентного текста может быть связана с заменой одного или нескольких компонентов, с распространением, усечением [4**].** Рассмотрим примеры:

I. Замена компонента прецедентного текста

— Формальная трансформация (замена слова прецедентного текста близким по звучанию словом на основе омофонии и паронамазии). *Старый глюк лучше новых двух. Куй железо, пока Горбачев. Лучше поздно, чем никому. Не йоги горшки обжигают. Утро вечера бодунее. На молоке обжегся, на водку дую. Встречают по одежке, а провожают поутру. Тише едешь – дальше кукиш.*

— Семантическая трансформация (замена слова прецедентного текста близким по значению словом на основе синонимии и антонимии). *Имидж – ничто, голод – все! Кто не работает, тот зарабатывает. Кто не работает – тот ест.*

— Формально-семантическая трансформация (замена слова прецедентного текста близким по звучанию и/или значению словом.) *Назвался груздем – грузись. Не по Хуану сомбреро. Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра.*

— Формально-семантическая трансформация на основе словообразования. При этом изменение морфемного состава слова со-

провождается лексическими изменениями, а словообразование может быть окказиональным, трансформация производится на основе как словообразования, так и словоизменения. *Не имей сто рублей – отымей сто друзей*

— Формально-семантическая трансформация производится на основе многозначности слова, «парадоксальной» трансформации. *Сделал дело – слей горшок. Такой бадминтон нам не нужен … такой шашлык нам тоже не нужен. (сериал «Сваты»). Милые бранятся – адвокаты тешатся (сериал «Сваты»). Народ не роскошь, а средство обогащения. Слово не воробей, вылетит – может и влететь.*

— Стилистическая трансформация. Языковая игра. *Порция, равная приблизительно двадцати граммам продукта полукоксования твердых топлив, приводит в состояние непригодности к использованию деревянную емкость с продуктом переработки цветочной пыльцы представителем перепончатокрылых насекомых* (Сравни: *Ложка дегтя портит бочку меда**);** Представители малоимущего класса склонны к проявлению нестандартного мышления* (Сравни: *Голь на выдумки хитра*) [6].

II. **Распространение прецедентного текста** (Распространение прецедентного текста с помощью конкретизатора, отрицания и других средств). *Рыба гниет с головы, а чистят ее с хвоста. Болтун у телефона – находка для шпиона. Мы работы не боимся – на работу не пойдем. Человеческая душа всегда тянется к добру, особенно к чужому. Вся жизнь игра, а люди в ней – актеры, но каждый рвется в режиссеры. Муж и жена – одна сатана… иногда – две. Мужчина должен посадить дерево, вырастить сына, построить дом и не слушать дурацких советов, что он должен сделать. Век живи – век учись, а дураком помрешь.*

Ш**. Усечение прецедентного текста.** *Несчастье помогло.* (Сравни: *Не было бы счастья, да несчастье помогло*).

IV. Распространение и трансформация прецедентного текста. *Не откладывай на завтра то, на что можно забить сегодня. Береженого Бог бережет, небереженого конвой стережет* (из сериала «Улицы разбитых фонарей»), *Наглость – не порок, зато жить помогает*.

V. Формальная трансформация и распространение прецедентного текста. *С милым рай в гараже, если милый – атташе. Новый русский – это человек, который прошёл огонь, воду и вывез*

медные трубы. Не то досадно, что журавль в небе, а то, что синица постоянно в руку гадит.

VI. Контаминация нескольких пословиц. *Не зная броду, не вытащишь рыбку из пруда. Недолго мучилась старушка – разлука будет без печали.*

VII. Макаронистически-пародийная трансформация: *Ин дер гроссен фамилия нихт клювом клац – клац.* (сериал «Сваты») (Сравни: *В большой семье не щелкай клювом).*

По происхождению *антипословицы* в жаргонном дискурсе можно разделить на узуальные и окказиональные, особо выделим авторские антипословицы, которые могут остаться окказиональными или войти в широкое употребление. Авторство некоторых антипословиц известно, например*: Что посмеешь, то и пожмешь; В тихом омуте черви водятся; С кем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; У бобра добра не ищут* (Н. Фоменко); *Если кашу маслом не испортишь, попробуйте ее дегтем* (Б. Трушкин); *Тише едешь – шире морда* (М. Задорнов).

Многие антипословицы и псевдопословицы в жаргонном дискурсе становятся своеобразными *«мемами»*: *Кто первым встал – того и тапки. В кругу друзей не щелкай клювом. Тамбовский волк тебе товарищ. Пошел в шалман – держи карман. Раньше сядешь – раньше выйдешь. Лучше стучать, чем перестукиваться. Без кайфа нет лайфа. Если нету калаша, ты не стоишь ни гроша.* Именно они ярко отражают менталитет носителей жаргона, жаргонную картину мира. Некоторые антипословицы вариативны в жаргонном дискурсе и/или сами становятся прецедентными текстами: *Твои товарищи в овраге лощадь доедают. Твои товарищи в дурке коробки клеят.* (Сравни: *Тамбовский волк тебе товарищ). Панк (студент/баба/турист и др.) – он и в Африке панк (студент/баба/турист и др.).*

Сравнивая антипословицы и псевдопословицы, подчеркнем, что псевдопословицы не опираются на прецедентные тексты. Например: *Если хочешь есть варенье, не лови хлебалом мух. Сто грамм не стоп-кран*: *дернешь – не остановишься. (Сериал «Сваты»). Сильный шахматист не тот, который обыгрывает слабого игрока, а тот, кто может сыграть вничью с гроссмейстером.* Такие языковые единицы, как правило, непосредственно создаются и понимаются в определенной коммуникативной ситуации. При со-

здании псевдопословиц могут использоваться окказионализмы: *Лучше колымить на Гондурасе, чем* ***гондурасить*** *на Колыме.*

Таким образом, заметим, что антипословицы и псевдопословицы используются в жаргонном дискурсе как экспрессивное средство, языковой способ выражения «альтернативного» мышления, кроме того, они выполняет функцию «нестандартного» текстопорождения (стеб, прикол). При этом они являются «маркерами» жаргонного характера порождаемого текста / дискурса.

Литература

1. Антонова, О. Н. Антипословицы как средство функциональной модификации (на материале прессы Великобритании и США) / О. Н. Антонова // Вестник СамГУ, 2010. N 3 (77). – С. 96–101.

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., Едиториал УРСС, 2007. – 567с.

3. Вальтер, Х. Словарь русских антипословиц / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб., Нева, 2005. – 573 с.

4. Высоцкая, И. В., Перфильева Е. Ю. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетных заголовках Вестник НГУ, Серия: История, филология, 2010. N 9, вып.6. Журналистика. – С. 118–123.

5. Ефимова, О. С. О некоторых особенностях псевдопословиц в современном немецком языке // Актуальные проблемы германского и общего языкознания: Сборник статей к юбилею профессора В.Д. Девкина. – Тамбов; Москва, 2001. – С. 86–89.

6. Норманн, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. –344 с.

7. Рожанский, Ф. И. Сленг хиппи: материалы к словарю / Ф. И. Рожанский – СПб.; Париж: Изд-во Европейского Дома, 1992. – 63 с.

8. Mieder W. Sprichwort, Redensart, Zitat. Tradierte Formelsprache in der Moderne. Bern / Frankfurt (Main) / New York, 1985. – 205 c.

ОДОБРЕНИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

И.В. Уткина
utkina.iv@tversu.ru
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
(Тверь)

Русская языковая картина мира представляет интерес для исследования многих учёных. Несмотря на множество существующих работ по этой теме, остаётся комплексно неисследованным ряд вопросов, которые, возможно, заполнят лакуны в «мозаике» рус-

ской языковой картины. Термин «языковая картина мира» трактуется по-разному, что вызывает отсутствие взаимопонимания, а иногда и противоречие между исследователями относительно толкования этого довольно абстрактного понятия. В рамках данной статьи мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к изучению языковой картины мира, под которой будем понимать «отражение реальной картины мира средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира» [6, с.22]. В. И. Карасик выделяет в качестве аспекта языковой картины мира ценностную картину мира, которая «в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами» [2, с.167].

Оценочные суждения неотъемлемая часть человеческого существования. Социальная природа человека ориентирована на потребность в получении одобрения со стороны социума. Одобрение – это позитивная оценка отдельного индивида или сообщества большинством либо авторитетной личностью относительно совершаемых действий, поступков, произносимых слов, внешних качеств. В русской языковой картине мира «одобрять» – это значит «признавать добрым, годным, путным, хорошим, хвалить, отзываться по добру, с похвалою» [1]. Пословица, приводимая В. И. Далем в Толковом словаре живого великорусского языка, отражает, на наш взгляд, и современную норму относительно одобрения в русской культуре: «Самъ не одобряйся, а подожди, какъ люди одобрятъ». Самоодобрение и самовосхваление не принято и воспринимается русскоязычным обществом как проявление отрицательных качеств личности, выражающей одобрение относительно себя.

Обладая перформативностью, одобрение может рассматриваться с позиций лингвистической прагматики как речевое действие, участниками которого являются как минимум два субъекта, один из которых имеет отношение (прямое или опосредованное) к объекту одобрения. Субъект, инициирующий высказывание с целью одобрения (S1), является не абсолютно управляющим (как, например, в директивных высказываниях), а частично управляемым, т.к. второй субъект (S2), являющийся объектом (O) одобрения или имеющий отношение к одобряемому объекту, совершает

определенные действия (С), вызывающие одобрение (неодобрение) со стороны первого субъекта (говорящего) намеренно или не намеренно. Каузация содержится в действиях S2 при условии S2 = О либо в действиях О, если О∈S2. Каузатором может выступать как субъект (S2), так и объект (О): Одобрение = (S1↔S2∈ О э (содержит) С); Одобрение = (S1↔S2= О э(содержит) С). В подобной ситуации возможна не только речевая интеракция, но и смешанная, при которой индивид, нуждающийся в одобрении (желающий вызвать одобрение), совершает определенные действия, ориентированные на нормы и ценности другого индивида либо общества: помогает, работает с самоотдачей, следит за своим внешним видом и т.п. Согласно теории социального обмена [7] такое взаимодействие направлено на получение выгоды, «вознаграждающей реакции», которой и выступает одобрение, выражаемое как вербально, так и с помощью жестов, мимики, «лайков».

Иначе говоря, одобрение социально ориентировано, и рассматривать его целесообразно в структуре диалогического общения с опорой на классификацию регулятивных действий, разработанную А. А. Романовым [4]. Согласно предложенной ученым систематике регулятивных действий диалогического общения одобрение можно отнести к классу «кооперативных регулятивных действий», которые подразделяются на «инициативные» и «ответные» регулятивы.

Оба подкласса регулятивов предназначены для организации речевого взаимодействия с целью избежания коммуникативных рассогласований. Отличие ответных регулятивов-одобрений от инициативных в том, что первые содержат оценку и указывают на правильность действий в пределах совершаемой речевой интеракции. Инициативные регулятивы-одобрения ориентированы на события или действия вне заданной локально-темпоральной ситуации речевой интеракции, а совершенные раннее или регулярно совершаемые объектом одобрения.

Рассмотрим некоторые примеры, взятые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), подтверждающие наши предположения. Ответные одобрения-регулятивы, представленные эксплицитным перформативом, актуализируются в диалогическом общении, нацеленном на выражение оценки, отношения к чему-либо, мнения, которое интересует партнера по интеракции:
— *Ваше отношение к новому спору Америки и России?*
— *Я его* ***одобряю****.* **—** *Кого конкретно?...* [3].

В данном микродиалоге мы наблюдаем заинтересованность субъекта, инициирующего общение и задающего уточняющий вопрос, что придает оценочному высказыванию относительно спора Америки и России весомость и уместность. Возможен вариант, когда партнер по общению задает подобный вопрос не столько для выяснения мнения собеседника, сколько для определения точек соприкосновения, интуитивного или намеренного поиска зоны согласия.

Интересным является и наблюдение, позволяющее утверждать, что в русской языковой картине мира присутствует в большей степени неодобрение, т.е. указание на несоответствие норме, ценностям не с целью отстранения от общества, в котором свои правила, а чтобы предоставить возможность, дать шанс на исправление. Например: *– Не торопитесь, – остановил ее Заточный. – Вы же не ребенок, Анастасия, неужели вы не потерпите два-три месяца? Где-то в апреле–мае у меня появится вакансия, один сотрудник уйдет на пенсию, и я вас с удовольствием возьму. Ну как?*

– Нет, – она отрицательно покачала головой, – мне столько не вытерпеть…

– Если вам хоть сколько-нибудь интересно мое мнение, – жестко произнес генерал, – то имейте в виду: я вас ***не одобряю*** *… Если вы сейчас проявите слабость и быстро сдадитесь, ваши акции сильно упадут в моих глазах. И я еще очень подумаю, брать ли вас к себе...* [3].

Ответная реплика в данном диалоге содержит перформатив с отрицанием – «не одобряю», однако иллокутивная цель заключается в корректировке решения Анастасии относительно ухода с работы и оказании помощи в совершении правильного, более рационального, а не эмоционального шага в выборе дальнейших социальных условий для жизни. Одобрение семантически включает в себя признание правильным, похвалу за соответствие нормам, ценностям, идеалам, поддержку в трудных ситуациях с целью склонения к принятию правильного решения, за которым следует успех. В русской языковой картине мира желание успеха, лучшей жизни другому человеку, а не себе находится в рамках принятых обществом норм. Опираясь на результаты анализа примеров употребления перформатива «одобряю» в НКРЯ, можно сделать вывод о том, что объектом одобрения в большинстве случаев выступает не сам субъект, а его действие, поступок. Так, «одобряю тебя / Вас» встречается намного реже, чем «одобряю твой / Ваш выбор», «одобряю

твоё/Ваше решение», «одобряю твою / Вашу решительность, смелость» «одобряю Ваши меры, Ваше распоряжение», «одобряю твою / Вашу инициативу», «одобряю твоё / Ваше намерение», «одобряю такое поведение», «одобряю твой / Ваш вкус» и т.п.

Необходимо отметить, что отнесение одобрения к экспрессивам [5] проявляется и в усилении эмоциональности путём добавления слов, выражающих степень проявления чувства. Во многих примерах НКРЯ вместе с перформативным глаголом «одобряю» используются «вполне», «всецело», «целиком и полностью», «совершенно», «очень», «весьма», «всемерно», «в высшей степени», «всем сердцем». Примечательно, что при неодобрении гораздо реже используются эмотивные усилители и их разнообразие ограничивается словами «категорически», «решительно», «совсем».

Инициативные одобрения-регулятивы воспринимаются в соответствии с социально заданной ролью согласно сложившимся в отношениях между субъектами нормами. Как правило, одобрение не воспринимается субъектом положительно, если нарушается иерархическая система межличностных и социальных взаимоотношений.

Таким образом, выражение одобрения посредством перформативного глагола «одобряю» в русской культуре является вполне приемлемым и соответствующим нормам коммуникации в иерархических межличностных отношениях, которые обязательны и легко считываемы для участников интеракции в ситуациях с предписанными социальными ролями: начальник –подчиненный; ребенок – родитель; хозяин – гость; профессионал – новичок; старший – младший.

Оценочный характер и регулятивная функция одобрения позволяют управлять не только речевым взаимодействием в пределах заданной коммуникативной ситуации, но и психологической уверенностью / неуверенностью субъекта, которому адресуется реплика. Рассмотрение одобрения как части русской языковой картины мира связано с оценочной системой каждого отдельного индивида и всего русскоязычного общества в целом, с культурными доминантами, функционирующими в ценностной картине мира и с выполняемой в пределах выбранного иллокутивного фрейма регулятивной функцией.

Литература
1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4т. / В. И. Даль. Т.2. М.: Рус.яз.–Медиа, 2007. – 779с.
2. Карасик, В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс: монография / Карасик В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т. − Волгоград: Перемена, 2002. − 477 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения 20.01.2020)
4. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам. М.: Институт языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183с.
5. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.170–195.
6. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур : учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. – 286
7. George C. Homans Social Behavior as Exchange // American Journal of Sociology, Vol. 63, No. 6, Emile Durkheim-Georg Simmel, 1858–1958 (May, 1958), pp. 597–606.

СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Щербачук Л.Ф.
lidiya_shch1@mail.ru
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

На рубеже последних веков в исследованиях наук гуманитарного цикла всё чаще стала звучать мысль о том, что язык и мир не совпадают в своих границах. По мнению учёных, за пределами языка существуют ощущения, восприятия, с помощью которых человек познает окружающую его реальность.

Актуальность нашего исследования определяется направленностью современной лингвопсихологической науки на разработку вербальных механизмов репрезентации восприятия человека в языке.

Чувственные, в том числе и слуховые, восприятия в психолингвистическом аспекте были неоднократно объектом внимания таких исследователей, как: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т. В. Виноградова, Т. А. Демешкина, В. П. Зинченко, А. Л. Лось, Ю. Н. Караулов, И. Ю. Колесов,

О. П. Крюкова, Т. В. Крючкова, Е. С. Кубрякова, Б. Г. Мещеряков, С. А. Моисеева, Е. В. Падучева, И. Г. Рузин, М. В. Токарева, Е. В. Урысон и др. уч.

Цель предлагаемого исследования – охарактеризовать особенности фразеологической вербализации фрагментов действительности сквозь призму слухового восприятия человека.

В работе в качестве синонимических пользуемся терминами *аудиальное* и *слуховое* восприятие. Вместе с Н. И. Кондаковым, под восприятием понимаем образ, который формируется при помощи ощущений и является основой представлений человека о мире [7, с. 92–93]. Ощущения рассматриваются нами как сенсорный код культуры, который используется для обозначения антропного, духовного, пространственного, оценочного и других культурных кодов в речи. Так называемые сенсорные языковое единицы – это вербальная актуализация понятийной сферы «чувственное восприятие», в которой закодирована вся информация об окружающем мире. Н. Н. Болдырев считает, что «язык, как один из инструментов познания и категоризации окружающего мира, помогает нам объединить в единое целое, обработать и обобщить всю информацию, проникающую через зрение, слух, обоняние, осязание и вкус, то есть с помощью знаний, приобретенных в результате восприятия мира органами чувств, а также с помощью знаний, полученных путем предметной деятельности и мыслительных операций» [3, с. 27]. В структуре перцептивных процессов человека его слуховая система играет ведущую роль. Это связано с тем, что при помощи слуха становится возможным речевое общение людей как важнейший вид социальной коммуникации. «Органом, осуществляющим процесс слухового восприятия, являются уши. Безусловно, данный орган слуха (как часть тела) имеет внешний вид: форму, размер, локализацию на голове человека (животного) и свою чёткую функцию – аудиальное восприятие звуков» [9, с. 86].

Следует напомнить, что фразеологическая номинация основывается на разных аспектах: эксплицитном и имплицитном. В поле нашего внимания – группа сенсорных фразеологических единиц с компонентом-лексемой *ухо*. Анализ данной сенсорной фразеосемантической группы даёт возможность постичь специфику слуховой перцепции. Человек является сложной биоэнергетической системой, жизнедеятельность которой обеспечивается на трёх уровнях: физиологическом, психологическом и социальном. Представ-

ления об органе слуха, отражённые в семантике фразеологизмов с компонентом-лексемой ухо, формируют основу для осмысления различных конкретных сфер жизнедеятельности человека: физиологической, бытовой, психической, физической, интеллектуальной, социальной и др.

Рассмотрим более детально отражение некоторых сфер жизнедеятельности человека в русской языковой картине мире при помощи сенсорных фразеологических единиц.

Отражение физиологической сферы жизнедеятельности человека. В семантике сенсорных фразеологизмов русского языка отражаются ситуации, в которых человек выступает как субъект, имеющий способность аудиального восприятия: ***навострить уши*** – настороженно и внимательно слушать и прислушиваться в направлении звука [10, с. 326]; ***приклонять ухо*** – слушать что-либо [5, с. 348]; ***развесить уши*** – *заслушиваться* [5, с. 356]; ***наставить ухо*** – прислушаться, насторожиться [11, с. 312]; ***уши греть*** – подслушивать [8, с. 425]. Компонентный состав анализируемых фразеологизмов отражает также окружающий человека животный мир. Аудиальные восприятия Homo sapiens базируются на наблюдениях за поведением животных – их физиологической способностью шевелить ухом в условиях перцептивного восприятия (*уши навострить, приклонить, прислонить, наставить* и т.п.) .

Зафиксированы также фразеологизмы, в семантике которых орган слуха осмысливается с учётом его физической дисфункции – глухоты: ***крепок на ухо*** – глуховатый [11, с. 238]; ***туг на ухо*** – глуховат, немного глухой [5, с. 420]; ***уши отсидел*** – кто-либо плохо слышит [8, с. 336].

Определяющей характеристикой человека как существа разумного является способность к усвоению и передаче опыта при помощи речи. Сенсорные фразеологизмы с компонентом *ухо* репрезентируют именно такие речевые способности человека: ***натрубить в уши*** – сообщить, рассказать, внушая что-либо [11, с. 313]; ***уши горят*** – кто-либо говорит о ком-либо, вспоминает кого-либо [5, с. 398]. Характер человека, его активность / пассивность в качестве слушателя, участника коммуникации отражают следующие фразеологизмы: ***растерять уши*** – слушать с большим вниманием, интересом; заслушаться [5, с. 356]; ***развесить уши*** – заслушиваться, слушать с увлечением, доверчиво; заслушавшись, под впе-

чатлением от услышанного не реагировать на что-л. должным образом, забывать о деле [8, с. 356].

Одной из важнейших психофизиологических функций человека является память. Она реализует запоминание и воспроизведение индивидуального опыта [4]. Психофизиологическую функцию запоминания как свойства индивидуума представляют фразеологизмы: ***звучать в ушах*** – не быть позабытым, сохраниться в памяти [11, с. 187]; ***звучать в ушах*** – вспоминать, удерживать в памяти [10, с. 174]. Результативность / безрезультативность выполняемых человеком действий репрезентируется согласно принципу физиологической активности / пассивности субъекта: ***ушами ветер делать*** – *быть непрактичным человеком, не уметь использовать имеющиеся возможности* [5, с. 138].

Отражение психической сферы деятельности человека. Фрагмент действительности, отражающий психическое состояние человека, в русской фразеологии представлен в условиях коммуникативного успеха или неудачи между пассивным субъектом восприятия и субъектом речевых действий (слушатель – говорящий): ***ухо режет*** – резкое, неприятное воспроизведение чего-либо на слух, вызывающее раздражение [8, с. 428]. Результатом негативного влияния субъекта на объект становится перемена психического состояния (настроения) субъекта: ***прожужжать все уши*** – надоесть постоянными разговорами об одном и том же [5, с. 346]; ***сесть на ухо*** – начать докучать, надоедать кому-либо разговорами, просьбами [10, с. 314]; ***уши пухнут*** – кому-либо надоело выслушивать упрёки, нарекания [11, с. 420]; ***уши вянут*** – не хочется, противно, неприятно слушать что-либо [11, с. 94]; ***вязнуть в ушах*** – надоесть постоянными разговорами об одном и том же [11, с. 78]; ***хоть уши затыкай*** – противно слушать что-либо, кого-либо [10, с. 187].

Отсутствие интереса субъекта / объекта к восприятию отражено в семантике следующих фразеологизмов: ***пропускать мимо ушей*** – на что-либо услышанное намеренно не обращать внимания [8, с. 258]; ***краем уха*** – слушать невнимательно, урывками; мельком услышать [5, с. 206]; ***в одно ухо вошло, в другое вышло*** – о человеке, который не обращает внимания ни на чьи советы и пожелания [10, с. 458]. Большая часть подобных речевых операций в коммуникативных ситуациях соотносится с коммуникативной неудачей между её участниками. В аспекте успеха / неуспеха в процессе

коммуникации рассматриваются и фразеологизмы: ***держать ухо востро*** – не быть слишком доверчивым, быть настороженным [11, с. 74]; ***держать ушки на макушке*** – не быть слишком доверчивым, быть настороже [5, с. 75]; ***слушай ухом, а не брюхом*** – нужно быть внимательным [11, с. 480].

Отражение интеллектуальной сферы деятельности человека. Человек может быть по-разному одарён в различных сферах деятельности. По новой модели, предложенной Г. Гарднером, интеллектуальная сфера человека представлена шестью разными видами интеллекта, которые работают по своим правилам в качестве самостоятельных систем (модулей) независимо друг от друга. К ним относятся следующие виды интеллекта: лингвистический, логико-математический, пространственный, музыкальный, телесно-кинестетический, личностный интеллект (внутриличностный и межличностный) [6, с. 292]. Сенсорные фразеологизмы русского языка репрезентируют субъект с внутриличностным интеллектом: ***голова и два уха*** – о несообразительном человеке [11, с. 110]; ***хлопать ушами*** – слушая что-либо, не понимать, не воспринимать то, о чём говорится [8, с. 98]; ***дойти до ушей*** – становиться понятным, известным, ясным [5, с. 138].

В русской фразеологии музыкальная интеллектуальная сфера репрезентирована действиями субъекта, связанными как с самой способностью к музыкальному восприятию / невосприятию (***медведь на ухо наступил*** – совершенно лишён музыкального слуха [5, с. 223]), так и специфической предрасположенностью к музыкальному воспроизведению (***с уха*** – играть без нот, на слух [10, с. 480]).

Отражение физической сферы деятельности человека. Познавательная сфера личности оказывает значительное влияние на её восприятие в плане построения индивидуальной модели мира. Среди таких познавательных процессов, как восприятие, память, мышление, представление, внимание, важное место занимает и ощущение. Физические ощущения человека могут быть обусловлены различными реакциями организма, например, на холод: ***уши в трубочку свернулись*** – об ощущении сильного холода [8, с. 315]; на ситуацию отрицательного воздействия субъекта на объект: ***надрать уши*** – наказать, побить, отругать кого-либо [5, с. 344]; на следствие физического воздействия: ***звенеть в ушах*** – чувствовать «гул», возникший в результате удара, переутомления и т. п. [8, с. 203].

Отражение социальной сферы деятельности человека. Репрезентация социальной сферы личности в русской фразеологии происходит по принципу социального конструктивизма или деструктивной активности субъекта, его влияния на объект. По мнению психологов (в частности, Э. Берна [2]), деструктивная деятельность в зависимости от состояния психики может быть направлена внутрь или во вне. Сенсорные фразеологизмы русского языка с компонентом-лексемой *ухо* отражают внешние формы деструктивности: а) физическое воздействие на человека: ***уши к затылку пришить*** – угроза строго наказать кого-либо [8, с. 336]; б) психологическое воздействие на человека: ***поставить на уши*** – устроить нагоняй кому-либо; взбудоражить, привести в раздражение [10, с. 354]; ***и ухом не вести*** – не обращать никакого внимания, не реагировать на что-либо [5, с. 344].

В основе аудиального восприятия лежит перцептивная деятельность личности, связанная с её ментальной сферой. Ложь, обман, по мнению психологов, являются естественными социальными процессами, которые, в зависимости от цели, могут быть для человека как полезными, так и смертоносными. В психологическом словаре понятие лживость рассматривается как индивидуально-психологическая особенность, а ложь – как феномен общения, который выражается в сознательном искажении действительности, в намеренном стремлении создать неправильное впечатление о фактах и событиях [4]. Анализируемые фразеологизмы отражают целенаправленное действие, которым коммуникант намеренно вводит в заблуждение своего собеседника: ***вешать лапшу на уши*** – лгать, обманывать кого-либо [11, с. 55]; ***проехать по ушам*** – обманывать кого-либо [8, с. 368].

С точки зрения социального конструктивизма фразеологизмы в целом могут отражать «пути», с помощью которых индивидуумы и группы людей создают концептуальную картину мира. Восприятие происходит и поддерживается за счёт социальных взаимоотношений: ***притягивать за уши*** – использовать без достаточных оснований, неоправданно, с натяжкой [5, с. 344]; ***тащить за уши*** – всеми возможностями, усилиями тянуть, помогать кому-либо, обычно отстающему в работе, учебе и т. п. [5, с. 412]; ***держать ушки на макушке*** – не быть слишком доверчивым, быть настороженным [8, с. 83]. Примеры подтверждают, что разные человеческие ценности

представляются людям как часть объективной реальности. Таким образом, неоднозначная реальность конструируется самим обществом.

Специфика аудиального восприятия человеком мира обуславливает оценку и интерпретацию им действительности. Восприятие предусматривает больше, чем регистрация информации, которая доходит к нашим глазам или ушам. Главная проблема в познании реальности связана с интерпретацией этой информации [1, с. 44]. При помощи слухового восприятия человек получает информацию и затем активирует воспоминания для выработки поведения в социуме. Аудиальное восприятие в русской фразеологической картине мира осмысляется с учётом его разных философских характеристик. Так, **количественный** аспект репрезентируют фразеологизмы с общим значением «много»: ***прослушать уши*** – долго, напряжённо прислушиваться [5, с. 369]; ***напеть в уши*** – много наговорить, насплетничать [10, с. 364]; ***из ушей лезть*** – изобилие чего-либо [10, с. 176]; ***ездить по ушам*** – нудно и долго о чём-либо рассказывать [8, с. 97]. **Качественная** интерпретация каких-либо состояний и действий человека представлена группами сенсорных фразеологизмов, отражающих меру и степень восприятия: ***по уши в долгах –*** сверх всякой меры [8, с. 528]; ***по уши влюбиться*** – очень сильно влюбиться [11, с. 558]; ***слушать в оба уха*** – очень внимательно слушать [10, с. 480]; ***во все уши*** – очень внимательно, не пропуская ни одного слова, звука [5, с. 55]; ***спать на оба уха*** – очень крепко спать [5, с. 501]; ***по уши погрузиться*** – быть всецело поглощенным чем-либо, углубившись в какое-либо дело, занятие и т. п. [11, с. 558]; ***на ушко*** – втайне, тихо, чтобы никто не услышал [8, с. 253]; ***есть, аж за ушами трещит*** – ест с большим аппетитом, жадно [5, с. 142]. **Временная** характеристика интерпретируется согласно возможности / невозможности перцептивного действия человека: ***не видать как собственных ушей*** – никогда не получить того, чего очень желаешь [8, с. 258]. Сенсорный фразеологизм ***ухо в ухо*** – рядом, один подле другого, на одной линии, одном уровне [5, с. 524] репрезентирует ограниченное **пространство** как вместилище, где располагаются предметы и происходят события.

Таким образом, аудиальная сенсорная система человека выполняет важную роль в получении им информации о внешнем мире. Слуховое восприятие человеком окружающей действительности вербализируется при помощи фразеологических единиц, кото-

рые репрезентируют различные фрагменты действительности, и отражается в русской языковой картине мира.

Литература

1. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. – 496 с.

2. Берн Э. За пределами игр и сценариев [пер. с англ. Ю. И. Герасимчик]. М.: Эксмо, 2018. – 208 с.

3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

4. Большой психологический словарь / ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб: Прайм-Еврознак, 2006. – 672 с.

5. Булыко А. Н. Фразеологический словарь русского. Минск: Харвест, 2007. – 448 с.

6. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта [пер. с англ. А. Н. Свирид]. М.: ООО «И.Д. Вильяме», 2007. – 512 с.

7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Книга по Требованию, 2013. – 720 с.

8. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб: Вариант, 1994. – 544 с.

9. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Яз. слав. культ., 2003. – 224 с.

10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.

11. Федосов И. В., Лапицкий А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с.

Для заметок

Материалы симпозиума

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Сборник научных статей

IV Международного симпозиума

(9 – 11 июня 2020 г.)

Том 1

Подписано в печать 29.05.2020. Бумага офсетная.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 29,41. Тираж 150 экз. Заказ № НИ/24.

Издательский дом
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru

Оригинал-макет изготовлен ООО «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательского дома ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru